

ДЖОРДЖ Р.Р.
МАРТИН

ЭЛИО М. ГАРСИА-МЛ., ЛИНДА АНТОНССОН

МИР ЛЬДА
И ПЛАМЕНИ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВЕСТЕРОСА И
ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ

МИР ЛЬДА
И ПЛАМЕНИ

МИР ЛЬДА И ПЛАМЕНИ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВЕСТЕРОСА И
ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН
ЭЛИО М. ГАРСИА-МЛ., ЛИНДА АНТОНССОН

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44
М 29

George R. R. Martin, Elio M. Garcia, Linda Antonsson
THE WORLD OF ICE AND FIRE: THE OFFICIAL HISTORY OF WESTEROS AND A GAME OF THRONES

Печатается с разрешения автора и издательства Bantam Books, an imprint of Random House, a division of Random House LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Мартин, Джордж. Гарсиа-мл., Элио. Антонссон, Линда.

М29 Мир Льда и Пламени: официальная история Вестероса и Игры Престолов / Джордж Мартин; [пер. с англ. Н. Виленской]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 328 с.

ISBN 978-5-17-087559-7

МИР ЛЬДА И ПЛАМЕНИ. Этот щедро иллюстрированный том, украшенный более чем 170 оригинальными художественными изображениями — всесторонняя история Семи Королевств, обеспечивающая ярко выстроенные сцены эпических битв, горького соперничества и дерзких восстаний, что привели к событиям Песни Льда и Пламени и «Игре Престолов» телеканала НВО. В течение многих лет сотрудничая с Элио Гарсией-младшим и Линдой Антонссон, основателями известного фанатского сайта Westeros.org, Джордж Мартин объединил усилия с людьми, которые знали этот мир так же хорошо, как его создатель.

Здесь собраны все накопленные знания, научные выкладки и унаследованные предания мейстеров и септонов, певцов и сказителей. Это хроника, простирающаяся от Рассветных Веков до Века Героев, от пришествия Первых Людей до прибытия Эйгона Завоевателя, от его воцарения на Железном Троне до восстания Роберта и падения Безумного Короля, Эйериса II Таргариена, — события, находящиеся в тесной связи с нынешним противостоянием Старков, Ланнистеров, Баратеонов и Таргариенов. Окончательный недостающий кусок ослепительной вселенной Мартина, Мир Льда и Пламени служит убедительным доказательством того, что перо сильнее бури мечей.

© George R.R. Martin, 2014
© Перевод. Н. Виленская, 2014
© Fantasy Flight Publishing, Inc., 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Литературно-художественное издание

Джордж Мартин, Элио Гарсиа-мл., Линда Антонссон

МИР ЛЬДА И ПЛАМЕНИ

Официальная история Вестероса и Игры Престолов

Ответственный редактор В. Демичев
Компьютерный дизайн Е. Климовой
Компьютерная верстка: С. Клеицёв

Подписано в печать 10.03.16. Формат 62 × 94 ¹/₈.
Усл. печ. л. 44,25. Тираж 3000 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU, E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

ООО «Издательство АСТ». 129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

"Баспа Аста" деген ООО.
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Содержание

Предисловие	9	Дейерон II.....	108
Древняя история.....	11	Эйерис I	112
Рассветные Века	13	Мейекар I.....	114
Пришествие Первых Людей	16	Эйегон V	115
Век Героев.....	18	Джейехерис II	119
Долгая Ночь	19	Эйерис II.....	121
Возвышение Валирии	21	ПАДЕНИЕ ДРАКОНОВ	131
Дети Валирии.....	23	Год ложной весны.....	132
Пришествие андалов.....	25	Восстание Роберта	135
Десять тысяч кораблей	29	Конец Таргариенов	137
Гибель Валирии.....	34	ВРЕМЕНА СЛАВЫ И ПРОЦВЕТАНИЯ	139
Правление Драконов.....	37	Семь Королевств.....	141
Завоевание.....	39	Север	143
Династия Таргариенов	55	Короли Зимы.....	145
Эйегон I.....	57	Горные кланы	147
Эйенис I	60	Дети камня со Скагоса.....	147
Мейегор I.....	63	Болотные жители Перешейка.....	148
Джейехерис I.....	68	Лорды Винтерфелла	149
Визерис I.....	74	Винтерфелл	150
Эйегон II.....	81	Стена и за Стеной.....	153
Эйегон III	90	Ночной Дозор.....	153
Дейерон I	95	Одичалые	155
Бейелор I.....	97	Речные земли.....	159
Визерис II	102	Дом Талли.....	164
Эйегон IV.....	103	Риверран.....	168
		Долина.....	171
		Дом Арренов.....	177
		Орлиное Гнездо.....	178
		Железные острова.....	183
		Короны из плавника	186
		Железные Короли	190

Черная кровь.....	191
Грейджои с Пайка.....	195
Красный Кракен	196
Старый и новый закон	198
Пайк.....	201
Западные земли.....	203
Дом Ланнистеров при Драконах	206
Бобровый Утес.....	212
Простор	215
Гарт Зеленая Рука	215
Короли Гарденеры.....	217
Простор при андалах	219
Старомест.....	221
Дом Тиреллов.....	225
Хайгарден	226
Штормовые земли	229
Пришествие Первых Людей.....	230
Дом Дюррандонов	231
Андалы в штормовых землях.....	233
Дом Баратеонов.....	235
Штормовые люди	239
Штормовой Предел	241
Дорн	243
Перелом.....	245
Королевства Первых Людей.....	246
Пришествие андалов	246
Пришествие ройнаров	248
Странные обычаи Дорна	249
Дорн против Драконов	251
Солнечное Копье	256
За Закатным Королевством.....	259
Другие земли.....	260
Вольные Города.....	261
Лорат	261
Норвос	264

Квохор.....	267
Драчливые дети:	
Мир, Лисс и Тирош.....	269
Пентос.....	274
Волантис	275
Браавос	279
Земли за Вольными Городами	285
Летние острова.....	285
Наат	290
Острова Василиска	290
Соторос	292
Великая степь.....	295
Студеное море	302
Иб	303
К востоку от Иба.....	306
Земли за Костяными горами.....	307
Йи Ти.....	308
Равнины Джогос Нхая.....	312
Ленг	314
Асшай у Края Теней.....	316
Послесловие.....	319
Приложение: Родословная Таргариенов.....	320
Приложение: Родословная Старков	322
Приложение: Родословная Ланнистеров.....	324
Приложение: Годы правления королей.....	327
Список иллюстраций.....	328

Всемиловейшему
владыке ~~Шаммену~~,
первому этого имени, королю андалов,
ройнаров и Первых Людей,
лорду Семи Королевств
и Хранителю Государства, Яндель,
смиранный мейстер из Цитадели,
желает всемерного процветания
и несравненной мудрости.

Предисловие

Верно говорят, что любое здание воздвигается камень за камнем; точно так же и ученый, возводя храм знания, опирается на работы своих предшественников. То, что одному неведомо, знает другой, и мало что остается непознанным для усердного искателя истины. Ныне я, мейстер Яндель, вытесываю свой камень, дабы вложить его в великое здание, веками строившееся как в Цитадели, так и за пределами оной — здание, над коим потрудились и впредь будет трудиться несчетное число рук.

Я подкидыш. На десятом году правления последнего из Таргариенов меня нашли в пустой клетушке Палаты Грамотеев, где школяры пишут для всех желающих письма и грамоты. Вся моя судьба определилась в тот день, когда школяр отнес меня к тогдашнему сенешалю. Архимейстер Эдгерран, носивший серебряную маску, кольцо и жезл, посмотрел на меня и молвил, что я могу пригодиться. Слыша об этом сызмальства, я полагал, будто он тогда уже провидел, что я стану мейстером; лишь много позже архимейстер Эброз открыл мне, что Эдгерран в ту пору писал трактат о пеленании младенцев и желал проверить свои теории на практике.

Благодаря сей нехитрой причине я был отдан на попечение служителей, и мейстеры порой замечали меня. Меня тоже готовили в служители, но архимейстер Валгрейв научил меня грамоте, и я с малых лет возлюбил Цитадель и рыцарей разума, стерегущих бесценные сокровища ее мудрости. Ничего я так не желал, как войти в их число: читать о дальних странах и давно умерших людях, смотреть на звезды, исчислять сроки зимы и лета.

Мечта моя сбылась. Первое звено своей цепи я выковал в тринадцать лет, за ним последовали другие. Я завершил цепь и принял свои обеты на девятом году правления короля Роберта, первого этого имени. Мне выпал счастливый жребий остаться в Цитадели, служить архимейстерам и помогать им в их славных деяниях. Это великая честь, но меня не оставляло желание создать собственный труд — такой, чтобы простые, но владеющие грамотой люди могли прочесть своим женам и детям о делах добрых и злых, праведных и неправедных, великих и малых. Прочесть и обрести новое знание, как с годами обрел и я. С этой целью стал я штудировать труды давно почивших моих собратьев. Представляю на суд читателя то, что вышло в итоге: историю благородства и низости, рассказы о народах и странах ближних и дальних.

Древняя История

КАРТА ИЗВЕСТНОГО МИРА

ВЕСТЕРОС

ЭССОС

СОТОРОС

РАССВЕТНЫЕ ВЕКА

Никто не знает в точности, когда зародился наш мир, но мастера и другие ученые люди неустанно пытаются разгадать сию тайну. Одни говорят, что произошло это сорок тысяч лет назад, другие — что пятьсот тысяч, если не более. Ни в одной из книг об этом не сказано, ибо на заре времен, в Рассветные Века, люди не знали письменности.

Мы, однако, с уверенностью предполагаем, что мир в ту пору был скопищем диких племен, кои не умели еще ни обрабатывать металлы, ни укрощать животных. То немного, что известно о тех временах, мы черпаем из древнейших текстов, написанных андалами, валирийцами, гискарцами и даже обитателями сказочного Асшая. Но какими бы древними ни были эти народы, в Рассветные Века они еще и не родились, и правду в их сказаниях приходится выискивать, как зерно в мякине.

Что же нам достоверно известно о Рассветных Веках? Восточные земли тогда населяли дикие, но многочисленные народности, в Вестеросе же, от Края Вечной Зимы до берегов Летнего моря, обитали только два племени: Дети Леса и великаны.

О великанах нам не ведомо почти ничего, ибо никто не собирал их сказок и не записывал их преданий. Одичалые (по словам братьев Дозора) рассказывают, что великаны не дружили с Детями Леса и брали у них все, что хотели. В этих рассказах они предстают как существа огромные и могучие, но недалекие. Разведчики Ночного Дозора, последними видевшие живых великанов, говорят, что те к тому же покрыты шерстью.

Известны многочисленные великанские погребения. Мастер Кеннет, служивший в Винтерфелле во время долгого правления Кригана Старка, в своей

книге «Пути мертвых» пишет о курганах и гробницах на Севере. По костям, присланным из тех мест в Цитадель, некоторые мастера заключают, что рост самых высоких великанов достигал четырнадцати футов, другие же ограничиваются двенадцатью. Все разведчики, чьи рассказы записаны мастерами Дозора, сходятся на том, что домов великаны не строили и одежды себе не шили, а единственным их оружием были ветки, отломленные с деревьев.

Великаны не имели ни лордов, ни королей, жили в пещерах или под высокими деревьями, не обрабатывали землю, не знали металлов. Они остались первобытными существами и много позже, когда Рассветные Века миновали и люди, заселив их исконные земли, начали вырубать их леса. Теперь великанов не стало даже и за Стеной, а те истории о столетней давности встречах с ними, которыми разведчики обмениваются у теплого очага, больше похожи на сказки.

Дети Леса были во многом противоположны им. Образ жизни этого малорослого, но красивого племени, хоть и незавидный, на наш теперешний взгляд, был все же не столь варварским, как великанский. Они тоже не знали металлов, зато искусно обрабатывали обсидиан (в простом народе его зовут драконовым стеклом, валирийское же его название — «застывший огонь»), изготавливая из него инструменты и оружие для охоты. Не зная ткачества, они мастерили себе одежду из листьев или коры. Умели делать луки из сучьев чардрев и плести силки из травы, а охотниками у них были и мужчины, и женщины.

Говорят, что их музыка и пение были красивы, как они сами, но до наших дней это искусство дошло лишь в жалких обрывках. Мастер Чилдер в своем труде «Короли Зимы: Род и предания Стар-

В архивах Цитадели хранится письмо мастера Эймона, написанное в ранние годы правления Эйгона V. В нем мастер приводит доклад разведчика Редвина, записанный при короле Доррене Старке. Этот разведчик совершил со своим отрядом путешествие на Пустынный мыс и Стылый Берег, во время коего они, как он говорит, сражались с великанами и вели торг с Детями Леса. Эймон пишет, что отыскал много таких докладов в архиве Черного Замка и полагает, что они достоверны.

ков из Винтерфелла» приводит часть баллады, относящейся будто бы к тем временам, когда Брандон-Строитель обратился к Детям Леса за помощью для постройки Стены. Они привели его в тайное место: сперва он не мог понять их речи, описываемой как шорох гальки в ручье, посвист ветра в листве и плеск дождя по воде, и понял ее лишь после, волшебным образом — нет нужды рассматривать здесь, каким именно. Ясно однако, что язык Детей проис-

текал из звуков природы, которые они слышали постоянно, и красотой, вероятно, не уступал оным.

Дети Леса поклонялись безымянным богам, которые позднее стали богами Первых Людей — бесчисленным богам ручьев, лесов и камней. Дети вырезали лики на стволах чардрев, желая, возможно, чтобы у богов были глаза и те могли видеть своих приверженцев. Некоторые ученые, имея мало на то оснований, утверждают, будто глазами чардрев смотрели не боги, а древовидцы, мудрецы Детей Леса. В доказательство приводятся верования Первых Людей: наши предки, боясь, что лики следят за ними, вырубали чардрева целыми рощами. Но Первые Люди были не столь ученые, как мы, и верили в то, во что их потомки больше не верят. Возьмем труд мастера Йоррика «Обрученные с морем: история Белой Гавани с древнейших времен», где автор описывает кровавые жертвы, приносимые старым богам. По словам предшественников мастера Йоррика, это происходило в Белой Гавани всего лишь пятьсот лет назад.

Этим мы не хотим сказать, что древовидцы не владели тайными знаниями — например, умением видеть и переговариваться на большом расстоянии (как это умели валирийцы, жившие гораздо позднее их). Но некоторые деяния сих мудрецов представляются скорее вымыслом, нежели истиной. Они не могли превращаться в животных, как опять-таки приходится читать кое-где — но, возможно, умели общаться с животными способами, ныне забытыми. Отсюда и пошли все сказки о людях-волках и прочих оборотнях.

Оборотни встречаются во многих преданиях. В легендах, принесенных из-за Стены людьми Ночного Дозора и записанных тамошними мастерами и септонами, большей частью говорится, что оборотни не только разговаривают с животными, но и управляют ими, смешивая свой дух с духом зверя. Даже одичалые опасаются таких колдунов, делающих зверей своими союзниками. В одних сказках оборотни теряют себя, войдя в шкуру зверя, в других — звери, управляемые колдуном, говорят человеческим голосом. Чаще всего в историях такого рода люди смешиваются с волками и даже лютovolками, и среди одичалых их именуют варгами.

Вернемся, однако, к древовидцам. Согласно легендам, они могли также возвращаться в прошлое и

Предметом обсуждения в Цитадели стал отрывок из «Противоестественной истории» септона Барта, хотя книга эта почитается ныне весьма сомнительной. Автор, ссылаясь на тексты, сохранившиеся будто бы в Черном Замке, пишет, что Дети Леса умели говорить с воронами и знали, как заставить птиц запоминать слова наизусть. Эту тайну они якобы передали Первым Людям, чтобы вороны могли переносить вести в самые отдаленные земли. Азами этого искусства владеют и мастера наших дней. Мы разучились общаться с птицами, и воронье карканье говорит нам лишь о самых простых вещах: боится птица или сердится, больна она или здорова, готова спариться или нет.

Вороны, умнейшие из всех птиц, все же не превосходят умом человеческого младенца и еще менее его способны говорить связно, что бы там не утверждал септон Барт. Немногие мастера, имеющие в своей цепи звено из валирийской стали, признали его правоту, но так и не доказали, что беседы между человеком и вороном возможны на самом деле.

провидеть будущее. Наука, впрочем, доказывает, что такие видения не бывают ясными и часто обманчивы, — именно так говорят все гадалышки доверчивым простакам. В подобных делах истину следует отделять от суеверий и подвергать все сомнению. Тайны магии и волшебства всегда лежали за пределами нашего смертного разума.

Как бы там ни было, древовидцы мудро правили Детями Леса, и племя это населяло все земли от Края Вечной Зимы до Летнего моря. Не строя острогов, замков и городов, они селились в лесах, на болотах, в пещерах и полых холмах. В лесах они устраивали свои потаенные селения высоко на деревьях, плетя шалаши из листьев и прутьев.

Предполагается, что они делали это для защиты от хищников наподобие лютоволков и сумеречных котов, от коих не спасали ни простые каменные орудия, ни даже хваленые древовидцы. Некоторые источники говорят, впрочем, что самыми страшными врагами Детей Леса были не звери, а великаны. То же находим мы в сказках, бытующих на Севере, а доказательством сему может служить находка, сделанная мастером Кеннетом в кургане близ Длинного озера: скелет великана с обсидиановыми наконечниками стрел промеж ребер. Приходит также на память

песня одичалых о братьях Генделе и Горне из книги мастера Херрика «История Королей за Стеной». Братьев призвали рассудить спор между Детями и великанами за обладание горной пещерой. В конце концов Гендел и Горн, открыв, что пещера эта соединяется с рядом других, ведущих под Стену, пошли на хитрость и уговорили обе стороны отречься от желанного крова. Но свидетельства одичалых должно рассматривать с пристрастием, ибо письменных источников у них нет.

Впоследствии же у Детей, помимо диких зверей и великанов, появился еще один враг, опаснее прежних.

Есть вероятность, что в Рассветные Века на землях Семи Королевств обитало и третье племя, но доказательства этого столь незначительны, что мы остановимся на сем лишь вкратце.

На Железных островах рассказывают, что Первые Люди по прибытии туда нашли на Старом Вике знаменитый Морской Трон, но сами острова были необитаемы. Происхождение создателей сего трона так и осталось тайной. Мастер Кирт в собрании легенд «Песни утонувших людей» предполагает, что его оставили пришельцы из-за Закатного моря, но доказательств тому, как уже было сказано, нет.

Пришествие Первых Людей

От двенадцати до восьми тысячелетий тому назад, как утверждают самые уважаемые авторы Цитадели, новый народ перешел через тогдашнее Узкое море в восточные земли Вестероса, где жили Дети Леса и великаны. Часть его переправилась в Дорн по Перебитой Руке, которая тогда еще не была перебита. Никто не знает, отчего эти люди покинули свою родину, но были их многие тысячи, и они заселяли нынешний Вестерос, продвигаясь все дальше на север. Легенда гласит, что они пришли по Перешейку на Север всего через несколько лет, но это весьма сомнительно: скорее всего такой путь продолжался десятилетиями, а то и веками.

А вот в том, что Первые Люди вскоре начали воевать с Детями Леса, легенды как будто правдивы. Пришельцы в отличие от Детей возделывали землю, возводили форты и поселения. При этом они вырубали чардрева, даже и те, что с ликами. Дети Леса сопротивлялись этому, и война растянулась на многие сотни лет. Первые Люди, вместе с которыми пришли чужие боги, лошади, скот и бронзовое оружие, были к тому же крупнее и сильнее Детей, то есть представляли собой значительную угрозу.

Охотники Детей, лесные плясуны, сделались теперь воинами, но все их тайное искусство и все знание леса лишь ненадолго замедлило продвижение Первых Людей. Древовидцы же, по преданию, при-

звали себе на подмогу тварей лесных, болотных и небесных: лютоволков, белых медведей, пещерных львов, мамонтов, змей и многих других. Видя, однако, что враг чересчур силен, Дети Леса прибегли к отчаянным мерам.

Древовидцы, собравшись в месте, известном ныне как Ров Кейлин, вызвали великий потоп, и он захлестнул сухопутный мост, ставший с тех пор зваться Перебитой Рукой. Не все ученые согласны с таким толкованием. Первые Люди уже пришли в Вестерос, и ограничение притока новых захватчиков не могло остановить тех, что явились сюда до них. Кроме того, вряд ли древовидцы, какие бы дарования им ни приписывали, могли вызвать подобное стихийное бедствие. Рука, вероятно, была перебита естественным образом, скорее всего от трясения или провала земли. Всем известно, что случилось с Валирией, а скала в основании замка Пайк на Железных островах была некогда частью большого острова, ушедшего в морскую пучину.

Дети Леса при всем при том яростно сражались за свою землю и лишь много поколений спустя поняли, что победы им не одержать. Война утомила и Первых Людей. С обеих сторон возобладало мнение мудрых, и оба стана послали своих правителей и героев на остров посреди озера Божье Око, дабы заключить мир. Дети, уступив завоевателям все свои

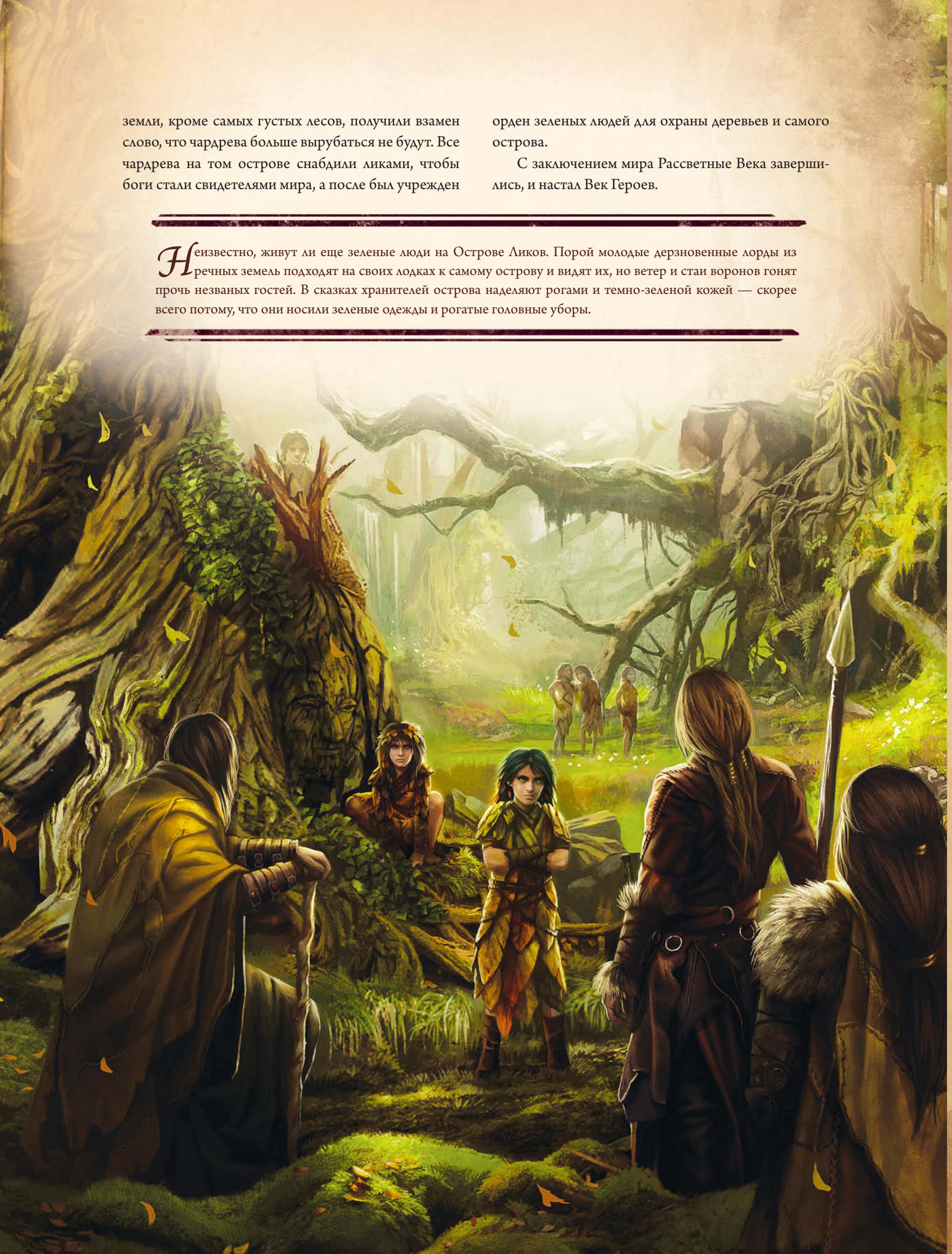
ВВЕРХУ | Чардрево СПРАВА | Дети Леса и Первые Люди заключают мирный договор

земли, кроме самых густых лесов, получили взамен слово, что чардрева больше вырубаться не будут. Все чардрева на том острове снабдили ликами, чтобы боги стали свидетелями мира, а после был учрежден

орден зеленых людей для охраны деревьев и самого острова.

С заключением мира Рассветные Века завершились, и настал Век Героев.

Неизвестно, живут ли еще зеленые люди на Острове Ликов. Порой молодые дерзновенные лорды из речных земель подходят на своих лодках к самому острову и видят их, но ветер и стаи воронов гонят прочь незваных гостей. В сказках хранителей острова наделяют рогами и темно-зеленой кожей — скорее всего потому, что они носили зеленые одежды и рогатые головные уборы.

Век Героев

В этот Век, длившийся тысячи лет, рождались и умирали царства, возвышались и падали знатные дома, вершились славные подвиги. Между тем нам о нем известно едва ли больше, чем о Рассветных Веках. Книги септонов и мейстеров о событиях того времени написаны много столетий спустя, но люди Века Героев в отличие от Детей Леса и великанов оставили после себя руины и древние замки. Каменные монументы, что стоят на курганах и в прочих местах, покрыты их рунами. По всему этому мы судим о правдивости сказаний — и устных и письменных.

Мир между Детями Леса и Первыми Людьми, с заключения коего, как принято полагать, и начался Век Героев, соблюдался на всем его протяжении. Получив во владение земли былых недругов, Первые Люди стали расселяться и множиться. Их форты стояли по всему Вестеросу. Среди множества мелких лордов и королей выделились сильнейшие, заложившие впоследствии семена известных нам Семи Королевств. Имена этих древних правителей сохранились в легендах, но то, что правили они порой сотни лет, следует приписать ошибкам или вымыслу позднейших сказителей.

Имена Брандона-Строителя, Гарта Зеленой Руки, Ланна Умного, Дюррана-Богоборца и сира Артиса Аррена известны всем и каждому, но в легендах о них вымысла скорее всего больше, чем правды. Позднее я попытаюсь отделить зерна от плевел, пока же ограничимся тем, что вспомним их поименно.

Пищей для септонов и певцов, помимо сказочных королей, сделались также герои — например, Симеон Звездный Глаз и Сервин Зеркальный Щит. Существовали ли они когда-либо? Быть может, и да, но когда певцы зачисляют Сервина в Королевскую Гвардию, возникшую лишь при Эйгоне Завоевателе, затруднительно верить их песням. Септоны в своих писаниях выбрасывали одно и добавляли другое, певцы же вносили свои поправки ради теплого местечка в чертогах какого-либо из лордов. Таким образом один из Первых Людей становился рыцарем, чтившим Семерых и защищавшим Таргариенов, которые в пору его жизни (если он и впрямь жил на свете) еще и не родились. И несть числа юнцам и мальчишкам, познающим историю Вестероса по басням подобного рода.

Полезно помнить, что владения этих легендарных лордов и королей обычно ограничивались малыми наделами вокруг замков наподобие Бобрового Утеса и Винтерфелла. Со временем наделы эти расширялись и укреплялись. Гарт Зеленая Рука объявил себя королем Простора, но вряд ли граница его королевства пролегла более чем в двух неделях езды от его чертогов. Могущественные Семь Королевств родились отнюдь не сразу и возрастали постепенно.

Долгая Ночь

После заключения мира Первых Людей не тревожило почти ничего, помимо собственных мелких междоусобиц. Затем, как гласит история, настала Долгая Ночь, когда зима затянулась на целое поколение — дети рождались, росли и порой умирали, не видя весны. В сказках говорится, что они и света дневного не видели, ибо повсюду стояла зимняя ночь. Это скорее всего неправда, но то, что в мире тогда случилось некое великое бедствие, представляется верным. Ломас Странник в «Рукотворных чудесах» пишет, что потомки ройнаров, которых он встречал на руинах Кройяна, рассказывали ему о сошествии тьмы, когда Ройн обмелел и покрылся льдом до самого устья Селхору. Солнце на небо, по преданию, вернул некий герой, убедивший детей Ройна — мелких божков вроде Речного Старца и Крабьего Короля — оставить споры и спеть хором священную песнь.

В асшайских летописях, как говорят, упоминается такая же тьма и победивший ее герой с багряным мечом. Было это еще до возвышения Валирии, при первых днях империи Старого Гиса. Эта легенда распространилась из Асшая на запад: последователи Рглора говорят, что героя звали Азором Ахаи, и пророчествуют о его возвращении. Коллокий Вотар в «Яшмовом ларце» приводит любопытную легенду Йи Ти: солнце скрыло свой лик от людей на целое поколение, устыдившись незнамо чего, и вернулось благодаря женщине с обезьяньим хвостом.

Если столь лютая зима в самом деле имела место, как говорится в легендах, то люди должны были терпеть жесточайшие лишения. На Севере в суровые зимы старики и больные уходят будто бы на охоту и обратно не возвращаются, избавляя более молодых и крепких от лишних ртов. В Долгую Ночь, несомненно, делалось то же самое.

Существуют также сказания — поверить в них не столь легко, но они весьма многочисленны — о существах, именуемых Иными. Придя будто бы из Края Вечной Зимы, они принесли с собой холод и

Читатель издавна пытается предсказать, сколько будет длиться очередная зима и очередное лето, но все безуспешно. Септон Барт в одном из своих трудов уверяет, что сие подвластно скорее магии, чем науке. Этим мнением проникся и мейстер Николь, чья книга «Мера дней» в остальном полезна и достойна всяческой похвалы. Наблюдая за движением звезд по небосводу, он неосновательно утверждает, что сезоны некогда продолжались строго определенное число дней, и определялось оно единственно обращением нашей планеты к солнцу той или другой стороной. Мысль о том, что регулярное удлинение или укорочение дня и сезоны делает регулярными, в целом верна, но автор не нашел никаких свидетельств тому, что до Долгой Ночи все и впрямь было так.

СЛЕВА | Руины города Первых Людей ВВЕРХУ | Иные верхом на ледяных пауках и мертвых конях, как свидетельствуют легенды

тму, дабы изгнать из мира свет и тепло. Ездили Иные на чудовищных ледяных пауках, но и мертвыми конями не брезговали, а оживленные ими мертвецы сражались на их стороне.

Конец Долгой Ночи столь же легендарен, как и все события далекого прошлого. На Севере рассказывают о герое, который отправился за помощью к Детям Леса. Спутники его гибли один за другим в схватках со злобными великанами, слугами Иных и

самими Иными, но герой достиг своей цели, и Дети Леса собрали первое войско Ночного Дозора. Когда люди вкупе с Детями одержали победу в Рассветной Битве, долгая зима завершилась, и враг бежал на свой скованный льдами север. Ныне, шесть (или восемь, согласно «Подлинной истории») тысяч лет спустя, воздвигнутая для защиты людей Стена по-прежнему охраняется братьями Ночного Дозора, но ни Иных, ни Детей Леса никто не видел уже много веков.

Книга архимейстера Фомаса «Аживые предания древних» ныне ценится мало ввиду его ошибочных взглядов на валирийскую историю и генеалогию некоторых домов Простора и Запада. В ней он, однако, пишет, что Иные были всего лишь одним из племен Первых Людей, от коего затем произошли одичалые. В Долгую Ночь этим древним одичалым поневоле пришлось завоевывать юг. Чудовищами их сделали сказители, уверяет нас Фомас, дабы представить Старков и Ночной Дозор не просто защитниками своих исконных земель, но спасителями всего рода людского.

ВОЗВЫШЕНИЕ ВАЛИРИИ

Пока Вестерос оправлялся от Долгой Ночи, в Эссосе поднималось и крепло новое государство. Цивилизация, судя по всему, зародилась именно на этом огромном континенте, что простирается от Узкого моря до Яшмового. Впервые она (вопреки заявлениям Кварта, йтийским легендам о Рассветной Империи и загадочным асшайским сказаниям) возникла в рабовладельческом Старом Гисе. Память Граздана Великого, легендарного основателя города, чтут до сих пор, и часто называют господских детей его именем. Он же, согласно древнейшей гискарской истории, первым создал регулярное пехотное войско с длинными щитами и копьями (каждый солдат имел при себе три копья), где соблюдалась строгая дисциплина. Гискарцы постепенно завоевывали соседние земли, и власть этой первой империи держалась много веков подряд.

Конец ей положили жители полуострова на другом берегу залива Работоторговцев. Валирийцы, обитавшие среди вулканов, известных как Четырнадцать Огней, научились приручать драконов и тем самым создали самое мощное оружие, извест-

ное миру. Их собственные легенды утверждают, что валирийцы произошли от драконов и кровь у них общая.

Прославленную красоту валирийцев — волосы у них были как бледное золото с серебром, глаза фиолетовые — часто приводили в доказательство того, что другим народам они не совсем сродни. Некоторые мастера полагают, что путем умелого скрещивания можно вывести любую породу и что живущие уединенно народы могут иметь внешность, отличную от других, но не объясняют при этом, отчего одним только валирийцам удавалось подчинять драконов себе.

Валирийцы не имели королей и называли себя республикой, ибо правом голоса у них обладали все граждане, владеющие землей. Из их числа на ограниченный срок избирались архоны. Редко случалось, чтобы одна из семей пользовалась властью долгое время, хотя и такое бывало.

В преданиях сохранились пять великих войн между Старым Гисом и Валирией, каждая из коих заканчивалась победой Республики. Во время последней из них валирийцы позаботились о том, что-

В дошедших до нас отрывках «Противоестественной истории» септон Барт рассматривает различные легенды касательно валирийцев и их драконов. Сами валирийцы были уверены, что драконы — это дети Четырнадцати Огней, в квартийском же предании сказано, что некогда на небе была вторая луна. Обоженная солнцем, она раскололась как яйцо и из нее высыпали мириады драконов. Асшайские легенды многочисленны и запутанны, но из древнейших текстов можно вывести, что драконы пришли из Края Теней, где человеческая наука бессильна. Некий безымянный народ будто бы привел их в Валирию и передал тамощним людям искусство управлять ими, а затем исчез со страниц истории.

Но если люди из Края Теней укротили драконов первыми, отчего они не попытались завоевать мир, как это сделали валирийцы? Похоже, что валирийская легенда все же правдивей всех, но наша собственная история гласит, что и в Вестеросе драконы жили задолго до пришествия Таргариенов. Если они и впрямь родились от Четырнадцати Огней, то должны были расселиться по всему миру еще до того, как их начали укротать. И тому есть свидетельства, поскольку драконьи кости находят как на северном Ибе, так и в джунглях Сотороса, но покорить их сумели одни только валирийцы.

От некогда великой империи Старого Гиса осталось лишь несколько городов, сидящих подобно язвам на берегу залива Работорговцев, и еще один — собственно Старый Гис. Когда Валирию постиг Рок, города эти сбросили оковы, учредили свою власть и возобновили торговлю рабами, коих больше не завоевывают в бою, но разводят у себя дома.

«Из кирпича и крови выстроен Астапор, и люди в нем из кирпича и крови», — гласит старинная поговорка. Его красные стены стоят на крови многих тысяч рабов-строителей. Управляют им люди, именующие себя добрыми господами, но более всего он известен рабами-воинами, или же Безупречными. Их кастрируют еще в детстве и растят из них бесстрашных, не чувствующих боли солдат. Астапорцы хвалятся тем, что воскресили бывшие легионы Старого Гиса, но те были свободны, Безупречные же — рабы.

Желтый Юнкай — вместилище всех пороков. Правители его, «мудрые господа», выращивают на продажу рабов для утех: как девочек, так и мальчиков.

Древний Миэрин — самый влиятельный из гискарских городов на заливе, но и он понемногу рушится, а жителей в нем куда как меньше, чем при Старой Империи. Стены его из разноцветного кирпича вмещают море страданий: миэринские «великие господа» разводят бойцовых рабов, умирающих им на потеху в злитых кровью ямах.

Известно, что все эти города платят дань кхаласарам, не желая воевать с ними, дотракийцы же поставляют им большое число рабов, коих гискарцы обучают и продают намного дороже. Во всех трех городах имеются знаменитые невольничьи рынки.

На острове в море стоит Новый Гис. Самый малый из гискарских городов, он претендует на многое. Тамощные железные легионы состоят из свободных людей, как и войско Старой Империи.

бы шестой не случилось. Древние кирпичные стены Старого Гиса, воздвигнутые еще Гразданом Великим, пали; драконий огонь пожрал пирамиды, храмы и дома горожан, поля засеяли известью, солью и

черепами. Одни гискарцы погибли сразу, другие стали рабами завоевателей. Со временем они забыли родной язык и говорили только на валирийском. Так рушатся одни империи и возникают другие.

ДЕТИ ВАЛИРИИ

Валирийцы переняли у гискарцев то, что перенять не стоило: рабство. Сами же гискарцы стали первыми, кого они поработили, но далеко не последними. Четырнадцать Огней были богаты рудами, и валирийцы нуждались в них. Сначала им требовались медь и олово, чтобы делать бронзовое оружие и воздвигать монументы, затем железо, чтобы ковать свою легендарную сталь, золото же и серебро добывались постоянно, чтобы платить за все это.

рой верхом на драконах). Пентос и Лорат, по словам некоторых историков, существовали еще до начала войн, но опять-таки заплатили Валирии за право управляться самим. Приток валирийской крови в эти города обеспечивали приезжие из Республики и политические браки. Историки эти в своих суждениях опираются в основном на труд Гессии Харатиса «Еще до драконов». Не забудем, однако, что Харатис был пентошийцем, а Волантис в те времена угрожал создать собственную империю на руинах

Свойства валирийской стали известны. При ее ковке железо перегибают многожды, дабы убрать из него все примеси, но дело не только в этом: оружейники пользовались еще и чарами или по крайней мере неизвестными нам секретами, почему их клинки и обладали сверхъестественной силой и прочностью. Ныне эти секреты утрачены, хотя кузнецы Квохора и уверяют, будто могут перековывать валирийскую сталь, не теряя ее прославленных качеств. В мире таких клинков тысячи, но в Семи Королевствах, согласно «Реестру» архимейстера Тургуда, всего 227, и число это с годами скорее всего уменьшилось.

Никто не знает, сколько именно рабов погибло в валирийских рудниках, но количество их столь велико, что разум отказывается этому верить. С распространением власти Валирии ее потребность в рудах лишь возрастала, и затевались новые войны, и новые тысячи пленных обрекались на непосильный труд и раннюю гибель. Империя расширялась как на восток, за гискарские рубежи, так и на запад, к берегам Эссоса, куда гискарцы еще не прокладывали дорог.

Эти первые завоевания молодой Валирии очень важны для Вестероса и будущих Семи Королевств. Благодаря им на берегах континента множились города, которые мы знаем как Вольные. Возникали они по разным причинам.

Квохор и Норвос построены религиозными раскольниками, торговые же колонии Волантис и Лисс основаны купцами и вельможами, купившими себе право быть клиентами, а не подданными Республики. Жители этих городов выбирали правителей сами, отвергая присылаемых из Валирии (по-

валирийской, посему история независимого от Валирии Пентоса пришла как нельзя более кстати.

Браавос среди Вольных Городов занимает особое место, поскольку был основан не гражданами, а рабами Валирии. Местная история говорит о восстании, вспыхнувшем на невольничьих кораблях, что везли рабов с Летнего и Яшмового морей. Успех восставшим обеспечили примкнувшие к ним корабельные рабы, служившие у валирийцев гребцами и даже матросами. Захватив всю флотилию, мятежники решили поискать пристанища как можно дальше от Валирии. Лунные Певцы, по преданию, напророчили, что идти нужно на север, в далекий заболоченный край — там рабы и zaloжили свой город.

Веками Браавос укрывался от мира в своей лагуне — и даже открывшись ему, остался городом тайн. Жители его являли собою смешение племен, поклонявшихся ста различным богам. Объединял их только валирийский язык, который все хоть немного да знали, и еще то, что они вместе освободились от

рабства. Лунных Певцов высоко чтили за то, что они указали место для города, но некий мудрый человек заметил, что горожане должны чтить всех богов своего свободного народа и никого из них не ставить выше других.

Имена народов, поработанных Валирией, затерялись во тьме времен. Почти все валирийские анналы истребил Рок, и почти ничто из летописей самих побежденных не пережило правления победителей.

Считанные племена, наподобие ройнаров, противостояли напору Валирии веками и даже тысяче-

тиями. Говорят, что ройнары, чьи города стояли вдоль всей великой реки, первыми научились ковать железо. Союз городов, известный как Сарнорское царство, тоже устоял благодаря широкой равнине, отделявшей его от Валирии, но дотракийские кочевники, обитающие на этой равнине, низвергли его после Рока.

Те же, кто не надеялся выстоять, но и в рабство идти не желал, бежали от победоносной Империи. Мало кому удавалось спастись, но один народ — высокий, светловолосый и стойкий в вере — преуспел в этом. Имя этим людям было андалы.

Из трудов о валирийских победах, валирийских колониях, распрях валирийских драконьих владык и валирийских богах можно составить целые библиотеки, и все же история Валирии остается обрывочной. Самым основательным источником почитаются «Огни великой республики», написанные Галендро, но даже и в Цитадели недостает двадцати семи свитков сего выдающегося творения.

ПРИШЕСТВИЕ АНДАЛОВ

Произошли они из Акса, местности к северо-востоку от города Норвоса, но, будучи кочевниками, нигде не задерживались подолгу. Из Акса, со всех сторон окруженного водами Студеного моря, они перешли на юго-запад и заняли Андалос, где и жили до перехода через Узкое море.

Андалос простирается на запад от Акса до нынешнего Браавосского побережья, а на юг — до Плоских земель и Бархатных холмов. С помощью стального оружия и доспехов андалы без труда победили местные племена. Одно из этих племен прозывалось волосатыми; настоящее их имя утеряно, но в пентошийских хрониках они иногда упоминаются. (Пентошийцы думают, что те сродни жителям Иба, и Цитадель с этим в целом согласна. Спорным остается лишь то, пришли волосатые в Андалос с Иба или, наоборот, заселили Иб в более поздние времена.)

То, что андалы обрабатывали железо, некоторые почитают за знак, что их направляли Семеро и полез-

ному ремеслу их научил сам Кузнец. О том же говорится и в священном писании. Но и ройнары в ту пору знали, что такое железо; стоит лишь взглянуть на карту, и мы увидим, что эти два народа были не чужды друг другу. Реки Темная и Нойна пересекают пути андалских кочевий, а в Андалосе, согласно норвосскому историку Доро Голатису, имеются следы ройнарских поселений. Андалы были бы не единственными: говорят, что и валирийцы переняли обработку железа у ройнаров, но впоследствии превзошли их.

За тысячи лет обитания в Андалосе число андалов умножилось. В древнейшей из священных книг, Семиконечной Звезде, говорится, что сами Семеро ходили тогда по андалосским холмам — это они короновали на царство Хугора и предсказали ему и его потомкам величие и славу в чужой земле. Септоны и септы учат, что андалы покинули Эссос именно по этой причине, но Цитадель может назвать и другую, более вескую.

Старая пентошийская легенда рассказывает, как андалы убили девушек-лебедей, заманивавших путников на погибель в Бархатных холмах, что лежат к востоку от города. Хукко, пентошийский певец, бывший в ту пору вождем андалов, будто бы убил семерых дев не за их преступления, но в жертву своим богам. Однако древним легендам востока не всегда следует доверять. Слишком много народов обитало в тех землях, слишком часто одно сказание смешивалось с другим. Некоторые мастера полагают, что «Хукко» есть искаженное «Хугор»; возможно также, что пентошийцы присвоили себе андальскую сказку.

Несколько веков андалов никто не тревожил, но с падением Старого Гиса Валирия начала расширяться и захватывать все новых рабов. Поначалу Ройн и ройнары служили андалам щитом: валирийцы далеко не сразу переправились через великую реку. Для драконов и их наездников она не являлась препятствием, но как быть с пехотой и конницей, когда на том берегу стоят ройнары, не менее сильные, чем Гис в пору расцвета? Мир, заключенный Валирией с ройнарами, был долгим; но ничто не длится вечно, и для андалов настали трудные времена.

Богатейшие магнаты Республики основали в устье Ройна первую из валирийских колоний — Волантис, где и переправились на другой берег войска. Андалы могли бы оказать валирийцам сопротивление, и ройнары, возможно, поддержали бы их, но враг был слишком силен, и андалы предпочли исход неминуемому рабству. Сначала они отступили в родимый Акс. Видя, что и там нет спасения,

они уходили все дальше на северо-запад, пока не уперлись в море. Одни из них покорились судьбе, другие готовились к последнему бою, третьи же построили корабли и отплыли в Вестерос, в края Первых Людей.

В Эссосе верить в Семерых запрещала Валирия, в Вестеросе же андалы были свободны от всяких запретов. Воины вырезали семиконечные звезды у себя на груди и клялись Семерыми не знать покоя, пока не завоюют все Закатные Земли. Когда они этого добились, дотракийцы стали называть Вестерос «Рейеш Андали» — Землей андалов.

Все — певцы, септоны и мастера — сходятся на том, что высадились пришельцы на Перстах близ Долины Аррен. Скалы и камни в той местности испещрены семиконечными звездами — со временем андалы перестали оставлять эти знаки.

Пройдя Долину с огнем и мечом, андалы приступили к завоеванию Вестероса. Их сталь крушила бронзу Первых Людей, и много защитников погиб-

ло на этой войне, длившейся скорее всего несколько десятилетий. Жители Вестероса постепенно сдавались захватчикам; в Долине, о чем мы расскажем позднее, еще сохранились дома, гордые тем, что ведут свой род от Первых Людей, такие как Редфорты или Ройсы.

В песнях поется, что андальский герой сир Артис Аррен вылетел сражаться с Королем Грифонов верхом на соколе. Битва произошла над Копьем Гиганта, и от победоносного сира Артиса начался королевский род дома Арренов. Сокола можно опустить как явный поэтический вымысел, грифон же мог присутствовать в гербе рода Первых Людей, называвших себя королями Долины.

Выступив из Кровавых Ворот, андалы основали многочисленные мелкие королевства, сражавшиеся как с Первыми Людьми, так и между собой.

В войнах за Трезубец семь андальских воевод объединились против последнего Короля Рек и Холмов, Тристифера Четвертого, над коим, если верить песне, одержали победу в его сотой по счету битве. Его сын Тристифер Пятый не отстоял отцовского наследия, и королевство перешло к завоевателям.

Некий андал, именуемый в легендах Эррегом Братоубийцей, поднялся тогда же на большой холм Высокое Сердце. Там под защитой первых королей Дети Леса пестовали рощу священных чардрев — тридцать одно дерево, как пишет архимейстер Лорент в «Древностях Трезубца». Когда Тристифер Молот Справедливости пал в бою, а сын его обратился в бегство, защиты не стало. Воины Эррега вырубали деревья, а Детей, отважно вступивших за свою святыню, перебили всех до единого. Призраки убитых, как говорится в сказках, до сих пор являют-ся на холме по ночам.

Андалы, как некогда и Первые Люди, не знали пощады к оставшимся Детям Леса. Завоеватели

видели в них язычников и изгоняли из всех лесов, дарованных Детям условиями давнего мира. Дети же за долгие века ослабли, совсем обособились и утратили те умения, которыми обладали когда-то. Вскоре андалы совершили то, чего так и не добились Первые Люди: искоренили их полностью. Немногие из Детей смогли бежать на Перешеек и затеряться среди болот — но если и было так, то никакого следа от них не осталось. Пишут также, что горстка их прижилась под защитой зеленых людей на Острове Ликов, который андалы не смогли уничтожить, но доказательств тому опять-таки нет.

Без них Первые Люди стали проигрывать войну за войной, королевство за королевством. Многие подобно жителям Долины покорялись андалам и даже принимали их веру, андалы же, дабы закрепить свое право, зачастую брали жен и дочерей побежденных правителей себе в жены: Первых Людей было намного больше, и победить их одной сталью не представлялось возможным. За богоро-щи с чардревами, что сохранились во многих зам-

Кланы Лунных гор могут уверенно называть себя потомками Первых Людей, ушедших в горы, чтобы не склонять колен перед андалами. Кроме того, их нравы сходны с обычаями живущих за Стеной одичалых: похищение невест, упорное стремление к независимости и так далее. Происхождение одичалых от Первых Людей также не вызывает сомнений.

ках южных земель, следует благодарить первых андалских королей, не желавших ссориться с новыми подданными.

Завоевание докатилось и до Железных островов, где свирепые воины моря мнили себя в безопасности. Андалы обратили свой взор на острова лишь тысячу лет спустя — но, обратив, взялись за дело с утроенным пылом и прервали род Уррона Красной Руки, жестоко правивший островитянами всю эту тысячу лет.

Хейрег пишет, что поначалу новые андалские короли хотели навязать островитянам веру в Семерых, но Железные Люди не поддались. Новой вере

позволялось существовать рядом с поклонением Утонувшему Богу, и только. Андалы, как и на материке, брали себе в жены дочерей и жен местных жителей и имели от них детей, но их вера на островах так и не прижилась и даже в семьях с андалской кровью не была особенно крепкой. В конце концов Утонувший Бог вновь утвердился на островах, а Семерых поминали лишь в немногих домах.

Один лишь Север устоял перед завоевателями благодаря непроходимым болотам Перешейка и древней твердыне Ров Кейлин. На Перешейке погибло несчетное число вражеских воинов, и Короли Зимы правили Севером еще много веков.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ КОРАБЛЕЙ

Долгое время спустя после прихода Первых Людей и андалов Вестерос подвергся еще одному нашествию. Валирия, завершив Гискарские войны, обратила свои взоры на запад, где ее могуществу все еще противились ройнары.

Ройн, самая большая в мире река, занимает вместе с притоками значительную часть западного Эссоса. На его-то берегах и расцвела цивилизация, столь же древняя и прославленная, как старая империя Гиса. Щедроты отца Ройна обогатили его детей.

Рыбаки, торговцы, ученые, ремесленники, работавшие с деревом, металлом и камнем — они строи-

ли свои города, один другого краше, от истоков до устья. Гойан Дроэ в Бархатных холмах славился своими рощами и водопадами, Най Сар — поющими фонтанами, Ар Ной на Квойне — дворцами из зеленого мрамора, белокаменный Сармелл — цветами, приморский Сархой — каналами и садами, возвращенными на соленой воде. Самым же известным был Кройян — Город Праздников, где стоял знаменитый Дворец Любви. Там процветали различные искусства, звучала музыка. Говорят также, будто ройнары владели собственной магией — магией воды, в корне отличной от валирийского вол-

шебства, замешанного на огне и крови. Ройнаров объединяло родство и сама река, но каждый город был независим, и в каждом сидел свой принц — или принцесса, ибо на Ройне женщины и мужчины были равны.

Ройнары, мирный обычно народ, в гневе были страшны. Не один андальский воевода познал это на собственном горьком опыте. Ройнарский воин в серебристой чешуе, рыбьеголовом шлеме, с высоким копьем и черепаховым щитом, наводил страх на всех, с кем сходилась в бою. Говорят, будто отец Ройн нашептывал своим детям о каждой угрозе, что все ройнарские правители владели чарами, что женщины сражались не хуже мужчин, а города защищались «водными стенами», способными потопить любого врага.

Много веков они жили в мире: дикие племена, обитавшие в лесах и на холмах вокруг Ройна, остерегались задевать речных жителей, сами же ройнары не стремились к завоеваниям. Река была им домом, отцом и богом; они не желали никуда уходить от вечного пения ее струй.

Когда из Края Долгого Лета после Пятой гискарской войны начали прибывать изгнанники, искатели приключений и торговцы великой Республики, ройнары поначалу встретили их как друзей, и жрецы провозгласили, что Ройн принимает к себе всех скитальцев.

Но со временем валирийские поселения стали разрастаться в города, и ройнары пожалели о терпимости своих предков. Дружество сменилось враждой, особенно в низовьях, где стояли друг против друга на двух берегах древний Сармелл и валирийский, обнесенный стенами, Валан-Терис. То же происходило и на Летнем море, где новый Волантис соперничал с прославленным портом Сархой, и каждый из них занимал один проток в устье Ройна (всего тех протоков четыре).

Споры меж городами-соперниками, все более ярые, привели наконец к ряду коротких, но кровопролитных войн. Сармелл и Валан-Терис первыми сошлись в битве — из-за того будто бы, что валирийцы выловили и пустили на мясо одну из громадных речных черепах, которых ройнары называли Речными Старцами и чтили как божества. Первая Черепашья война и одной луны не продлилась.

Валирийцы сожгли Сармелл, но водные чародеи в отместку наслали на них потоп, смывший, по преданию, половину Валан-Териса.

За этой войной, однако, последовали другие: Война Трех Принцев, Вторая Черепашья, Рыбная, Соленая, Третья Черепашья, война на Кинжальном озере, Пряная и другие, слишком многочисленные, чтобы их называть. Города и селения сжигали, затапливали и отстраивали заново, тысячи людей убивали и угоняли в рабство. Победы в этих войнах чаще одерживали валирийцы, нежели ройнары. Гордые ройнские принцы сражались поодиночке, валирийские же колонии объединялись и в случае нужды взывали к самой Республике. Об этих войнах, растянувшихся на два с половиной столетия, лучше всего повествует непревзойденный труд Бельдекара «История ройнских войн».

Своего апогея они достигли тысячу лет назад, когда трое драконьих владык по просьбе своих волантинских родичей разграбили и сровняли с землей Сархой, большой ройнарский порт на Летнем море. Защитников Сархоя перебили, их детей взяли в рабство, их розовый город был предан огню. Дымящиеся руины посыпали солью, дабы Сархой никогда уже не поднялся.

Гибель одного из богатейших и красивейших городов Ройна и порабощение его жителей как гром поразили всех ройнских принцев. «Мы все станем рабами, если не выступим против них заодно», — провозгласил Гаррин Кройянский. Он призывал других правителей объединиться с ним и смыть все валирийские города на реке.

Одна лишь принцесса Нимерия из Най Сара подала голос против него. «Этой войны нам не выиграть», — сказала она, но другие принцы ее зашикали и присягнули на верность Гаррину. Даже ее собственные найсарские воины желали сражаться, и Нимерии поневоле пришлось вступить в союз городов.

Эссос еще не видывал войска, которое Гаррин собрал в Кройяне — оно, по словам Бельдекара, насчитывало четверть миллиона бойцов. Все боеспособные мужчины от истоков до устья Ройна шли с мечом и щитом в Город Праздников. Близ отца Ройна, объявил принц Гаррин, драконов бояться не

чего: водные чародеи уберегут войско от валирийского пламени.

Свою огромную рать он разделил на три части. Одна шла по восточному берегу Ройна, другая по западному, а большая флотилия боевых галей двигалась по воде и очищала реку от вражеских кораблей. На пути к низовьям Гаррин сметал все вражеские города и селения.

У Селхориса он дал свою первую битву, разбил тридцатитысячное валирийское войско и взял город штурмом. С Валисаром произошло то же самое. У Валан-Териса его встретили сотысячная армия, сто боевых слонов и три дракона. Гаррин победил и там, хотя победа досталась дорого. Тысячи его бойцов погибли в огне, но другие укрылись на речных отмелях. Чародеи захлестнули драконов огромными волнами; двух убили ройнарские лучники, третий, подраненный, улетел прочь. После битвы отец Ройн вздыбился и поглотил Валан-Терис, военачальник же стал прозываться Гаррин Великий. Волантинская знать, дрожа от ужаса перед ним, укрылась за Черными Стенами и призвала на помощь Республику.

Та не осталась глухой к их зову. Принц Гаррин увидел перед собой уже не трех драконов, а триста и более, если верить дошедшим до нас преданиям. Против такого огня ройнары не могли устоять. Одни горели заживо, другие бросались в реку... и тонули в отцовских объятиях. В некоторых хрониках говорится, что самая река от огня вскипела и обратилась в пар. Гаррина взяли в плен и заставили смотреть на гибель своего войска. Ройнаров истребляли нещадно: говорят, будто вся гавань Волантиса стала красной от крови. Затем победители двинулись вверх по реке, разгромили Сармелл и подступили к Кройяну. Гаррин, заключенный в золотую клетку, принужден был теперь смотреть, как гибнет его праздничный город.

Мимо его клетки, повешенной на городскую стену, гнали в рабство

женщин и детей, чьи отцы и мужья пали на проигранной им войне, а непокорный принц проклинал захватчиков и молил отца Ройна отомстить за своих детей. В ту же ночь Ройн вышел из берегов — такого половодья никто из живых не помнил. Злой туман поднялся над водой, и валирийцы стали умирать от серой болезни. (Этому можно верить: Ломас Странник много веков спустя рассказывал о затопленных руинах Кройяна, о его предательских туманах и водах, о призраках умерших путников, которые являются там. Опасности заразиться подвергается каждый, кто проходит под разрушенным Мостом Мечты.)

Весть о разгроме Гаррина дошла вскоре до Най Сара и до принцессы Нимерии. Понимая, что ее город ждет участь Сармелла и Кройяна, она собрала все суда, сколько оставалось на Ройне, большие и малые, и посадила на них столько женщин и детей, сколько могло поместиться (почти все мужчины ушли с Гаррином и погибли). Свой флот она повела вниз по реке, мимо дымящихся руин городов, по водам, где плавали раздувшиеся тела. Чтобы не проходить мимо Волантиса, она выбрала другой рукав устья и вышла в Летнее море там, где прежде стоял Сархой.

По легенде, Нимерия собрала десять тысяч кораблей, чтобы спастись от длинных рук валирийских драконьих владык. Бельдекар полагает, что число это увеличено чуть ли не в десять раз, другие историки называют другие цифры, но никто не озаботился подсчитать настоящую величину ее флота. Можно смело предположить, что составляли его в основном рыбацьи лодки, плоскодонки, торговые галеи, увеселительные барки и даже плоты; для моря, как пишет Бельдекар, годилось едва ли одно судно из десяти.

Путешествие Нимерии было долгим и страшным. Больше ста кораблей затонуло при первом же шторме, столько же из боязни повернуло назад и

было захвачено волантинскими работорговцами, и никто не знает, сколько пропало в пути.

Остатки дотащились через Летнее море до островов Василиска. Остановившись запастись пресной водой и провизией, они подверглись нападению корсаров с Топора, Когтя и Ревущей горы, забывших о собственных распрях ради такого случая. Сорок кораблей сожгли, несколько сотен угнали в рабство. После этого ройнарам разрешили поселиться на Жабьем острове, если они отдадут все свои корабли и будут посылать каждому вожаку по тридцать девственниц и красивых юношей ежегодно.

Нимерия отвергла эти условия и опять вышла в море, надеясь найти убежище в знойных лесах Сотороса. Часть ее людей осела на мысе Василиска, еще часть — у зеленых вод Замойоса, среди зыбучих песков, крокодилов и затопленных гниющих деревьев. Были и такие, что поднялись по реке к колоссальным руинам Йена, пристанищу людоедов и

пауков. Сама Нимерия обосновалась в Заметтаре, гискарской колонии, уже тысячу лет как заброшенной.

Богатства Сотороса многочисленны: золото, дорогие камни, тропическое дерево, диковинные шкуры, фрукты и пряности. Ройнары, однако, не прижились там. Влажная жара угнетала, мириады кусачих мух переносили одну болезнь за другой: зеленую лихорадку, пляшущую чуму, кровавые чирьи, язвы, сладкую гниль. Старые и малые страдали более всех. Даже искупаться было нельзя, ибо в Замойосе водятся косяки хищной рыбы и черви, откладывающие яйца в тела купальщиков. Два поселения на мысе Василиска подверглись набегу работорговцев; одних жителей перебили, других заковали в цепи. В Йен из лесов приходили ужасные людоеды.

Ройнары провели в Соторосе больше года, и вот однажды заметтарцы, приплыв в Йен на лодке, увидели, что в разрушенном городе нет ни единой живой души. Мужчины, женщины, дети — все исчезли за одну ночь. Тогда Нимерия призвала свой народ вновь садиться на корабли и поднимать паруса.

Три следующих года ройнары блуждали по южным морям в поисках нового дома. Мирный Наат, остров бабочек, встретил пришельцев дружелюбно, но тамошний бог поразил их неведомой смертельной болезнью, от которой ройнары гибли десятками. Пришлось им опять вернуться на корабли. На Летних островах они заняли необитаемую скалу у восточного побережья Валано (вскоре ее стали называть Женским островом), но скудная почва не могла прокормить поселенцев, и они голодали. Часть людей покинула Нимерию, последовав за жрицей Друселкой: та будто бы слышала, как отец Ройн зовет блудных детей домой. Они в самом деле вернулись назад, где были убиты или попали в рабство.

Жалкие остатки десяти тысяч кораблей, едва пригодные для мореплавания после долгих скитаний, отплыли с принцессой на запад и на сей раз достигли Вестероса. В Дорн пришли не все: ройнары, потомки тех странников, еще и теперь живут на

Ступенях, ни с кем не смешиваясь. Некоторые суда отнесло штормами в Тирош и Лисс, где бывшие на них люди предпочли рабство гибели в море. Но Нимерия с остальными высадилась в устье реки Зеленая Кровь, недалеко от древних стен Солнечного Копья, твердыни дома Мартеллов.

Засушливый, скудно населенный Дорн в ту пору страдал от междоусобиц: мелкие короли и лорды беспрестанно воевали за каждую реку, ручей, колодезь, за каждый клочок плодородной почвы. В ройнарах они видели незваных гостей с чуждыми богами и обычаями, которых следовало поскорее сбросить обратно в море. Но Морс Мартелл, лорд Солнечного Копья, счел, что они могут ему пригодиться — и, если верить певцам, отдал свое сердце Нимерии, прекрасной королеве, не пожелавшей ввергнуть свой народ в рабство.

Говорят, что восемь из каждых десяти человек, пришедших с Нимерией в Дорн, были женщины, но каждая четвертая из них по обычаю Ройна была воительницей, да и остальные закалились во время странствий. А тысячи мальчиков, бежавших некогда с Ройна, теперь стали юношами и научились владеть копьем. Приняв к себе этих скитальцев, Мартеллы увеличили свое войско десятикратно.

Когда Морс взял Нимерию в жены, сотни его рыцарей, оруженосцев и вассалов тоже стали жениться на ройнарках, а те, кто уже был женат, брали чужеземок в любовницы. Так смешалась кровь двух народов, так укрепились и разбогатели дома Мартеллов и их союзников. Ройнары прибыли не с пустыми руками, а мастерство их каменщиков и прочих ремесленников намного превосходило то, чего достигли на Западе. Копья, мечи и доспехи, которые вскоре принялись ковать ройнийские оружейники, не знали себе равных во всем Вестеросе — а водные колдуньи, что было еще важнее, наполняли сухие русла водой и оживляли пустыню.

Чтобы отпраздновать новые браки и помешать ройнарам опять уйти в море, Нимерия сожгла свои корабли. «Кончены наши скитания, — провозгласила она. — Мы будем жить и умирать здесь, на своей новой родине».

(Некоторых ройнаров потеря кораблей опечалила. Они не стали селиться на суше и облюбовали для себя воды Зеленой Крови, видя в ней бледное

подобие отца Ройна. Они существуют и по сей день, называя себя сиротами с Зеленой Крови).

Пламя горящих кораблей озарило берег на пятьдесят лиг. При свете этого великого костра Нимерия нарекла Морса Мартелла принцем Дорнийским, как было заведено на Ройне, и очертила его владения: «пески красные и белые и все земли с реками от гор до великого соленого моря».

Сказать это, впрочем, было легче, чем осуществить на деле. В долгих последующих войнах Мартеллы и ройнары подчиняли себе одно малое королевство за другим. Нимерия и ее принц послали в золотых оковах на Стену не менее шести побежденных королей, и у них остался лишь один сильный недруг: Йорик Айронвуд, принц крови, пятый этого имени, лорд Айронвуда, Хранитель Каменного Пути, Рыцарь Колодезей, король Красной Марки, Зеленого Пояса и всего Дорна.

Девять лет Мартелл и его сторонники (Фаулеры из Поднебесного, Толанды с Призрачного холма, Дейны из Звездопада, Уллеры с Адова холма) сражались против Айронвуда и верных ему домов (среди коих были Джордейны из Тора, Вайлы с Каменного Пути, Блэкмонты, Кворгилы и много других). Битвы были слишком многочисленны, чтобы перечислять их здесь. Когда Морс Мартелл пал от меча Йорика Айронвуда в Третьей битве на Костяном Пути, командование его войсками приняла на себя королева Нимерия. После еще двух военных лет Йорик склонил перед ней колени, и она стала править Дорном из Солнечного Копья.

Она была замужем еще дважды (сначала за пожилым лордом Уллером с Адова холма, затем за красивым сиром Давосом Дейном из Звездопада, Мечом Зари), но оставалось единовластной правительницей почти двадцать семь лет, а мужья ее были лишь консортами и советниками. Она пережила с десяток покушений на свою жизнь, подавила два восстания и дала отпор двум захватчикам: один был штормовой король Дюрран Третий, другой — король Грейдон с Простора.

После ее кончины трон унаследовала старшая из ее дочерей от Морса Мартелла, а не сын от Давоса Дейна: Дорн к тому времени перенял немало ройнарских обычаев, хотя память об отце Ройне и десяти тысячах кораблей стала уже преданием старины.

ТИБЕЛЬ ВАЛИРИИ

После разгрома ройнаров Валирия сделалась полной владычицей западной половины Эссоса — от Узкого моря до залива Работорговцев, от Летнего моря до Студеного. Рабы, поступавшие в Республику нескончаемым потоком, отправлялись в рудники Четырнадцати Огней для добычи золота и серебра. Готовясь, возможно, к переправе через Узкое море, валирийцы воздвигли свой западный форпост на острове, который лет за двести до Рока стал называться Драконьим Камнем. Никто из королей не противился этому, для лордов же Узкого моря Валирия была слишком сильна. Крепость на острове построили с помощью тайных искусств.

Прошло два века. В Семь Королевств стали ввозить больше прославленной валирийской стали, чем прежде, но все же недостаточно много, чтобы удовлетворять всех королей и лордов, а над Черноводным заливом стали чаще замечать всадников на драконах. Утвердившись в своей островной цитадели, драконьи владыки продолжали плести интриги на континенте.

И тут, неожиданно для всех (кроме, разве что, Эйенара Таргариена и его дочери, девицы Дейенис Сновидицы) Валирию постиг Рок.

Причина его неизвестна и по сей день. Большинство полагает, что это было стихийное бедствие, чудовищный взрыв, вызванный извержением всех Четырнадцати Огней сразу. Некоторые септоны утверждают, однако, что язычники-валирийцы в безверии своем докопались до семи преисподних и выпустили наружу адское пламя. А горстка мейстеров, опираясь на септона Барта, внушает нам, что валирийцы тысячи лет, гонимые алчностью, укрощали Четырнадцать Огней с помощью чар; когда же чары наконец истощились, катаклизм сделался неизбежен.

Одни из вышеозначенных мейстеров стоят за то, что проклятие Гаррина Великого наконец-то сбылось. Другие думают, что это жрецы Рглора призвали огонь. Третьи, крепко верящие в валирийскую

магию, убеждены в том, что знатные вельможи Республики в своей вечной борьбе за власть перебили всех маститых чародеев, и некому стало держать вулканы в узде.

Одно лишь можно сказать с уверенностью: такого бедствия еще не видывал мир. Могущественная Республика, родина драконов и несравненных волшебников, погибла в считанные часы. Говорят, будто каждый пригорок на пятьсот миль окрест изрыгал дым, пепел и пламя, столь сильное, что оно сжигало даже драконов в небе. По земле ползли трещины, поглощавшие дворцы, храмы, целые города. Озера вскипали и обращались в кислоту, горы рушились, фонтаны расплавленного камня били на тысячу футов ввысь, красные тучи изливали драконово стекло и черную демонову кровь. Земля на севере полуострова обваливалась в бурное море.

Самого горделивого на свете города не стало в одно мгновение, великой империи — за день. Плодороднейший Край Долгого Лета опалило огнем, залило морем, и лишь век спустя было сосчитано, сколько душ унес Рок.

За сим последовал хаос. Лишь семья и драконы Эйенара Таргариена избежали Рока, бежав на Драконий Камень. Оставались еще валирийские архоны в Лиссе и Тироше, но Вольные Города сразу же поднялись и убили своих правителей с их драконами вместе. В Квохоре заезжий лорд Эурион объявил себя первым императором валирийским. Он вылетел на драконе, сопровождаемый тридцатью тысячами пехоты, дабы восстановить погибшее государство, но ни императора, ни его войска больше никто не видел.

Так пришел конец господству драконов в Эссосе.

Волантис, самый сильный из Вольных Городов, вздумал было примерить валирийскую мантию. Благородные валирийцы из числа его жителей хоть и не владели драконами, решились идти войной на все прочие города. «Тигры», как их стали

Примечание. Вследствие всех этих битв, кои и по сей день не утихают на Спорных Землях, в мире укоренилась чума, известная под именем вольных отрядов. Вначале эти шайки наемников всего лишь сражались за тех, кто платил им, теперь же их капитаны всемерно стараются затевать новые войны ради золота и прочей добычи.

звать, поначалу добились больших успехов: их флот и армия покорили Лисс, Мир и южные земли Ройна, но при попытке взять Тирош новоявленная империя рухнула. Пентос, опасаясь волантинских захватчиков, примкнул к Тирошу, Мир и Лисс взбунтовались, Морской Начальник Браавоса послал в помощь Лиссу сто кораблей. Вестеросский штормовой король Аргилак Надменный, ища славы и золота, привел свое войско в Спорные Земли и победил волантинцев при попытке вновь захватить Мир.

Под конец в войну вступил сам будущий Завоеватель, тогда еще юный Эйегон Таргариен. Предки его смотрели на восток, а он с ранних лет — на запад. Когда Пентос и Тирош предложили ему войти в союз против Волантиса, он, непонятно отчего, внял их просьбе... до определенных пределов. Сев на Балериона, он встретился с принцем и магистрами Пентоса, а затем вылетел на своем Черном Ужасе в Лисс, где сжег волантинский флот.

Вслед за этим поражением Волантис потерял и другие. На Кинжальном озере огненные галеи Квохора и Норвоса разбили флотилию, державшую в подчинении Ройн, на востоке участились набеги кочевников-дотракийцев. В конце концов «слоны», партия мира — в большинстве своем богатые купцы,

больше всего страдавшие от боевых действий, — возобладали над «тиграми» и прекратили войну.

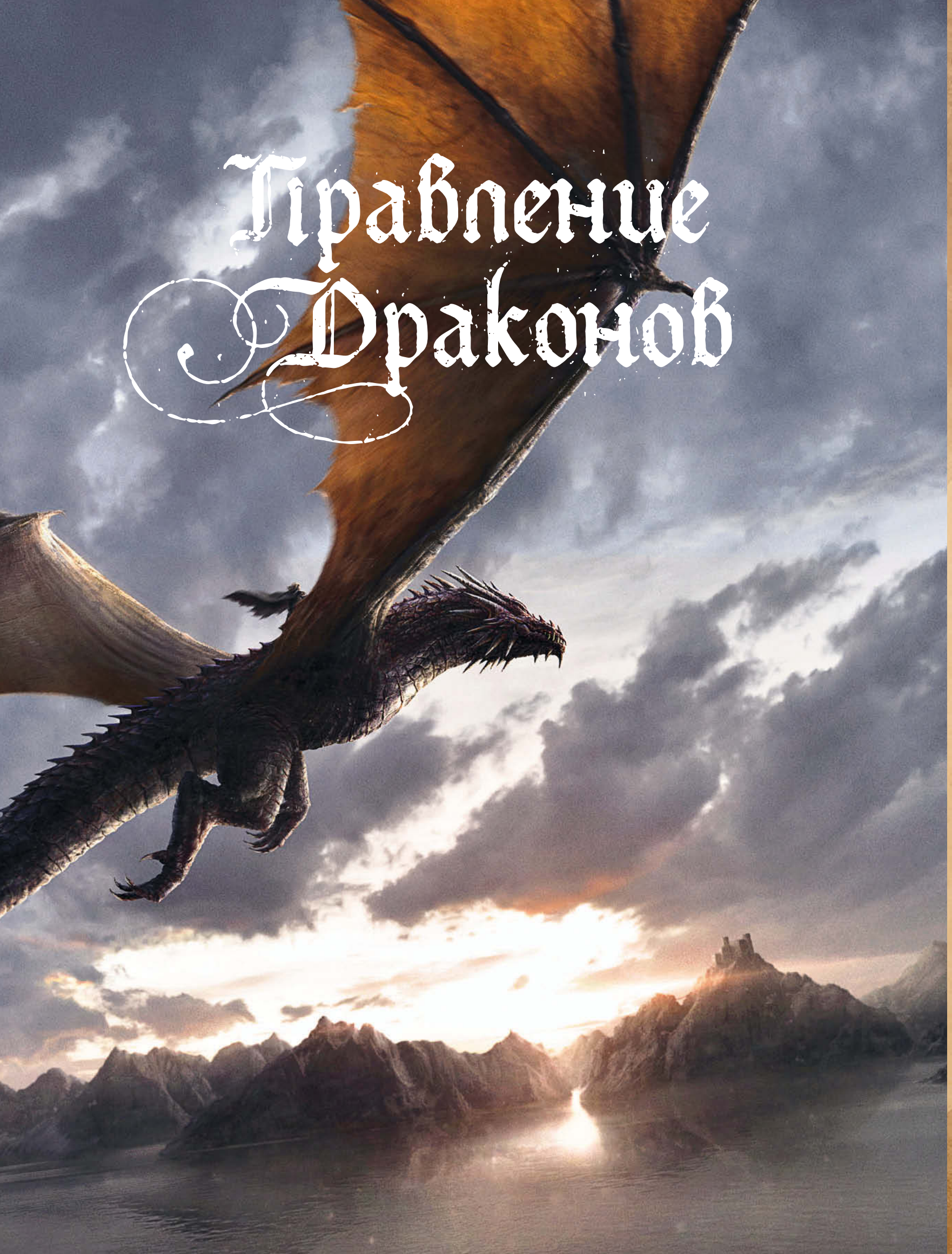
Эйегон же Таргариен, согласно летописям, после победы над Волантисом потерял всякий интерес к восточным делам, улетел на Драконий Камень и, не отвлекаясь более войнами Эссоса, обратился лицом к закату.

Рок сокрушил Валирийскую империю, но полуостров, на котором она стояла, существует поныне. О нем и о Дымном море, прибежище демонов, рассказывают самые причудливые истории. Дорога в Мантарис так и зовется дорогой демонов, и все благоразумные путешественники избегают ее. Из Дымного моря никто еще не возвращался назад, как убедился Волантис, когда флот, посланный им туда в Кровавый Век, бесследно исчез. Ходят слухи, что в руинах Валирии и соседних Ороса и Тирии до сих пор живут люди, но многие полагают, что это ложь и Рок все еще не оставляет Валирию.

Однако немногие окраинные города, основанные Республикой или подчинявшиеся ей, все еще обитаемы. Самый зловещий из них — Мантарис на дороге демонов, где все дети будто бы рождаются уродами. Толос, родина лучших на свете пращников, и островная Элирия пользуются менее дурной славой и не столь примечательны. Они ведут торговлю с гискарскими городами в заливе Работорговцев и не желают иметь ничего общего с пылающим сердцем Валирии.

Сравнение Драконов

Ниже вы найдете рассказ о правлении дома Таргариенов, от Эйгона Завоевателя до Эйериса, Безумного Короля. Многие мастера писали об этом, но недавно в архивах Цитадели отыскались новые сведения, забытые со времен печальной кончины Эйгона, пятого этого имени. Этот отрывок — скорее всего часть какого-то большого труда — пылился среди свитков архимейстера Герольда, написавшего в свое время историю Староместа. Писано это не им, что сразу заметно по стилю. Кое-какие заметки указывают, что автором был архимейстер Гильдейн — последний мастер, служивший в Летнем Замке до того, как тот был разрушен при Эйгоне Пятом Удачливом. Свой труд он, видимо, отправил Герольду на прочтение.

Я привожу выдержки из его истории Завоевания здесь, чтобы и другие, помимо меня, могли наконец-то прочесть это и узнать нечто новое. Есть и иные свитки, написанные той же рукой, но они большей частью попорчены, и в них много пропусков. Быть может, когда-нибудь пропущенное отыщется, и сей славный труд будет переписан и переплетен. Уже и то, что найдено мною, вызвало большое волнение в Цитадели.

Пусть же до тех пор сочинение покойного мастера станет одним из источников, из коих мы черпаем знания о доме Таргариенов, от Эйгона до Эйериса, последнего на Железном Троне.

Завоевание

Для мастеров Цитадели, пишущих историю Вестероса, Завоевание Эйгона имеет особый смысл. Рождения, смерти, битвы и другие события датируются либо ОЗ (от Завоевания), либо ДЗ (до Завоевания).

Истинные ученые понимают, что такое летосчисление не может быть точным. Эйгон Таргариен завоевал Семь Королевств не в один день. Между его посадкой и коронацией в Староместе прошло больше двух лет, и даже тогда Завоевание не было полным, ибо Дорн остался непокоренным. Попытки присоединить его к королевству делались и при Эйгоне, и при его сыновьях, отчего назвать точную дату окончания Завоевательных войн невозможно.

Даже дата начала их вызывает сомнения. Многие ошибочно полагают, что правление короля Эйгона началось с того дня, когда он высадился в устье реки Черноводной у трех

холмов, где позднее вырос город Королевская Гавань. Между тем это не так. День посадки праздновался Эйгоном и всеми его потомками, но сам Завоеватель считал, что царствование его началось с того дня, когда верховный септон короновал его и помазал в Звездной септе Староместа. Произошло это два года спустя после его прибытия в Вестерос, после победы в трех главных сражениях Завоевательных войн. Посему эти войны правильнее было бы отнести к 2-1 гг. ДЗ.

Драконовластные Таргариены были чистокровными валирийцами. За 12 лет до Рока (114 г. ДЗ) Эйнар Таргариен продал свои владения в Республике и переместился со всем

НА ПРЕДЫДУЩИХ СТРАНИЦАХ | Эйгон Завоеватель на Балерионе Черном Ужасе СЛЕВА | Драконий Камень

своим имуществом, женами, рабами, драконами, чадами и домочадцами на Драконию Камень, в мрачную крепость под дымящейся горой в Узком море.

Валирия в пору своего расцвета была величайшим городом мира. Сорок знатных домов в ее сверкающих стенах всеми средствами боролись за власть в совете, то возвышаясь, то терпя поражение. Таргариены были далеко не самыми могущественными из них, и соперники полагали, что Эйенар бежал на Драконию Камень из трусости, но причина была в другом. Дочь его, девица Дейенис, получившая затем имя Сновидицы, предсказала гибель Валирии

от огня, и когда двенадцать лет спустя грянул Рок, из всех знатных семей выжили только Таргариены.

Драконию Камень уже двести лет был крайним западным форпостом Валирии. Расположение поперек Глотки обеспечивало его лордам власть над Черноводным заливом. И Таргариены, и их близкие союзники Веларионы с Дрифтмарка (меньший дом валирийского происхождения) богатели, взимая дань с корабельщиков. Корабли Веларионов и еще одних валирийцев, Селтигаров с Коготь-острова, ходили дозором по середине Узкого моря, драконы Таргариенов летали в небе.

ВВЕРХУ | Эйгон Завоеватель в битве

При всем при том почти сотню лет после Рока (век, справедливо называемый Кровавым) дом Таргариенов смотрел не на запад, а на восток и мало интересовался делами Вестероса. Гейемон Таргариен, брат и супруг Дейенис Сновидицы, стал вслед за Эйенаром Изгнанником лордом Драконьего Камня и заслужил себе имя Гейемон Славный. После его смерти сын Гейемона Эйегон и дочь Элайена стали править совместно. За ними лордами становились поочередно их сыновья Мейегон и Эйерис, сыновья Эйериса Эйеликс, Бейелон и Дейемион. Наследником Дейемиона, младшего из трех братьев, был Эйерион.

Эйегон, вошедший в историю как Завоеватель, второе дитя и единственный сын лорда Эйериона и леди Валайены из дома Веларионов, чья мать была урожденной Таргариен, родился на Драконьем Камне в 27 г. ДЗ. У него были две сестры, старшая Висенья и младшая Рейенис. У лордов-драконов Валирии давно вошло в обычай женить братьев на сестрах для сохранения чистоты крови, Эйегон же взял в жены обеих сестер, хотя по традиции должен был жениться только на старшей. Двоеженство не входило в обычай, хотя ранее такое уже случалось. Говорили, будто на Висенью Эйегон женился по долгу, а на Рейенис по любви.

Все трое еще до брака слыли укротителями драконов. Из пяти чудищ, прилетевших из Валирии с Эйенаром, до дней Эйегона дожил только один, огромный Балерион Черный Ужас. Еще два, Вхагар и Мираксес, были моложе его и вывелись уже на Драконьем Камне.

Расхожий миф, часто повторяемый невеждами, гласит, что до завоевания нога Эйегона ни разу не ступала на землю Вестероса. Это неправда. Задолго до начала своих войн лорд Эйегон приказал изготовить Расписной стол: вырезать большую колоду футов пятидесяти длиной в форме Вестероса и нарисовать на ней все леса, реки, замки и города Семи Королевств. Есть также надежные свидетельства того, что Эйегон и Висенья в юности посещали Цитадель Староместа и бывали в Боре как го-

сти тогдашнего лорда Редвина. Он, возможно, побывал и в Ланниспорте, но на сей счет мнения разнятся.

Вестерос в те времена был поделен на семь враждующих королевств, и едва ли когда случилось, чтобы два-три из них не воевали между собой. Обширными пространствами холодного Севера правили Старки из Винтерфелла, пустынями Дорна — принцы дома Мартеллов, золотоносным Западом — Ланнистеры из Бобрового Утеса, плодородным Простором — короли-садовники из Хайгардена. Долина, Персты и Лунные горы принадлежали дому Арренов. Самыми же воинственными были два короля, чьи владения лежали ближе всех к Драконьему Камню: Харрен Черный и Аргилак Надменный.

Штормовые короли дома Дюррандонов некогда правили из своего Штормового Предела всей восточной половиной Вестероса от мыса Гнева до Крабьей бухты, но с веками власти у них поубавилось. Короли Простора обгрызали их владения с запада, дорнийцы — с юга, Харрен Черный во главе Железных Людей оттеснил их с Трезубца и с земель к северу от Черноводной. Король Аргилак, последний из Дюррандонов, остановил на время этот упадок. Одержав еще мальчиком победу над дорнскими захватчиками, он вступил за Узким морем в союз против «тигров» Волантиса, а двадцать лет спустя, в сражении на Летнем Поле, убил Гарса VII Гарденера, Короля Простора. Но Аргилак старился, его знаменитая черная грива понемногу седела, и меч отягощал его некогда неутомимую десницу.

Речные земли севернее Черноводной держал кровавой рукой Харрен Черный из дома Хоуров, Король Островов и Рек. Дед его, Харвин Твердая Рука, отбил Трезубец у Аррека, деда Аргилака, а предки самого Аррека давно уже низвергли последних речных королей. Отец Харрена расширил свои владения на восток до Синего Дола и Росби, сам же Харрен царствовал без малого сорок лет и почти все это время строил близ Божьего Ока гигантский замок. Но Харренхолл наконец-то бли-

зился к завершению, и Железные Люди искали новых побед.

Ни одного короля в Вестеросе не боялись так, как Черного Харрена, о чьей жестокости рассказывали во всех Семи Королевствах. И ни один король не чувствовал себя в такой опасности от него, как Аргилак, последний из Дюрандонов, — стареющий воин, единственной наследницей коего была незамужняя дочь. Опасаясь худшего, Штормовой Король предложил ее руку Эйгону, лорду Драконьего Камня, а в приданое посулил все земли восточнее Божьего Ока, от Трезубца до Черноводной.

Эйгон на это сказал, что у него уже есть две жены и третья ему не нужна, а земли, предлагаемые Аргилаком в приданое, уже целое поколение принадлежат Харренхоллу. Штормовой Король явно намеревался поставить Таргариенов вдоль Черноводной как щит от Харрена Черного.

При этом Эйгон сделал Аргилаку свое предложение. Он соглашался взять все эти земли, буде Штормовой Король добавит к ним Крюк Масси и надел к югу от Черноводной до Мандера и Путеводной. Договор сей можно скрепить браком дочери Аргилака с Орисом Баратеоном, другом детства и первым бойцом Эйгона.

ВВЕРХУ | Письмо Аргилака Надменного в ответ на предложение Эйгона

Аргилак, в свой черед, с гневом отверг предложенные условия. Орис Баратеон, по слухам, доводился Эйгону побочным братом, и Штормовой Король не желал отдавать дочь бастарду. Аргилак отрубил руку гонцу Эйгона и отослал ее обратно в ларце, приложив письмо: «Вот единственная рука, которую от меня получит твой брат-ублюдок».

В ответ Эйгон собрал на Драконьем Камне всех своих друзей, знаменосцев и союзников. Они были немногочисленны. Первыми явились Веларионы с Дрифтмарка и Селтигары с Когтя, присягнувшие дому Таргариенов. Прибыли также Бар-Эммон с Острого мыса и Масси из Плясунов: они присягали Штормовому Пределу, но связь их с Драконьим Камнем была прочнее. После совета Эйгон вместе с сестрами помолился в замковой септе семейным богам Вестероса, хотя ранее никогда не слыл набожным.

На седьмой день с башен Драконьего Камня взмыла целая туча воронов, дабы разнести послание Эйгона по Семи Королевствам. Путь их лежал к семи королям, и в староместскую Цитадель, и ко всем лордам, великим и малым. Отныне в Вестеросе будет только один король, говорилось в послании. Тот, кто склонит колено перед Эйгоном из дома Таргариенов, сохранит свои земли и титул. Тот, кто поднимет против него оружие, будет низвергнут и истреблен.

Историки расходятся в том, сколько мечей отплыло с Эйгоном и его сестрами на материк. Одни говорят, что их было три тысячи, другие — что всего лишь несколько сотен. Это невеликое войско высадилось в устье реки Черноводной, на северном ее берегу, где над рыбацкой деревушкой стояли три лесистых холма.

Во дни Ста Королевств множество мелких владык объявляли это устье своим: и Дарклины из Синего Дола, и Масси из Плясунов, и стародавние речные короли — Мадды, Фишеры, Бракены, Блэквуды, Хуги. Башни и форты возводились на трех холмах и вновь разрушались во время войн — Таргариены видели

перед собой лишь руины и заросшие камни. Устье, на которое претендовали и Штормовой Предел, и Харренхолл, никем не оборонялось, а в ближних замках сидели малосильные лорды, не питавшие к тому же особой любви к своему самозваному сюзерену Харрену Черному.

Эйегон сразу окружил наивысший из трех холмов земляным палисадом и послал сестер покорять эти соседние замки. Росби сдались Рейенис и златоокому Мираксесу без боя. В Стокворте несколько лучников пустили в Висенью стрелы, но сдались, когда Вхагар поджег кровлю замка.

Первое испытание завоевателям учинили лорды Дарклин из Синего Дола и Моутон из Девичьего Пруда. Объединив свои силы, они выступили на юг с тремя тысячами людей, чтобы сбросить пришельцев обратно в море. Эйегон, послав Ориса Баратеона атаковать их прямо в пути, спустился сверху на Черном Ужасе. Оба лорда погибли; сын Дарклина и брат Моутона сдали Таргариену свои замки и присягнули ему на верность. Синий Дол в ту пору был большим вестеросским портом на Узком море и наживался на заморской торговле. Висенья не позволила грабить город, но потребовала перенести его сокровища в сундуки победителей.

Здесь, пожалуй, самое место поговорить о характерах Эйегона и его сестер-королев.

Висенья, старшая, была таким же воином, как сам Эйегон, и в кольчуге чувствовала себя столь же свободно, как и в шелках. Ей принадлежал валирийский меч Темная Сестра, коим она обучалась владеть сызмальства наряду с братом. Вид у нее был суровый, несмотря на красоту серебристых с золотом валирийских волос и фиолетовых глаз. Даже те, кто любил ее, признавали, что нрав у нее крутой; говорили также, что она знает толк в ядах и не чужда черной магии.

Рейенис, младшая, обладала ровно противоположными свойствами. Игривая, ветреная, любознательная, она любила не войну, а музыку, танцы, поэзию. Многие певцы, комедианты и кукольники пользовались ее покровитель-

ством. Говорили, однако, что верхом на драконе она проводит больше времени, чем ее брат и сестра вместе взятые, ибо превыше всего на свете Рейенис любила летать. Перед смертью она собиралась перелететь на Мираксесе через Закатное море и посмотреть, что находится на его берегах. Верность Висеньи брату и супругу никто не оспаривал, а вот Рейенис окружала себя красивыми юношами и кое-кого, по слухам, даже принимала у себя в спальне, когда Эйегон был со старшей сестрой. Сплетники, впрочем, вынуждены были признать, что на каждую ночь с Висеньей король десять проводит с Рейенис.

Сам Эйегон для своих современников оставался такой же загадкой, как и для нас. Владелец меча Черное Пламя, он почитался одним из величайших воинов своего времени, но не любил состязаться в воинской доблести и на турниры ни разу не выезжал. На Балерионе Черном Ужасе он летал только в бою или желая быстро куда-то добраться. Был вдохновенным полководцем, но не имел близких друзей, кро-

ме Ориса Баратеона, с коим они вместе росли. Пользовался успехом у женщин, но хранил верность сестрам. В правлении государством во всем полагался на них же и на свой малый совет, но не колебался стать во главе, когда находил это нужным. Сурово обходился с изменниками и мятежниками, но со склонившими колено врагами был мягок.

Впервые свое великодушие он проявил в Эйгонфорте, простой крепости из земли и бревен, возведенной им на холме, который с тех пор стал зваться холмом Эйгона. Взяв с дюжину замков и закрепив за собой устье Черноводной на обоих его берегах, он приказал побежденным лордам явиться к нему. Когда они сложили мечи к его ногам, он повелел им встать и подтвердил, что их земли и титулы остаются за ними. В тот же день он даровал новые милости верным своим сторонникам. Деймон Веларион, лорд Прилива, стал мастером над кораблями, сиречь адмиралом королевского флота. Тристон Масси, лорд Плясунов, был назначен мастером над законом, Криспиан Селтигар — мастером над монетой. Ориса Баратеона король провозгласил «моим щитом, и надежей, и десницей моей», посему мейстеры почитают его первым королевским десницей.

Знамена с гербами давно вошли в обычай у лордов Вестероса, но вельможи старой Валирии таковыми не пользовались. Когда рыцари Эйгона развернули его шелковый боевой штандарт с красным трехглавым драконом, изрыгающим пламя на черном поле, покоренные лорды приняли это как знак, что Таргариен поистине достоин стать верховным королем Вестероса. Вслед за этим королева Висенья возложила на голову брата стальной, украшенный рубинами обруч, а королева Рейенис нарекла его Эйгоном, первым этого имени, королем всего Вестероса и щитом своего народа. Драконы взревели, лорды и рыцари вскричали «ура», но громче всех прозвучал голос простых рыбаков и крестьян.

Семерым королям, которых Эйгон вознамерился низложить, было, однако, не до веселья. Харрен Черный и Аргилак Надменный уже со-

звали свои знамена, король Простора Мерн следовал по Морской дороге в Бобровый Утес на встречу с королем Лореном из дома Ланнистеров. Принцесса Дорнийская послала на Драконий Камень ворона, предлагая объединиться с Эйгоном против Аргилака Штормового Короля — но не как подданная, а как равная. Союз предлагал и Роннел Аррен, мальчик-король из Орлиного Гнезда: в обмен на поддержку против Харрена Черного мать Роннела требовала, чтобы все земли восточнее Зеленого Зубца отошли к Долине. Даже король Торрхен Старк из Винтерфелла засиделся со своими лордами-знаменосцами за полночь, обсуждая, как им быть с этой новой напастью. Все с тревогой ожидали, что Эйгон станет делать дальше.

Сразу же после коронации войско Эйгона снова выступило в поход. Большая его часть во главе с Орисом Баратеоном перешла Черноводную и двинулась на юг к Штормовому Пределу; их сопровождала Рейенис верхом на серебристом златооком Мираксесе. Деймон Веларион повел флот на север, к Чаячьему городу и Долине; с ними летела Висенья на Вхагаре. Сам король шел на север, к Божьему Оку и Харренхоллу — громаднейшей крепости, ставшей памятником гордыне и безумию короля Харрена. Тот завершил и занял ее в тот самый день, когда Эйгон Таргариен высадился в месте, где после выросла Королевская Гавань.

Все три войска встретили стойкое сопротивление. Лорды Эррол, Фелл и Баклер, знаменосцы Штормового Предела, захватили передовой отряд Ориса на переправе через Путеводную, зарубили больше тысячи человек и вновь скрылись в лесу. Наскоро собранный и усиленный дюжиной браавосских кораблей флот Долины разбил флот Таргариена при Чаячьем городе. Убит был среди прочих и адмирал Деймон Веларион. Сам Эйгон дважды подвергся нападению к югу от Божьего Ока. Он победил в Тростниковой битве, но понес тяжелые потери у Плакучих Ив: двое сыновей Харрена со своими людьми переплыли озеро на ладьях, обернув весла тряпьем, и напали на него сзади.

Все это, однако, ненадолго задержало Таргариенов: на их драконов врагам нечем было ответить. Жители Долины потопили почти треть кораблей Эйгона и столько же взяли в плен, но королева Висеня, спустившись на них с небес, зажгла их собственный флот. Мираксес спалил лес, где укрылись знаменосцы Штормового Предела, а сыновья Харрена, возвращаясь с победой к себе в Харренхолл, негданно увидели в небе Балериона и сгорели вместе со своими ладьями.

Кроме того, врагам Эйгона пришлось иметь дело не только с ним. Как только Аргиллак Надменный собрал своих лордов в Штормовом Пределе, пираты со Ступеней тут же высадились на мысе Гнева, а с Красных гор через Марки хлынули дружины дорнийцев. Юному королю Роннелу пришлось подавлять мятеж на Трех Сестрах, чьи жители отказались подни-

няться Долине и объявили леди Марлу Сандерленд своей королевой.

Но все это могло показаться безделицей по сравнению с участием, постигшей Харрена Черного. Его дом правил речными землями уже три поколения, но обитатели Трезубца не любили своих железных властителей. Харрен, погубивший при постройке Харренхолла многие тысячи подданных, забирал все подчистую и у лордов, и у простого люда; теперь они, пользуясь случаем, восстали против него под водительством лорда Эдмина Талли из Риверана. Талли, призванный защищать Харренхолл, переметнулся к Таргариенам, поднял над замком драконье знамя и выступил со своими рыцарями и лучниками к Эйгону. Другие лорды Трезубца последовали его примеру. Блэквуды, Маллистеры, Венсы, Бракены, Пайперы, Фреи, Стронги собирали своих ополченцев

и шли на Харренхолл вместе с Эйегоном Драконом.

Харрен Черный, оставшись без поддержки, ретировался в свою, как он полагал, неприступную крепость. Вестерос еще не видывал таких замков. Окруженный пятью гигантскими башнями бил неиссякаемый родник, огромные подвалы были набиты провизией. Ни одна лестница не достала бы до гребня его стен из черного камня, и были они столь толсты, что не поддались бы ни тарану, ни требушету. Харрен запер ворота и приготовился к осаде со своими оставшимися приверженцами и уцелевшими сыновьями.

Эйегон судил иначе. Окружив замок вместе с Эдмином Талли и другими речными лордами, он вызвал Харрена на переговоры под мирным знаменем. Тот вышел — старый, седой, но все еще грозный в своих черных доспехах. При каждом короле были мейстер и знаменщик, поэтому разговор их сохранился в веках.

«Сдайся, — сказал Эйегон, — и ты по-прежнему будешь править Железными островами. Сдайся, и твои сыновья будут править после тебя. Под твоими стенами стоит восьмидесяти тысячное войско».

«Стены мои прочны, и мне все равно, кто стоит под ними», — отвечал Харрен.

«Они не спасут тебя от драконов. Драконы умеют летать».

«Я строю из камня, а он не горит».

«Когда зайдет солнце, твой род прервется», — сказал Эйегон, а Харрен лишь плюнул и вернулся в замок. Он выставил на стены всех своих людей с копьями, луками и арбалетами, посулив земли и богатство тому, кто собьет дракона. «Жаль, что дочери у меня нет, — присовокупил он. — Вместо нее я отдам молодцу одну из дочерей Талли, а захочет, так и всех трех. Не любы они ему — пусть берет любую из девок Блэквуда, Стронга, хоть какого вылезшего из ила предателя». Затем он удалился к себе в башню в окруже-

нии своей стражи и сел с сыновьями ужинать.

Последние лучи солнца меркли. Люди Харрена всматривались в темнеющее небо, сжимая копья и луки. Не видя дракона, они начинали думать, что слова Эйгона были пустой угрозой, но король увел Балериона за облака, где тот казался не больше мухи на лунном диске, и лишь тогда стал снижаться над замком. Пронизав ночь на черных, как смола, крыльях, Балерион дохнул на башни Харренхолла клубами черного с красным пламени.

«Камень не горит», — хвастливо заявил Харрен, но его замок состоял не из одного камня. Дерево и шерсть, пенька и солома, зерно и солонина вспыхнули разом. Железные Люди тоже не были высечены из камня. Охваченные огнем, они с криками метались по дворам и падали с парапетов наземь. Да и сам камень при сильном жаре трескается и плавится. Речные лорды, стоявшие под стенами замка, после рассказывали, что пять харренхолльских башен раскалились докрасна, как пять огромных свечей... и точь-в-точь как свечи начали оплывать, истекая расплавленным камнем.

Харрен и его сыновья той ночью погибли в огне. С ними вместе погиб род Хоуров, и господство Железных островов над речными землями кончилось. Приняв клятву верности от лорда Риверрана Эдмина Талли у дымящихся руин Харренхолла, король Эйгон нарек его верховным лордом Трезубца. Другие речные лорды воздали им почести: Эйгону как королю, Талли как своему сюзерену. Когда пепел остыл и в замок можно стало войти, оплавленные мечи его защитников были собраны и отправлены в Эйгонфорт.

Но знаменосцы Штормового Предела на востоке и юге оказались более верными, чем вассалы короля Харрена. Аргилак Надменный собрал большую рать, а стены крепости Дюрандонов были еще толще, чем харренхолльские. О конце своего старого врага Штормовой Король узнал весьма скоро, а лорды Фелл и Баклер (лорд Эррол погиб) принесли ему весть о королеве Рейенис и о ее драконе. Ста-

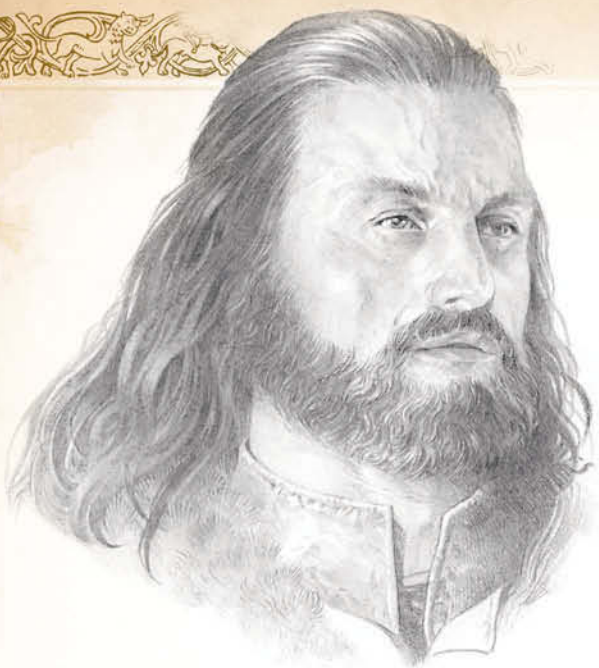
рый воин, выслушав их, взревел, что не даст себя зажарить в собственном замке, как поросенка. Он выступил навстречу врагу, дабы решить свою судьбу в открытом поле, с мечом в руке.

Ориса Баратеона это не застало врасплох. Королева Рейенис, видевшая сверху, как Аргилак выходит из замка, сообщила деснице о численности и местоположении неприятеля. Орис занял сильную позицию на холмах у Бронзовых Врат и стал поджидать штормовое войско.

В день битвы штормовые земли оправдали свое название: с утра пошел дождь, а к полудню разразилась настоящая буря. Лорды-знаменосцы уговаривали короля Аргилака отложить бой до завтра — авось, дождь прекратится. Но Аргилак видел, что числом превышает врага почти вдвое, а рыцарей и тяжелой конницы у него и вовсе вчетверо больше. Знамена Таргариенов над его исконными холмами привели короля в бешенство, а ветер дул с юга, супостатам в лицо. Приняв все это в расчет, Аргилак дал приказ наступать, и началась битва, получившая после имя Последний Шторм.

Сражение затянулось до ночи. Здесь в отличие от Харренхолла потери несла не одна сторона, а обе. Трижды Аргилак шел приступом на позиции Баратеона, но боевые кони вязли на крутых склонах, размытых дождем. Пехотинцы с копьями были успешнее: завоеватели, которым дождь заливал глаза, поздно заметили их, а отсыревшие тетивы не позволяли стрелять из луков. Один крайний холм пал, за ним и второй. Аргилак со своими рыцарями двинулся на средний в четвертый раз — и наткнулся на Рейенис и Мираксеса. Дракон даже и на земле показал себя грозным убийцей: авангард под командованием Дикона Морригена и Бастарда из Черной Гавани вместе с личной гвардией короля Аргилака накрыла огненная волна. Коня в ужасе сбрасывали седоков, обращая атаку в хаос.

Сам Штормовой Король тоже вылетел из седла, но из боя не вышел. Когда Орис спустился со своими людьми по грязному склону, старый вояка один отбивался от полудюжины человек, а у ног его лежало столько же трупов. Ба-

ратеон, велел своим бойцам отойти, спешился и в последний раз предложил Аргилаку сдаться. Тот ответил бранью, и они сошлись в поединке: старый король с развевающейся белой гривой и кряжистый, чернобородый королевский десница. Каждый нанес рану другому, но затем желание последнего из Дюррандонов сбылось, и он умер с мечом в руке и с проклятием на устах. Гибель короля лишила штормовых жителей боевого дух: слыша, что Аргилак пал, лорды и рыцари бросали мечи и обращались в бегство.

Несколько дней все опасались, что Штормовой Предел постигнет судьба Харренхолла: дочь Аргилака Аргелла заперлась в замке и объявила себя Штормовой Королевой. «Скорее мы все поляжем до последнего, чем склоним колено», — сказала она королеве Рейенис, когда та прилетела поговорить с ней. «Вы можете взять мой замок, но достанутся вам лишь кости да пепел», — заявляла она. Солдаты гарнизона, однако, не разделяли решимости своей леди; в ту же ночь они подняли мирное знамя, открыли ворота и доставили Аргеллу — нагую, в цепях и с кляпом во рту — в лагерь Ориса.

Тот будто бы расковал девицу своими руками, закутал в плащ, налил ей вина и рассказал о доблестной кончине ее отца. В знак уважения к павшему королю он взял себе его герб и девиз. Коронованный олень стал его эмблемой, Штормовой Предел — поместьем, леди Аргелла — женой.

Когда и речные, и штормовые земли покорились Эйгону Дракону, оставшиеся короли поняли, что пришел их черед. Король Торрхен в Винтерфелле созвал знамена, но дело это было нескоро, ибо расстояния на Севере велики. Королева Шарра, регентша при своем сыне Роннеле, укрылась в Орлином Гнезде и отправила войско к Кровавым Воротам, единственному входу в Долину. В юности ее называли Горным Цветком, красивейшей девой во всех Семи Королевствах. Надеясь пленить Эйгона былой красотой, она послала ему свой портрет и предложила себя ему в жены при условии, что сын ее Роннел станет его наследником. Портрет Эйгон получил, но на предложение, судя по всему, ответить не соизволил. У него уже были две королевы, а цветочек Шарры, десятью годами старше его, порядком увял.

Между тем два великих короля Запада объединили свои войска, намереваясь раз навсегда разбить Эйгона. Мерн IX из дома Гарденеров, Король Простора, выступил из Хайгардена и под стенами Золотой Рощи, усадьбы Рованов, встретился с Лореном I Ланнистером, Королем Скалы. Вместе они составили армию, какой еще не знал Вестерос: пятьдесят пять тысяч человек, в том числе шестьсот лордов, великих и малых, и больше пяти тысяч конных рыцарей. «Наш железный кулак», — называл эту конницу король Мерн. Четверо его сыновей ехали вместе с ним, оба внука служили оруженосцами.

Короли не задержались надолго у Золотой Рощи: такой величины войско должно было постоянно оставаться на марше, чтобы не объесть всю округу. Союзники двинулись на северо-восток через высокие травы и золотые поля пшеницы.

Предупрежденный об их приближении в своем лагере у Божьего Ока Эйгон вышел им навстречу со своим войском. Людей у него было впятеро меньше, да и те большей частью были ополченцами речных лордов, чья верность дому Таргариенов не подвергалась еще серьезному испытанию — зато с меньшим войском он двигался быстрее, чем неприятель. В городе

Каменная Септа он встретился с обеими королевами: Рейенис прибыла из Штормового Предела, Висеня — с мыса Раздвоенный Коготь, где принимала присягу у множества местных лордов. Понаблюдав сверху за переправой своего войска через Черноводную, трое Таргариенов помчались на юг.

Обе армии сошлись на широкой равнине к югу от Черноводной, где позднее проложили Золотую дорогу. Два короля возрадовались, когда разведчики донесли им о невеликих силах Таргариена и о недостатке в его рядах лордов и рыцарей. Ровное поле битвы, покрытое травами и колосьями, было превосходнейшим местом для атаки тяжелой конницы. Эйегон в отличие от Ориса Баратеона не укрепился на высоте, и почва была сухая, ибо дождей в тех местах не выпадало уже две недели.

Король Мерн, который привел на войну в полтора раза больше людей, чем король Лорен, потребовал себе почетного места в центре. Сын его и наследник Эдмунд командовал авангардом, король Лорен со своими рыцарями поместился на правом крыле, лорд Окхарт на левом. При отсутствии всяких природных препятствий они собирались ударить по Эйегону с обоих флангов и обойти его сзади, в то время как «железный кулак», тяжелый клин лордов и рыцарей, разгромит его центр.

Войско Эйегона напоминало ошестинившийся копьями и пиками полумесяц. За ним стояли лучники и арбалетчики, на флангах — легкая кавалерия. Командиром Эйегон поставил Джона Моутона, лорда Девичьего Пруда — одного из первых, перешедших на его сторону. Король-Дракон тоже заметил, что дожда давно не было и травы с колосьями на поле сражения пересохли на славу.

Враг затрубил в трубы, и на поле выплеснулось целое море знамен. Впереди ехал сам король Мерн на золотом жеребце, его сын Гавен нес знамя Гарденеров — зеленую руку на поле пшеницы. Под рев рогов и гром барабанов западное войско врзалось в копейщиков Таргариена, а Эйегон и его сестры поднялись в воздух.

Пока Балерион раз за разом в туче копий, стрел и камней, поливал огнем ряды неприятеля, Висеня и Рейенис подожгли поле и спереди от врага, и сзади. Дым окутал конницу, ослепив скакунов вместе с всадниками, огонь надвигался с обеих сторон, а люди Моутона, спокойно стоя с наветренной стороны, добивали копьями и стрелами заживо горящих людей.

После это сражение называли битвой на Огненном Поле.

Больше четырех тысяч погибли в пламени, еще тысяча — от мечей, копий и стрел. Десятки тысяч получили ожоги, отметившие многих до конца их дней. Король Мерн IX сгорел вместе со своими сыновьями, внуками и прочей родней. Один из его племянников скончался от ожогов три дня спустя, и вместе с ним пресекся род Гарденеров. Лорен, Король Скалы, видя, что битва проиграна, промчался сквозь огненную завесу и остался в живых.

Таргариены потеряли менее сотни. Королеве Висенье стрела попала в плечо, но она скоро поправилась. Пока драконы пожирали тела убитых, Эйегон распорядился собрать мечи павших и отправить их вниз по реке.

На другой день взяли в плен Лорена Ланнистера. Тот сложил свой меч и корону к ногам Эйегона, склонил колено и присягнул Таргариену на верность. Эйегон, верный своему слову, поднял его, оставил за ним его земли и нарек лордом Бобрового Утеса и Хранителем Запада. Уцелевшие лорды Простора и знаменосцы Лорена последовали примеру побежденного короля.

Но не весь еще Запад был завоеван. Эйегон, расставшись с сестрами, повел войско на Хайгарден, чтобы захватить его, упредив других претендентов. Стюард-управитель Харлен Тирелл, чьи предки веками служили Гарденерам, вручил ему ключи от замка без боя, Эйегон же в награду пожаловал ему Хайгарден со всеми землями, наименовав его верховным лордом Мандера и Хранителем Юга. Так бывший стюард получил власть над всеми вассалами дома Гарденеров.

Король Эйегон собирался идти на юг, чтобы покорить Старомест, Бор и Дорн, но весть

о новой угрозе заставила его передумать. Торрхен Старк, Король Севера, миновал Перешек и вступил на речные земли с тридцатитысячной ратью. Эйгон тут же двинул свое войско навстречу ему, летя впереди на Балерионе. Обеим королевам и всем лордам и рыцарям, перешедшим к нему после Харренхолла и Огненного Поля, также приказано было выступить.

Торрхен Старк, выйдя к Трезубцу, увидел на южном берегу войско, в полтора раза превышавшее его собственное. Все лорды Простора, Запада, речных и штормовых земель собрались здесь, а над их лагерем выписывали круги Балерион, Вхагар и Мираксес.

Разведчики Торрхена видели руины Харренхолла, где под горами щебня еще тлел огонь. Об Огненном Поле король тоже немало слышал. Он понимал, что при попытке перейти

реку его ждет та же судьба. Одни из его лордов-знаменосцев все же побуждали Торрхена наступать, уверяя, что для северной доблести нет преград, другие советовали отступить ко Рву Кейлин и встретить врага там, на родной земле. Побочный брат короля Брандон Сноу вызвался скрытно переплыть реку ночью и перебить драконов во сне.

Король и впрямь послал его за реку, но не ради убийства, а ради переговоров. Брандона сопровождали три мейстера. Всю ночь послания летали туда-сюда, а утром Торрхен Старк сам пересек Трезубец. Опустившись на колени, он сложил древнюю корону Королей Зимы к ногам Эйгона и поклялся ему в верности. Поднялся он уже не королем, но лордом Винтерфелла и Хранителем Севера. В историю он вошел как Король, Преклонивший Колено, зато ни один северянин не оставил своих обуг-

ленных костей у Трезубца, и мечи, которые забрал у людей Старка король Эйегон, не были скручены и оплавлены.

Эйегон и его королевы вновь разлучились. Эйегон опять пошел на юг к Староместу, Висенья полетела в Долину, Рейенис — в Солнечное Копье.

Шарра Аррен тем временем укрепила Чаячий город, поставила у Кровавых Ворот сильное войско, утроила гарнизоны в Каменном, Снежном и Небесном замках, что стоят на пути к Гнезду. Висенья, однако, без препон пролетела над ними и опустилась на внутренний двор замка Шарры. Когда королева-регентша поспешила к ней с дюжиной стражников, на коленях у Висеньи сидел Роннел Аррен. «Матушка, можно мне полетать с этой леди?» — спросил венценосный ребенок. До угроз и гневных слов не дошло. Королевы обменялись

улыбками, и леди Шарра велела принести три короны: свою регентскую, маленькую сыновью и соколиную дома Арренов, которую Короли Горы и Долины носили тысячу лет. Все они, вместе с мечами королевского гарнизона, были вручены королеве Висенье, и маленький король, трижды облетев с нею вокруг вершины Копья Гиганта, сделался маленьким лордом. Так Висенья Таргариен привела Долину Аррен под знамена своего брата.

Рейенис не столь посчастливилось. Принцев перевал, врата Красных гор, обороняли дорнийские копейщики; Рейенис, не тронув их, пролетела над красными песками, над белыми, над рекой Вервие — и нашла замок Красные Дюны пустым и покинутым. В городке под его стенами оставались только женщины, дети и старики. На вопрос, куда подевались их господа, они отвечали кратко: «Ушли». Рейенис до-

летела до Дара Богов, усадьбы дома Аллирионов, но и там никого не нашла. Королева продолжала свой путь. При впадении реки Зеленая Кровь в море она увидела тысячи гребных лодок, плоскодонок и баржей; связанные вместе веревками и цепями, они составляли плавучий Дощатый город, но лишь горстка старух с ребятишками вышла поглядеть на Мираксеса.

В конце концов она добралась до Солнечного Копья, древней резиденции дома Мартеллов. В замке, также покинутом, ее ждала прин-

цесса Дорнийская. Мери Мартелл, по словам мастеров, сравнялось восемьдесят годов, и шестьдесят из них она правила Дорном. Рейенис видела перед собой необычайно толстую, слепую, лысую женщину с желтой обвисшей кожей. Аргилак Надменный прозвал Мерию желтой дорнийской жабой, но ни годы, ни слепота не притупили ее ума.

«Я не стану сражаться с вами, но и колен не склоню, — сказала она королеве Рейенис. — Скажи своему брату, что в Дорне нет короля».

НА ПРЕДЫДУЩИХ СТРАНИЦАХ | *Капитуляция Торрхена Старка, Короля, Преклонившего Колено ВВЕРХУ* | *Разговор Мери Мартелл и Рейенис Таргариен*

«Скажу, — отвечала Рейенис, — но мы вернемся, принцесса, и с нами придут пламя и кровь».

«Я помню девиз вашего дома, — сказала Мерия, — но наш гласит «Непреклонные, нестигаемые, несдающиеся». Вы можете сжечь нас, миледи, но не заставите склониться и не согнете. Это Дорн, и вам здесь не рады. Возвращайтесь, если осмелитесь».

На том королева с принцессой расстались, и Дорн остался непокоренным.

Эйегон на западе встретил более теплый прием. Старомест, величайший город Вестероса, окружали прочные стены, а правили им Хайтауэры — древнейший, богатейший и самый могущественный из знатных домов Простора. Старомест был также средоточием Истинной Веры. Там жил верховный септон, наместник новых богов на земле, духовный отец всех Семи Королевств (лишь Север, где еще имели силу старые боги, не подчинялся ему). Там же помещались два воинских ордена Веры, называемые в народе Мечами и Звездами.

Но Таргариен, подойдя к городу, нашел его ворота открытыми, и у них ждал лорд Хайтауэр, готовый сдать новому королю. Верховный септон, получив вест о высадке Эйегона, заперся в Звездной септе, где провел семь дней и семь ночей, вкушая лишь хлеб и воду и переходя с молитвой от алтаря к алтарю. На седьмой день Старица осветила ему путь своей золотой лампадой. Выйдя из септы к народу, его святейшество сказал так: «Если Старомест восстанет против короля Эйегона, он будет сожжен, а замок Хайтауэров, Цитадель и Звездная септа обратятся в руины».

Манфред Хайтауэр, лорд Староместа, был человек осторожный и богобоязненный. Один из младших его сыновей состоял в Сынах Воина, или Мечах, другой только что принес септонские обеты. Услышав откровение верховного септона, лорд решил не сопротивляться Завоевателю — потому-то никто из жителей Староместа и не сгорел на Огненном Поле, хотя Хайтауэры были знаменосцами Хайгардена.

По той же причине лорд ожидал Эйегона у ворот Староместа, чтобы вручить ему свой меч и свой город. (Говорят, будто Хайтауэр также предложил королю руку своей меньшей дочери, но Эйегон вежливо отказался, не желая обидеть двух своих королей.)

Три дня спустя его святейшество в Звездной септе помазал Эйегона семью елееми, возложил на его голову корону и провозгласил его Эйегоном из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. (Эйегон с самого начала назывался владельцем Семи Королевств, хотя Дорн Таргариены покорили лишь век спустя.)

Первую коронацию Эйегона на Черноводной видели лишь немногие лорды, на второй же они исчислялись сотнями, и десятки тысяч горожан приветствовали нового короля, когда он ехал по Староместу верхом на Балерионе. На коронации присутствовали также многие мастера и архимейстеры Цитадели. По всем этим резонам началом царствования Эйегона Таргариена принято считать вторую коронацию в Староместе, а не первую в Эйегонфорте и не день его высадки.

Так, волей Эйегона Завоевателя и сестер его, Семь Королевств были спаяны в единое государство.

Многие полагали, что Эйегон по окончании войн сделает своей резиденцией Старомест. Другие думали, что он будет править страной с Драконьего Камня, древней островной цитадели дома Таргариенов. Король же, удивив всех, объявил, что столицей его станет новый город, что уже рос под тремя холмами в устье реки Черноводной, где он с сестрами впервые ступил на вестеросскую землю. Столица получила имя Королевская Гавань, и Эйегон правил там, восседая на троне, который ему сковали из оплавленных, сломанных, скрученных мечей его бывших врагов. Этот престол, небезопасный для всех, кто сидел на нем, стал известен всему миру как Железный Трон Вестероса.

Династия Таргариенов

Эйегон I

Король Эйегон, первый этого имени, завоевал Семь Королевств в возрасте двадцати семи лет, но как правителю ему предстояло решить нешуточную задачу. Эти королевства враждовали, и когда у них еще были границы — чтобы объединить их в одно государство, нужен был государь, обладающий необычайными дарованиями. К счастью для страны, Эйегон был именно таким государем, способным и провидеть, и воплощать свои видения в жизнь. Его мечту о едином Вестеросе оказалось труднее воплотить, чем он думал — и намного, намного дороже, — но как раз эта его мечта определила историю последующих веков.

Нехитрый Эйегонфорт дал начало столице, затмившей Ланниспорт и Старомест. Королевская Гавань с первых же своих дней обещала стать грязной, зловонной и перенаселенной, но жизнь в ней кипела всегда. Вытащенный на берег когг стал первой городской септой, а вскоре на холме Висеньи выросла новая, построенная на средства верховного септона. (Позднее на холме Рейенис воздвигли еще одну, посвященную памяти умершей королевы.) Там, где раньше виднелись только рыбачьи лодки, стояли когги и галеи из Староместа, Ланниспорта и Вольных Городов; даже суда с Летних островов, заходившие прежде в Синий Дол и Девичий Пруд, направлялись теперь в Королевскую Гавань. Сам Эйегонфорт вышел за пределы своего палисада, и на холме Эйегона построили деревянный замок пятидесятифутовой вышины. В 35 г. ОЗ король снес его и начал возводить новый, более достойный Таргариенов.

К 10 г. ОЗ Королевская Гавань уже вполне могла называться городом, а в 25 г., превзойдя Белую Га-

вань и Чаячий город, сделалась третьим по величине городом нового королевства. Стенами ее, однако, огородили не сразу: Таргариены, возможно, думали, что на город, который защищают драконы, никто не осмелится нападать. Но в 19 г. с Летних островов пришла тревожная весть: пираты разграбили там город Высокодрев и увели в рабство тысячи его жителей. Памятуя, что они с Висеньей не всегда присутствуют в Королевской Гавани, Эйегон наконец распорядился выстроить стены. Занимались этим великий мейстер Гавен и королевский десница, сир Осмунд Стронг. Эйегон повелел им строить с умом, чтобы городу было куда расти, и устроить в стене семь хорошо защищенных ворот в честь семерых богов. Строительство началось в следующем году и к 26 г. было завершено.

Вместе со столицей росло и богатело все государство. Эйегон заботился как о знати, так и о простом люде, а королева Рейенис особенно опекала простолюдинов. Покровительствовала она также певцам; Висенья почитала это пустой затеей, но певцы сочиняли песни во славу Таргариенов и разносили их по всему королевству. Выдумки там было хоть отбавляй, но никто не ставил это бардам в упрек — разве что мастера.

Рейенис, кроме того, старалась сплотить королевство, устраивая браки между детьми отдаленных друг от друга домов. Когда она погибла в Дорне в 10 г. ОЗ, все опечалились — народ любил свою красивую и добрую королеву.

Среди славного в целом царствования Эйегон потерпел лишь одно поражение — на Первой Дорнской войне. Она началась в 4 г. ОЗ и завершилась в 13-м после долгого кровопролития. Многочислен-

При дворе, по словам архимейстера Гильдейна, предполагали, что Эйегон поручил строительство замка Висеньей, чтобы убрать ее с Драконьего Камня. Их отношения, и раньше не особенно теплые, с годами еще более охладели.

ны были бедствия этой войны: гибель Рейенис, годы Драконова Гнева, появление в Королевской Гавани наемных убийц и сам Красный Замок; поистине темные времена.

Из этой тьмы, однако, явилась на свет достойная Королевская Гвардия. Многие дорнийские лорды, за голову которых Эйегон и Висенья назначили награду, были убиты, дорнийцы же в ответ стали подсылать убийц к королю с королевой. Однажды на улице король остался жив лишь благодаря Висенье с ее Темной Сестрой. Она же убедила брата в том, что его стража никуда не годится: чир-

кнула его мечом по щеке, прежде чем те успели вмешаться. «Ленивый, неповоротливый сброд», — будто бы сказала она, и король вынужден был согласиться.

Именно Висенья, не Эйегон, решила, какой должна быть Королевская Гвардия. Лорда Семи Королевств будут хранить семь рыцарей. Они принесут такой же обет, как братья Ночного Дозора, отказавшись от всех земных благ ради служения королю. Эйегон собирался устроить большой турнир, чтобы выбрать семерку лучших, но Висенья отговорила его, сказав, что королевским гвардейцам, поми-

Рейенис, замещая короля на Железном Троне, приняла «правило шести раз», вошедшее затем в свод законов. Братья некоей женщины подали жалобу на ее мужа: он застал жену с любовником и забил ее до смерти. Тот говорил в свою защиту, что муж вправе учить жену, если палка у него не толще большого пальца. Закон, и верно, был на его стороне (везде, кроме Дорна), однако своей тонкой палкой он нанес жене сто ударов, чего и не отрицал. Рейенис, посоветовавшись с мастерами и септонами, вынесла такое решение: боги велют жене быть покорной мужу, но он даже в случае измены может ударить ее не более шести раз — по одному на каждого из богов, исключая несущего смерть Неведомого. Поэтому братьям покойной женщины дозволили выместить на ответчике лишних девяносто четыре палки.

мо воинской доблести, должна быть присуща также неколебимая преданность. Король доверил ей отобрать первых семь рыцарей и, как показывает история, поступил мудро: двое из них погибли, защищая его, остальные с честью служили до конца своих дней. В Белой Книге сохранились их имена (а также имена и дела всех, кто пришел после них): сир Корлис Веларион, первый лорд-командующий; сир Ричард Рут; сир Аддисон Хилл, Бастард из Початка; братья сир Григор и сир Гриффин Гуд; сир Хамфри-Скоморох, межевой рыцарь, и сир Робин Дарклин Черный Дрозд, надевший белый плащ первым из многих Дарклинов.

Сразу назначив себе советников (первый малый совет был учрежден лишь при Джейхерисе I), Эйегон часто доверял повседневные дела им и сестрам, сам же облетал свое королевство, внушая подданным должное почтение — а при необходимости и страх. Первую половину года он перемещался между Королевской Гаванью и милым его сердцу Драконьим Камнем, где пахло серой и солью, вторую посвящал путешествиям. Бывая в Староместе, он каждый раз посещал верховного септона, а останавливался порой у меньших лордов, у рыцарей и даже в обычных гостиницах. В великих домах он, разумеется, тоже гостил и при последнем своем объезде в 33 г. добрался до самого Винтерфелла. В каждой поездке его сопровождала блестя-

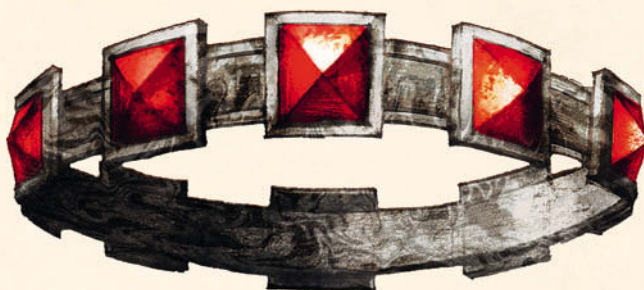
щая свита — тысяча рыцарей и множество придворных лордов и леди.

Мейстеров и септонов король тоже брал с собой. Шестеро мейстеров обычно разъясняли ему местные законы и обычаи, чтобы Эйегон мог спра-

ведливо вершить свой королевский суд. Он не пытался навязать стране обязательные для всех законы и судил по примеру прежних королей этих мест. (Единый свод законов приняли уже после него.)

После завершения Первой Дорнской войны и до его кончины в 37 г. ОЗ мир в государстве не нарушался, и король выказывал мудрость и терпимость во всем. Страну он завещал обоим своим сыновьям: старшему Эйенису от королевы Рейенис и младшему Мейегору от королевы Висеньи.

Умер он там же, где и родился, на любимом Драконьем Камне. Все сходятся на том, что король, рассказывая внукам Эйегону и Визерису в Палате Расписного стола о своих победах, внезапно прервал рассказ и упал. С ним, по словам мейстеров, случился удар, и Завоеватель вскоре отошел с миром. Тело его, по валирийскому обычаю, сожгли на крепостном дворе. Эйенис, принц Драконьего Камня и наследник Железного Трона, узнал о смерти отца в Хайгардене и спешно вылетел на своем драконе в столицу. Но всем, кто сменял Завоевателя на Железном Троне, страна подчинялась уже не столь охотно, как Эйегону Первому.

Эйенис I

У Завоевателя, скончавшегося в возрасте шестидесяти четырех лет, не было явных врагов помимо дорнийцев. Правил он мудро: постоянно объезжал свое государство, выказывал должное уважение верховным септонам, награждал тех, кто верно служил ему, и помогал всем нуждающимся в помощи. Под этой мирной гладью, однако, скрывался кипящий котел. Одни подданные тосковали по старине, когда великие дома правили своими землями безраздельно, другие жаждали мести за своих близких, погибших во время Завоевательных войн. Были и такие, что видели в Таргариенах, бравших в жены родных сестер, преступных кровосмесителей. Эйегон и его сестры с помощью трех своих драконов успешно подавляли все это скрытое недовольство, но с их наследниками дело обстояло иначе.

Эйенис, сын Эйегона от его возлюбленной Рейенис, взомел на Железный Трон в возрасте тридцати лет. Короновали его с великими почестями в наполовину достроенном Красном Замке, но вместо отцовской короны из валирийской стали на Эйениса возложили новую, золотую.

Брат его Мейегор, сын Висеньи, родился воином, как и отец, Эйенис же был скроен иначе. В ранние его

годы поговаривали, что столь слабый и болезненный младенец не может быть сыном Эйегона Завоевателя: все знали, что королева Рейенис любит проводить время с красивыми певцами и остроумными лицедеями. Слухи эти затихли, когда мальчик стал хозяином молодого, только что из яйца, дракона по имени Ртуть.

Принц и его дракон росли вместе, но Эйенис оставался все тем же мечтателем, учеником алхимиков, любителем певцов, лицедеев и мимов. Кроме того, он стремился быть всеми любимым и часто колебался в своих решениях из боязни кого-нибудь огорчить. Именно этот недостаток загубил его царствование и привел Эйениса к ранней бесславной смерти.

Вскоре после кончины Завоевателя против Таргариенов начали бунтовать. Первым был вожак разбойников Харрен Рыжий, выдававший себя за внука Харрена Черного. С помощью кого-то из слуг Харрен захватил Харренхолл вместе с его владельцем лордом Гаргоном по прозвищу Свадебный Гость: Гаргон посещал все свадьбы в своих владениях и каждый раз пользовался правом первой ночи. Оскопленный в богороде своего замка, он истек кровью, а Харрен Рыжий объявил себя лордом Харренхолла и Королем Рек.

Истинный король в это время гостил в Риверране у лорда Талли. Оба они, незамедлительно выступив в Харренхолл, нашли замок пустым: Харрен Рыжий со своей шайкой ушел оттуда, предав верных слуг Гаргона мечу.

В Долине и на Железных островах вспыхнули новые мятежи, а дорниец, назвавший себя Королем Стервятников, собрал большое войско, чтобы идти на Таргариенов. Король, как пишет великий мейстер Гавен, был поражен, услышав об этом: он воображал, что все Семь Королевств его любят. Он приказал было своему войску отплыть в Долину, дабы покончить с узурпатором Джоносом Арреном, взявшим в плен своего брата лорда Роннела, но отменил приказ, опасаясь, что Харрен Рыжий придет в столицу. Эйенис даже Большой совет вознамерился созвать, чтобы обсудить новое положение дел; но другие, к счастью, действовали решительнее.

СЛЕВА | Король Эйенис I на Железном Троне

Лорд Ройс из Рунстона разгромил мятежников Джоноса Аррена, а его самого запер в Орлином Гнезде. Это стоило жизни пленному лорду Роннелу, которого брат выбросил в Лунную Дверь, но и Джонос недолго зажил на свете: принц Мейегор, прилетев в Гнездо на Балерионе, перешедшем к нему после смерти отца, повесил его и всех, кто с ним был.

Тем временем на Железных островах лорд Горен Грейджой разбил мятежника, объявлявшего себя возрожденным королем Лодосом, и прислал его засоленную голову королю. Эйенис щедро наградил Горена, а тот употребил королевскую награду на то, чтобы изгнать с островов Семерых, к возмущению всего прочего королевства.

Мартеллов восстание Короля Стервятников мало заботило. Принцесса Дерия заверяла Эйениса, что Дорн желает лишь мира и этот бунт непременно будет подавлен, но на деле бороться с мятежниками предоставлялось марочным лордам. Поначалу казалось, что это им не по силам. Войско Короля Стервятников после нескольких побед раздулось до тридцати тысяч, но он разделил его надвое — отчасти из уверенности, что каждая половина все равно справится с кем бы то ни было. Это было его ошибкой: марочные лорды и бывший десница Орис Баратеон быстро разделились с раздробленными повстанцами. Особенно отличился Свирепый Сэм Тарли, чей меч Губитель Сердец, по многочисленным рассказам, стал багровым от рукояти до острия от крови дорнийцев, зарубленных в Охоте на Стервятника.

Первый из вспыхнувших мятежей был подавлен последним. Лорд Алин Стокворт, десница Эйениса,

наконец-то настиг Харрена Рыжего и был убит им в бою, но его оруженосец убил атамана.

Эйенис отблагодарил всех лордов, восстановивших мир в королевстве, а брата своего Мейегора назначил новым десницей. Сделав столь мудрый, казалось бы, выбор, он ступил на путь гибели.

У знатных валирийцев издавна повелось женить братьев на сестрах ради сохранения чистоты крови, но в Вестеросе это считалось мерзостью. Против Эйегона и его сестер никто не роптал. Не поднимали голосов и в 22 г., когда принц Эйенис вступил в брак с Алиссой Веларион, дочерью отцовского лорда-адмирала: невеста, хотя ее мать была из Таргариенов, доводилась жениху не родной сестрой, а двоюродной. Но когда Таргариены возобновили эту традицию, ропот поднялся нешуточный.

Висенья хотела женить Мейегора на старшей дочери Эйениса Рейене, но верховный септон воспротивился и предложил Мейегору свою племянницу, леди Серису Хайтауэр. Брак этот оказался бесплодным, в то время как у Эйениса вслед за Рейеной родился наследник Эйегон, а далее Визерис, Джейхерис и Алисанна. Пробыв два года десницей — у Эйениса за это время родилась еще дочь, Вейелла, умершая во младенчестве, — Мейегор в 39 г. поразил всех, объявив, что взял себе вторую жену, Алис из дома Харроуэв. Поженила их по валирийскому обряду королева Висенья, ибо ни один септон не соглашался сочетать подобную пару. Шум поднялся такой, что Эйенис вынужден был отправить брата в изгнание.

Верховного септона, однако, не удовлетворила такая мера. Даже назначение новым десницей септона Мармизона, слывшего чудотворцем, не примирило власть с Септой. В 41 г. Эйенис подбавил масла

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

«У Таргариенов родичи всегда женились между собой. Наилучшим считался брак между сестрой и братом; если такая пара не составлялась, девушку выдавали за дядю, кузена или племянника, а юношу женили на кузине, тетке, племяннице. Так делалось во всех знатных семьях Древней Валирии, особенно там, где владели драконами. «Кровь дракона не терпит примесей» — гласила пословица. Многоженство тоже случалось, но не столь часто, как браки внутри семьи. В Валирии перед Роком, по словам мудреца, чттили тысячу богов и ни одного из них не боялись; мало кто осмеливался возвысить голос против таких обычаев.

Иное дело Вестерос с его Истинной Верой. Здесь плотские сношения между дочерью и отцом, сыном и матерью, братом и сестрой почитались тяжким грехом, а плоды такого союза — мерзостью в глазах богов и людей. Из своего далека мы видим, что раздор между Септой и Таргариенами был неизбежен».

в огонь, выдав старшую дочь Рейену за сына и наследника Эйегона, коего сделал принцем Драконьего Камня взамен Мейегора. Из Звездной септы пришло послание, адресованное «Гнуснейшему королю» — такого не получал еще ни один государь, — и народ вкупе с лордами внезапно ополчился против любимого прежде Эйениса.

Септона Мармизона отлучили от веры за проведенную им брачную церемонию, а спустя две недели, когда он в носилках ехал по городу, ревностные Честные Бедняки изрубили его на части. Сыны Воина тем часом укрепляли холм Рейенис, превращая Памятную септу в цитадель против войск короля, а Честные Бедняки, не успокоившись на деснице, покусились на самого короля и его семью. Они перелезли через стену замка и пробрались в покои; Эйенис и его близкие остались живы лишь благодаря доблести Королевской Гвардии.

Убоявшись всего этого, король спасся на Драконий Камень вместе с семьей. Висенья советовала ему спалить и Звездную, и Памятную септы драконьим огнем, но нерешительный Эйенис слег в постель, мучаясь спазмами в животе и поносом. К концу 41 г. против него поднялось чуть ли не все государство.

Честные Бедняки тысячами бродили по дорогам, угрожая сторонникам короля, лорды десятками брались за оружие. Эйенис, в ту пору всего тридцати пяти лет, на вид казался шестидесятилетним старцем, и великий мастер Гавен отчаялся его исцелить.

Королева Висенья, однако, заботливо ходила за ним, и королю стало лучше, но ненадолго. Пришла весть, что его сын и дочь, совершавшие свое ежегодное путешествие, осаждены недовольными в замке Кракехолл. Узнав об этом, Эйенис скончался три дня спустя и был, как его отец, сожжен на Драконьем Камне.

После смерти Висеньи пошли разговоры, что в смерти Эйениса была повинна именно она. Королева-де предпочитала сына племяннику и желала, чтобы королем был Мейегор, а не Эйенис, — зачем же ей было так заботиться о болящем? Милосердием она никогда не славилась. Тайна эта, возможно, навсегда останется неразгаданной.

Мейегор I

Мейегор, первый этого имени, стал королем в 42 г. ОЗ после внезапной кончины своего брата Эйениса. В веках он остался как Мейегор Жестокий, и справедливо: такого тирана Железный Трон не ведал ни до, ни после него. Его правление началось великой кровью и кровью же завершилось. Историки называют его славным воином, но прежде всего он был мучителем и угнетателем своих подданных. Кто знает, какой демон владел им. Многие и по сей час благодарят богов за то, что царствовал он недолго:

устрашимо полетел в город и поднял над холмом Висенья красного дракона Таргариенов, собрав тысячи сторонников.

Вслед за этим Висенья бросила вызов всякому, кто оспорит право ее сына на трон. Капитан Сынов Воина, сир Дамон Морриген по прозвищу Дамон Верный, согласился сразиться по обычаю старины: он и еще шесть рыцарей ордена против короля и шести его рыцарей. Об этом сражении, где ставкой было само королевство, сохранилось много проти-

Эйенис, как говорили, управлялся с мечом и копьем всего лишь прилично, Мейегор же тринадцати лет уже побеждал взрослых рыцарей. В 28 г. на королевском турнире он поочередно выбил из седла трех рыцарей Королевской Гвардии и одержал победу в общей схватке. В шестнадцать лет он был посвящен королем Эйегоном и стал самым юным рыцарем своего времени.

сколько еще благородных домов он погубил бы, будь на то его воля.

Сразу после погребения Эйениса Висенья вылетела на Вхагаре на восток, в Пентос, где жил в изгнании ее сын Мейегор. Тот, перелетев на Балерионе через Узкое море, остановился на Драконьем Камне и был увенчан на царство отцовской стальной короной.

Великий мейстер Гавен заметил на это, что престол по закону принадлежит принцу Эйегону, старшему сыну Эйениса. Мейегор в ответ объявил Гавена изменником, приговорил к смерти и самолично отрубил ему голову Черным Пламенем. После этого никто уже не смел вступаться за Эйегона. Вороны разнесли повсюду весть о коронации нового короля, обещавшего награждать верных и беспощадно казнить супротивников.

Главными врагами Мейегора были ордена Честных Бедняков и Сынов Воина: он боролся с ними на протяжении всего царствования. В Королевской Гавани ревнители Веры заняли Памятную септу и недостроенный Красный Замок, но Мейегор не-

воречивых рассказов. Достоверно известно, что последним, кто устоял на ногах, был король Мейегор, но удар по голове, нанесенный последним из Сынов Воина, и его поверг наземь.

Двадцать семь дней Мейегор пролежал без чувств. На двадцать восьмой прибыла королева Алис и привезла с собой пентошийскую красавицу по имени Тианна из Башни. Все знали, что та в изгнании была любовницей Мейегора — и его королевы тоже, как поговаривали. Королева-мать, повидавшись с Тианной, поручила короля ее единоличным заботам, что немало беспокоило сторонников Мейегора.

На рассвете тридцатого дня король очнулся и вышел на стену замка. Восторженных кликов не слышалось только в Памятной септе, где Сыны Воина собрались на утреннюю молитву. Мейегор, не предупредив их, сел на Балериона, перелетел с холма на холм и поджег храм. Тех, кто пытался спастись, убивали лучники и копейщики. Крики горящих живо людей разносились по всему городу, и пелена дыма, как пишут мейстеры, висела над Королевской Гаванью целых семь дней.

Это было лишь началом войны Мейегора с орденами Веры. Верховный септон оставался стойким его противником, но Мейегор переманивал к себе все больше лордов. В битве при Каменном Мосте Честные Бедняки гибли сотнями — говорят, что Мандер на двадцать лиг стал красным от крови. После и мост, и обороняющий его замок стали звать Горьким.

Еще более ожесточенное сражение развернулось на развилке Черноводной, где против короля выступили тринадцать тысяч Бедняков, сотни рыцарей из отделения ордена в Каменной септе и сотни ополченцев, выставленных мятежными лордами, речными и западными. Битва длилась до ночи и завершилась победой короля Мейегора: Балерион, несмотря на дождь, сеял смерть по всему полю брани.

Ордена Веры и Мейегор так и остались непримиримыми врагами. Этой вражды не смягчила даже загадочная смерть верховного септона в 44 г., после коей его куда более сговорчивый преемник распустил и Мечи, и Звезды. Среди нескончаемых войн Мейегор раз за разом вступал в брак, пытаясь зачать наследника — но, вопреки всем стараниям на брачном ложе и вне его, оставался бездетным. Он брал в жены заведомо плодовитых женщин, сделав их

прежде вдовами, но рождались от него лишь уродцы без глаз, без рук и без ног, непонятно какого пола. Говорят, что после рождения первого такого ребенка он и лишился разума окончательно.

Одно великое дело он, впрочем, все же совершил: достроил Красный Замок в 45 г. Строительство начал король Эйегон, продолжил Эйенис, но завершил его Мейегор. Он пошел дальше того, что замыслили отец и брат: воздвиг внутри большого замка еще один, окруженный рвом, который после стали звать крепостью Мейегора. Более того, он приказал прорыть множество подземных ходов. Снабженные ложными стенами и ловушками, они пронизали весь холм Эйегона. Надзор за строительством, как видно, помогал забыть Мейегору об отсутствии у него наследника. Он назначил новым десницей своего тестя лорда Харроуэя и поручал ему все государственные дела, а сам занимался одним лишь замком.

Но даже и это свершение, как всегда у Мейегора, было чревато ужасами. По окончании строительства король задал роскошный пир для каменщиков, каменотесов и прочих возводивших его мастеров. На третий день пиршества их всех предали мечу, дабы никто, кроме короля, не знал секретов Красного Замка.

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

«**Е**два завершив Красный Замок, Мейегор приказал очистить холм Рейенис от руин Памятной септы, где еще лежали кости и прах погибших там Сынов Воина. На ее месте он задумал выстроить огромную «драконью конюшню» — жилище, достойное Балериона, Вхагара и их потомков. Так началось строительство Драконьего Логова. Неудивительно, что рабочих для этой цели найти оказалось трудно — ремесленники просто бежали из города; пришлось королю взять для работ узников из городских тюрем, а надзирали за ними мастера, выписанные из Мира и Волантиса».

В 43 г. племянник короля принц Эйегон попытался отвоевать трон, принадлежавший ему по праву, и пал в Битве у Божьего Ока, оставив жену (родную сестру) Рейену и двух дочерей-близнецов. С ним погиб и дракон его Ртуть.

Позже, в 45 г., Мейегор начал новую кампанию против остатков Мечей и Звезд, не сложивших оружия по приказу нового верховного септона. Согласно летописи того времени, король привез из похода две тысячи черепов, будто бы вражеских. На самом деле это были останки мирных крестьян, попавшихся ему под горячую руку. Возмущение против Мейегора росло и множилось.

Кончина королевы Висеньи в 44 г. тоже тяжело сказалась на нем, хотя он не подавал виду. Мать была вернейшим его союзником — лишь с ее помощью он сумел занять трон. Как только она умерла, вдова Эйениса королева Алисса бежала с Драконьего Камня, взяв детей и Темную Сестру, валирийский меч Висеньи. За это поплатился принц Визерис, второй ее сын, которого король сделал своим оруженосцем и держал при себе. Тианна из Башни подвергла его длительному допросу; на девятый день принц умер, и тело его две недели пролежало во дворе замка. Король надеялся, что Алисса явится забрать сына, но она не вернулась. Визерису было пятнадцать лет.

ВНИЗУ | *Битва при Каменном Мосте*

В 48 г. Честные Бедняки вновь поднялись против Мейегора. Их возглавили септон Мун и сир Джоффри Доггет, известный также как Рыжий Пес из Холмов. К мятежникам примкнул Риверран, а когда и лорд-адмирал Дейемон Веларион перешел на их сторону, другие великие дома сделали то же самое. Никто не желал более терпеть злого тирана. Вскоре их всех объединил под своей рукой четырнадцатилетний принц Джейехерис, последний ос-

тавшийся в живых сын Эйениса и Алиссы. Своим десницей и Хранителем Государства принц назначил лорда Штормового Предела. Узнав, что ее брат возглавил восстание, королева Рейена (Мейегор взял ее в жены после гибели Эйегона) улетела из замка на своем драконе Огненная Мечта, похитив у мужа меч Черное Пламя. Даже двое из рыцарей Королевской Гвардии изменили Мейегору и перешли к Джейехерису.

Мейегор пришел в замешательство. Как видно, эта череда измен — а может быть, и утрата советчицы-матери, — сделала его столь же слабовольным, как был Эйенис. Он созвал своих верных в Королевскую Гавань, но откликнулись на зов лишь мелкие лорды с королевских земель. Ночью он держал с ними совет, но в час волка все разошлись, оставив короля в одиночестве. Утром Мейегора нашли на Железном Троне мертвым: одежды его были в крови, руки изрезаны лезвиями и шипами трона.

Такова была загадочная кончина Мейегора Жестокого. В песнях поется, что с ним покончил Железный Трон, но подозревают также его королевских гвардейцев и некоего уцелевшего каменщика, пробравшегося в замок потайным ходом. Вероятнее же всего, что король сам лишил себя жизни, предпочитая смерть поражению. Какова бы ни была правда, только так и могло закончиться его царствование после шести лет страха, в котором жила при нем вся страна. Племяннику его выпала нелегкая задача исцелить глубокие раны, нанесенные Мейегором Семи Королевствам.

ВВЕРХУ | Мейегор I, умерший на Железном Троне СПРАВА | Жены Мейегора Жестокого (слева, сверху вниз: Сериса Хайтауэр, Тианна из Башни, Алис Харроуэй; справа, сверху вниз: Элинор Костейн, Жиенна Вестерлинг, Рейена Таргариен)

ЖЕНЫ МЕЙЕГОРА ЖЕСТОКОГО

Сериса из дома Хайтауэров,
дочь лорда Мартина

Ее предложил принцу дядя, верховный септон, не признавший помолвки тринадцатилетнего Мейегора с его новорожденной племянницей принцессой Рейеной. Сериса и Мейегор поженились в 25 г. ОЗ. Говорят, что в свадебную ночь принц исполнил свой супружеский долг дюжину раз, но детей от этого не родилось. Видя, что Сериса неспособна дать ему наследника, Мейегор стал брать себе других жен. Сериса умерла в 45 г. от внезапной болезни; по слухам, это король приказал ее умертвить.

Алис из дома Харроуэв,
дочь Лукаса, нового лорда
Харренхолла

Их тайный брак был заключен в 39 г., когда Мейегор был десницей, и привел к изгнанию принца. Вернувшись с Мейегором из Пентоса, Алис сделала королевой и в 48 г. впервые забеременела от него, но не доносила младенца. При виде чудовищного уродца, которого она носила в чреве своем, Мейегор обезумел и приказал казнить всех, кто ходил за ней: септ, повитух, великого мастера Десмонда. Когда же Тианна из Башни убедила короля в том, что Алис зачала от любовника, казнены были также сама королева, ее придворные дамы, ее отец и королевский десница лорд Лукас и все Харроуэи, какие только нашлись. Новым десницей стал лорд Эдвелл Селтигар.

Тианна из Башни

Ее боялись больше всех жен Мейегора. Говорили, что она была незаконной дочерью пентошийского магистра и сначала танцевала в таверне, а после выбилась в куртизанки и будто бы знала толк в колдовстве и алхимии. Женой короля она стала в 42 г., но брак этот был столь же бесплодным, как и все остальные. За глаза ее звали королевским вороном; она хорошо вынюхивала чужие секре-

ты и служила Мейегору как мастер над шептунами. Однажды она созналась, что давала яд другим королевским женам, потому-то у них и рождались уроды. В 48 г. Мейегор собственноручно убил ее Черным Пламенем, вырезал ей сердце и бросил его собакам.

ЧЕРНЫЕ ЖЕНЫ

В 47 г. Мейегор взял в жены трех женщин сразу; все они были вдовами и имели детей от своих покойных мужей. Это были:

Элинор из дома Костейнов, девятнадцати лет. Самая молодая из Черных Жен, она успела родить от прежнего мужа, сира Тео Боллинга, трех детей. Сира Тео обвинили в сговоре с королевой Алиссой — они будто бы умышляли возвести на трон ее сына принца Джейехериса — и казнили в тот же день. После семидневного траура Элинор было приказано выйти за Мейегора. Она зачала от него и разродилась, как и Алис, мертвым плодом — безглазым, но с крыльями. Однако ее оставили в живых, и она вместе с Рейеной пережила Мейегора.

Рейена из дома Таргариенов

Когда Мейегор убил Эйегона в Битве у Божьего Ока, она вместе с дочерьми-двойняшками укрылась на Светлом острове у лорда Фармена. Но Тианна похитила ее девочек, и Рейене пришлось стать женой Мейегора. Король, желая лишить Джейехериса права на трон, назначил своей наследницей ее дочь Эйерею. Рейена и Элинор стали единственными женами, пережившими своего супруга.

Жиенна из дома
Вестерлингов

Она была замужем за лордом Алином Тарбеком, который сражался на стороне мятежников и погиб в битве у Божьего Ока. После его смерти Жиенна родила сына. За ней ухаживал сын лорда Ланнистера, но король потребовал ее ко двору. В 47 г. она понесла, но за три луны до срока разрешилась еще одним мертвым уродцем и вскоре скончалась сама.

ДЖЕЙЕХЕРИС I

Он стал королем в 48 г. ОЗ. Королевство, доставшееся ему, много претерпело от честолюбия мятежных лордов, гнева верховного септона и жестокости его дяди, короля Мейегора. В четырнадцать лет Джейехерис был увенчан отцовской короной; первые годы его опекали мать, королева-регентша Алисса, и лорд Робар Баратеон, десница и Хранитель Государства. Став совершеннолетним, король женился на своей сестре Алисанне.

Уже смолodu Джейехерис показал себя истинным королем. Он хорошо владел копьем и луком, отменно ездил верхом. Его драконом был золотисто-бронзовый Вермитор, самый большой после Балериона и Вхагара. Решительный в мыслях своих и деяниях, Джейехерис был не по годам мудр, но всегда стремился к мирным исходам.

Народ любил и Джейехериса, и его королеву — красивую, умную, добрую. Говорили, что она правила государством наравне с королем, и в этом есть немалая доля истины. Именно по ее настоянию король отменил право первой ночи, за которое лорды стояли горой. В ее честь Ночной Дозор переименовал замок Снежные Врата во Врата Королевы. Черным братьям было за что благодарить Алисанну: она дала им ларец дорогих камней на постройку нового замка Глубокое Озеро вместо огромной Твердыни Ночи, которая слишком дорого обходилась, и помогла отвоевать Новый Дар, весьма полезный для них.

Король с королевой прожили в браке сорок шесть лет, в целом счастливых, и было у них вдоволь детей и внуков.

Известны всего две размолвки между супругами, и каждый раз через год-другой они возобновляли прежнюю дружбу. Вторая ссора случилась, когда король сделал своим наследником и владельцем Драконьего Камня второго своего сына, Бейелона Храброго, а не внуку Рейенис, дочь покойного сына и наследника Эймона. Королева не понимала, почему мужчине нужно ставить впереди женщины. Если король думает, что от женщин нет проку, то, значит, он и без нее обойдется, сказала Джейехерису Алисанна. Со временем они помирились, но король пережил свою любимую королеву и в последние свои годы очень печалился об этих, хотя и кратких, размолвках. Печаль эта, по словам очевидцев, заволакивала его двор подобно туману.

Алисанна была любовью всей его жизни, но лучшим другом короля Джейехериса был септон Барт. Ни один человек ничтожного происхождения еще не поднимался столь высоко. Сын простого кузнеца, он принес свой обет в ранней молодости и благодаря острому уму был определен в библиотеку Красного Замка. Узнав Барта близко, король Джейехерис назначил его десницей. Многих знатных лордов это привело в изумление, а верховный септон сомневался в крепости его веры, но Барт показал себя достойным оказанной ему чести.

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

«**Н**а пятидесятом году правления Джейехериса в Королевской Гавани был устроен большой турнир. Королеву он, верно, тоже порадовал, ибо на праздник съехались все ее здравствующие дети, внуки и правнуки.

Никогда еще со времен Древней Валирии в одном месте не собиралось столько драконов. А последний поединок турнира, когда рыцари Королевской Гвардии сир Разм Редвин и сир Клемент Крабб сломали тридцать копий и король объявил победителями обоих, стал самым занимательным зрелищем в Вестеросе».

Следуя его советам, король Джейехерис сделал для своего государства больше, чем все короли до и после него. Дед его, король Эйегон, оставлял законы Семи Королевств на волю местных обычаев, Джейехерис же учредил первый единый свод, которому подчинялись все от Дорнийских Марок до Севера. В Королевской Гавани проложили сточные канавы и выкопали много колодцев: септон Барт понимал, сколь важны для здоровья горожан постоянный приток чистой воды и удаление нечистот. При Барте начали строить дороги, впоследствии связавшие столицу с Простором, со штормовыми, западными, речными землями и даже с Севером, что также было очень полезно для сплочения государства. Величайшей из новых дорог

стал Королевский тракт, ведущий к Стене и Черному Замку.

Многие полагают, однако, что самым большим свершением короля и его десницы было примирение с Верой. Ордена Честных Бедняков и Сынов Воина продолжали существовать и при новом короле, хотя стали заметно меньше и все еще оставались вне закона, как при Мейегоре Жестоком. Вели они себя беспокойно и стремились восстановить былое могущество. Недовольство вызывало также право Септы на собственный суд: многие лорды жаловались на септонов и септрии, распоряжавшихся имуществом своих соседей, как им заблагорассудится.

Одни советники убеждали короля круто расправиться с остатками орденов и искоренить изувер-

ство, грозящее ввергнуть страну в новый хаос. Другие желали, чтобы священнослужители починялись тем же законам, что и все остальные подданные. Джейехерис, выслушав тех и других, послал Барта в Старомест на переговоры с верховным септоном. Стороны пришли к соглашению: в обмен на разрушение последних Звезд и Мечей и подчинение светскому суду король обязался беречь и защищать Веру. Так было покончено с расколом между Железным Троном и Септой.

Самым сложным среди всех королевских забот в последние годы правления Джейехериса было изобилие наследников трона. Злая судьба дважды лишала короля прямого наследника: принц Бейелон Храбрый умер в 101 г. Чтобы раз и навсегда решить

вопрос о престолонаследии, Джейехерис в том же году созвал первый Большой совет, на который съехались лорды со всех концов королевства. Совет провели в Харренхолле, ибо ни один другой замок не мог вместить такого количества народа. Лорды, великие и малые, прибывали со своими рыцарями, оруженосцами, конюхами и слугами, а следом подтягивались прачки, потаскушки, торговцы и кузнецы. Тысячи палаток выросли за стенами замка, и городок Харрентон сделался четвертым по величине городом Семи Королевств.

На Большом совете рассмотрели и отвергли девятих претендентов, оставив только двоих. Одним был Лейенор Беларион, сын дочери Эймона принцессы Рейенис, другим — Визерис, старший сын

ДЕТИ ДЖЕЙЕХЕРИСА I УМИРОТВОРИТЕЛЯ И КОРОЛЕВЫ АЛИСАННЫ, ДОЖИВШИЕ ДО ВЗРОСЛЫХ ЛЕТ:

Принц Эйемон

Пал в битве с мирийскими пиратами, захватившими восточную сторону Тарта.

Бейелон,
которого называли Весенним Принцем
и Бейелоном Храбрым

Когда септон Барт скончался во сне в 99 г., десницей стал прославленный рыцарь Королевской Гвардии сир Раэм Редвин, но в государственных делах он был не столь хорош, как в бою, и менее года спустя его сменил Бейелон. В 101 г., на охоте, принц пожаловался на боль в боку; вскоре чрево у него лопнуло, и он умер.

Архимейстер Вейегон Бездраконный

Отданный в Цитадель с малых лет, он стал ученым мужем и носил кольцо, жезл и маску из желтого золота.

Принцесса Дейелла

В 80 г. вышла за лорда Родрика Аррена и умерла родами, произведя на свет дочь Эйемму.

Принцесса Алисса

Была женой своего брата Бейелона Храброго. Оба ее сына впоследствии взошли на престол.

Принцесса Визерра

Была помолвлена с лордом Мандерли из Белой Гавани, но погибла, упав с коня во время бешеной пьяной скачки по улицам Королевской Гавани.

Септа Мейегелла

Отданная Вере, стала знаменитой целительницей. Способствовала примирению отца и матери в 94 г., после их второй ссоры. Выхаживала детей, больных серой хворью, но сама заразилась ею и умерла в 96 г.

Принцесса Сейера

Была отдана в септы, как и Мейегелла, но сбежала из обители за Узкое море. Жила в Лиссе, в Волантисе и закончила свои дни владелицей веселого дома.

Принцесса Гейель, Зимнее Дитя

Недалекая разумом, но ласковая и милая. Больше всех детей королева любила ее. В 99 г. Гейель будто бы умерла от летней горячки, на самом же деле утопилась в Черноводной, когда бродячий певец соблазнил ее и бросил с ребенком во чреве. Королева не перенесла утраты и скончалась менее года спустя.

Бейелона Храброго и принцессы Алиссы. Каждый обладал своими достоинствами. Лейенор мог занять престол по праву старшинства, Визерис же — по праву происхождения. Он, кроме того, последним летал на Балерионе до смерти дракона в 94 г. Лейенор тоже недавно обзавелся драконом, которого назвал Морским Чудом, но многие лорды предпочитали наследника по мужской линии, тем более что Визерису было двадцать четыре, а Лейенору всего лишь семь.

Отрок этот, однако, имел одно бесспорное преимущество: его отцом был лорд Корлис Веларион, Морской Змей, самый богатый человек Семи Королевств. Назвали его в честь сира Корлиса, первого лорда-командующего Королевской Гвардии, но славу он заслужил не мечом и копьем, а путешествиями в дальние страны. Веларионы, старый валирийский род, поселились в Вестеросе еще до Таргариенов, и большей частью королевского флота, как правило, владели именно они. По этой причине их часто назначали лордами-адмиралами — эта должность у них сделалась почти что наследственной.

Лорд Корлис плавал и на юг, и на север. Одно время он отыскивал легендарный проход над верхушкой Вестероса, но повернул своего «Ледяного волка» назад, найдя лишь замерзшие моря и плавающие ледяные горы. Наибольших успехов он добился на «Морском змее», в честь коего и получил свое прозвище. В Кварт за шелком и пряностями ходили многие вестеросские корабли, Корлис же дерзнул пойти дальше, в сказочные Йи Ти и Ленг, удвоив тем богатства Веларионов.

Девять путешествий совершил он на «Морском змее». В последнем он наполнил трюм золотом и купил в Кварте еще двадцать судов, нагрузив их пряностями, слонами и шелками тончайшей выделки. Несколько кораблей пропало, а слоны все погибли в море, как пишет мастер Матис в «Девяти странствиях», но дом Веларионов стал на время богаче даже, чем Ланнистеры и Хайтауэры.

Став лордом после смерти своего деда, Корлис выстроил новый замок Высокий Прилив взамен старого отсыревшего Дрифтмарка и перенес туда трон из плавника, будто бы подаренный Веларионам самим Водяным Королем. На Дрифтмарке выросли даже два новых торговых порта, Корабел и Пряный, затмившие на какой-то срок саму Королевскую Гавань.

Богатство и слава отца были сильными доводами в пользу сына. Лейенора поддерживали лорды Бормунд Баратеон, Эллард Старк, Блэквуд, Бар-Эммон, Селтигар, но их было меньшинство. Мейстеры, считавшие голоса на Большом совете, не называли цифр, но за Визериса, как говорили, голосов было подано в двадцать раз больше. Король, не присутствовавший на последних заседаниях, нарек Визериса принцем Драконьего Камня.

В последние свои годы король Джейехерис назначил десницей сира Отто Хайтауэра, и тот приехал в Королевскую Гавань вместе с семьей. Пятнадцатилетняя Алисент стала сиделкой престарелого короля: читала ему, приносила еду, даже помогала при купании и одевании. Джейехерис порой принимал ее за одну из своих дочерей, злые же языки ославили ее наложницей старика.

Король Джейехерис, первый этого имени, известный как Умиротворитель или Старый Король, поскольку больше никто из Таргариенов до таких лет не дожил, мирно скончался в 103 г. в своей постели, когда леди Алисент читала ему из «Противоестественной истории» его друга септона Барта. Было ему тогда девяносто шесть, а царствовал он пятьдесят пять лет. Вестерос погрузился в скорбь по доброму и справедливому королю; говорили, что даже в Дорне мужчины плакали, а женщины раздирали свои одежды. Прах его погребли под Красным Заком, где уже покоилась его добрая королева. Ни до, ни после них Семь Королевств не знали такой королевской четы.

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

«**Н**а большом совете 101 г. был установлен нерушимый закон: женщины или потомки по женской линии, невзирая на старшинство, не могут унаследовать Железный Трон Вестероса».

НА ПРЕДЫДУЩИХ СТРАНИЦАХ | *Большой совет 101 года* СПРАВА | *Король Джейехерис I и королева Алисанна Добрая, а также их сын, принц Эймон*

Визерис I

После долгого и мирного правления Джейехериса I Визерису достались крепкий трон, полная казна и добрые нравы — то, что его дед возвращал более полувека. Никогда еще дом Таргариенов не был столь могущественным, как при Визерисе. Столько принцев и принцесс крови не видывали со

вый, вспыльчивый и опасный. Рыцарем он стал в шестнадцать лет, как и Мейегор I, и сам король Джейехерис вручил ему меч Темная Сестра. Перед Большим советом он горячо поддерживал Визериса и даже собрал скромных размеров войско, когда Корлис Веларион, по слухам, начал готовить флот

времен Рока, и никогда еще не бывало такого большого числа драконов, как в Вестеросе между 103 и 129 годами ОЗ.

Но будущая Пляска Драконов пустила корни еще при Визерисе и случилась как раз от избытка принцев. В ранние годы правления Визерису сильно досаждал родной брат принц Деймон — обидчи-

для защиты прав своего сына Лейенора. Джейехерис не допустил кровопролития, но о воинственных намерениях Деймона помнили все.

В 97 г. он женился на Рее Ройс, наследнице древней усадьбы Рунстон в Долине. Брак был почетный, но Долину Деймон любил мало, а жену и того меньше. Скоро они расстались.

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

«Еще при Старом Короле он женился на леди Рунстона, но брак этот не был удачным. Принц в Долине не скучал. «Мужчины в Долине Аррен любят с овцами, — писал он, — и упрекать их за это нельзя: овцы и то милее, чем здешние бабы». Жену он величал не иначе как бронзовым идолом, поскольку Ройсы носили бронзовые доспехи, покрытые рунами».

Брак к тому же оказался бесплодным. Король Визерис, вопреки просьбам брата, не стал его рас­торгать, но призвал Дейемона ко двору. Тот был сперва мастером над монетой, затем мастером над законом, но главный его соперник, десница сир Отто Хайтауэр, убедил короля не назначать брата на высокие посты, и в 104 г. Визерис поставил Дейемона командовать городской стражей.

Принц заново вооружил и обмундировал своих подчиненных. С тех пор они стали именоваться «золотые плащи», и новый командир у них пользо­вался любовью. Он часто выходил с ними в дозоры, и скоро его узнали все от последних нищих до бога­тейших купцов. В харчевнях и борделях, где он всем угощался бесплатно, его не слишком жаловали, но преступность в городе заметно уменьшилась: принц не скупился на суровые наказания. Вскоре принца стали звать лордом Блошиного Конца, а позже, когда Визерис отказал ему в титуле принца Драко­ньего Камня, он сделался лордом столицы. В одном из борделей он отыскал себе фаворитку, очень блед­ную лиссенийку Мисарию, которую другие девки прозвали Глистой. После она стала его мастерицей над шептунами.

Многие полагали, что Дейемон поддержал Ви­зериса на Большом совете лишь потому, что надеял­ся стать наследником брата. Но у Визериса, как он думал, уже имелась наследница — Рейенира, единственное его дитя от брака с кузиной, короле­вой Эйеммой из дома Арренов. Родилась она в 97 году; отец обожал малышку и всюду возил с собой. Он брал ее даже на малый совет, где поощрял хоро­шенько смотреть и слушать. Придворные всячески ей угождали, певцы превозносили ее как Жемчужи­ну Королевства; она была красивым ребенком и в семь лет уже летала на драконе, названном Сиракс в честь старого валирийского бога.

В 105 г. королева наконец произвела на свет дол­гожданного сына, но умерла родами, а младенец, на­званный Бейелоном, пережил ее всего на день. Визе­рису к тому времени так наскучили разговоры о на­следнике престола, которыми его донимали, что он вопреки событиям 92 года и решению Большого со­вета в 101-м объявил Рейениру своей наследницей и принцессой Драконьего Камня. Во время пышной церемонии сотни лордов преклоняли колено перед

принцессой, сидевшей у ног отца. Принца Дейемо­на среди них не было.

В том же году случилось еще одно примечатель­ное событие: в Королевскую Гвардию был принят сир Кристо­н Коль. Сын стюарда Дондаррионов из Черной Гавани, рожденный в 82 г., Кристо­н отличился на турнире в Девичьем Пруду, устроенном в честь восшествия Визериса на трон: он победил в общей схватке и стал вторым в поединках.

Зеленоглазый, черноволосый, он пришелся по вкусу придворным дамам. Маленькая принцесса Рейенира тоже полюбила его, называла его своим белым рыцарем и упростила отца назначить Кристо­на ее личным телохранителем. Коль сопровождал ее всюду и выступал в ее честь на турнирах. После ста­ли говорить, что у принцессы на уме один только сир Кристо­н, но есть основания полагать, что на де­ле все было немного иначе.

Немногое время спустя король, с одобрения си­ра Отто Хайтауэра, объявил о своем намерении же­ниться на его дочери леди Алисент, бывшей ранее сиделкой Старого Короля. В стране этот брак большей частью приветствовали. Рейенира, при­знанная наследница, тоже хорошо приняла невесту отца, которую давно знала. Не радовались лишь на

Драконьем Камне (принц Дейемон, по слухам, высек слугу, принесшего ему эту весть) и на Дрифт-марке (ибо король отверг Лейену, дочь лорда Корлиса и принцессы Рейенис).

Одним из последствий брака Визериса и Алисент стал союз Дейемона с Морским Змеем. Устав дожидаться короны, которая постоянно от него отдалялась, принц решил мечом добыть себе королевство. Он и Корлис Веларион объединились против другого сообщества, называемого также Триархией: в него входили Лисс, Мир и Тирош, действовавшие заодно с самого Кровавого Века. В Семи Королевствах поначалу одобрили кампанию принца и лорда, но вскоре те сделались еще большим злом, чем пираты, коих намеревались искоренить.

Война с тремя городами началась в 106 г. Вкладом Велариона был флот, вкладом Дейемона — дракон Караксес, мастерство военачальника и бойцы. Под его знамя стекались младшие сыновья лордов и безземельные рыцари. Визерис снабжал их золотом и припасами.

В последующие два года они одержали много побед. Дело увенчал поединок, в коем принц Дейемон убил мирийского адмирала Крагхаса Драхара по прозвищу Кормилец Крабов. (Узнав в 109 г., что Дейемон объявил себя королем Узкого моря, Визерис будто бы сказал, что согласен на это, лишь бы братец убрался подальше.) Но торжествовали они преждевременно: на будущий год Триархия сколотила новый флот и новое войско, а Дорн стал ее союзником в борьбе против неоперившегося Дейемона королевства.

В 107 г. у Визериса наконец появился сын: Алисент родила ему Эйегона. За первенцем последовали сестра Элейена, его будущая невеста, и еще один мальчик, Эйемонд. С рождением сына вновь ожил вопрос о наследнике. И королева, и отец ее, королевский десница, гневались на то, что дочь Эйеммы поставлена выше их отпрыска. Сир Отто в своем негодовании зашел чересчур далеко, и в 109 г. его сменил лорд Лионель Стронг, показавший себя хорошим мастером над законом. В глазах короля Визериса дело пересмотру не подлежало: Рейенира оставалась его наследницей, и никаких доводов в пользу обратного он не желал слышать. Оставалось, впрочем, решение

Большого совета 101 года, где мужскую линию предпочли женской.

В летописях и письмах того времени упоминается «партия королевы» и «партия принцессы». После турнира 111 года их стали называть проще: «зеленые» и «черные». Королева Алисент тогда облачилась в зеленое платье, а Рейенира — в цвета дома Таргариенов, черное с красной отделкой, чтобы ни у кого не осталось сомнений в ее правах на престол. К тому же турниру вернулся домой Дейемон, король Узкого моря. С Караксеса он сошел в короне, но преклонил перед братом колено и протянул ему свой венец в знак вассального повиновения. Визерис поднял его, вернул ему корону и расцеловал в обе щеки: он любил брата вопреки всем несогласиям между ними. Все бывшие при этом возликовали, а больше всех Рейенира. Она тоже любила своего неугомонного дядюшку — возможно, нежнее, чем подобает племяннице, но в этом авторы противоречат друг другу.

Всего пару лун спустя Дейемон был отправлен в изгнание. Источники опять-таки расходятся в причине сего события. Одни, как Рунситер и Манкен, полагают, что Визерис и Дейемон поссорились (братская любовь способна выдержать далеко не все). Другие говорят, что это Алисент (по наущению сира Отто, возможно) настояла на скорейшем отъезде принца. Среди многих авторов выделяются двое, высказавшиеся относительно этого наиболее полно.

Септон Евстахий написал свою книгу «Царствование короля Визериса Первого и последовавшая за ним Пляска Драконов» уже после конца войны. Слог у него сухой и высокопарный, однако он явно был конфидендом Таргариенов и весьма точно пишет о многих вещах. Иное дело «Грибные заметки». Авторство их принадлежит Грибу, карлику трех футов росту, но с огромнейшей головой и огромным же, по его словам, членом. Был он придворным шутком, и все думали, что он полоумный, потому и говорили при нем без стеснения. Рассказы его, продиктованные неизвестному писцу, повествуют о заговорах, убий-

ствах, любовных свиданиях и прочем, все это в мельчайших подробностях. Две эти книги во многом противоречивы, но порой на удивление сходны.

Евстахий пишет, что сир Аррик Каргилл застал Дейемона и Рейениру в постели, и за это Визерис изгнал брата. Гриб рассказывает иначе: Рейенира-де была влюблена в сира Кристона Коля, но рыцарь ее отверг. Тогда дядя предложил обучить ее искусству любви, дабы она могла совратить непреклонного сира Кристона. Когда же она всему научилась, то рыцарь — добродетельный, как пожилая септа, по словам карлика — в ужасе и отвращении бежал от нее. Визерис прослышал об этом, и наставник был изгнан. Какой бы ни была правда, нам доподлинно известно, что Дейемон был готов просить руки Рейениры, если Визерис расторгнет его брак с леди Реей. Визерис отказал и запретил брату возвращаться в Семь Королевств под страхом смерти. Дейемон улетел на Ступени, чтобы продолжить войну с Триархией.

В 112 г. умер сир Харрольд Вестерлинг, и сир Кристон Коля стал лордом-командующим Королев-

ской Гвардии вместо него, а в 113-м принцесса Рейенира достигла совершенного возраста. Ее руки и прежде искали многие, в том числе наследник Харренхолла сир Харвин Стронг, прозванный Костоломом и считавшийся самым сильным рыцарем королевства. Близнецы сир Ясон и сир Тайленд Ланнистеры осыпали ее подарками, сыновья лорда Блэквуда и лорда Бракена слагали песни о ее красоте и дрались из-за нее на дуэли. Поговаривали даже о ее свадьбе с принцем Дорнийским, долженствовавшей присоединить наконец седьмое королевство к шести остальным. Королева Алисент и сир Отто, ее отец, естественным образом предлагали в мужья принца Эйегона, хотя он был много моложе невесты. Брат и сестра плохо ладили, и король Визерис понимал, что королева желает этого брака скорее из честолюбия, нежели потому, что принц питает любовь к принцессе.

Оставляя всех этих искателей без внимания, Визерис посматривал в сторону Морского Змея и принцессы Рейенис, чей сын Лейенор был его соперником на Большом совете 101 года. Лейенор был от крови дракона с обеих сторон и сам держал дракона, серого с белым зверя Морское Чудо. Больше того, этот брак объединил бы давних соперников. Была лишь одна загвоздка: девятнадцатилетний Лейенор предпочитал общество оруженосцев, своих ровесников, не имел бастардов и, как говорили, совсем не знал женщин. Великий мейстер Меллос будто бы заметил на это: «Ну так что ж? Я, к примеру, не люблю рыбу, но ем, когда мне ее подают».

Рейенира держалась другого мнения. Быть может, она питала надежду выйти за Дейемона, как полагает Евстахий, или соблазнить наконец Кристона Коля, как думает весельчак Гриб. Но Визерис слышать о них не желал и на все возражения дочери отвечал тем же: если она воспротивится его воле, он пересмотрит вопрос о наследовании. К тому же между нею и Кристоном Колем произошел окончательный разрыв, хотя мы и по сей день не знаем, кто был тому причиной. Попыталась ли Рейенира соблазнить его еще раз? Или это он накануне предполагаемой свадьбы наконец-то признался, что любит ее, и уговаривал Рейениру бежать с ним?

Неизвестно также, есть ли хоть доля правды в том, что после этого разрыва Рейенира отдала свое девичество (если, конечно, сохранила его) сир Харвину

Стронгу, куда менее щепетильному рыцарю. Гриб клянется, что сам застал их на ложе, но половине его слов нельзя верить... другой же половине верить не хочется. Достоверно лишь то, что в 114 г. Рейенира вышла за только что посвященного в рыцари сира Лейенора и в честь свадьбы по обычаю был устроен турнир. За нее на этом турнире выступал Костолом, сир Кростон же впервые выехал в цветах королевы Алисент. Все очевидцы сходятся на том, что Коль сражался как одержимый и победил всех своих противников. Костолому он раздробил ключицу и локоть, отчего Гриб нарек того Переломанным, но наибольшие увечья нанес фавориту Лейенора, красивому сиру Джоффри Лонмуту, прозванному Рыцарем Поцелуев. Сира Джоффри унесли с поля без чувств, а через шесть дней он скончался, к великому горю Лейенора.

Новобрачный тут же отплыл на Дрифтмарк, и многие сомневались, что он осуществил свои супружеские права. Так и жила эта чета, большей частью врозь — она на Драконьем Камне, он на Дрифтмарке. Наследника, однако, пришлось ждать недолго: к концу 114 г. Рейенира родила здорового мальчика, которого назвала Джакайерисом (а не Джоффри, как надеялся ее муж), или Джаком. Впрочем... Оба супруга, происходившие от крови дракона, имели орлиные носы, тонкие черты, серебристые волосы и фиолетовые глаза — отчего же Джакайерис родился курносый и кареглазый? Многие находили в нем сходство с сиром Харвином Стронгом, теперь главой «черных» и постоянным поединщиком Рейениры.

В браке с сиром Лейенором Рейенира родила еще двух сыновей — Люцериса (Люса) и Джоффри. Эти мальчики тоже уродились крепкими и здоровыми и тоже удались ни в мать, ни в отца. «Зеленые» открыто называли их детьми Костола и сомневались, смогут ли они летать на драконах. Однако каждому из них по приказу Визериса положили драконье яйцо в колыбель, и из всех трех яиц вылупились драконы — Вермакс, Арракс и Тиракセス. Король не

внимал придворным сплетням, и Рейенира по-прежнему оставалась его наследницей.

120 г. из-за четырех случившихся в нем трагедий заслужил имя Года Красной Весны (не следует путать его с Красной Весной 236 г.) и положил начало Пляске Драконов. Первым событием была смерть сестры Лейенора, Лейены. В свое время ее намечали в невесты Визерису, но в 115 г. она стала женой принца Дейемона после гибели на охоте леди Реи, первой его супруги. Дейемон к тому времени наскучил Ступенями и сложил с себя корону; вслед за ним королями Узкого моря называли себя еще пять человек, после чего это наемническое «королевство» бесследно стинуло.

Лейена подарила мужу дочерей-двойняшек, Бейелу и Рейену. Король Визерис, поначалу разгневанный этим браком, заключенным без его дозволения, в 117 г. разрешил Дейемону представить дочерей ко двору, вопреки возражениям своего малого совета; он все еще любил брата и надеялся, что тот, став отцом семейства, остепенится. В 120 году Лейена вновь понесла и родила Дейемону желанного сына. Но мальчик родился уродцем и вскоре умер, а за ним последовала и мать.

Не успев оплакать дочь, родители, лорд Корлис и принцесса Рейенис, лишились и сына. Лейенор, с чем согласны все авторы, был убит на ярмарке в городе Пряном. Евстахий называет виновником его друга (а может статья, и любовника) сира Кварла Корри. Поссорившись из-за нового фаворита, послужившего причиной отставки Кварла, они взялись за мечи, и Лейенор пал. Сир Кварл бежал, и никто его больше не видел. Если же верить Грибу, то история была еще более темной: это принц Дейемон будто бы нанял Корри убить Лейенора, чтобы освободить Рейениру для себя самого.

Третьим событием стала стычка между сыновьями Алисент и Рейениры, когда не имевший дракона Эймонд потребовал себе Вхагара покойной Лейены. Сперва принцы дрались на кулачках, но затем Эймонд

До замужества с Дейемоном Лейена чуть ли не десять лет была помолвлена с сыном браавосского Морского Начальника, но сын оказался недостойн отца, расточил его состояние и сделался бельмом на глазу лорда Корлиса. Дейемон, посетив Высокий Прилив после смерти жены, увидел Лейену (ослепительную красавицу, как говорили тогда), переговорил с Морским Змеем и так допек злосчастного браавосца, что тот вызвал принца на поединок. Так закончил свои дни распутный сын Морского Начальника.

обозвал сыновей Рейениры Стронгами, а принц Люцерис выхватил нож и вонзил ему в глаз. С тех пор Эймонда стали звать Одноглазым, но Вхагара он все-таки получил. Со временем за его потерянный глаз расплатилось большой кровью все королевство.

Ради сохранения мира Визерис провозгласил, что всякому мужчине и всякой женщине, кто усомнится в законности детей Рейениры, будет вырван язык. Алисент с сыновьями он повелел вернуться в Королевскую Гавань, а Рейенире со своими сидеть на Драконьем Камне во избежание новых стычек. Сир Харвин Стронг уехал к себе в Харренхолл, и телохранителем Рейениры вместо него стал сир Эррик Каргилл.

Последним несчастьем был пожар в Харренхолле, стоивший жизни лорду Лионелю и сыну его сир Харвину. Неправы те, кто считает это наименьшей из бед того злосчастного года. Состарившийся и теряющий интерес к государственным делам Визерис остался без надежного десницы, а Рейенира и без мужа, и без любовника, по мнению многих. Не все историки верят, что пожар этот возник случайно. Одни предполагают, что поджигателем был Ларис Колченогий, королевский инквизитор и младший сын лорда Лионеля — ему-де самому хотелось стать лордом. Другие намекают, что к сему приложил руку сам принц Деймон.

Вместо того чтобы назначить нового десницу, король вновь призвал к себе сира Отто из Староместа. А Рейенира, весьма скоро оправившись от скорби по мужу, наконец-то вышла замуж за своего

дядю Деймона и в самом конце года родила ему его первого сына, названного в честь Завоевателя Эйегоном. Узнав об этом, королева Алисент будто бы впадала в ярость, ибо ее старший сын тоже носил это имя, а принцев стали звать Эйегон Старший и Эйегон Младший. В 122 г. у Рейениры и Деймона появился второй сын, Визерис. Он был не столь крепок, как Эйегон Младший или его единокровные братья Веларионы, но показал себя умным не по годам. Яйцо дракона, положенное ему в колыбель, не проклянулось, и многие сочли это дурным знаком.

Так все и шло вплоть до кончины короля Визериса в 129 г. Сын его Эйегон Старший женился на своей сестре Гелайене, и она родила близнецов Джейехериса и Джейегеру. Девочка была странным ребенком, росла медленно, не плакала, но и не улыбалась. В 127 г. у них родился еще сын, Мейелор. Морской Змей старел и хворал, а Визерис, уже на склоне лет, но еще в силах, в 128 г. поранился о Железный Трон. Случилось это, когда он держал королевский суд. Рана воспалилась, и мейстер Орвил (сменивший Меллоса в прошедшем году) вынужден был удалить два пальца. Мера эта, однако, не принесла облегчения, и в начале 129 г. королю стало намного хуже.

В третий день третьей луны 129 года Визерис, лежа в постели, рассказывал Джейехерису и Джейегере о том, как их прадед и прабабка сражались за Стеной с великанами, мамонтами и одичалыми. Досказав сказку, король отослал внуков, заснул и более не проснулся. Он правил двадцать шесть лет, самых благополучных в истории Семи Королевств, но чреватых упадком дома Таргариенов и гибелью их последних драконов.

ВВЕРХУ СЛЕВА | Сыновья принцессы Рейениры (слева направо): Джакайерис, Джоффри, Люцерис
ВВЕРХУ СПРАВА | Сыновья короля Визериса (слева направо): Эйегон, Дейерон, Эймонд

Эйегон II

Не было в мире войны более кровавой и жестокой, чем Пляска Драконов, как стали ее называть вслед за Манкеном все певцы, ибо войну эту вели брат с сестрой. Не успело еще остыть тело Визериса, как королева-мать и малый совет убедили Эйегона отнять корону у Рейениры. Принцесса, услышав об этом на Драконьем Камне, пришла в ярость, но что было делать? Она донашивала третьего ребенка от Дейемона и ждала родов со дня на день.

простудившись в темнице, другие — что сир Кристон Коль (вскоре получивший прозвище Своевольный) взрезал ему горло кинжалом прямо на малом совете, Гриб же уверяет, что Коль выбросил Бисбери из окна, — но не следует забывать, что карлик в ту пору находился на Драконьем Камне вместе с принцессой. Да, то была первая жертва Пляски, но далеко не последняя. Вслед за ним погибли юные принцы Люцерис, сын Рейениры, и Джейехерис, сын и наследник Эйегона.

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

«**Б**ашня Морского Дракона наполнилась криками: Рейенира Таргариен мучилась уже третий день. Роды ожидали лишь на следующей луне, но гнев, охвативший принцессу после вестей из Королевской Гавани, ускорил их. В муках она выкрикивала проклятия, призывала мщение богов на своих братьев по отцу и на королеву, их мать, описывала пытки, коим подвергнет их, прежде чем позволит им умереть. По словам Гриба, она проклинала и дитя в своем чреве. «Выйди вон, — кричала она и раздираала ногтями живот, как ни сдерживали ее мейстер и повитуха. — Выйди вон, чудовище, выйди вон!»»

Явившись на свет, дитя и впрямь оказалось чудовищем. У мертворожденной девочки был чешуйчатый хвост, а на месте сердца зияла дыра. Так по крайней мере описал ее Гриб, будто бы сам вынесший ребенка во двор для сожжения. На другой день, когда маковое молоко немного притупило боль, принцесса дала девочке имя Висенья. «Они украли мою корону и убили мою единственную дочь, — сказала она. — Они за это ответят».

Едва оправившись, Рейенира стала готовиться к войне. И у нее, и у Алисент имелись сторонники и среди родичей, и среди лордов королевства. И там и тут имелись драконы, что сулило неслыханные бедствия Семи Королевствам. Так и вышло: раны, оставленные этой войной, не заживали годами.

Не стоит, думаю, полагаться на слова Гриба о том, что королева Алисент ускорила кончину супруга, подбавив «щепотку яда» в его вино. Зато в том, что первой жертвой Пляски Драконов стал пожилой мастер над монетой лорд Бисбери, можно не сомневаться. Он стоял за Рейениру как за наследницу трона, и авторы расходятся лишь в том, как именно от него избавились. Одни пишут, что он умер,

Смерть Люса Велариона видели многие, и рассказы их в целом сходны. Посланный матерью в Штормовой Предел, чтобы заручиться поддержкой лорда Борроса, принц нашел там Эйемонда Таргариена, прибывшего раньше него. Эйемонд, будучи старше, сильнее и злее, ненавидел Люцериса за то, что тот в детстве лишил его глаза. Лорд Боррос не дал ему свершить мщение в стенах своего замка, но не пожелал знать, что происходит за стенами. Принц Эйемонд на Вхагаре настиг Люса, пытавшегося уйти на своем молодом драконе Арраксе; в тот день была буря, и дракон вместе с всадником рухнул в море на глазах у многих свидетелей.

Рейениру, согласно всем источникам, эта весть подкосила, отчим же Люса принц Дейемон написал

Главными союзниками Эйгона в начале войны были лорды Хайтауэр, Ланнистер, а затем и Баратеон. Лорд Талли, тоже охотно сразившийся бы за короля, был уже стар и болен, а внук его решил по-другому. На стороне Рейениры выступили ее свекор лорд Веларион, кузина леди Джейна Аррен и лорд Старк (но его помощь подоспела нескоро, ибо северяне спешно убирали урожай перед приходом зимы). Лорд Грейджой также вторгся на западные земли именем Рейениры, поразив тем короля Эйгона, думавшего, что острова поддержат его. Дом Талли вопреки воле своего покойного лорда тоже перешел к Рейенире. Тиреллы, как и дорнийцы, в войну не вступали.

жене так: «Око за око, сына за сына. Люцерис будет отмщен». У него как у лорда столицы осталось немало друзей в воровских кварталах — и в первую голову Мисария-Глиста, бывшая любовница. Она-то и наняла головореза по кличке Нож и крысолова по

кличке Сыр, хорошо знавшего подземные ходы Мейегора. Пробравшись в Красный Замок, они захватили королеву Гелайену с детьми и предложили ей жестокий выбор: которого из сыновей умертвить? Она рыдала и предлагала взамен себя, но зло-

деев этим не тронула. В конце концов она назвала Мейелора, уповая на то, что он еще мал и ничего не поймет. Тогда Кровавый Сыр убил старшего, Джейехериса, и убийцы забрали его голову, сдержав слово: Мейелор остался в живых.

Брата он, однако, пережил ненадолго и умер куда более лютой смертью. Сиру Рикарду Торне из Королевской Гвардии поручили тайно увезти маленького принца в Старомест, но у Горького Моста их остановила толпа, и Мейелора растерзали на части: каждый норовил урвать себе хоть кусочек. Лорд Хайтауэр, нагрянув туда, сровнял замок с землей, и леди Касвелл, испросив милосердия своим детям, повесилась на развалинах башни.

Королевская Гвардия и та вступила в войну. Сир Кростон Коль поручил сиру Аррику Каргиллу проникнуть на Драконий Камень под видом своего близнеца сира Эррика. Там он должен был убить Рейениру (или ее детей, по другим источникам). Но случай распорядился так, что сир Аррик и сир Эррик вдруг встретились в одном из чертогов замка. В песнях говорится, что они обнялись, прежде чем обнажить клинки, и битва между их любовью и долгом длилась около часа, после чего оба умерли со слезами, вновь обняв друг друга. Гриб, будто бы присутствовавший на месте дуэли, утверждает, что на деле все было иначе: каждый объявил другого предателем, и оба очень скоро получили смертельные раны.

Кростон Коль тем временем решил наказать «черных лордов» — знаменосцев с королевских земель, оставшихся верными Рейенире. Росби, Стокворт и Синий Дол он взял сразу, но лорд Стаунтон, услышав о приближении Коля, засел в Грачевнике и послал на Драконий Камень ворона с просьбой о помощи.

Помощь прибыла в лице принцессы Рейенис на драконе Мелейс — столь же отважной в свои пять-

десят пять, как и в юности. Но и у Коля были драконы: к нему прилетели сам Эйегон II на Солнечном и его брат Эйемонд на Вхагаре, самом большом из живших тогда зверей.

Историки говорят нам, что Рейенис, Несбывшаяся Королева, не дрогнула перед превосходящим ее врагом. Издав боевой клич, она щелкнула бичом и послала Мелейс на битву. Лишь Эйемонд и Вхагар вышли из схватки целыми; Солнечный претерпел увечья, а Эйегон выжил лишь чудом: у него были сломаны ребра, одно бедро, и половину тела покрывали ожоги. Больше всего пострадала левая рука, где доспех вплавился в плоть. Тело Рейенис, обгоревшее до полной неузнаваемости, нашли несколько дней спустя рядом с трупом Мелейс.

Весь следующий год Эйегон провел в затворе, оправляясь от ран, но война шла своим чередом. У него было много преимуществ по сравнению со старшей сестрой, но драконы в их число не входили. В начале войны он имел всего четырех зверей, годных для боя, у Рейенис же их было восемь, не считая запасных. Среди последних назовем прежде всего трех старых, которых всадники еще не приучили к себе: Среброкрылый, дракон королевы Алисанны; Морское Чудо, принадлежавший сиру Лейенору Велариону, и Вермитор, на коем после короля Джейехериса никто не летал. За ними шли три диких, которых еще предстояло укротить: Людоед, по преданию живший на Драконьем Камне еще до Таргариенов, хотя Манкен и Барт сомневаются в этом; Серый Призрак — он чурался людей и сам добывал рыбу в море, — и бурый Бараний Вор, похищавший у пастухов мелкий скот. Принц Джакайерис (если верить Грибу) обещал благородное звание всякому, кто сумеет их оседлать.

Драконов, живших на острове, пробовали укротить многие. Те, что уже были приручены,

Простые жители Драконьего Камня, которым Таргариены владели издавна, смотрели на своих прекрасных господ чуть ли не как на богов. Девушки, лишенные невинности Таргариенами, почитали «драконье семя» за счастье, и многие поселяне думали или подозревали, что в их жилах течет кровь дракона.

поддались первыми. Среди новых всадников был храбрый Аддам из Корабела: мать юноши Марильда уго-ворила своих сыновей, его и Алина, по-пытаться, открыв, что оба они рождены от Лейенора Велариона. Многие нашли сие весьма странным, но лорд Корлис по-верил женщине и принял обоих ее сыновей в свой дом.

Но хуже
всех среди но-
вых наездников
были пьяница
Ульф Бражник, в ры-
царях ставший Ульфом
Белым, и здоровенный кузнец
Хью Молот. Летать на Среброкрылом
и Вермиторе было для них недостаточ-
ной честью — они требовали богатства и
лордства. Сразившись за Рейениру в
Первой битве при Тамблетоне, они
тут же переметнулись к врагу, чем
заслужили себе прозвище Два
Предателя. Оба потом по-
гибли от руки тех, кого
считали друзьями: одного
отравили, другого убил
Удалой Джон Рокстон ме-
чом Сиротская Доля.
Битвам во время этой
войны счету не было, ибо Пляс-
ка охватила все королевство. Ка-
кой-нибудь лорда, подняв золотого
трехглавого дракона, коего избрал

Триб толкует это намного правдоподобнее: отцом мальчиков был сам лорд Корлис, проводивший когда-то много времени на верфях Корабела, где отец Марильды работал плотником. Пока вспыхивавшая Невсбившаяся Королева была жива, он опасался их признавать, но сделал это после ее гибели — на свой лад.

Аддам сумел подчинить Морское Чудо себе. Алину с Бараньим Вором не столь посчастливилось; до конца дней он носил на себе следы драконьего пламени, а дикаря в конце концов укротила Крапива, гулящая девка и дочь безвестных родителей. Изо дня в день она прикармливала Вора бараниной и так приучила его к себе. Вела она себя отнюдь не столь безупречно, как храбрый сир Аддам: когда она стала любовницей Дейемона, это вбило последний клин между Рейенирой и ее лордом-мужем. Крапива, которую принц ласково звал Краппи, пережила и его, и принцессу. Перед концом войны она исчезла вместе с Бараньим Вором, и никто не знал, куда они подевались.

своим гербом Эйегон, вдруг видел над замком соседа знамя Рейениры: в двух четвертях красный дракон, в третьей луна и сокол Арренов по материнской линии, в четвертой — морской конек покойного мужа. Брат шел на брата, отец на сына.

Каждый лорд приводил в избранный им стан свое войско, но главными военачальниками, если таковые и были, можно назвать лишь принца Дейемона с одной стороны и принца Эйемонда — с другой. Эйемонд удостоился титулов Хранителя Государства и принца-регента, когда король Эйегон и его дракон Солнечный получили тяжкие раны в битве с Рейенис и Мелейс. Он носил даже братнину ко-

ВВЕРХУ И СПРАВА | Принцесса Рейенис на Мелейс атакует короля Эйегона II на Солнечном

Узнав об измене этих двоих, обративших своих драконов против нее, Рейенира так разъярилась, что приказала взять под стражу всех остальных новых всадников. Сир Аддам, предупрежденный Морским Змеем, бежал, а после погиб во Второй битве при Тамблетоне, жизнью доказав свою верность. Когда его кости в 138 г. вернули из Древорона на Дрифтмарк, лорд Алин повелел выбить на могильном камне одно слово: «ВЕРНЫЙ».

рону Эйегона Завоевателя из валирийской стали с рубинами, но не называл себя королем.

С ним «зеленым» не посчастливилось. Для хо-рошего воеводы Эйемонд был слишком бесшаба-шен и слишком неопытен. Он бросился штурмовать Харренхолл, занятый Дейемоном, оставив Королев-скую Гавань без всякой защиты. Замок он нашел пу-стым и восторжествовал было, но тут узнал истин-ную причину, по которой неприятель покинул твердыню. Пока он шел к Харренхоллу, Дейемон всех своих драконов повел на столицу. «Золотые плащи», многие из коих сохранили преданность Дейемону, предали своих новых начальников и сда-ли ему город почти без кровопролития. Кровь хлы-нула позже, когда были обезглавлены сир Отто Хайтауэр, лорд Джаспер Уайлд (мастер над законом, прозванный Железным Прутом за чрезвычайную суровость), лорды Росби и Стокворт (бывшие на стороне Рейениры, но перешедшие к королю). Ко-ролеву Алисент и Гелайену взяли под стражу, но самого Эйегона, еще не оправившегося от ран, и его детей (Мейелор в ту пору был еще жив) Ларис Стронг вывел из замка потайными ходами.

Безумие охватило все королевство, но бо́льшая часть драконов рассталась с жизнью не где-нибудь, а в столице. Королевская Гавань благодаря военной хитрости Дейемона перешла к Рейенире, но после Первой Тамблетонской битвы там начались беспорядки. Тамблетон, стоящий всего в шестидесяти лигах, постигла жестокая участь: тысячи человек сгорели заживо, еще тысячи утонули, пытаясь пере-плыть реку, женщины и девушки умирали от звер-

ского поругания, драконы пожирали трупы среди руин. Победа, одержанная лордом Хайтауэром с помощью принца Дейерона и Двух Предателей, на-полнила Королевскую Гавань ужасом: горожане боялись, что следом придет их черед. Силы Рейени-ры были раздроблены, и город защищали только драконы.

На волне страха перед такими защитниками и вознесся человек, прозванный Пастырем. Кто он был, нам неизвестно: подлинное имя его утрачено. Одни говорят, что нищий, другие относят его к Честным Беднякам, этой язве, продолжавшей дони-мать королевство, несмотря на запрет. Как бы то ни было, он стал проповедовать на Сапожной площа-ди, называя драконов демонами, отродьем безбож-ной Валирии и гибелью для людей. Сперва его слушали лишь десятки, потом сотни, потом и тыся-чи. Страх перерос в гнев, гнев — в жажду крови, и наконец Пастырь объявил, что город спасет лишь очищение его от драконов.

На двадцать второй день пятой луны 130 года, когда Эйемонд Одноглазый и Дейемон вели свой последний бой, в Королевской Гавани воцарился ха-ос. К мятежной толпе примкнули люди Корлиса Ве-лариона, заключенного Рейенирой в тюрьму за по-бег его внука сира Аддама. Некоторые из них влез-ли на стену замка, чтобы освободить своего госпо-

ВОТ САМЫЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ БИТВЫ ПЛЯСКИ ДРАКОНОВ ИЗ ТЕХ МНОГИХ,
ЧТО ВЕЛИСЬ ПО ВСЕМУ ГОСУДАРСТВУ

129 год:

У ГОРЕЛОЙ МЕЛЬНИЦЫ. Принц Дейемон и Блэквуды, победив Браkenов, взяли их замок Стонхедж.

МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ГЛОТКЕ, где Триархия, союзница Эйегона, разбила флот Корлиса Велариона. В этой битве погиб Джакайерис, принц Драконьего Камня, с драконом Вермаксом, и пропал без вести принц Визерис, брат Эйегона Младшего; дракон самого Эйегона, Туча, был изранен стрелами и вскоре умер.

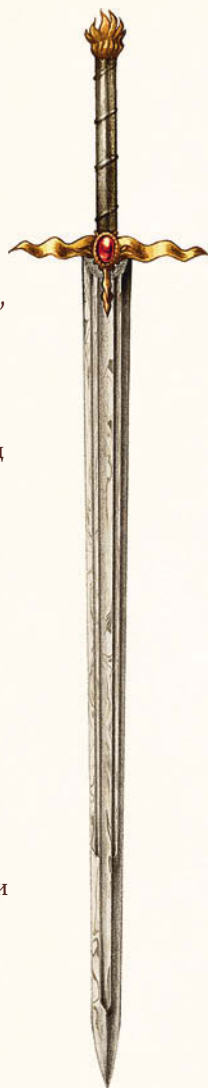
ПРИ МЕДОВИЧКЕ. Брат Эйегона Старшего принц Дейерон заслужил рыцарские шпоры, помешав лордам Ровану, Тарли и Костейну разбить войско лорда Хайтауэра.

130 год:

НА КРАСНОМ ЗУБЦЕ. Западные жители разбили речных лордов и хлынули на их земли. Лорд Ясон Ланнистер был смертельно ранен оруженосцем Пейтом из Длиннолиста.

ОЗЕРНАЯ, или КОРМЕЖКА РЫБ. Самая кровопролитная сухопутная битва на Божьем Оке. Речные лорды загнали Ланнистеров в озеро и убивали тысячами.

МЯСНИЦКИЙ БАЛ. Сир Кростон Коль, десница Эйегона, вызвал на бой сира Гарибальда Грея, лорда Родерика Дастина (Смерть Врагам), сира Пейта из Длиннолиста (Победителя Львов) и получил отказ. Он бесславно погиб от вражеских стрел, и его войско было разбито.

ПЕРВАЯ БИТВА ПРИ ТАМБЛЕТОНЕ. Два Предателя, Ульф Белый и Хью Молот, перешли к неприятелю вместе с драконами. Зимние Волки (ветераны-северяне, бойцы лорда Дастина) пробились сквозь вдесятеро большее войско. В схватке с ними пали лорд Ормунд Хайтауэр, возглавлявший «зеленых», и его знаменитый кузен сир Бринден. Родерик Дастин, убивший Бриндена, тоже погиб, а Тамблетон подвергся немилосердному разорению.

ВЗЯТИЕ ДРАКОНЬЕГО ЛОГОВА. Толпа под водительством некоего Пастыря убила пятерых драконов. Сир Виллем Ройс погиб, его валирийский меч Жалоба был похищен. Погибли также сир Глендон Гуд, командовавший Королевской Гвардией всего один день, и Джоффри, принц Драконьего Камня.

ПОЕДИНОК НАД БОЖЬИМ ОКОМ, где сошлись принцы Эйемонд Одноглазый на Вхагаре и Дейемон на Караксесе. Дейемон, как рассказывают, перескочил с Караксеса на Вхагара и убил Эйемонда Темной Сестрой, когда оба дракона падали в озеро. Все они утонули, но тело Дейемона так и не было найдено.

ВТОРАЯ БИТВА ПРИ ТАМБЛЕТОНЕ, истинная пляска драконов. Означена была загадочной смертью принца Дейерона Отважного, героической — сира Аддама Велариона и гибелью Морского Чуда, Тессариона и Вермитора.

131 год:

БИТВА НА КОРОЛЕВСКОМ ТРАКТЕ, она же Грязевая. Последнее сражение Пляски Драконов, где от руки молодого лорда Талли пал лорд Боррос Баратеон.

дина, но были схвачены и повешены. В тот же день королева Гелайена упала из своего окна в крепости Мейегора на пики сухого рва — одни называли это самоубийством, другие убийством. Ночью в городе запылали пожары, и толпа двинулась к Драконьему Логову, чтобы перебить всех его обитателей.

Юный Джоффри Веларион, принц Драконьего Камня, помчался на материнской Сиракс спасать

своего Тираксеса — и разбился. Оба дракона погибли тоже. Об этой ночи ходили самые невероятные слухи: одних драконов-де зарубили скопом, других убил один Пастырь, третьих сам Воин. Всего толпа убила пять драконов, сидевших на цепях в своем логове, люди же гибли десятками. Половины драконов, начинавших Пляску, уже не стало, а конца войне не предвиделось. Рейенира вскоре после взя-

тия Логова бежала из города, и столица вконец обезумела.

Война завершилась не гибелью драконов, а смертью короля и королевы, по вине которых погибли многие тысячи. Рейенира умерла первой. После гибели ее мужа принца Дейемона дом Веларионов ополчился против нее, а ее враг вновь завладел Королевской Гаванью. Она осталась, можно сказать,

без гроша и принуждена была продать собственную корону, чтобы вернуться к себе на Драконий Камень. Дома она нашла Эйгона II со свежими ранами и его умирающего дракона.

Манкен в «Подлинной истории Пляски Драконов», основанной на рассказах мастера Орвила, пишет, что Ларис Стронг при падении Королевской Гавани сумел вывести короля из замка и спря-

Хаос выражался во многом, но самым безумным явлением были два короля-самозванца и время, получившее название Луны Трех Королей.

Первым был Тристан Истинно-Пламенный, оруженосец межевого рыцаря сира Перкина-Блохи — и, по словам одного рыцаря, побочный сын Визериса I. После бегства Рейениры городом завладел Пастырь со своим сбродом, но сир Перкин водворил Тристана в опустевший Красный Замок и стал издавать указы от его имени. Когда Эйгон II вновь занял город, Тристан перед казнью просил посвятить его в рыцари и был посвящен.

Второй был и того лучше — четырехлетний Геймон Сребровласый. Его потаскуха-мать объявила мальчика бастардом Эйгона (что было возможно, ибо король в юности всюду распутничал). Малолетний король, сидя в Доме Поцелуев на холме Висеньи, тоже издавал указы, и сторонники его исчислялись тысячами. Мать его позднее повесили (она созналась, что родила сына от гребца-лиссенийца с серебристыми волосами), а мальчика взяли ко двору. Он подружился с Эйгоном III, стал его неотлучным спутником, пробовал все его блюда и умер от предназначенного королю яда.

тать — да не где-нибудь, а на Драконьем Камне, полагая, что у себя дома Рейенира брата искать не станет. Полгода, пока Рейенира почти со всем своим двором пребывала в столице, Эйгон отлеживался в рыбацкой деревне на ее острове. С Раздвоенного Когтя к нему прилетел Солнечный с поврежденным крылом. Дракон и его хозяин выздоравливали вместе; Солнечный убил дикого отшельника Серого Призрака, но местные жители свалили это на Людоеда.

Многие на Драконьем Камне таили злобу на Рейениру за смерть своих близких или за воображаемые обиды; с их помощью Эйгон занял Драконий Камень не более чем за час. Воспротивилась ему только дочь принца Деймона, четырнадцатилетняя Бейела Таргариен, со своим молодым драконом по имени Лунный Танцор. Она успела сесть на него, когда ее попытались схватить, и взмыла навстречу торжествующему Эйгону, когда он снижался над двором замка.

Лунный Танцор, намного меньше Солнечного, был зато ловчее, проворнее, и отваги им с принцессой было не занимать. Он рвал и терзал большого дракона, пока тот не ослепил его,дохнув пламенем. Оба дракона, сцепившись, рухнули вниз, а с ними и всадники. Эйгон в последний миг соскочил и пере-

ломал себе ноги, Бейела же до конца не покидала Танцора. Альфред Брум собрался добить ее, но сир Марстен Уотерс отнял у него меч, отнес принцессу к мейстеру и тем спас ей жизнь.

Рейенира ничего не знала об этой битве, и спасения для нее не было. Эйгон, ненавидевший сестру с детства, скормил ее Солнечному на глазах у Эйгона Младшего, ее единственного уцелевшего сына (как думали тогда все). Так на двадцать второй день десятой луны 130 года погибла Жемчужина Королевства.

Брат пережил ее ненадолго. Эйгон убил Рейениру и захватил Эйгона Младшего, но у него еще оставалось немало врагов. Многие сподвиглись на брань из одного лишь страха, что король покарает их, но, так или иначе, сил у них было больше. Запоздалое вступление Борроса Баратеона в войну могло изменить ее ход, но лорд Боррос потерпел поражение и был умерщвлен в битве на Королевском тракте. Победившие его молодые речные лорды, прозванные Юнцами, подошли совсем близко к столице, а с севера по тракту шел с войском лорд Старк.

Лорд Корлис Веларион — освобожденный, помилованный и заседавший в малом совете — предложил Эйгону сдаться и надеть черное. Король не внял ему и собрался послать сторонникам

Эйегона Младшего уха племянника. С этим намерением он сел в носилки, и ему подали чашу вина.

В свои покои он прибыл мертвым, с кровью на губах. Так умер король Эйегон II, отравленный своими же слугами: они в отличие от него понимали, что их дело проиграно.

Страдания раздробленного, израненного государства на этом не завершились, но Пляске Драконов пришел конец. В будущем страну ждали Ложный Рассвет, Час Волка, правление регентов и Сломанный Король.

ПЛЯСКА ДРАКОНОВ

Драконы короля Эйегона

Солнечный (король Эйегон). Великолепный, но еще молодой боец. Получил увечье в Грачевнике и умер после битвы с Лунным Танцором на Драконьем Камне.

Вхагар (принц Эйемонд Одноглазый). Последний из трех драконов Эйегона Завоевателя, старый, но огромный и сильный. Погиб в битве с Караксесом над Божьим Оком.

Огненная Мечта (королева Гелайена). Ранее принадлежала Рейене, сестре Джейехериса I.

Драконы королев Рейениры:

Сиракс (королева Рейенира). Огромная и грозная. Убита при взятии Драконьего Логова.

Караксес (принц Дейемон). Огромный и отличный боец. Погиб в битве с Вхагаром над Божьим Оком.

Вермакс (принц Джакайерис). Молодой, но сильный. Погиб в Глотке вместе с всадником.

Арракс (принц Люцерис). Молодой, но сильный. Сбит Вхагаром вместе с всадником над заливом Губительные Валы.

Тираксес (принц Джоффри). Молодой, но сильный. Убит при взятии Драконьего Логова.

Туча (принц Эйегон Младший). Умер от ран, полученных в Глотке.

Мелейс (принцесса Рейенис). Старая, ленивая, но хитрая и опасная, если ее раздражить. Погибла в Грачевнике вместе с всадницей, Несбывшейся Королевой.

Лунный Танцор (принцесса Бейела). Небольшой, но красивый, как раз впору для юной девушки. Погиб в битве с Солнечным на Драконьем Камне, смертельно ранив противника.

Погибла под обломками купола при взятии Драконьего Логова.

Тессарион (принц Дейерон). Самый молодой из годных для боя на стороне Эйегона. Погиб во Второй Тамблетонской битве.

Моргул (принцесса Джейегера). Слишком молодой для войны. Убит при взятии Драконьего Логова Пылающим Рыцарем.

Шприкос (принц Джейехерис). Слишком молодой для войны. Убит при взятии Драконьего Логова Хоббом-Рубакой.

Среброкрылый (сир Ульф Белый). Дракон королев Алисанны, перешедший затем к бастарду драконьего племени, предавшего Рейениру. Пережил и Пляску, и нового всадника, но одичал и устроил себе логово на острове посреди Красного озера.

Морское Чудо (Аддам из Корабела). Принадлежал ранее сире Лейенору Велариону, перешел к всаднику драконьего племени. Убит Вермитором во Второй Тамблетонской битве.

Вермитор (сир Хью Молот). Старый дракон Старого Короля. Перешел к всаднику драконьего племени, предавшего Рейениру. Погиб в битве с Морским Чудом и Тессарионом во Второй Тамблетонской битве.

Бараний Вор (Крапива). Дикий дракон, укрощенный женщиной драконьего племени. В конце войны пропал без вести.

Серый Призрак. Дикий, не укрощенный никем. Убит Солнечным на Драконьем Камне.

Людоед. Дикий хищник, не укрощенный никем. В конце войны пропал без вести.

Утро (принцесса Рейена). Был слишком молод для войны и пережил Пляску.

Эйегон III

Когда в 131 г. после смерти своего дяди Эйегона II на трон взошел Эйегон Младший, страна, казалось бы, могла вздохнуть с облегчением. Сторонники молодого короля добились остатки вражеских войск на Королевском тракте и полностью овладели столицей. Флот Велариона вновь стал служить Железному Трону, и Морской Змей был готов помочь королю советом и руководством. Но все надежды подданных зиждались на песке, и время это вскоре стало зваться Ложным Рассветом. Эйегон II посылал гонцов через Узкое море за наемниками, и никто не знал, долго ли ждать этих новых мстителей. Красный Кракен бесчинствовал на Светлом

острове и западном побережье. В довершение всего суровая зима, обещанная Староместским Конклавом еще на Девичий День 130 г., настала и длилась шесть долгих лет.

Нигде в Семи Королевствах так не страшатся зимы, как на Севере. Именно из страха перед ней Зимние Волки умирали за королеву Рейениру под знаменем Родерика Дастина, а вслед за ними с лордом Криганом Старком пришли холостые, бездетные, безземельные младшие сыновья. Каждый из них готов был погибнуть со славой, чтобы избавить родичей за Перешейком от лишнего рта.

Смерть Эйегона II от яда лишила их этой возможности. Лорд Старк привел войско в Королевскую Гавань с намерением наказать мятежные Штормовой Предел, Старомест и Бобровый Утес, но лорд Корлис уже отправил туда послов, чтобы договориться о мире. И вот в те шесть дней, когда все ждали, чем это кончится, и дрожали при мысли о новой войне, лорд Криган Старк устроил переворот, названный Часом Волка.

В одном он был непреклонен: изменники и отравители Эйегона II должны понести наказание. Одно дело — убить несправедливого короля в честном бою, другое — дать ему яду. Такая измена вопиет против богов, помазавших короля на царство. Именем Эйегона III Криган арестовал двадцать два человека, в том числе Лариса Колченогого и Корлиса Велариона. Одиннадцатилетний король покорился и назначил лорда Старка своим десницей.

Криган пробыл в этой должности ровно один день, за который свершились и суд и казнь. Большинство обвиняемых (в первую голову хитроумный сир Перкин-Блоха) выбрали черное, и лишь

Лорд Корлис избежал суда благодаря вмешательству Бейелы и Рейены Таргариен, убедивших Эйегона восстановить его в должности и в правах. Помогла и Черная Эли Блэквуд, отдавшая Старку свою руку в обмен на утверждение такого указа.

двое предпочли смерть. Это были сир Джайлс Бельграв из Королевской Гвардии и Ларис Колченогий, последний отпрыск древнего дома Стронгов.

Назавтра после казни лорд Криган сложил с себя сан десницы. Никто еще не занимал эту должность столь малый срок и не отказывался от нее столь охотно. Обратно на Север с ним ушли не все его свирепые воины: одни женились на вдовах, коих в речных землях было хоть отбавляй, другие поступили к кому-то на службу, малая часть подалась в разбойники. Но Час Волка миновал, и настало время регентов.

Годы регентства были смутными. Сначала десницей стал сир Тайленд Ланнистер, посланный Эйегоном II за наемниками и вернувшийся ни с чем (все вольные отряды были уже заняты в войнах, следовавших за падением Триархии). Он хорошо исполнял свою должность вопреки слепоте и увечьям (как ни истязали его палачи Рейениры, он так и не сказал, где укрыл казну Эйегона II). Но зимняя горячка 133 года унесла и его.

Все изменилось к худшему, когда Анвин Пек, лорд Звездной Вершины, Данстонбери и Белой Рощи, стал сначала регентом, а там и десницей. Он сы-

РЕГЕНТЫ ПРИ ЭЙЕГОНЕ III

ПЕРВЫЙ СОВЕТ СЕМЕРЫХ:

Леди Джейна Аррен, Дева Долины.
Умерла от болезни в Чаячьем городе в 134 г.

Лорд Корлис Веларион, Морской Змей.
Умер от старости в 132 г., семидесяти девяти лет.

Лорд Роланд Вестерлинг из Крэга.
Умер от зимней горячки в 133 г.

Лорд Ройс Карон из Ночной Песни.
Отказался от должности в 132 г.

Лорд Манфрид Моутон из Девичьего Пруда.
Умер от старости и болезней в 134 г.

Сир Торрхен Мандерли из Белой Гавани.
Отказался от должности в 132 г. после смерти отца и брата от зимней горячки.

Великий мейстер Манкен.
Единственный, кто состоял в совете со 131 по 136 г.

ДРУГИЕ РЕГЕНТЫ:

Лорд Анвин Пек.
Заменил лорда Корлиса в 132-м, подал в отставку в 134 г.

Лорд Таddeуш Рован.
Заменил в 133 г. умершего лорда Вестерлинга, освобожден от должности в 136 г.

Сир Корвин Корбрей,
муж Рейены Таргариен. Заменил лорда Моутона в 134 г., убит из арбалета в Рунстоне в тот же год.

Виллем Стаксспир.
Избран Большим советом 136 г.

Марк Мерривезер.
Избран Большим советом 136 г.

Лорент Грандисон.
Избран Большим советом 136 г.

С 131 г., когда Эйегон заступил на царство, до 136-го, когда он достиг совершенных лет, страной правил совет семерых. Лишь один из них, великий мейстер Манкен, продержался весь этот срок: прочие умирали, уходили в отставку и заменялись другими. Самым примечательным был Морской Змей, покинувший земную юдоль в возрасте семидесяти девяти лет в 132 г. Его тело пролежало в тронном зале семь дней, и вся страна оплакивала великого старца.

грал заметную роль в Первой и Второй Тамблетонских битвах и почувствовал обиду, когда его не выбрали в число первых регентов. Власть он набирал исподволь: устраивал своих родичей на высокие посты, предлагал свою дочь в жены Эйегону III после самоубийства королевы Джейегеры и всеми средствами старался ослабить своих соперников.

Главным соперником десницы был внук Морского Змея лорд Алин Веларион. Ему не дали занять место деда в совете и вынудили отплыть на Ступе-

Джейгеру Таргариен, последнего потомка Эйегона II, выдали за кузена Эйегона III в восемь лет. В десять она бросилась из окна крепости Мейегора на пики сухого рва, промучилась с полчаса и наконец умерла.

Многие, однако, сомневались в том, что она сделала это по своей воле. Люди подозревали, что юную королеву убили, и называли виновных, в том числе сира Мервина Флауэрс из Королевской Гвардии, побочного брата лорда Анвина Пека: он нес караул у дверей королевы, когда та погибла. Впрочем, даже Грив не верил, что Флауэрс был способен швырнуть ребенка на пики. Карлик предполагал, что рыцарь просто позволил это сделать кому-то другому — например, наемнику Тессарио Тигру, которого привез из-за моря лорд Анвин.

Правды мы, возможно, никогда не узнаем, но причастность лорда Пека к гибели Джейегеры представляется нам весьма вероятной.

ни. Там он одержал большую победу и заслужил прозвище Дубовый Кулак, но по возвращении в Королевскую Гавань увидел, что нажил врага в лице лорда Пека: тот сам желал захватить Ступени и покончить с пиратским королевством Раккалио Риндона. В конце концов десница убедил регентов послать Велариона на запад для усмирения лорда Далтона Грейджоя, Красного Кракена. Это опасное путешествие, долженствовавшее, по замыслу Пека, привести Дубового Кулака к поражению или к смерти, стало первым из шести подвигов лорда Алины.

Эйегон III участвовал во всем этом лишь как фигура в чужой игре. Меланхоличный, угрюмый отрок ничем не интересовался, ходил всегда в черном и порой не произносил ни слова целыми днями. Единственным его компаньоном в эти первые годы был прежний самозванец Гейемон Сребровласый. Пек, придя к власти, сделал Гейемона мальчиком для битья; позже тот умер, отведав блюдо, которым хотели отравить короля и его новую королеву Дейенеру Веларион.

Леди Дейенера приходилась двоюродной племянницей Алину Дубовому Кулаку; отец ее Дейерон погиб на Ступенях. Принцессы Бейела и Рейена представили эту шестилетнюю красавицу королю последней из тысячи дев на большом балу 133 года. Бал этот затеял лорд Пек, когда регенты отвергли его дочь в качестве королевской невесты; он не оставил своих честолюбивых надежд и был крайне раздосадован, когда король сделал свой выбор.

Он попытался было исправить дело, но ему воспротивились и Эйегон, и совет. В ярости лорд Анвин пригрозил, что уйдет в отставку; тогда другие регенты поймали его на слове и назначили десницей лорда Таддеуша Рована.

Истинную радость Эйегон испытал лишь однажды, когда вернулся его младший брат, принц Визерис. Все считали, что тот погиб в Глотке, и король не мог простить себе, что покинул брата, бежав из боя на Туче. Но Дубовый Кулак дорогой ценой вызволил Визериса из Лисса, где купцы держали принца в плену. В обмен на свободу Визериса женили на красавице лиссенийке Ларре Рогаре, семью годами старше его, но это не убавило радости от его возвращения, и полностью король доверял только ему.

Именно Ларра Рогаре и ее богатые родичи помогли лишить власти регентов и прежде всего лорда Пека — хотя сделалось это, можно сказать, ненамеренно. В то время, известное как Лиссенийская Весна, банк Рогаре обошел своих конкурентов из Железного банка, и семье этой приписывали даже и то, к чему они не имели касательства. Лорда Рована, тогдашнего десницу и одного из последних регентов, обвинили в сговоре с ними и подвергли пыткам, чтобы заставить признаться. Сир Марстон Уотерс, каким-то образом ставший десницей вместо него (Манкен, единственный в то время регент помимо Рована, в своей книге обходит это молчанием), арестовал братьев леди Ларры и велел схватить ее саму, но король и принц Визерис Ларру не выдали. Уотерс восемнадцать дней держал крепость Мейегора в

осаде, но затем, очевидно, вспомнил о долге и по приказу короля отправился арестовать как раз тех, кто ложно обвинил семью Рогаре и лорда Рована. При попытке взять их под стражу Уотерса убил его же собрат сир Мервин Флауэрс.

После этого до конца года и назначения новых должностных лиц и регентом, и десницей был Манкен. На свой шестнадцатый день рождения король вошел в чертог совета, распустил регентов и освободил от должности тогдашнего десницу лорда Мандерли.

Но Эйегона недаром прозвали Сломанным Королем. Глубокий меланхолик, он не получал от жизни никакой радости и постоянно затворялся в своих покоях. Не терпел, чтобы к нему прикасались, будь

то даже его красавица королева. Он не спешил взойти на ее ложе, даже когда она расцвела, но затем боги благословили их брак, и у них родились двое сыновей и три дочери. Старший, Дейерон, получил титул принца Драконьего Камня.

Эйегон III всеми силами стремился даровать государству мир после Пляски Драконов, но по природной своей холодности не искал расположения ни простого народа, ни лордов. Брат его принц Визерис, в последние годы жизни Эйегона служивший ему десницей, был более обаятелен, но и он стал угрюм, когда жена, оставив его и детей, вернулась в свой родной Лисс.

При всем при том братья успешно расправлялись с остатками смуты — к примеру, с самозван-

По словам Манкена, король сказал лорду Мандерли следующее: «Я хочу дать народу мир, пищу и правосудие. Если этого мало, чтобы завоевать их любовь, пошлем к ним Гриба с медведем. Мне говорили, что простой народ очень любит смотреть, как медведи пляшут. Пировать нынче вечером мы не будем. Отправьте лордов по домам, а еду раздайте голодным. Отныне моим девизом будут полные животы и пляшущие медведи».

цами, выдававшими себя за принца Дейерона Отважного, младшего брата Эйгона II (он пал во Второй Тамблетонской битве, но тело его так и не опознали среди мертвецов). Они попытались даже вновь развести драконов, которых Эйгон очень боялся с тех пор, как Солнечный у него на глазах пожрал его мать, однако признавал их полезность. По совету Визериса он выписал из Эссоса девятерых магов, чтобы вывести детенышей из драконьих яиц, но затея эта обернулась катастрофой.

В начале царствования Эйгона четыре дракона еще оставались в живых: Среброкрылый, Утро, Бараний Вор и Людоед. Но король этот заслужил также имя Погибель Драконов, ибо при нем, в 153 г., умерло последнее из крылатых чудовищ.

Сломанный Король, он же Эйгон Несчастливый, умер от легочной болезни тридцати шести лет, хотя подданные думали, что он много старше. Короля-меланхолика мало кто поминал добром, и деяния его сыновей вскоре затмили его собственные свершения.

ДЕЙЕРОН I

Дейерон, старший из сыновей Эйегона III, взшел на трон четырнадцатилетним отроком. Признавая его блестящие способности и память о прошлом, принц Визерис решил не учреждать регентства, но продолжал служить десницей при молодом короле.

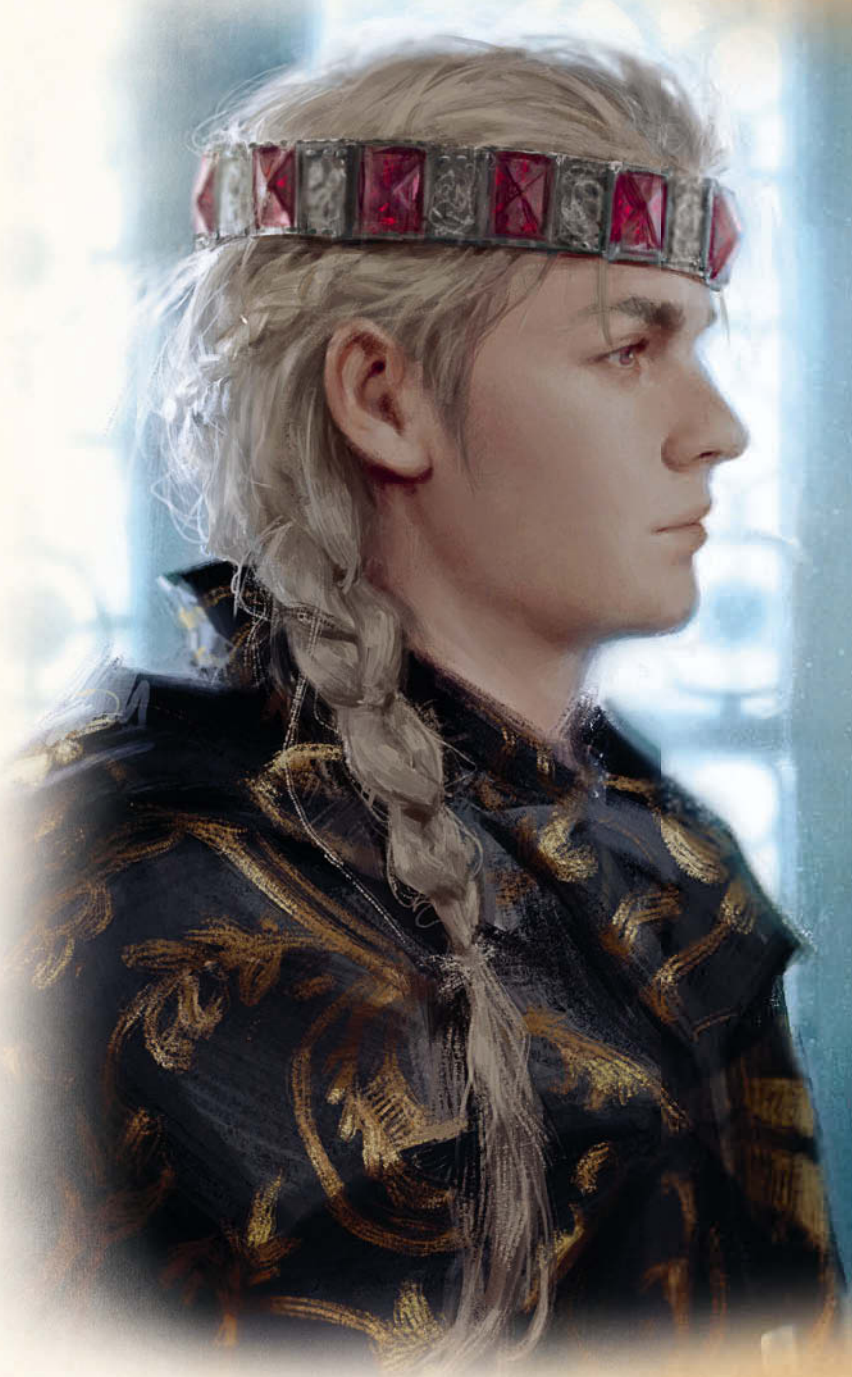
Немногие предвидели, что Дейерон увенчает себя славой по примеру своего предка Эйегона Завоевателя, чью корону он носил (отец его предпочитал простой, ничем не украшенный обруч); впрочем, слава эта быстро развеялась в прах. Вопреки мнению своего дяди, своих советников и многих великих лордов, дерзостный юноша предложил «завершить Завоевание», наконец присоединив Дорн к прочим шести королевствам. Лорды напомнили королю, что у него в отличие от Эйегона I и его сестер больше нет боевых драконов, на что Дейерон дал знаменитый ответ: «Один есть. Он стоит перед вами».

Когда же король огласил свои планы, разработанные по совету и при участии Алина Велариона Дубового Кулака, лорды стали подумывать, что такая кампания (превосходящая стратегию самого Эйегона Завоевателя) и в самом деле возможна.

Выступив в Дорн, веками противостоявший Простору, штормовым землям и даже драконам, Дейерон разделил свое войско на три части. Одна треть во главе с лордом Тиреллом шла через Принцев перевал на западном конце Красных гор; другую вел морем королевский кузен и мастер над кораблями Алин Веларион; третья, под командованием самого короля, двигалась по опасному перевалу Костяной Путь. Пользуясь козьими тропами, Дейерон обошел сторожевые башни дорнийцев, избежал ловушек, в которые когда-то попался Орис Баратеон, и начал сметать всех, кто встречался ему на пути. Тирелл тем временем преодолел Принцев перевал, а Веларион, разгромив Дошчатый город, двинулся вверх по реке.

Захватив таким образом Зеленую Кровь, он не позволял западным силам дорнийцев соединиться с

восточными. Это привело к целому ряду сражений, полный отчет о коих занял бы целый том. Об этой войне сохранилось много свидетельств, и лучшее из них — «Завоевание Дорна», принадлежащее само-

СЛЕВА | Все, что сегодня осталось от драконов Таргариенов: череп Балериона Черного Ужаса
ВВЕРХУ | Король Дейерон I, Юный Дракон

му королю Дейерону; произведение это считается образцом изящной простоты как в прозе, так и в стратегии.

Меньше чем через год завоеватели подошли к воротам Солнечного Копья и с боем прошли так называемый теневой город. В 158 г. принц и сорок знатнейших дорнийских лордов преклонили перед Дейероном колени, и Юный Дракон свершил то, что не удалось самому Эйгону Завоевателю.

Мятежников, еще упорствовавших в горах и пустынях, поспешили объявить вне закона, и Дейерон стал вылавливать их, спеша укрепить свою власть над Дорном. Однажды предназначенная ему отравленная стрела попала в принца Эймона,

и три года борцов за свободу стало вчетверо больше.

Лорд Тирелл, оставленный в Дорне наместником, всячески старался подавить многочисленные очаги мятежа. Каждую луну он перемещался от замка к замку, вешал недовольных, жег деревни, где укрывались бунтовщики. Те, не оставаясь в долгу, воровали или портили съестные припасы, поджигали военные лагеря, убивали лошадей. Число убитых латников короля тоже росло неуклонно: их подкарауливали в теневом городе, среди дюн и резали в палатках, где они спали.

Однажды лорд Тирелл прибыл в Песчаник, где его милости напустили скорпионов в постель. При

По письмам дорнийцев, которые мейстер Гарет приводит в своих «Красных песках», видно, что лорд Песчаника Кворгил сам руководил убийством наместника, но мотивы его не совсем понятны. Одни говорят, что лорд Тирелл недостаточно высоко оценил его расправу с одним из мятежных лордов, другие — что эта расправа входила в его коварные замыслы, имевшие целью усыпить бдительность короля и его наместника.

младшего сына Визериса, и раненого на корабле отослали домой. Но к 159 г. завоеванные земли утихомирились, и Юный Дракон с триумфом вернулся в Королевскую Гавань, оставив вместо себя лорда Тирелла. Вместе с королем в столицу, чтобы обеспечить покорность Дорна, отправились четырнадцать заложников, сыновья и дочери знатных дорнийских домов.

Эта тактика, однако, не оправдала надежд Дейерона. Заложники, правда, обеспечили ему послуша-

ние своих родичей, но король не принял в расчет дорнийских простолюдинов, коих припугнуть было нечем.

Если в битвах за Дорн пали десять тысяч защитников, то в последую-

вести о его кончине восстание охватило Дорн от края до края.

В 160 г. Юный Дракон вернулся в Дорн подавлять мятеж. Он одержал несколько мелких побед, продвигаясь по Костяному Пути, а лорд Алин Дубовый Кулак вновь завладел Дощатым городом и Зеленой Кровью. Дорнийцы притворились, что готовы сдаться и обсудить условия мира, но это было лишь уловкой. Юного Дракона и его свиту предательски атаковали под мирным знаменем. Три рыцаря Королевской Гвардии пали, защищая короля (четвертый, покрыв себя вечным позором, опустил меч и сдался). Принц Эймон, Рыцарь-Дракон, был ранен и взят в плен, но успел зарубить двух изменников. Сам Дейерон погиб с Черным Пламенем в руке, окруженный десятком врагов.

Дейерон I правил всего лишь четыре года; честолюбие сократило его молодую жизнь. Слава, которая порой длится вечно, может быть и короткой, тем более если великие победы приводят лишь к новым несчастьям.

ВВЕРХУ | Череп мертвецов в Дорне

СПРАВА | Покаяние Бейелора I: король бредет по пустыням Дорна

БЕЙЕЛОР I

Когда весть о гибели короля Дейерона и разгроме его войска достигла Королевской Гавани, всеобщий гнев обратился против дорнийских заложников. Десница принц Визерис приказал бросить их в темницу и вскоре повесить. Старший его сын принц Эйегон сам привел к отцу молодую дорнийку, которую сделал своей любовницей.

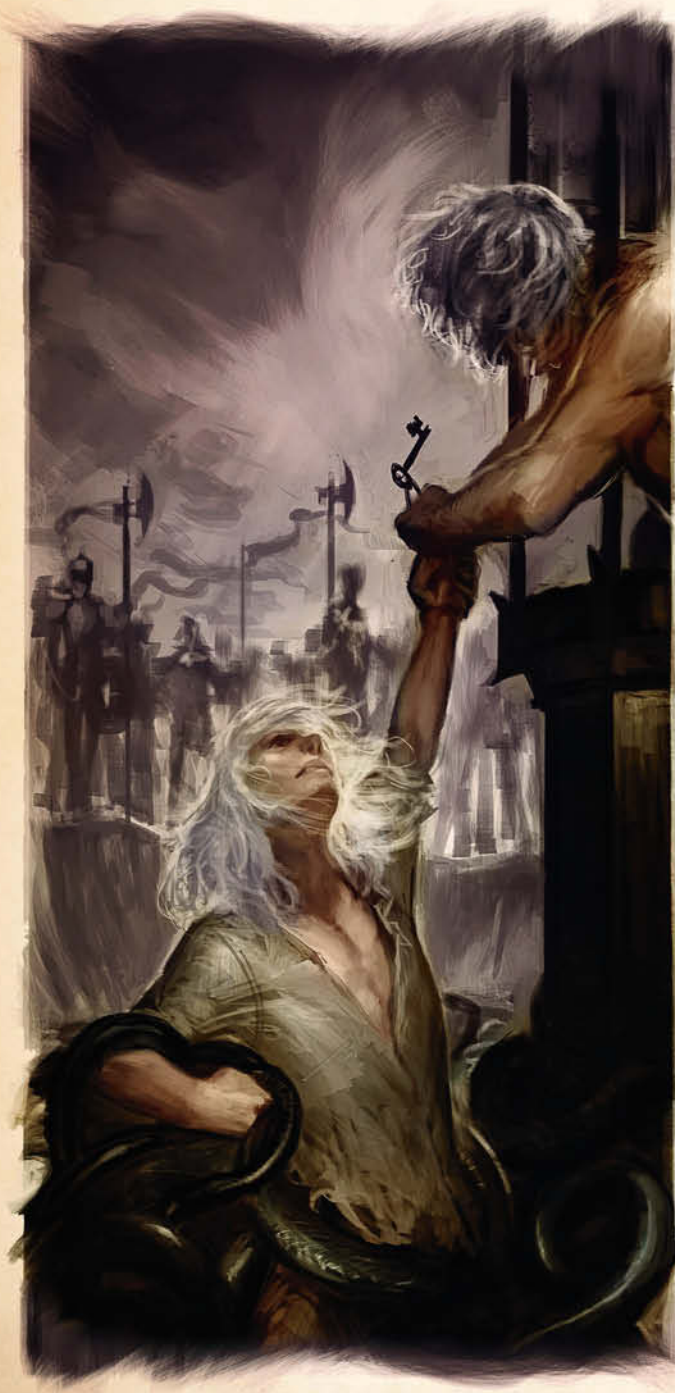
Юный Дракон не был женат и не оставил потомства, отчего Железный Трон перешел к его брату Бейелору, юноше семнадцати лет. Он стал самым благочестивым королем как в династии Таргариевых, так и в истории Семи Королевств. Первым его указом стало помилование дорнийцев, и такими же милосердными деяниями отмечены все десять лет его царствования. И малый его совет, и лорды требовали отмщения, но Бейелор публично простил убийц брата, заявив, что желает уврачевать нанесенные войной раны и заключить с Дорном мир. К этому он добавил, что самолично отправится в Дорн «без меча и без войска», чтобы вернуть заложников их родителям. Так он и сделал: прошел босиком и в рубище от Королевской Гавани до Солнечного Копья, а заложники ехали следом на добрых конях.

Песни о путешествии Бейелора в Дорн, сложенные в монашеских обителях, вскоре запели повсюду. Придя в замок Каменный Путь, где Вайлы держали в плену его кузена принца Эйемона, он увидел нагого Рыцаря-Дракона в клетке и стал молить за него, но лорд Вайл отказался дать свободу своему узнику. Тогда Бейелор помолился за принца и поклялся, что вернется к нему. Многие поколения с тех пор задавались вопросом, что должен был думать пленник, видя своего венценосного родича оборванным и с окровавленными стопами. Но Бейелор в самом деле одолел Костяной Путь, где многие тысячи до него нашли свою смерть.

Переход через пустыню от северных предгорий до реки Бич едва и Бейелора не доконал, но благочестивый король все же явился к принцу Дорнийскому, что принято считать его первым чудом. Вторым следовало бы назвать то, что он смог договориться о мире. В числе условий была помолвка Дейерона, внука десницы Визериса и сына принца Эйегона, с принцессой Мириах, старшим ребенком принца Дорнийского. Им обоим предстояло еще дорасти до брачного возраста.

Принц предложил Бейелору галею для возвращения в Королевскую Гавань, но король сказал, что Семеро воспрепятствуют ему все способы путешествия, кроме пешего. В Солнечном Копье полагали, что на обратном пути Бейелор уж верно умрет, и боялись, что принц Визерис использует это как повод для новой войны; принц Дорна поэтому постарался обеспечить королю гостеприимство лордов в попутных замках. Придя к лорду Вайлу, Бейелор пере-

дал ему приказ принца освободить Эймона, но лорд вместо пленника вручил ему ключ от клетки. Не довольствуясь тем, что нагой узник терпит дневной зной и ночной холод, Вайл велел вырыть перед клеткой яму, кишашую ядовитыми змеями. Рыцарь будто бы просил короля оставить его и привести помощь с Дорнийских Марок. Но король сказал с улыбкой, что боги его защитят, и шагнул в змеиную яму.

В песнях поется, что змеи склонили перед ним головы, но это неправда. Бейелора укусили раз десять; он едва сумел отпереть клетку, а Эймон открыл дверь и втащил его внутрь. Вайлы в это время бились об заклад, что с ними будет дальше. Возможно, именно злость на своих мучителей помогла Эймону взобраться на крышу клетки, перекинув Бейелора через плечо, и спрыгнуть в безопасное место.

Лишь на середине Костяного Пути деревенский септон дал рыцарю одежду и осла, чтобы везти на нем впавшего в беспамятство короля. Так Эймон добрался до сторожевых башен Дондаррионов. Мейстер из Черной Гавани оказал королю посильную помощь, и Бейелора повезли в Штормовой Предел для дальнейшего врачевания.

Очнулся он только на пути в Предел и начал шептать молитвы. Лишь через полгода его смогли перевезти в Королевскую Гавань. Все это время принц Визерис правил от его имени и соблюдал мир с дорнийцами.

Страна весело отпраздновала возвращение короля, но Бейелор думал только о Семерых. Первые его указы должны были сильно удивить подданных, привыкших к разумности Эйгона III, пренебрежению Дейерона и ловкости Визериса. Бейелор, которого в 160 г. женили на его сестре Дейене, убедил верховного септона признать этот брак недействительным: он-де женился до того, как стал королем, и не скрепил этот союз плотским соитием.

Осуществив свое желание, Бейелор пошел еще дальше: учредил для Дейены и младших сестер, Рейены и Элайены, в Красном Замке их собственный «Двор Красоты», который вскоре стали называть Девичьим Склепом. Король объявил, что желает оградить их невинность от мирского зла и мужской

ВВЕРХУ | Бейелор шагает в змеиную яму, чтобы спасти Рыцаря-Дракона Эймона СПРАВА | Сестры короля Бейелора I (слева направо): Элайена, Рейена и Дейена

СЕСТРЫ КОРОЛЯ БЕЙЕЛОРА I

Дейену в народе любили больше других сестер — и за красоту ее, и за отвагу. Она превосходно ездila верхом, стреляла из дорнийского лука, привезенного братом Дейероном с войны, и даже упражнялась с копьем — только на турнир ей ни разу не позволили выехать, как она ни просила. В заточении она стала известна как Непокорная и трижды пыталась бежать, переодевшись служанкой. В конце правления Бейелора она даже ребенком умудрилась обзавестись — но, учитывая все беды, которые принес ее сын государству, нам остается лишь пожалеть о ее строптивости.

Рейена почти не уступала брату благочестием и со временем стала септой. Младшая Элайена была не столь красива, как сестры. В заточении она обрезаала свои длинные бледно-золотистые волосы и послала их брату с мольбой о свободе: теперь-де на нее ни один мужчина не взглянет, но Бейелор остался глух к ее просьбе.

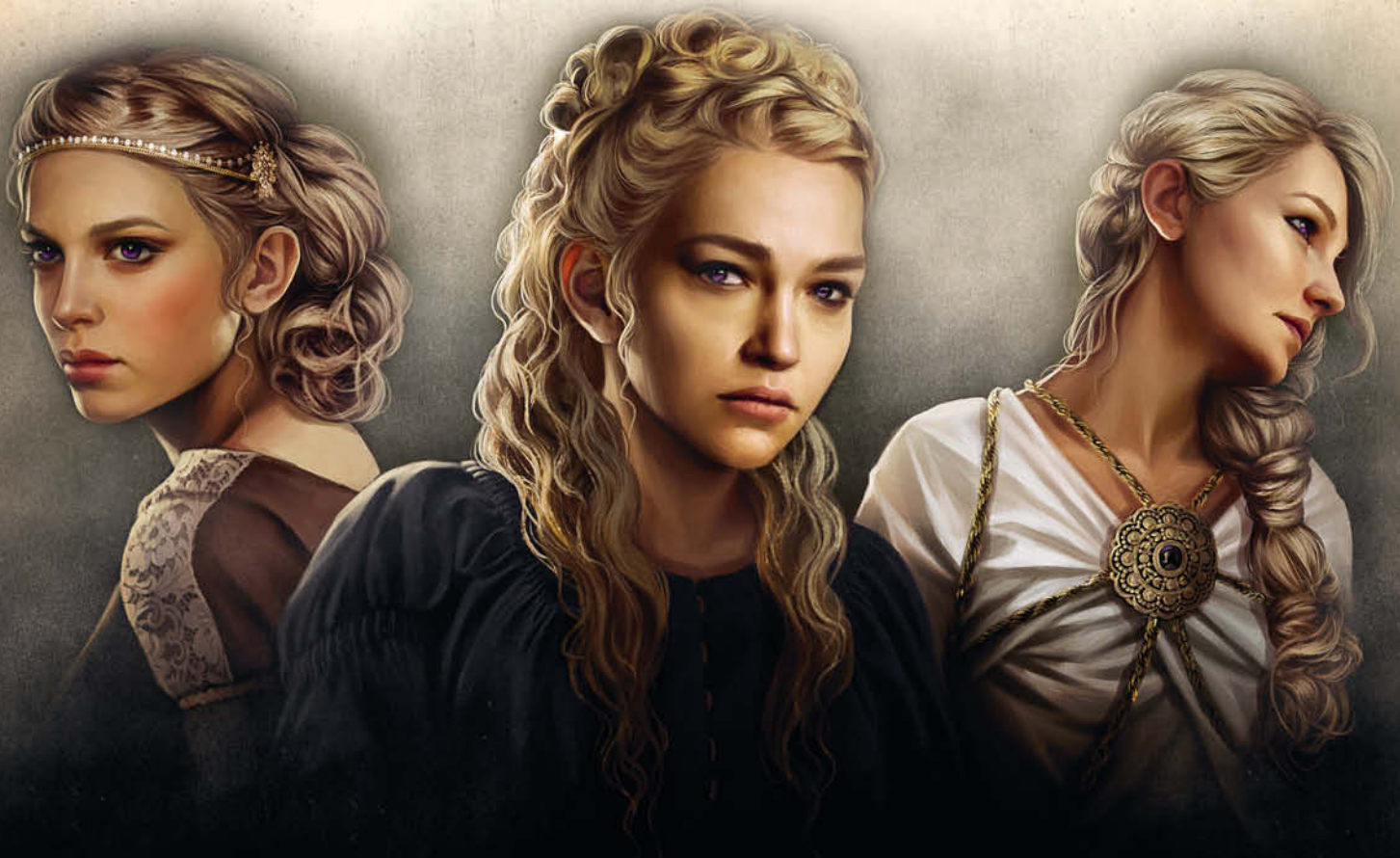
Пережив и сестер, и брата, Элайена наконец обрела свободу и принялась наверстывать упущенное. По примеру Дейены она родила лорду Алину Велариону близнецов-бастардов Джона и Джейну Уотерс. Она, как пишут, надеялась выйти за него замуж, но после его пропажи в море оставила эту надежду и побывала замужем трижды.

Первый брак с богатым, но уже немолодым Оссифером Пламмом она заключила в 176 г. Супруг ее умер в первую же брачную ночь, но Элайена успела зачать от него дитя. Злые языки говорили, что скончался он, как только увидел молодую жену обнаженной (выражения, коими пользовались сплетники, позабавили бы самого Гриба, но мы не станем их повторять), и что понесла она не от него, а от своего кузена, будущего Эйгона Недостойного.

Второй брак был заключен по настоянию преемника Эйгона, Дейерона Доброго. Король выдал Элайену за своего мастера над монетой, и она родила еще двух детей. Подлинным мастером над монетой была она, ибо муж ее, благородный лорд, не слишком хорошо управлялся с цифрами. Благодаря этому она приобрела большое влияние, и король Дейерон доверял ей во всем.

Третьего мужа она выбрала сама, влюбившись в дорнийского лорда Микаэля Манвуди, приближенного принцессы Мириах. В юности он получил образование в Цитадели, был большим остроумцем и преданно служил Дейерону, когда король женился на Мириах. Его несколько раз посылали для переговоров в браавосский Железный банк, и сохранилось его письмо к тамошним казначеям с его печатью и подписью, но написанное, судя по всему, рукой Элайены.

За лорда Манвуди она вышла, видимо, с благословения Дейерона вскоре после кончины второго мужа. Позже она говорила, что полюбила его не за ум, а за музыку. Он часто играл для нее, и после его смерти Элайена велела извять Микаэля с арфой, а не с мечом и при рыцарских шпорах.

похоти, но многие полагали, что он сам опасается их чар и бережет себя от соблазна.

Он настоял на своем вопреки протестам Визериса, самих принцесс и многих придворных. Так и жили принцессы в окружении других девственниц, присланных ко двору лордами и рыцарями Семи Королевств.

Протесты возобновились, когда Бейелор взялся за искоренение продажной любви — но он и

слушать не желал, к каким это может привести бедам. Когда из города выдворили больше тысячи шлюх вместе с их детьми, начались беспорядки. Король, не обращая на это внимания, всецело отдался своему новому замыслу: построить на холме Висеньи большую септу, которая будто бы предстала ему в видении. Но заложенную им Великую Септу достроили лишь много лет спустя после его кончины.

Люди задавались вопросом, не повлияла ли близкая смерть в Дорне на ум короля: его деяния становились все более ревностными, чтобы не сказать изуверскими. Народ любил его — он не скупился на благотворительность и как-то целый год ежедневно давал по ковриге хлеба всем горожанам и горожанкам, — но лорды начали беспокоиться. Расторгнув свой брак с Дейеной, Бейелор решил никогда более не жениться, и верховный септон, забиравший все больше власти, принял от него септонские обеты. Духовное начало в королевских указах всегда преобладало над материальным: так, он потребовал, чтобы письма отныне носили голуби, а не вороны, о чем подробно пишет

можно, и нет. Его преемником король на сей раз выбрал восьмилетнего ребенка — то ли уличного мальчишку, то ли сына торговца тканями. Мальчик будто бы говорил с голубями, которые отвечали ему голосами Семерых, мужскими и женскими. Праведные, опять-таки, не стали перечить, и самого молодого в истории верховного септона увенчали кристальной короной.

Рождение Дейемона Уотерса, незаконного сына Дейены Таргариен, отца коего она отказалась назвать (а был им, как после стало известно, не кто иной, как кузен ее принц Эйегон), подвигло короля к новому посту. Он уже едва не уморил себя

Самым дурным из благочестивых деяний Бейелора было сожжение книг. Не следует уничтожать знания, какими бы легковесными или даже опасными они ни были. Понятно, что король решил сжечь скандальные «Грибные заметки», но «Противоестественная история» Барта, при всех ее погрешностях, была творением одного из самых блестящих умов Семи Королевств. Бейелор невзлюбил ученого септона за его занятия магией, хотя в «Истории» нет ничего, что противоречило бы вере. К счастью, отрывки сего труда сохранились, и знание не полностью пропало для нас.

Валгрейв в книге «Черные крылья, быстрые вести». Бейелор также собирался освободить от податей тех, кто наденет на своих дочерей пояса целомудрия.

С годами он все больше времени проводил в посте и молитвах, замаливая грехи, ежедневно совершаемые им и всем его королевством. После смерти верховного септона боги якобы открыли Бейелору, кто должен быть новым. Это оказался каменотес Пейт, неграмотный, недалекий умом и неспособный запомнить даже самую простую молитву.

Он протянул на своем новом посту только год и умер от лихорадки — возможно, к счастью, а воз-

несколько лет назад, пропустившись целую луну, когда близнецы его кузины принцессы Нейерис умерли сразу после рождения. На сей раз Бейелор пошел еще дальше и принимал только воду с малым количеством хлеба. Так постился он сорок дней, а на сорок первый его нашли без чувств перед алтарем Матери.

Великий мейстер Манкен сделал все, чтобы исцелить короля. Маленький верховный септон тоже очень старался, но чуда сотворить не сумел. В 171 г., на десятом году своего правления, король Бейелор отошел к Семерым.

Письмо леди Майи из дома Стоквортов положило начало злобным слухам: короля, мол, отравил Визерис, которому наскучило дожидаться престола больше десяти лет. Говорили также, что Визерис вправду сделал это, но по другой причине: король-септон вознамерился обратить всех неверных в Семи Королевствах, что наверняка привело бы к войне с Севером и Железными островами.

Визерис II

Оба сына короля Эйегона III умерли, но три его дочери были живы. В народе, да и среди лордов, слышались голоса, что трон по праву должен перейти к принцессе Дейене, но таких голосов было мало. Десять лет заточения лишили Дейену и ее сестер всякой поддержки, и свежа еще была память о бедах, постигших страну, когда наследницей Железного Трона стала женщина. В Дейене многие лорды видели натуру буйную, неуправляемую и к тому же распутную: год назад она родила сына-бастарда и упорно отказывалась назвать имя его родителя.

Со ссылками на Большой совет 101 г. и Пляску Драконов корона перешла к дяде покойного короля принцу Визерису.

Пока Дейерон воевал, а Бейелор молился, Визерис правил, говорили тогда. Четырнадцать лет он служил своим племянникам как десница, а до того служил брату, Эйегону III. Его считали лучшим десницей со времен септона Барта, хотя Сломанный Король, не желавший завоевывать любовь своих подданных, сильно ему вредил. Великий мейстер Каэт в «Жизни четырех королей» повествует о нем очень скудно, хотя книгу эту по справедливости следовало бы написать о пяти королях, считая и Визериса. Сын его, Эйегон Недостойный, оставил отца в тени.

Живший в Лиссе заложником после Пляски, Визерис вернулся в Королевскую Гавань с красавицей женой Ларрой Рогаре, дочерью богатого и влиятельного благородного дома. Высокая, гибкая, с серебристо-золотыми волосами и лиловыми глазами (в Лиссе до сих пор сильна валирийская кровь), она была на семь лет старше мужа. Ларра не прижилась в Вестеросе, не была счастлива при дворе. Родив Визерису трех детей, она вернулась в свой родной Лисс.

Старший, Эйегон, родился в Красном Замке в 135 г. Мальчик, красивый и крепкий, рос капризным, избалованным. Став взрослым, он причинил много горя и отцу, и всему государству.

В 136 г. за ним последовал Эйемон. Не уступая брату красотой и здоровьем, он не обладал его недостатками и еще в отрочестве показал себя рыцарем, достойным Темной Сестры, которой до него владели принц Дейемон, король Джейехерис, король Мейе-

гор и королева Висеня. На шлеме он носил трехглавого дракона из белого золота, отчего его стали звать «Рыцарь-Дракон». Многие и по сей день почитают его благороднейшим из всех рыцарей и одним из самых славных бойцов Королевской Гвардии.

Последней, в 138 г., родилась Нейерис. Она росла хрупкой и тоненькой (причиной тому был плохой аппетит), и ее кожа, очень белая, казалась почти прозрачной. Певцы восхваляли ее огромные фиолетовые глаза в обрамлении светлых ресниц.

Из братьев она больше любила Эйемона, умевшего ее рассмешить и весьма набожного, в отличие от Эйегона. Сама принцесса любила Семерых даже больше, чем брата, и могла бы стать септой. Но отец не позволил ей этого и в 153 г. выдал ее за Эйегона, старшего брата, с согласился король Эйегона III. В песнях поется, что на брачной церемонии Эйемон и Нейерис горько плакали, история же гласит, что на свадебном пиру младший брат поссорился с женой — да и молодая, уж верно, пролила больше слез в брачную ночь, чем во время обряда.

Одни историки уверены, что принц Визерис поощрял безумства Юного Дракона и Бейелора Благословенного, другие возражают, что он, напротив, смирал их как мог. За год с небольшим своего царствования он внес немалые усовершенствования в хозяйство Красного Замка, завел новый монетный двор, расширил торговлю с заморскими странами и пересмотрел свод законов, учрежденный Джейехерисом Умиротворителем.

Визерис II сам имел все задатки миротворца: Железный Трон еще не видел столь разумного и одаренного короля. К несчастью, в 172 г. он скончался от внезапной болезни.

Нет нужды говорить, что многие сочли столь скорую смерть подозрительной, но первое письменное обвинение против его сына и наследника Эйегона появилось лишь больше десяти лет спустя.

Мы не знаем, насколько это подозрение было оправданно, но многочисленные дурные дела Эйегона Недостойного — и до, и после восшествия его на престол — не позволяют безоговорочно обелить нового короля.

Эйегон IV

После смерти отца в 172 г. Эйегон, четвертый этого имени, наконец занял трон, который возжелал еще в детстве. В молодости он был красив, хорошо владел копьем и мечом, любил охоту и танцы. Самый блестящий и остроумный принц своего поколения, он имел при этом один тяжкий порок: не умел управлять собой. За него это делали необузданные желания, обжорство и похоть. Взойдя на трон, он сперва позволял себе лишь мелкие удовольствия, но аппетиты его не знали границ, и дела его принесли вред не одному поколению. «Эйенис был слаб, Мейегор жесток, Эйегон II алчен, — пишет Каэт, — но никто еще ни до, ни после этого короля не совершал таких беззаконий».

Приближенных он себе отбирал не за благородство, ум или честность, а за умение его забавлять

и льстить ему. Женщины при его дворе делали то же самое и удовлетворяли все желания короля. Эйегон, повинаясь капризам, любил отобрать что-нибудь у одного знатного дома и отдать другому; так он подарил Блэквудам именуемые Сиськами холмы, отнятые у Браkenов. Те же капризы побуждали его раздавать сокровища короны: своему деснице лорду Батервеллу он пожаловал драконье яйцо в обмен на всех трех его дочерей. Он не гнушался присваивать себе чужое наследие — именно так, по слухам, он поступил с лордом Пламмом, умершим в свою первую брачную ночь.

Народ только и делал, что сплетничал о своем короле и потешался над ним. Лорды, жившие вдали от двора и не желавшие предоставлять Эйегону своих дочерей, находили его в целом безобидным, но те, кто входили в его ближний круг, знали, что он переменчив, жаден, жесток и опасен.

Говорили, что Эйегон никогда не спит один и каждую ночь должен проводить с женщиной. Свою похоть он тешил со всеми, от высокородных принцесс до последних шлюх — и, как видно, не находил между ними особой разницы. В свои последние годы он заявлял, что у него было не меньше девяти сот женщин (точного числа он не помнил), но любил он всего лишь девять (свою сестру королеву Нейерис он меж ними не считал). Некоторые из этих девяти любовниц имели детей от него, но все они со временем надоедали ему, и он прогонял их (кроме последней). Одного бастарда, впрочем, родила ему та, кого любовницей не считали: принцесса Дейена Непокорная.

Она назвала сына Дейемоном в честь принца, бывшего славой и грозой своего поколения; позднее в этом стали видеть дурное предзнаменование. Родился он в 170 г. и получил родовое имя Уотерс, как все бастарды столицы. Отца его Дейена отказывалась назвать, но все и тогда еще подозревали, что это принц Эйегон. Красивый мальчик рос в Красном Замке, где его воспитывали мудрейшие мастера и лучшие мастера над оружием, в том числе сир Квен-

ВВЕРХУ | Юный принц Эйегон с родителями, принцем Визерисом II и Ларрой Рогаре

тин Болл по прозвищу Огненный Шар. Деймон любил боевые искусства и отличался в них; многие видели в нем нового Рыцаря-Дракона. Король Эйегон IV посвятил его в рыцари на двенадцатом году, когда Деймон победил на турнире оруженосцев (так мальчик стал самым юным рыцарем времен Таргариенов, обойдя самого Мейегора). Сделав это, король, к испугу своих родичей, двора и совета, пожаловал Деймону Черное Пламя, меч Эйегона Завоевателя, вкупе с землями и другими почестями. С тех пор Деймона стали называть Черным Пламенем.

Королева Нейерис была единственной женщиной, с которой Эйегон спал, не получая от того удовольствия: ее хрупкость, утонченность и благочестие были ему противны. Деторождение ей давалось с трудом. Великий мастер Альфорд, приняв у нее принца Дейерона в последний день 153 г., предостерег, что следующая беременность может ее убить. «Я исполнила свой долг и подарила тебе наследника, — сказала Нейерис своему брату и мужу. — Молю тебя, будем отныне жить как брат и сестра». «Мы так и живем», — отвечал Эйегон и принуждал сестру исполнять супружеские обязанности до конца ее жизни.

Привязанность к Нейерис другого их брата, Эйемона, раздражала Эйегона до крайности. Все видели, что король завидует прославленному благородному рыцарю и при всяком удобном случае старается досадить как ему, так и Нейерис. Когда Эйемон погиб, защищая его, а Нейерис умерла родами год спустя, король не слишком старался увековечить их память.

Ссоры Эйегона с близкими усугубились, когда принц Дейерон подрос и начал высказывать свое мнение. Каэт в «Жизни четырех королей» доказывает, что ложное обвинение королевы в прелюбодействе, высказанное сиром Моргилом Хаствиком, исходило от самого короля, хотя Эйегон в то

время отрицал это. Рыцарь-Дракон, вызвав сира Моргила на поединок и убив его, оправдал Нейерис. То, что случилось это как раз в ту пору, когда Дейерон оспорил план короля начать с Дорном войну без всякого повода, вряд ли можно считать совпадением. Тогда же Эйегон в первый (но не в последний) раз пригрозил сделать наследником одного из своих бастардов вместо законного сына.

После смерти брата и сестры король начал весьма прозрачно намекать на то, что Дейерон сам бастард — при жизни Рыцаря-Дракона он бы на это не отважился. А придворные льстецы распространяли эту клевету в угоду ему.

Принц Дейерон, став взрослым, сделался главным препятствием для отцовских бесчинств. Пока одни лорды выпрашивали у стареющего короля земли и почести в обмен на новые удовольствия, другие собирались вокруг Дейерона: Эйегон, несмотря на все свои угрозы, клевету и гадкие намеки, так и не назначил другого наследника. Причина, возможно, крылась в том, что в нем еще сохранились какие-то остатки стыда и чести, но скорее всего король попросту опасался войны. За права Дейерона мог вступить принц Дорнийский, на чьей дочери он женился. Для борьбы с Дейероном и его сторонниками король использовал ненависть к Дорну, все еще сильную в Марках, в Просторе и на штормовых землях.

К счастью для государства, королевский план вторжения в Дорн 174 года полностью провалился. Огромный флот, собранный Эйегоном, был разметан штормами на пути к неприятельским берегам.

Король, впрочем, полагался не на один только флот: обратившись к пиромантам старинной Гильдии Алхимиков, его величество приказал построить ему «драконов». Эти чудовищные сооруже-

ВВЕРХУ | Черное Пламя, меч Таргариенов

СПРАВА | Король Эйегон IV посвящает в рыцари своего сына, Деймона Черное Пламя

ния из железа и дерева были снабжены насосами, качавшими дикий огонь, и при осаде могли пригодиться, но везти их предстояло по Костяному Пути, кое-где такому крутому, что дорнийцы вырубали в скалах ступени.

«Драконы», однако, и до Марок не дотянули: первый загорелся еще в Королевском лесу, а вскоре запылали и остальные шесть. В диком огне сгорели сотни людей и около четверти Королевского леса. После этого король оставил свои мечты и о Дорне больше не заговаривал.

Правление сего недостойного монарха окончилось в 184 г., когда королю было сорок девять. Он разжирел, едва мог ходить, и многие задавались вопросом, как последняя пассия короля, Сереня из

Лисса (мать Ширы Морской Звезды), терпит его на ложе. Под конец Эйегон так распух, что уже не вставал, а члены его гнили и кишели червями. Мейстеры клялись, что в жизни такого не видели, септоны же объявляли это карой богов. Королю давали маковое молоко от боли, но ничего больше не могли сделать.

В завещании, составленном перед самой кончиной, Эйегон преподнес стране последний подарок: узаконил своих побочных детей, от низкородных до отпрысков благородных дам (последние назывались высокими бастардами). Многие бастарды, забытые им, не вошли в завещание, но признанные обеспечили Семи Королевствам пламя и кровь на долгие пять поколений.

ДЕВЯТЬ ЛЮБОВНИЦ ЭЙЕГОНА НЕДОСТОЙНОГО

ЛЕДИ ФАЛЕНА СТОКВОРТ, десятью годами старше его. Она «сделала Эйегона мужчиной» в 149 г., в его четырнадцать лет. Когда один из рыцарей Королевской Гвардии застал их в постели, отец выдал Фалену за своего мастера над оружием Лукаса Лотстона и уприсил короля сделать того лордом Харренхолла, чтобы увести Фалену подальше — но Эйегон через пару лет стал часто навещать Харренхолл.

— Детей от Фалены Стокворт у него не было.

МЕГЕТТА (КРАСОТКА МЕГ). В 155 г. конь Эйегона потерял подкову близ Ярмарочного Поля, и принц положил глаз на молодую красивую жену кузнеца. Муж согласился продать ее за семь золотых драконов, когда сир Джоффри Стаунтон из Королевской Гвардии ему пригрозил. Эйегон поселил Мегетту в столице и даже якобы «женится» на ней: обряд справил переодетый септоном скоморох. За четыре года Мег родила принцу четырех дочерей, но Визерис, отец Эйегона, это пресек: женщину вернул

мужу, а девочек отдал в септы. В тот же год кузнец забил жену до смерти.

— Дети Эйегона от Красотки Мег: Алисанна, Лилли, Ива и Роза.

ЛЕДИ КАСЕЛЛА ВЕЙТ, дочь дорнийского лорда. После сдачи Солнечного Копья Эйегон сопровождал взятых в заложники детей благородных домов в Королевскую Гавань. Каселлу, белокурую и зеленоглазую, он оставил «заложницей» в собственных комнатах. Когда дорнийцы восстали и убили короля Дейерона, Эйегон, которому девица уже наскучила, отвел ее в тюрьму к другим смертникам. Вскоре новый король Бейелор помиловал всех заложников и лично вернул их в Дорн. Каселла так и не вышла замуж и в старости тешила себя мыслью, что Эйегон любил только ее одну и скоро пришлет за ней.

— Детей от Каселлы Вейт у Эйегона не было.

БЕЛЛЕГЕРА ОТЕРИС (ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА БРААВОСА). Контрабандистка, временами пиратка, капитанша «Вдовьего ветра». Матерью ее была дочь браавосского купца,

отцом — черный посол с Летних островов. Когда Нейерис едва не умерла после новых родов в 161 г., король Бейелор послал Эйегона в Браавос с дипломатической миссией, чтобы, как полагали тогда, дать принцессе время оправиться. Там принц встретил Беллегеру, и связь их длилась десять лет вопреки слухам, что у Беллегеры муж в каждом порту и Эйегон лишь один из многих. За эти годы она родила двух дочерей и сына (одни боги ведают, от кого).

— Дети Беллегеры Черной Жемчужины: Белленора, Нарха, Балерион.

ЛЕДИ БАРБА БРАКЕН, дочь лорда Бракена из Стонхеджа, фрейлина трех принцесс в Девичьем Склепе. В 171 г., после смерти Бейелора и воцарения Визериса II, принцессам вновь разрешили мужское общество. Эйегону, ныне принцу Драконьего Камня и наследнику престола, приглянулась живая шестнадцатилетняя Барба. После собственной коронации в следующем году он назначил десницей ее отца, а девицу открыто сделал своей любовницей. Она родила ему бастарда всего через две недели после того, как королева Нейерис опять разрешилась двойней: мертвым мальчиком и живой дочерью Дейенерис. Пока королева находилась между жизнью и смертью,

десница поговаривал о браке своей дочери с королем. Но Нейерис выздоровела, а молодой принц Дейерон и его дядя Рыцарь-Дракон убедили короля отослать Барбу прочь вместе с сыном. Мальчик воспитывался в Стоухеде у Бракенов и впоследствии получил прозвище Жгучий Клинок.

— (Сын Эйегона от Барбы Бракен: Эйегор Риверс (Жгучий Клинок).

Леди Мелисса (Мелли) Блэквуд. Эйегон любил ее больше всех своих фавориток. Она превосходила леди Барбу красотой, молодостью и скромностью, хотя уступала ей пышностью форм. Благодаря ее доброте и великодушию с ней подружились даже королева Нейерис, Рыцарь-Дракон и принц Дейерон. За пять лет своего «правления» Мелли родила королю трех детей, самым примечательным из коих был Бринден Риверс (рожденный в 175 г.), со временем прозванный Красным Вороном.

— (Дети Эйегона от Мелиссы Блэквуд: Мия, Гвенис, Бринден Красный Ворон.

ЛЕДИ БЕТАНИ БРАКЕН, младшая сестра леди Барбы. Отец и сестра воспитывали ее в надежде, что она понравится королю и сместит Мелли Блэквуд. В 177 г. Эйегон, приехав в Стоухедж к сыну Эйегору, заметил ее. К тому времени он стал толст и сварлив, но Бетани приглянулась ему, и он увез ее в Королевскую Гавань. Самой Бетани ласки короля не пришлось по вкусу, и она обратилась за утешением к рыцарю Королевской Гвардии сиру Терренсу Тойну. Год спустя король застал их вместе, после чего сир Терренс умер под пытками, а леди Бетани и ее отец были казнены. Братья сира Терренса вознамерились отомстить за него, и Рыцарь-Дракон погиб в схватке с ними, защищая своего брата и короля.

— (Детей от Бетани Бракен у Эйегона не было.

ЛЕДИ ДЖЕЙНА ЛОТСТОН, дочь леди Фалены, первой любовницы Эйегона. Отцом ее был то ли лорд Лукас Лотстон, то ли сам Эйегон. Четырнадцатилетнюю Джейну в 178 г. привезла ко двору ее мать. Эйегон

сделал лорда Лотстона своим новым десницей, и говорили (хотя доказать не могли), будто его улаждали на одном ложе и мать, и дочь. Вскоре он наградил Джейну дурной болезнью, которой заразился от городских шлюх, и Лотстонов вновь отставили от двора.

— (Детей от Джейны Лотстон у Эйегона не было.

СЕРЕНЯ ИЗ ЛИССА (ПРЕКРАСНАЯ СЕРЕНЯ).

Дочь древнего, но обедневшего рода привез ко двору новый десница лорд Джон Хайтауэр. Самая красивая из Эйегоновых фавориток, она также слыла колдуньей. Серения умерла, дав жизнь последней из незаконных детей короля, Шире Морской Звезде. С возрастом девочка стала первой красавицей Семи Королевств. Ее любили оба единокровных брата, Красный Ворон и Жгучий Клинок; в будущем их соперничество переросло в ненависть.

— (Дочь Эйегона от Серении из Лисса: Шира.

СЛЕВА | (слева направо): леди Мелисса Блэквуд, Серения из Лисса, леди Фалена Стокворт, Беллегера Отерис
ВВЕРХУ | (слева направо): леди Бетани Бракен, леди Барба Бракен, Мегетта (красотка Мег), леди Каселла Вейт,
леди Джейн Лотстон

ДЕЙЕРОН II

Сын и наследник Эйегона Недостойного сразу же отплыл с Драконьего Камня, узнав о кончине отца, и вскоре был коронован верховным септоном в Красном Замке. Чтобы пресечь кривотолки о своем якобы незаконном происхождении, он выбрал для этого корону отца и принялся исправлять то, что наворотил Эйегон. Для начала он заменил весь малый совет своими людьми, почти все из коих показали себя мудрыми и знающими советниками. Очистить городскую стражу было не столь легко, и на это ушло больше года: Эйегон ставил начальниками своих любимчиков, те же, в свою очередь, поставляли королю шлюх, а то и порядочных женщин.

Останавливаться на этом не приходилось: не было счета делам, которые испортил или запустил Эйегон, а его предсмертный указ, которым он узаконил своих бастардов, вызвал немалое волнение в государстве. Дейерон не мог, да и не стал бы отменять последнюю отцовскую волю, однако старался держать высоких бастардов поближе к себе, оказывал им почести и выплачивал назначенное покойным королем содержание. Он отдал обещанный Эйегоном выкуп архону Тироша и женил своего

брата по отцу Дейемона Черное Пламя на дочери архона Роанне, хотя сиру Дейемону в ту пору было всего четырнадцать лет. В день свадьбы он пожаловал Дейемону надел близ Черноводной с правом выстроить на нем замок. Одни думали, что король делает это, чтобы утвердить свое главенство среди детей Эйегона, другие — что он просто великодушен и справедлив. К сожалению, все усилия Дейерона, какова бы ни была их причина, оказались со временем тщетными.

Но не одними высокими бастардами запомнилось его время. Брак Дейерона с Мириах Дорнийской был счастливым и плодоносным; став королем, он тут же начал переговоры со своим шурином принцем Мароном, дабы присоединить Дорн к державе Таргариенов. Два года спустя они пришли к соглашению, и принц Марон заключил помолвку с Дейенерис, младшей сестрой Дейерона. На следующий год они поженились, и принц, преклонив колена, присягнул на верность Железному Трону.

Король поднял его, и они вместе отправились в Великую Септу, где возложили золотой венок к подножию статуи Бейелора Благословенного, произнеся в один голос: «Бейелор, твой труд завершен». Это было великое мгновение: государство стало единым от Стены до Летнего моря, как мечталось Эйегону Завоевателю, и никто не поплатился за это жизнью, как тезка Дейерона Юный Дракон.

Еще через год Дейерон воздвиг большой замок в Дорнийских Марках, на стыке границ Простора, Дорна и штормовых земель. Замок он назвал Летним в память о заключенном мире; это был скорее дворец, который не мог похвалиться сколько-нибудь сильными укреплениями. В будущем многие сыновья дома Таргариенов получали титул принца Летнего Замка.

Дорнийские лорды получили значительные права и привилегии по сравнению с другими знатными домами Семи Королевств. Прежде всего, у них остался собственный принц, а также свои законы и право собирать подати для Железного Трона самим

После измены Деймона Черного Пламени стали говорить, что Дейерона он ненавидел с юности. На Роанне из Тироша Деймон женился лишь по воле покойного Эйгона, питая страсть к принцессе Дейенерис, сестре Дейерона. Принцесса, двумя годами моложе принца-бастарда, тоже любила его, если верить песням, но ни Эйгон IV, ни Дейерон II не позволили бы подобным чувствам влиять на государственные дела. Эйгону, не исключавшему новой попытки завоевать Дорн, нужен был тирошийский флот.

Другие историки думают, что Деймон не так уж противился браку с Роанной, полагая, что по примеру Эйгона Завоевателя и Мейегора Жестокого сможет взять себе вторую жену. Эйгон, возможно, даже обещал ему это (сторонники Черного Пламени верили, что было именно так), но Дейерон держался другого мнения. Он не только лишил брата всякой надежды на двоеженство, но и отдал руку Дейенерис Марону Мартеллу, чтобы окончательно скрепить союз с Дорном.

Любила ли Дейенерис Деймона, как утверждал он, подняв свой мятеж? Кто знает. Принцу Марону она была верной женой — если принцесса и тосковала по Деймону Черное Пламя, записей о том не осталось.

при условном присмотре Красного Замка. Недовольство такими уступками и убежденность в чересчур сильном дорнийском влиянии при дворе — Дейерон предоставил новым подданным немало высоких постов — отчасти послужили причиной первого мятежа Черного Пламени.

Под рукой Дейерона страна вскорости успокоилась; и лорды, и простой народ стали называть его Дейероном Добрым. В нем видели справедливого короля, хотя королева-дорнийка не всех устраивала. Сам он был не воин — его описывают как человека хрупкого, сутулого, склонного к ученым занятиям, — но двое из четырех его сыновей обладали всем, что можно пожелать в рыцаре или наследном принце. Старший, Бейелор, в семнадцать лет заслужил себе имя Сломи Копье, одержав знаменитую победу над Деймоном Черное Пламя в финальном поединке на свадебном турнире принцессы Дейенерис. Младший, Мейекар, обещал добиться не меньшей славы.

О Бейелоре, темноволосом и темноглазом, говорили при этом, что он больше Мартелл, чем Тарга-риен, хотя принц не уступал отцу щедростью и справедливостью. Лорды и рыцари Марок, проникаясь недоверием к Дейерону и Бейелору, вздыхали по старым временам, когда дорнийцы были их откровенными врагами, а не соперниками при дворе короля. Их взгляды все чаще обращались к Деймону — высокому, могучему, казавшемуся полубогом среди простых смертных.

Семена мятежа уже легли в почву, но понадобились годы, прежде чем они проросли. Видимой при-

чины, по которой Деймон восстал против короля Дейерона, не было — ни оскорблений, ни явных обид. Если все дело было в любви к Дейенерис, отчего он тогда ждал целых восемь лет? Долгий это срок, чтобы лелеять разбитую любовь, особенно когда Роанна уже подарила ему семерых детей и у Дейенерис с принцем Мароном тоже появились наследники.

Причиной мятежа скорее был Эйгон Недостойный. Он вел с Дорном войну, и лорды, тосковавшие по тем дням — вопреки всем его беззакониям, — не могли быть счастливы с новым королем-миротворцем. Прославленные воины, недовольные миром и дорнийцами при дворе, начали заводить с Деймоном крамольные разговоры.

Поначалу он, видимо, просто слушал. Что же побудило его потребовать трон для себя? Подвиг его на это скорее всего другой высокий бастард — сир Эйгор Риверс, он же Жгучий Клинок, вспыльчивый и скорый на обиду благодаря крови Бракенов. В памяти еще свежо было позорное падение его деда и тетки, из-за коего и сам Эйгор был удален от двора. Притом он вечно соперничал с единокровным братом, таким же бастардом Бринденом Риверсом, которому посчастливилось больше. Мать Бриндена король Эйгон нежно любил всю жизнь, посему при очередной смене фаворитки Блэквуды пострадали не так, как Бракены.

Так или иначе, Эйгор Риверс вскоре начал подбивать Деймона выступить претендентом на трон, особенно когда Деймон согласился выдать за него свою старшую дочь Каллу. Язык у него был жгучим

пуще клинка; он вливал яд Дейемону в уши, да и другие лорды и рыцари тоже не отставали.

Годы таких разговоров принесли наконец плоды, и Дейемон принял решение. До Дейерона, однако, скоро дошло, что Черное Пламя на будущей луне намерен объявить себя королем (как именно дошло, мы не знаем, но Мерион в своем незавершенном труде «Красный и черный драконы» предполагает, что об этом донес королю Бринден Риверс). Король послал своих гвардейцев арестовать Черное Пламя, но Дейемона предупредили, и он с помощью сира Квентина Болла по прозвищу Огненный Шар благополучно бежал из Красного Замка. Его сторонники воспользовались попыткой ареста как поводом для войны, заявив, что королем руководил один лишь беспочвенный страх. Некоторые лорды до сих пор именовали Дейерона Ложным, повторяя клевету, пущенную самим Эйегоном Недостойным: отцом принца-де был не король, а брат его, Рыцарь-Дракон.

Так в 196 г. вспыхнул Первый мятеж Черного Пламени. Переименовав герб Таргариенов в черного дракона на красном поле, мятежники объявили Дейемона, первого этого имени, старшим из законных сыновей Эйегона IV, а брата его Дейерона — бастардом.

Черный и красный драконы сходились в сражениях много раз: в Долине, на западных и речных землях и в прочих местах.

Завершился этот мятеж около года спустя на Багряном Поле. Одни авторы называют сторонников Дейемона храбрецами, другие изменниками, но сражение они проиграли. Дейемон и его старшие сыновья, Эйегон и Эйемон, пали под стрелами личной гвардии Бриндена Риверса, Вороньих Зубов. За этим последовала безумная атака Жгучего Клинка, вооруженного Черным Пламенем. Они с Красным Вороном сошлись в поединке, после коего Бринден Риверс лишился одного глаза, а Жгучий Клинок бежал.

Но битва на этом не закончилась. Бейелор Сломи Копье с отрядом дорнийцев и штормовых лордов ударил мятежникам в тыл, а молодой принц Мейекар разделался с остатками авангарда лорда Аррена и стал несокрушимой наковальней для Бейелорова молота. Десять тысяч человек заплатили жизнью за тщеславие Дейемона Черное Пламя, а раненых и калек было намного больше. Мир в королевстве нарушился, но король Дейерон был повинен разве что в том, что чересчур милосердно относился к завистливому единокровному брату.

Подавив мятеж, Дейерон проявил неожиданную для многих суровость. Лорды и рыцари, поддерживавшие Черного Дракона, лишились земель, замков, привилегий и должны были дать королю заложников: он не простил им измены и отплаты злом за добро. Оставшиеся в живых сыновья Дейемона бежали вместе со Жгучим Клинком на родину своей матери, в Тирош. Семь Королевств страдали от претендентов Черного Пламени на протяжении еще четырех поколений, пока не сошел в могилу последний отпрыск Дейемона по мужской линии.

Многие думали, что теперь, когда имеющий множество наследников Дейерон победил мятежников, дом Таргариенов будет править веками, не зная бед. Люди не сомневались, что из мудрого, рыцарственного Бейелора Сломи Копье, ныне служившего отцу как десница, выйдет великий король — но промысла богов людям знать не дано. На Эшфордском турнире в 209 г. Бейелор в расцвете лет пал от руки родного брата своего, Мейекара. Случилось это не в поединке, не в общей схватке, а в испытании семерых, первом за этот век, где Бейелор дрался на стороне безродного межевого рыцаря. Погиб он скорее всего случайно: Мейекар, как говорили,

горько раскаивался в том, что сразил брата, и ежегодно поминал его в этот день. И он, и вся страна, безусловно, задавались вопросом, стоил ли ничтожный межевой рыцарь жизни наследника и десницы (никто не знал тогда, как высоко сей рыцарь взлетит, но это уже другая история).

У Бейелора остались два сына, Валарр и Матарис. Мейекар тоже имел сыновей, а перед ним стояли еще два наследника Дейерона. Старший из них, Эйерис, слыл книжником с наклонностью к чародейству, а другой, Рейегаль, и вовсе был не в своем уме.

Скоро страну посетила весенняя горячка, охватившая все области, кроме Долины и Дорна, за-

крывших свои порты и горные перевалы. Тяжелее всего пришлось Королевской Гавани: там умерли верховный септон, голос Семерых на земле, и третий из Праведных, и почти все Молчаливые Сестры. Горы трупов, которые складывали в разрушенном Драконьем Логове, поднялись на десять футов, и Красный Ворон в конце концов велел пиромантам сжечь их. С ними вместе загорелось около четверти города, но иначе было нельзя.

Болезнь унесла также обоих сыновей Бейелора Сломи Копье и самого короля, Дейерона II Доброго. Он правил двадцать пять лет, и почти все эти годы в стране царили мир и благополучие.

В Эссосе Жгучий Клинок собрал к себе изгнанных лордов и рыцарей вместе с их потомками и в 212 г. учредил Золотые Мечи, вскоре показавшие себя лучшим из вольных отрядов на Спорных Землях. Их девиз «Сверху золото, под ним жгучая сталь» прославился по всему Эссосу. После Жгучего Клинки отряд возглавляли потомки Дейемона Черное Пламя, пока последний из них, Мейелис Чудище, не погиб на Ступенях.

СЛЕВА | Жгучий Клинок возглавляет Золотых Мечей
ВВЕРХУ | Деймон Черное Пламя возглавляет битву на Багряном Поле

Эйерис I

Второй сын Дейерона Эйерис никогда не думал стать королем и для Железного Трона, который занял в 209 г., плохо годился. Он был весьма начитан, хотя ученость его ограничивалась древними пророчествами и чародейскими тайнами. Женатый на своей сестре Эйелинор, он так и не сумел зачать с ней дитя; говорили, что он и брак-то свой не скрепил должным образом. Малый его совет, в надежде, что Эйелинор королю попросту нежеланна, просил его взять другую жену, но Эйерис не слушал советников.

На трон он вззошел в беспокойные времена, когда в стране свирепствовала повальная хворь. Едва весенняя горячка пошла на убыль, как Дагон Грейджой, лорд Железных островов, послал свои

мышляли измену. Многие мечтали, что Черный Дракон вернется из-за Узкого моря и займет свое законное место.

Лорд Гармон Пек только и ждал, чтобы заварить новую смуту: за участие в первом мятеже у него отобрали два из трех родовых замков. Как только засуха миновала, лорд Гармон стал убеждать старшего из сыновей Черного Пламени, Дейемона Младшего, пересечь Узкое море и начать борьбу за престол.

Заговор осуществился в 211 г. в Белых Степах — замке, воздвигнутом лордом Батервеллом у Божьего Ока. Этот самый Батервелл раньше был десницей у Дейерона, но король назначил вместо него лорда Хэйфорда: очень уж неуспешно боролся

Многие называют другую причину: и Красный Ворон, и Эйерис изучали тайные науки, что ни для кого не составляло секрета. Риверс уже приобрел заметное влияние при дворе, но мало кто думал, что Эйерис назначит его десницей. Из-за этого король рассорился с братом, принцем Мейекармом, который метил в десницы сам. После назначения Риверса Мейекарм уехал в Летний Замок на долгие годы.

ладьи разбойничать на берегах Закатного моря, за Узким же морем замыслили новые козни Жгучий Клинок и сыновья Дейемона Черное Пламя. Из-за всего этого, возможно, Эйерис и позвал в десницы Бриндена Риверса.

Красный Ворон был не только десницей, но и мастером над шептунами, в чем превзошел самое леги Мисарию. Поговаривали, что они с единокровной сестрой и любовницей, Широю Морской Звездой, выведывают чужие тайны с помощью колдовства и что у него «тысяча и один глаз». Все, и простые и знатные, не доверяли своим соседям, опасаясь, что те шпионят на Риверса. Без шпионов Эйерису было не обойтись: за весенней горячкой последовала летняя засуха, длившаяся больше двух лет. Одни винили в этом короля, другие, коих было много больше, — Красного Ворона. Бродячие проповедники призывали к бунту, лорды и рыцари за-

прежний десница с Дейеконом Черное Пламя в самом начале мятежа. На свадьбу Батервелла и на турнир в ее честь съехались многие лорды и рыцари, разделявшие желание посадить Черного Дракона на трон.

СПРАВА | Пленение Дейемона II Черное Пламя

Все знали, что Деймон Младший спит и видит стать королем. Знали и то, что Жгучий Клинок это его стремление не поддерживает. В Цитадели нередко спорят о том, отчего Эйегор Риверс поддержал отца, но отказал сыну. Одни считают, что его не удовлетворял план Деймона и лорда Гармона, и это можно понять: у Пека жажда мести затмила разум, Деймон же был убежден, что победит в любом случае. Другие полагают, что суровый воин Жгучий Клинок не доверял Деймону из-за любви того к музыке и прочим искусствам. Третьи сомневаются относительно нежной дружбы Деймона с молодым лордом Кокшо: не из-за нее ли Эйегор отказался помогать юноше?

Не будь у Красного Ворона своих людей среди заговорщиков, Деймон Младший мог бы поднять свой мятеж в самом сердце речных земель, но еще до окончания турнира десница подошел к Белым Стенам со своим войском, и Второй мятеж Черного Пламени угас, не успев загореться. Некоторых заговорщиков, в том числе Гармона Пека, казнили, другие, подобно лорду Батервеллу, лишились земель и замков. Сам Деймон еще несколько лет прожил заложником в Красном Замке. Многие удивлялись, что он отделался заточением, но это был мудрый шаг: следующий по старшинству брат, Хейегон, не мог претендовать на престол, пока жил Деймон.

Итак, Второй мятеж провалился, но в 219 г. Хейегон и Жгучий Клинок подняли Третий мятеж Черного Пламени. Мы хорошо помним события того времени — и героические, и скверные: воеводство Мейекара, действия Эйериона Яркое Пламя, отвагу самого младшего из сыновей Мейекара и, наконец, второй поединок между Красным Вороном и Жгучим Клинком. Хейегона Черное Пламя предательски убили уже после того, как он отдал свой меч, а сира Эйегора Риверса, Жгучего Клинка, взяли живым и в цепях привели в Красный Замок. Многие полагают, что его смерть, на коей настаивали принц Эйерион и Красный Ворон, положила бы скорый конец претензиям Черного Пламени, но король Эйерис сохранил Жгучему Клинку жизнь, хотя суд

признал Риверса виновным в измене. Клинка отправили на Стену, в Ночной Дозор, до конца его дней.

Вскоре выяснилось, что король ошибся, проявив к нему милосердие: у Черного Пламени оставалось еще много друзей при дворе, и в осведомителях не было недостатка. Корабль, на котором везли Риверса и еще дюжину осужденных, перехватили на пути в Восточный Дозор, Что-у-моря, и Жгучий Клинок вернулся к своим Золотым Мечам. В том же году он короновал в Тироше старшего Хейегонова сына, дав ему имя Деймон III Черное Пламя, и возобновил козни против пощадившего его короля.

Два года спустя, в 221 г., король Эйерис умер естественной смертью. В предшествующие годы он, будучи бездетным, назначил целый ряд наследников трона. Брат его Рейегаль, третий сын Дейерона Доброго, умер еще раньше Эйериса, в 215 г., подавившись пирогом на пиру. После него принцем Драконьего Камня стал его сын Эйелор, но и он вскоре погиб по нелепой случайности от руки собственной жены и сестры-близнеца, Эйелоры.

Обезумевшая от горя Эйелора лишила себя жизни после того, как подверглась на маскараде нападению трех мужчин, известных как Крыса, Ястреб и Свинья. В конце концов Эйериса сменил на троне последний из назначенных им наследников, единственный оставшийся в живых брат Мейекар.

МЕЙЕКАР I

Мейекар, решительный правитель и славный воин, был при этом суров и скор на суд и расправу. Он не обладал даром своего брата Бейелора заводить друзей и союзников; когда же Бейелор, хотя и случайно, погиб от его руки, Мейекар стал еще угрюмее и неуступчивее. В знак расставания с прошлым он заказал себе новую корону, обруч червонного золота с зубцами из черного чугуна (корона Эйегона Завоевателя пропала после гибели Дейерона I в Дорне). Правление Мейекара, довольно мирное, пришлось меж двумя новыми мятежами Черного Пламени, и главным источником смуты в государстве служили его сыновья.

Главным затруднением стал, опять-таки, вопрос о наследнике. У Мейекара были и сыновья, и дочери, но их способность управлять государством вызывала большие сомнения. Старший, принц Дейерон, был пьяницей и взял себе титул принца Летнего Замка, ибо Драконий Камень казался ему слишком мрачным. За ним шел принц Эйерион Огненный, отменный рыцарь, но капризный, жестокий и не чуждый темных искусств. Оба принца скончались раньше отца, оставив, впрочем, потомство. Дочь Дейерона Вайелла, рожденная в 222 г., была, к несчастью, слаба умом. Эйерион в 232 г. дал своему сыну зловещее имя Мейегор и вскоре умер, выпив чашу дикого огня (он верил, что таким образом превратится в дракона).

Эйемон, третий сын Мейекара, был книжником. Отроком его отправили в Цитадель, и он выучился на мастера. Четвертый и самый младший, принц Эйегон, служил в оруженосцах у того самого межевого рыцаря, за которого вступился покойный принц Бейелор, и звался попросту Эгом. «Дейерон смешон, Эйерион страшен, Эйегон наполовину простолюдин», — говорил некий придворный остроумец.

Когда Мейекар в 233 г. выступил против мятежного марочного лорда и пал в битве с ним, все при-

шли в немалое замешательство, и десница короля Красный Ворон, опасаясь новой Пляски Драконов, созвал новый Большой совет.

Сто лордов, великих и малых, собрались в Королевской Гавани, дабы решить судьбу Железного Трона. Со смертью двух старших сыновей Мейекара в стране остались четыре возможных наследника. Вайеллу, слабоумную дочь принца Дейерона, совет отменил сразу. За Мейегора, сына Эйериона, высказы-

вались немногие: король-младенец означал долгие годы регентства, притом мальчик мог вырасти таким же жестоким безумцем, как и его отец. Очевидным выбором был принц Эйегон, но и ему не все доверяли, полагая,

что странствия с межевым рыцарем сделали его «наполовину простолюдином». Лорды прикидывали даже, нельзя ли освободить от обетов его старшего брата мастера Эйемона, но тот решительно отказался занять престол.

Пока совет судил да рядил, в Королевскую Гавань явился еще один претендент — не кто иной, как Эйенис, пятый из семи сыновей Дейемона Черного Пламя. Он предлагал свою особу совету еще в письме, надеясь мирно добиться того, в чем трижды терпели неудачу его воинственные предшественники; Красный Ворон в ответ обещал ему неприкосновенность, дабы он мог приехать и лично изложить свою просьбу.

У Эйениса достало глупости согласиться. Не успел он прибыть в столицу, как немедленно был схвачен и доставлен в Красный Замок, где его голову вскоре представили лордам совета как остережение возможным сторонникам Черного Пламени.

После этого большинство лордов высказались за принца Эга. Нового короля скоро прозвали Невероятным, ибо родился он четвертым сыном четвертого сына и от трона его отделяло не меньше десятка наследников.

Эйегон V

Первым делом король взял под стражу десницу Бриндена Риверса за убийство Эйениса Черное Пламя. Красный Ворон не отрицал, что обещал тому неприкосновенность, и говорил, что для блага государства пожертвовал личной честью.

Многие только радовались тому, что не стало еще одного из рода Черного Пламени, однако король вынужден был осудить десницу, давшего и нарушившего слово от имени Железного Трона. Приговорив Красного Ворона к смерти, король предложил ему надеть черное; тот согласился и отплыл на Стену в конце 233 года (его в отличие от другого Риверса никто не пытался освободить). С ним отправились еще двести душ, большей частью лучники

но. На Севере голодали, как сто лет назад, в долгую зиму 130–135 годов. Король, всегда сострадавший бедным и обездоленным, отправлял туда зерно и другие припасы; некоторые находили такую щедрость избыточной.

Вскоре подняли голову те, кому он препятствовал еще принцем. Черное Пламя не угадало со смертью Эйениса, и предательство Красного Ворона лишь ожесточило заморских изгнанников. В 236 г., когда шестилетняя зима наконец завершилась, через Узкое море переправился самозванный король Дейемон III, сын Хейегона и внук Дейемона I. Золотые Мечи и Жгучий Клинок, само собой, сопровождали его.

В 239 г. Красный Ворон стал лордом-командующим Ночного Дозора, а в 252-м пропал без вести за Стеной.

из его личной гвардии, Вороньих Зубов. Среди них был мейстер Эйемон, брат короля.

Эйегон сделался королем в середине зимы, которая длилась уже три года и конца ей не было вид-

Мятежники высадились на Крюке Масси к югу от Черноводного залива, но к ним перешли немногие. Король Эйегон с тремя сыновьями сам выехал им навстречу, и в битве при Путеводной Черное

Пламя было разбито наголову. Деймона III убил сир Дункан Высокий из Королевской Гвардии, у которого принц Эг служил когда-то оруженосцем, но Жгучий Клинок ушел от расправы. Несколько лет спустя он со своим отрядом появился на Спорных Землях, где Тирош воевал с Миром. Говорят, что сир Эйегор Риверс, которому тогда было шестьдесят девять лет, погиб как и жил: с мечом в руке и проклятием на устах, но память о нем сохранилась и в отряде Золотые Мечи, и в роду Черного Пламени, которому он служил до конца своих дней.

При Эйегоне происходили и другие сражения: Невероятному Королю приходилось подавлять одно восстание за другим. Простой народ любил его, а вот лорды, власть которых он хотел ограничить, видели в нем врага. Он провел множество реформ и даровал простолюдинам невиданные прежде права, но каждая такая мера встречала яростное сопротивление, а порой и открытый мятеж со стороны лордов. Самые откровенные из его недругов объявляли Эйегона «кровавым тираном, замыслившим лишить нас данных богами прав и свобод».

Король выходил из терпения, видя, что его мечты отодвигаются во все более далекое будущее. Волей-неволей ему приходилось идти на уступки упорствующим в неповиновении лордам. Будучи книжником и знатоком истории, Эйегон часто говорил: будь-де у него драконы, как у первого Эйегона, он перекроил бы страну заново, обеспечив мир, благополучие и справедливость всем своим подданным.

Сыновья и те испытывали терпение доброго короля. Женился Эйегон по любви на леди Бете Блэквуд из Древорона, девице живой и упрямой, по мнению многих. Ее прозвали Черной за цвет глаз и волос. В 220-м, когда они поженились, невесте было девятнадцать, а Эйегону двадцать, и отстоял он от трона так далеко, что брак этот возражений не вызвал. Черная Бета родила Эйегону трех сыновей — Дункана, Джейехериса, Дейерона — и двух дочерей, Шейеру и Рейеллу.

У Таргариенов давно повелось женить братьев на сестрах для сохранения чистоты драконовой крови, но Эйегон отчего-то полагал, что такие союзы ни к чему хорошему не ведут. Своих детей он на-

меревался сочетать с сыновьями и дочерьми знатных домов Семи Королевств, в надежде, что эти дома поддержат его реформы.

В 237 г., когда дети короля были еще юны, при дворе отпраздновали целый ряд помолвок. Эти браки, если бы дошло до свадеб, могли принести большую пользу стране, но дети Черной Беты были не менее упрямые, чем мать, и повиновались лишь зову своего сердца, подобно отцу.

Первым заартачился старший сын Дункан, принц Драконьего Камня и наследник престола. Он был помолвлен с девицей Баратеон из Штормового Предела, но в 239 г., путешествуя по речным землям, влюбился в прелестную таинственную девицу, называвшую себя Дженни из Старых Камней. Жила она дикаркой среди руин и говорила, что происходит из королевского рода Первых Людей, но в окрестных деревнях смеялись над ней и объявляли ее простой сумасшедшей девкой, а то и ведьмой.

Эйегон, хотя и вырос среди народа, не мог одобрить брак наследного принца с безродной простолюдинкой, но Дункан упорно отказывался расстаться со своей Дженни. По настоянию верховного септона, великого мастера и всего малого совета король поставил его перед выбором: Железный Трон или девушка. Тогда Дункан, не задумываясь, отрекся от короны и титула в пользу брата своего Джейехериса.

Лорд Лионель Смеющийся Вихрь, отец покинутой невесты, был человек гордый и не смирился с нанесенной ему обидой. Он поднял мятеж; сир Дункан Высокий побил его в единоборстве, а король Эйегон дал слово выдать свою дочь Рейеллу за наследника лорда Лионеля. Для подтверждения договора девочку отправили в Штормовой Предел, где она служила лорду Лионелю чашницей, а его леди-жене компаньонкой. Дженни из Старых Камней — леди Дженни, как ее теперь называли — в конце концов приняла ко двору, и народ проникся к ней горячей любовью. О ней и ее принце, который теперь звался не иначе как Принцем Стрекоз, слагали песни на протяжении долгих лет.

Следующим воле отца воспротивился Джейехерис, новый принц Драконьего Камня. Король Эйегон,

Вместе с Дженни ко двору приехала карлица с белыми волосами. В речных землях старушка слыла речной ведьмой, но леди Дженни в наивности своей уверяла, что та Дитя Леса.

росший вдали от двора, приобрел неприязнь к бракам между близкими родственниками, но Джейехерис держался более традиционных взглядов. Он с детства полюбил свою сестру Шейеру и мечтал жениться на ней по обычаю Таргариенов. Король и королева всячески старались разлучить принца с принцессой, но разлука лишь распаляла их взаимную страсть.

Джейехерис был не столь тверд характером, как Дункан, но когда отец простил старшему сыну непослушание, младший тоже решил действовать. В 240 г., через год после женитьбы Дункана, Джейехерис, пятнадцати лет, и Шейера, четырнадцати, сбежали от своих попечителей и поженились тайно. Когда король с королевой узнали об этом, брак их уже осуществился на деле, и Эйгону осталось только смириться с ним. Он снова столкнулся с обидой и гневом двух знатных лордов, ибо Джейехерис был помолвлен с Селией Талли из Риверрана, а Шейера — с наследником Хайгардена Лютором Тиреллом.

Младший сын, принц Дейерон, последовал примеру двух старших. Помолвленный с леди Оленной

гиб, возглавив поход против Крысы, Ястреба и Свины. Сир Джереми сражался бок о бок с ним и тоже погиб, но мятеж был подавлен, а бунтовщики перебиты или повешены.

В 258 г. девять главарей — разбойники, пираты, наемники — собрались под Венценосным Древом на Спорных Землях и заключили союз с целью завоевать каждому по королевству. Среди них был последний отпрыск Черного Пламени, Мейелис-Чудище, командовавший Золотыми Мечами; ему должны были достаться Семь Королевств. Принц Дункан, узнав об этом, сказал, что каждой из девяти корон цена грош, и с его легкой руки союзников стали звать Девятигрошовыми Королями. Полагали, что вольные города Эссоса быстро с ними расправятся, но все же приняли меры на случай, буде Мейелис и прочие вздумают идти на Семь Королевств.

Король Эйгон, не видя в них особой опасности, занимался делами своего государства — а также драконами. С годами он возмечтал, чтобы драконы снова начали летать над Семью Королевствами. В этом он не отличался от своих предшественников,

У Джейехериса и Шейеры родились двое детей, Эйерис и Рейелла. Состоявшая при леди Дженни лесная ведьма предсказала, что в будущем принц их поженит. Король Эйгон умыл руки и предоставил сыну поступать, как тот считал нужным.

Редвин из Бора, когда им обоим было по девять лет, он в восемнадцать (в 240 г.) отказался от этого брака. Здесь, однако, дело было не в другой женщине, ибо Дейерон оставался неженатым всю свою недолгую жизнь. Прирожденный воин, влюбленный в турниры и битвы, он предпочитал общество сира Джереми Норриджа, молодого рыцаря, с которым вместе служил оруженосцем в Хайгардене. Дейерон причинил отцу много больше горя, когда в 251 г. по-

заставлявших септонов, магов и мастеров молиться, ворожить и корпеть над последними драконьими яйцами. Король вопреки уговорам друзей и советников все более утверждался в мысли, что одни лишь драконы помогут ему произвести задуманные им перемены и призвать к послушанию недовольных лордов.

Последние свои годы Эйгон посвятил науке драконоводства; говорили, что он отправлял по-

сланцев в самый Асшай у Края Теней, чтобы отыскать там заветные древние тексты.

Мечты его о драконах рухнули в роковом 259 г. Король созвал всех своих приближенных в любимый им Летний Замок, дабы отпраздновать предстоящее рождение первого своего правнука. Родителями мальчика, названного потом Рейегаром, были внуки Эйегона и дети Джейехериса, Эйерис и Рейелла.

К сожалению, очень мало очевидцев трагедии Летнего Замка осталось в живых, да и те не желали рассказывать о случившемся. Страница из книги Гильдейна, — одна из последних, написанных им перед смертью, — намекает на многое, но случайно пролитые чернила позволяют лишь догадываться о полном ее содержании.

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

...от крови дракона собрались в...

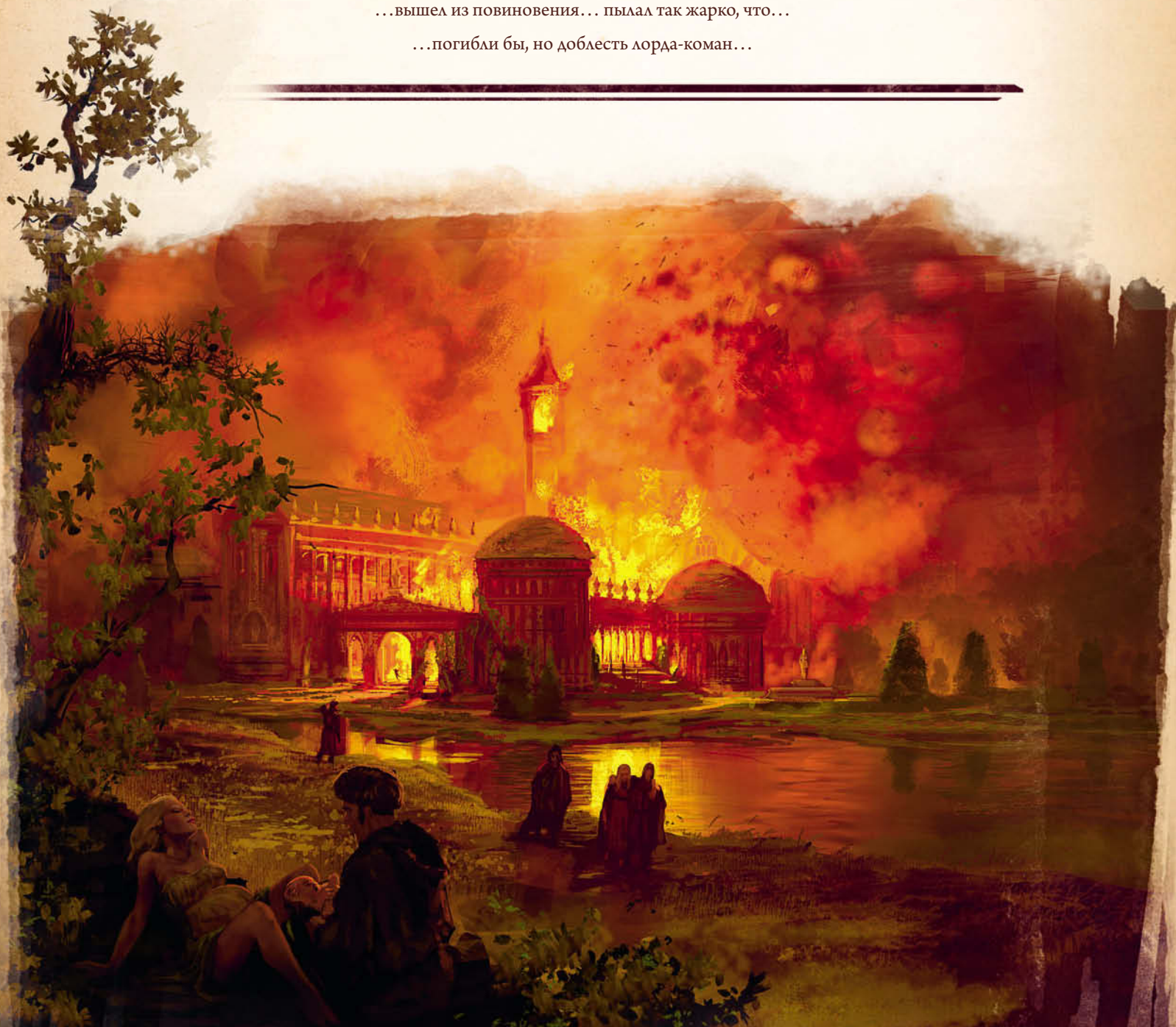
...семь яиц в честь семерых богов, хотя королевский септон предостерегал...

...пироманты...

...дикий огонь...

...вышел из повиновения... пылаал так жарко, что...

...погибли бы, но доблесть лорда-коман...

ДЖЕЙЕХЕРИС II

Вследствие трагедии Летнего Замка на Железный Трон в 259 г. взошел Джейехерис, второй этого имени. Сразу же после его коронации Семь Королевств были вовлечены в войну: Девятигрошовые Короли разграбили город Тирош и захватили Ступени, чтобы оттуда вторгнуться в Вестерос.

Джейехерис знал, что Союз Девяти намерен завоевать Семь Королевств для Мейелиса-Чудища, провозгласившего себя Мейелисом I Черное Пла-

мую слабость умом и отвагой. Преодолев горе от потери родных, он созвал знамена и решил сразиться с врагом на Ступенях, не дожидаясь, когда Девятигрошовые Короли высадутся в Семи Королевствах.

Король Джейехерис хотел сам возглавить войско, но десница, лорд Ормунд Баратеон, убедил его в неразумности такого решения. Король не привык к военным лишениям, плохо владел оружием, и было бы безумием подвергать опасности

ИМЕНА ДЕВЯТЕРЫХ ГЛАВАРЕЙ, ПОРОДИВШИХ ВЕЛИКУЮ СМУТУ В ЭССОСЕ И НА СТУПЕНЯХ:

Старуха, королева пиратов.

Самарро Саан, Последний Валириец.
Знаменитый пират с примесью валирийской крови из старейшего лиссенийского пиратского рода.

КСОБАР КХОКУА, Черный Принц. Изгнанник с Летних островов, возглавлявший на Спорных Землях наемнический отряд.

ЛИОМОНД ЛАШАР, Дух Битвы. Знаменитый капитан наемников.

Пятнистый Том-Мясник. Родом из Вестероса, капитан отряда наемников.

Сир ДЕРРИК ФОССОВЕЙ, Гнилое Яблоко.

Изгнанный из Вестероса рыцарь с дурной репутацией.

ДЕВЯТИГЛАЗЫЙ, капитан Славных Кавалеров.

АЛЕКУО АДАРИС, Серебряный Язык,
тирошийский торговый магнат.

МЕЙЕЛИС ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ (ЧУДИЩЕ), командир Золотых Мечей. Прозвище получил за громадный торс, толстенные ручки, чудовищную силу и дикий нрав. У него было две головы, вторая всего с кулак. Стал командиром, победив голыми руками своего кузена Дейемона Черное Пламя: сначала свалил одним ударом его скакуна, потом оторвал Дейемону голову.

мя — но, как и отец его Эйегон, надеялся, что в Эссосе скоро расправятся с этой разбойничьей шайкой. Теперь, когда враг стоял у самых ворот, на свете не было уже ни короля Эйегона V, ни Принца Стрекоз. Рыцарственный принц Дейерон погиб еще раньше, и в живых оставался один Джейехерис, наименее воинственный из трех сыновей Эйегона.

Новый король, вступивший на престол в возрасте тридцати четырех лет, никому не казался грозным. В отличие от своих братьев он был хилым и всю жизнь чем-то хворал, но возмещал телес-

его жизнь так скоро после трагедии в Летнем Замке. В конце концов Джейехерис согласился остаться в столице, а войско возглавил лорд Ормунд.

В 260 г. таргариенская рать высадилась на трех островах Ступеней, и Война Девятигрошовых Королей закипела вовсю. Превосходная книга мейстера Эона подробно повествует обо всех ее сражениях, морских и сухопутных, и о подвигах, совершенных на ней. Воевода, лорд Ормунд Баратеон, пал одним из первых: сраженный рукой Мейели-

са-Чудища, он умер на руках своего сына и наследника сира Стеффона.

Вместо него во главе встал новый лорд-командующий Королевской Гвардии — сир Герольд Хайтауэр, Белый Бык. Поначалу ему приходилось трудно, но затем молодой рыцарь, сир Барристан Селми, убил Мейелиса на поединке, стяжав себе тем бессмертную славу. Это решило исход войны: остальным «королям» Вестерос не был нужен, и они отошли в собственные пределы. Мейелис-Чудище был пятым и последним из претендентов Черного Пламени; с его смертью наконец пересеклось проклятие, которое навлек на Семь Королевств Эйгон Недостойный, вручив сыну-бастарду родовой меч.

Еще через полгода кровопролитных сражений Ступени и Спорные Земли освободились от «королей». Шесть лет спустя тиран Алекуо Адарис был отравлен своей королевой, и в Тироше вновь стал править архон. Семь Королевств одержали великую победу, хотя досталась она дорогой ценой, и в государстве опять воцарился мир.

Джейехерис, несмотря на слабое здоровье, показал себя достойным королем и примирился со многими великими домами, недовольными реформами Эйгона V. Правил он, однако, недолго: в 262 г. король слег, жалуясь на стесненное дыхание, и вскоре скончался. Ему было тридцать семь, и на Железном Троне он провел всего лишь три года.

Эйерис II

Эйерис Таргариен, второй этого имени, стал королем в восемнадцать лет. Сей красивый юноша, отважно сражавшийся на Войне Девятигрошовых Королей, был не самым прилежным и умным из принцев, однако имел бесспорное обаяние, привлекавшее к нему многих друзей. Был он также горд, тщеславен и переменчив, что делало его легкой добычей льстецов, но пороки эти лишь со временем проявились в полную силу.

Даже мудрейший из мудрых не мог тогда предсказать, что Эйерис заслужит имя Безумного Короля и положит конец трехсотлетнему правлению Таргариенов в Вестеросе. В том же судьбоносном 262 году, когда он вззошел на Железный Трон, у его кузена Стеффона Баратеона в Штормовом Пределе родился крепкий мальчик, названный Робертом, а лорд Рикард Старк в далеком северном Винтерфелле отпраздновал рождение сына Брандона. Еще через год за братом последовал новый Старк, Эдгард. Трем эти младенцам в будущем предстояло сыграть решающую роль в падении драконьей династии.

Новый король уже обеспечил стране наследника, принца Рейегара, рожденного в пламени Летнего Замка. Эйерис и его сестра-жена Рейелла были молоды, и все надеялись, что у них будет еще много детей, ибо после Эйегона Невероятного благородное древо Таргариенов усохло до пары одиноких ветвей.

Честолюбия Эйерису было не занимать. Сразу же после коронации он объявил, что намерен стать величайшим в истории королем, а друзья его не замедлили предположить, что когда-нибудь его назовут Эйерисом Мудрым и даже Эйерисом Великим.

Двор его отца состоял в основном из заслуженных мужей, многие из коих служили еще королю Эйегону V. Эйерис заменил их всех до единого своими ровесниками. Самым заметным событием была замена пожилого и крайне осторожного десницы Эдгара Слоуна наследником Бобрового Уте-

са сиром Тайвином Ланнистером: двадцатилетний сир Тайвин стал таким образом самым молодым десницей в истории Семи Королевств. Многие мастера до сих пор полагают, что назначение это было самым мудрым из всех деяний «Эйериса Мудрого».

Эйерис и Тайвин знали друг друга с детства, когда Тайвин служил пажом в Красном Замке. Они двое и еще один паж, кузен принца Стеффон Баратеон, составляли неразлучную троицу. На Войну Девятигрошовых Королей они также отправились вместе: новоиспеченный рыцарь Тайвин и оруженосцы Стеффон и Эйерис. Заслужив собственные шпоры, шестнадцатилетний принц Эйерис доверил честь своего посвящения сиру Тайвину. В 261 г. Тайвин Ланнистер показал себя умелым военачальником: он подавил восстание двух крупных отцовских вассалов, лордов Рейна и Тарбека, а их замки сровнял с землей. Некоторые осуждали его за такую суровость, но никто не мог спорить с тем, что сир Тайвин положил конец беспорядкам, творившимся на западных землях при его лорде-отце.

Трудно вообразить себе столь разных соправителей, как Эйерис Таргариен и его десница. Молодой король на первых порах отличался живостью, любил музыку, танцы, маскарады и юных красавиц: к его двору съезжались прекрасные девы со всего королевства. Ему приписывали не меньше любовниц, чем предку его Эйегону Недостойному (что едва ли возможно), но Эйерису в отличие от Эйегона фаворитки быстро надоедали. Мало какая из них держалась более полугода, большинства же хватало недели на две.

Кроме того, он лелеял великие планы. Вскоре после коронации Эйерис объявил о намерении присоединить Ступени к своему королевству, а визит лорда Рикарда Старка в 264 г. пробудил в нем интерес к Северу. Он вознамерился построить новую Стену на сто лиг северней старой и занять земли, лежащие между ними. В 265 г. король, раздра-

женный «вонью этого города», задумал поставить на южном берегу Черноводной другую, беломраморную, столицу. В 267-м, поспорив с Железным банком относительно отцовских долгов, пожелал создать самый большой в мире военный флот, дабы «повергнуть на колени Титана». В 270-м, посетив Солнечное Копье, сказал принцессе Дорнийской, что пустыни у него зацветут: он пророев в горах подземный канал и проведет в Дорн воду из Дождливого леса.

Ни один из сих грандиозных планов так и не осуществился, и многие были забыты в первую же луну: великие замыслы наскучивали Эйерису столь же быстро, как и любовницы. Однако в первую декаду его правления Семь Королевств процветали, ибо королевский десница имел все, чего недоставало самому королю: решительность, трудолюбие, неутомимость, острый ум, чувство справедливости и суровость. «Боги создали его, чтобы править», — писал в Цитадель великий мейстер Пицель, прослужив с Тайвином в малом совете два года.

И Тайвин правил. Король начинал все больше чудить, и все больше государственных дел доставалось его деснице. При Тайвине Ланнистере страна процветала вопреки бесчисленным капризам короля Эйериса — Семь Королевств, в конце концов, уже привыкли к капризам Таргариенов. От Староместа до Стены ходили разговоры о том, что корону носит Эйерис, а властвует за него Ланнистер.

Тайвин уладил спор короны с Браавосом. Не повергая Титана на колени, к неудовольствию короля, он выплатил долги Джейехериса II собственным золотом. Он также заслужил одобрение многих великих лордов, отменив законы, принятые против них Эйегоном V. Понизил пошлины для судов, приехавших в Королевскую Гавань, Ланниспорт и Старомест, что принесло ему поддержку богатых купцов. Строил новые дороги, чинил старые, устраивал пышные турниры, к восторгу рыцарей и простого народа, поощрял торговлю с Вольными Городами, строго наказывал пекарей, подсовывавших опилки в муку, и мясников, подсовывавших конину вместо

говядины. Во всех этих делах он пользовался помощью великого мастера Пицеля, чьи записи о царствовании Эйериса представляют нам наиболее полную картину того времени.

При всем при том Тайвина не любили. Соперники клеймили его как человека угрюмого, негибкого, гордого и жестокого. Лорды-знаменосцы Ланнистеров уважали его и преданно шли за ним и в военное, и в мирное время, но не могли назваться его друзьями. Отца своего, безвольного разжиревшего лорда Титоса, он презирал, с братьями Тигетом и Герионом ссорился постоянно. Другой брат, Киван, и сестра Дженна были ему ближе остальных, но и к ним он проявлял скорее чувство долга, чем родственную любовь.

В 263 г., пробыв десницей год, сир Тайвин женился на своей прекрасной кузине Джоанне Ланнистер. Она приехала в столицу в 259 г. на коронацию Джейхериса и осталась там как фрейлина принцессы, а после королевы, Рейеллы. Жених и невеста вместе выросли в Бобровом Утесе; прилюдно свои чувства Тайвин не выражал, но говорили, что свою леди-жену он любил глубоко и верно. «Только леди Джоанна знает того, кто скрывается под броней, — писал в Цитадель великий мастер, — и его улыбка предназначена только ей. Свидетельствую даже, что ей удалось его рассмешить — и не один раз, а целых три!»

рассталась.) Супружеские отношения омрачала также неспособность Рейеллы подарить Эйерису других детей. В 263 и 264 годах у нее случились два выкидыша, в 267-м она родила мертвую дочь. Принц Дейерон, рожденный в 269-м, прожил всего полгода. Далее последовали еще один мертвый ребенок в 270-м, еще один выкидыш в 271-м, а недоношенный принц Эйегон, рожденный в 272-м, умер в 273-м.

На первых порах король утешал королеву, но постепенно его сострадание сменилось подозрениями. К 270 году он стал полагать, что королева ему изменяет. «Боги не желают, чтобы на Железном Троне сидел бастард», — заявил он на малом совете, предполагая, что все недоношенные, мертвые и недолго прожившие дети родились не от него. Вслед за сим он запретил королеве покидать пределы крепости Мейегора и велел двум септам спать с ней в одной постели каждую ночь, «дабы она не нарушала свои обеты».

Что думал об этом Тайвин Ланнистер, неизвестно, но в 266 г. леди Джоанна разрешилась двойней, мальчиком и девочкой, «здоровыми и красивыми, с волосами как кованое золото». Это лишь усилило нелады между Эйерисом и его десницей. «Я женился не на той женщине», — будто бы проронил король, услышав о счастливом событии, но тем не менее послал близнецам их вес в 30-

Слух о том, что Джоанна Ланнистер в ночь коронации Джейхериса отдала свое девичество принцу Эйерису и побыла краткое время его любовницей, когда он стал королем, можно смело почитать лживым. Как указывает в своих письмах Пицель, Тайвин Ланнистер в таком случае вряд ли бы женился на ней, «ибо он человек гордый и не стал бы довольствоваться чужими объедками».

Сохранились, однако, свидетельства, что король Эйерис крайне вольно, к неудовольствию Тайвина, общался с Джоанной, провожая ее на брачное ложе. Вскоре после этого королева Рейелла, не называя причины, отпустила Джоанну со службы. Леди Джоанна тотчас же уехала в Бобровый Утес и Королевскую Гавань посещала не часто.

Брак Эйериса с сестрой Рейеллой был, к несчастью, не столь удачным. Королева большей частью закрывала глаза на измены мужа, но ей не нравилось, что он «превращает моих дам в своих шлюх». (Джоанна Ланнистер была не первой и не последней фрейлиной, с которой ее величество внезапно

лоте и приказал Тайвину привезти их ко двору, как только они подрастут. «Вместе с их матерью, — настаивал Эйерис, — я слишком долго не лицезрел ее красоты».

В следующем, 267 году, в возрасте сорока шести лет скончался лорд Титос Ланнистер. Говорили, что

у его милости случился разрыв сердца, когда он поднимался по крутой винтовой лестнице в спальню своей любовницы. После его смерти лордом Бобрового Утеса и Хранителем Запада стал сир Тайвин Ланнистер. Когда он собрался домой, чтобы похоронить отца и вступить в права наследства, король тоже поехал с ним. Королеву он оставил в столице (ее величество носила тогда будущую мертворожденную принцессу Шейену), но взял с собой восьмилетнего принца Рейегара и добрую половину двора. Чуть ли не весь год король и его десница управляли страной из Ланниспорта и Бобрового Утеса.

В 268 году двор вернулся в Королевскую Гавань, и все пошло своим чередом, но видно было, что король раздвинулся с десницей. Раньше Эйерис почти во всем поддерживал Тайвина, теперь у них начались разногласия. Во время торговой войны Мира и Тироша против Волантиса лорд Тайвин не хотел принимать чью-то сторону, король же стоял за то, чтобы снабжать волантинцев золотом и оружием. Лорд Тайвин решил спор между домами Блэквудов и Бракенов в пользу Блэквудов, а король не согласился с ним и отдал спорную мельницу Бракенам.

Вопреки горячим возражениям десницы король удвоил портовые пошлины в Королевской Гавани и Староместе, в Ланниспорте же и прочих гаванях во-

все утроил. Но когда мелкие лорды и богатые купцы пришли к нему с жалобой, Эйерис свалил всю вину на Тайвина, сказав: «Лорд Тайвин испражняется золотом, но у него случился запор, и пришлось ему искать другие способы пополнить казну». После этого король убавил пошлины до прежней величины, заслужив тем хвалы своих подданных, а Тайвина выставив на позор.

Разрыв между королем и его десницей особенно ясно проявился в вопросе о назначениях. Эйерис, ранее всегда прислушивавшийся к советам Тайвина, после 270 г. стал поступать ровно наоборот. Многие западные жители были уволены с королевской службы потому лишь, что в них подозревали «людей десницы». Вместо них король ставил своих фаворитов, но предпочтения его менялись быстро, и доверие уступало недоверию. Родичи десницы не были исключением из общего правила: когда Тайвин предложил своего брата сира Тигетта на должность мастера над оружием, король предпочел сира Виллема Дарри.

К этому времени до Эйериса дошли слухи, будто он лишь фигура в чужой игре, а в Семи Королевствах властвует Тайвин Ланнистер. Это сильно разгневало короля, и он вознамерился поставить своего «могущественного слугу» на место.

К большому турниру 272 г., устроенному в честь десятилетия Эйериса на троне, в Королевскую Гавань приехала Джоанна Ланнистер с шестилетними близнецами Джейме и Серсеей. Сильно подвыпивший король осведомился, не испортило ли кормление ее «прекрасную высокую грудь», повеселив тем соперников лорда Тайвина и вогнав в краску леди Джоанну. Наутро десница попытался вернуть королю свою золотую цепь, но Эйерис не принял его отставки.

Король мог в любой миг заменить Ланнистера своим ставленником, но отчего-то держал старинного друга при себе и пользовался его трудами, всячески уязвляя и шпыняя его. Лысцы из числа придворных скоро переняли эту манеру и вызывали расположение короля, потешаясь над неулыбчивым, угрюмым десницей. Тайвин Ланнистер сносил все это молча.

В 273 г. в Бобровом Утесе, произведя на свет младшего сына, скончалась леди Джоанна. Мальчик,

названный Тирионом, родился карликом с короткими ножками, слишком большой головой и разными, демонскими, глазами (говорили, будто у него и хвост был, но лорд-отец приказал отрезать его). Простолюдины называли уродца злым роком и проклятием лорда Тайвина. Услышав о его рождении, король Эйерис сказал так: «Боги не терпят надменности. Чтобы научить Тайвина смирению, они отняли у него прекрасный цветок, а взамен наделили его чудовищем».

Эти слова, услышанные скорбящим лордом Тайвином у себя в замке, положили конец их былой дружбе с Эйерисом. Ни тот, ни другой не выдавал своих чувств; Тайвин продолжал служить десницей, занимаясь скучными будничными делами, король становился все более чудаковатым и подозрительным. Теперь он окружал себя доносчиками, награждая их за сведения об изменах, истинные и ложные. Когда ему донесли, будто капитан личной гвардии десницы, сир Илин Пейн, похвалялся, что государством на самом деле правит лорд Тайвин, король приказал схватить несчастного рыцаря и вырвать ему раскаленными щипцами язык.

Больной разум короля просветлел на время в 274 г., когда королева родила ему сына. На радостях Эйерис стал почти прежним, но смерть маленького принца Джейехериса в том же году вновь повергла его в отчаяние. В приступе ярости он обвинил кормилицу и велел ее обезглавить, но вскоре объявил, что ошибся: младенца де отравила его, короля, любовница, красавица-дочь одного из домашних рыцарей. Девушку и всех ее родичей замучили до смерти; под пытками они все признались в убийстве, хотя каждый показывал разное.

После этого король две недели постился, а затем прошел по городу пешком до Великой Септы, дабы помолиться с верховным септоном. По возвращении он сказал, что отныне будет спать лишь со своей законной женой, королевой. Если верить летописям, король сдержал свой обет и с того дня в 275 г. утратил всякий интерес к женщинам.

Супружеская верность его величества, как видно, порадовала Небесную Матерь, ибо на следующий год Рейелла подарила королю долгожданного сына. Принц Визерис был мал, но здоров и очень

хорош собой. Лучшего наследника, чем семнадцатилетний принц Рейегар, и желать было нечего, но люди тем не менее радовались появлению нового, запасного, Таргариена.

Подозрения Эйериса, впрочем, только усилились. Он приказал рыцарям Королевской Гвардии охранять принца денно и нощно, не подпуская к нему никого без дозволения короля. Даже королеве запрещалось оставаться одной с ребенком. Слуга, пробовавший королевские блюда, пробовал также и молоко кормилицы, чтобы та не помазала сосцы ядом. Из даров, присланных новорожденному лордами Семи Королевств, сложили костер во дворе: король опасался сглаза или проклятия.

В том же 276 году Тайвин Ланнистер устроил в Ланниспорте большой турнир в честь рождения принца. Возможно, это был шаг к примирению, но сила и богатство дома Ланнистеров всем бросались в глаза. Король, отказавшись было приехать туда, сменил затем гнев на милость, но королева с новорожденным сыном оставались в Красном Замке под неусыпной охраной.

Восседа в тени Бобрового Утеса, Эйерис не мог нарадоваться на старшего сына. Только что посвященный в рыцари принц Рейегар спешил Тигетта и Гериона Ланнистеров, победил самого Барристана Смелого и вышел на финальный поединок с прославленным королевским рыцарем сиром Эртуром Дейном, Мечом Зари.

Лорд Тайвин, пользуясь хорошим настроением короля, намекнул, что не худо бы наследному принцу жениться и дать жизнь собственному наследнику. В невесты десница предлагал свою дочь Серсею, но король с ходу отверг его предложение, указав Тайвину, что тот хоть и ценный, но все же слуга. Взять сына Тайвина Джейме в оруженосцы к Рейегару его величество также не пожелал; эту честь он приберегал для сыновей своих фаворитов, не друживших с десницей и домом Ланнистеров.

В то время всем уже было ясно, что Эйерис быстро сходит с ума, но окончательно его вверг в безумие Синедольский Мятеж 277 года.

Древний Синий Дол, некогда самый крупный порт на Черноводном заливе и резиденция королей, с расцветом Королевской Гавани захирел, и молодой лорд Денис Дарклин решил восстано-

вить былую славу своего города. Не утихают споры о том, что толкнуло лорда Дарклина на такой шаг, но большинство согласны с тем, что дело не обошлось без его жены-мирийки, леди Сорелы. Недоброжелатели винят в происшедшем ее одну, говоря, что Кружевная Змея, как они ее именуют, по ночам нашептывала мужу крамольные мысли. Защитники уверяют, что всему виной был сам лорд Дарклин, а жену его ненавидели лишь за то, что она была чужестранкой и молилась чужим богам. Все началось с желания лорда Дениса добиться от трона особой хартии для Синего Дола, как добился когда-то Дорн. Это не казалось ему чем-то невыполнимым: за Узким морем такие хартии были самым обычным делом, о чем он, несомненно, слышался от жены. Понятно также, что десница не стал удовлетворять его просьбу, дабы не создавать опасного прецедента. Взбешенный отказом лорд Дарклин задумал добиться своего не мытьем, так катаньем и вновь сделать Синий Дол равноправным соперником Королевской Гавани.

Мятеж начинался довольно мирно. Лорд Денис, видя, что безумства Эйериса вбили клин между королем и его десницей, отказался платить положенные налоги и пригласил короля в Синий Дол, дабы

тот на месте выслушал его, лорда, жалобы. Король, конечно, и не подумал бы соглашаться, не начни лорд Тайвин усиленно его отговаривать; тут он сразу же дал согласие и уведомил свой малый совет, что поедет в Синий Дол лично и приведет к повиновению мятежного Дарклина.

Вопреки советам лорда Тайвина король отправился в Синий Дол с небольшим эскортом, коим командовал королевский гвардеец сир Гвейн Тощий, и угодил прямиком в расставленную для него западню. Многие из его охраны, сир Гвейн в том числе, погибли, защищая своего короля.

Вести из Синего Дола вызвали при дворе сперва оторопь, затем ярость. Кое-кто из лордов требовал немедленно штурмовать город, освободить короля и покарать мятежников. Но Синий Дол окружали крепкие стены, а стоявший над гаванью древний Данфорт, усадьба дома Дарклинов, и вовсе казался неприступным.

Лорд Тайвин, разослав повсюду гонцов и воронов, приказал Дарклинам освободить короля. Лорд Денис ответил ему, что при всякой попытке штурма предаст его величество смерти. Малый совет сомневался в этом, полагая, что ни один уроженец Вестероса не способен на столь гнусное преступление, но лорд Тайвин не желал рисковать. Собрав многочис-

ленное войско, он подошел к Синему Долу, окружив его и с суши, и с моря.

Решимость лорда Дарклина начала иссякать вместе со съестными припасами. Несколько раз он пытался вызвать лорда Тайвина на переговоры, но тот отказывался, повторяя свои безоговорочные условия: сдача города вместе с замком и освобождение короля.

Мятеж продлился полгода. Горожане роптали, но лорд, засев в своей крепости, продолжал уповать на то, что лорд Тайвин смягчится.

Те, кто лучше знал Тайвина Ланнистера, понимали, что этому не бывать. Твердокаменный десница послал Дарклина последнюю депешу: буде тот и на сей раз не сдаст город, он, Ланнистер, возьмет Синий Дол приступом и предаст мечу всех мужчин, женщин и детей в его стенах. Рассказывают, будто этот ультиматум принес в Данфорт бард Ланнистера, спевший затем лорду Денису и леди Сореле песню «Рейны из Кастамере», но свидетельств этому нет.

Под Синим Долом собрался почти весь малый совет, и члены его опасались, что теперь уж лорд Дарклин непременно убьет короля Эйериса. «То ли убьет, то ли нет, — будто бы ответил им Тайвин, — но если это случится, у нас найдется король получше его». Десница, само собой, разумел принца Рейегара.

Историки по сей день спорят, верил ли Тайвин, что лорд Дарклин не посмеет убить короля, — или, напротив того, хотел смерти Эйериса, чтобы Рейегар мог сесть на Железный Трон.

Это так и не стало явным благодаря сир Барристану Селми из Королевской Гвардии. Он вызвался тайно пробраться в Данфорт и вывести короля. Сир Барристан с юных лет прозывался Смелым; этот его замысел Тайвин Ланнистер счел не просто смелым, а прямо-таки безумным, но из уважения к отважному рыцарю дал ему сутки на исполнение.

О спасении короля Эйериса сложены десятки песен, и тут певцам вопреки обыкновению ничего приукрашивать не пришлось. Сир Барристан, одевшись нищим, ночью перелез через городскую стену, взобрался на стену Данфорта, убил часового, отыскал подземелье, где содержался король, и вывел его из темницы. В замке уже поднялась тревога, и сир

Барристан, проявив в полной мере свое геройство, стал сражаться за короля.

Напав первым, он сразил зятя лорда Дарклина, мастера над оружием сира Саймона Холларда. Так он отомстил за смерть своего собрата по Королевской Гвардии сира Гвейна Тощего, убитого Холлардом. Затем он, убив еще двух часовых, прорвался на конюшенный двор, и они с королем ускользнули, прежде чем в замке успели закрыть ворота. За сим последовали безумная скачка по улицам Синего Дола, где уже вовсю трубили рога, и подъем на городскую стену, которую лучники лорда Ланнистера очистили от защитников.

После бегства августейшего заложника лорду Дарклина оставалось лишь сдаться, но вряд ли он предчувствовал, что за участь предназначил ему король. Эйерис потребовал смерти не одного лорда Дениса, но всех его дядей, теток и прочих родичей. Даже свойственников его, Холлардов, всех перебили, пощадив лишь Донтоса, юного племянника сира Саймона, за которого вступился сир Барристан; своему спасителю король не мог отказать. С леди Сорелой расправились еще более жестоко: ее сожгли заживо, вырвав прежде язык и женские органы (причем враги ее говорили, что она еще мало страдала за то, что претерпел из-за нее Синий Дол).

Пленение в Синем Доле лишило Эйериса Таргариена последних остатков разума: с этого дня его безумие лишь усиливалось. Дарклины обращались с ним грубо, совлекли с него королевские одежды и дерзнули даже на рукоприкладство. После освобождения король не позволял притрагиваться к себе даже собственным слугам; он оброс, ходил немый, и ногти его уподобились желтым когтям. Оружие в его присутствии могло быть лишь у рыцарей Королевской Гвардии, поклявшихся его защищать, и выносил он все более жестокие приговоры.

Вернувшись в Королевскую Гавань, король отказывался покидать Красный Замок. Четыре года он жил в собственном дворце, точно узник, и все более подозревал окружавших его людей, в особенности Тайвина Ланнистера. Родного сына и наследника он тоже подозревал, думая, что принц Рейегар стакнулся с Тайвином и оба они

решили штурмовать Синий Дол, чтобы лорд Дарклин убил своего заложника; тогда Железный Трон достался бы Рейегару, и Тайвин выдал бы за него свою дочь.

Стараясь помешать этому, король вызвал из Штормового Предела еще одного друга детства, Стеффона Баратеона, и ввел его в малый совет. В 278 г. лорд Стеффон отправился за Узкое море в Волантис с миссией найти принцу Рейегару невесту, «девицу из древнего валирийского рода». То, что Эйерис доверил эту задачу лорду Штормового Предела, а не своему деснице и не самому Рейегару, говорит само за себя. Пошли слухи, что после успешного завершения миссии король хочет назначить лорда Стеффона новым десницей, а Тайвин Ланнистер будет отдан под суд за измену. Многие порадовались бы, случись все именно так.

Боги, однако, распорядились по-своему. Лорд Стеффон не преуспел в своем деле, а на обратном пути корабль его затонул в заливе Губительные Валы в виду Штормового Предела. Два его старших сына видели со стены замка гибель отца и матери. Услышав об этом, король впал в ярость и заявил великому мейстеру, что крушение подстроил не иначе как Тайвин Ланнистер. «Если отправить его в отставку, он и меня убьет», — сокрушался король.

И Тайвин оставался десницей, но отныне Эйерис принимал его лишь в присутствии всех семи королевских гвардейцев. Убежденный, что против него злоумышляют и простонародье, и знать вкупе с королевой Рейеллой и Рейегаром, он выписал из Пентоса зловещего евнуха по имени Варис и поставил его начальником тайной службы. Только на него, человека без родных, друзей и каких-либо связей в Вестеросе, и мог полагаться несчастный король. Паук, как скоро прозвали евнуха, не жалел королевского золота и создал обширную сеть доносчиков. Пока Эйерис оставался на троне, Варис маячил рядом и что-то нашептывал ему на ухо.

После Синего Дола у Эйериса, как и у многих его предшественников, появилась еще одна мания: драконы. Если бы он прилетел на драконе, лорд Дарклин не осмелился бы тронуть его, рассудил король. Но его попытки вывести детенышей из яиц, найденных в подземельях Драконьего Камня (неко-

торые из них от старости сами окаменели) не привели ни к чему.

Тогда Эйерис обратился к Гильдии Алхимиков. Производимая там ядовито-зеленая «субстанция», или дикий огонь, считалась близкой родственницей драконьего пламени. Пиромантов стали часто видеть у него при дворе, а к 280 году Эйерис, перестав вешать и обезглавливать изменников, заговорщиков и убийц, принялся сжигать их живьем. Эти казни, от коих король получал великое удовольствие, совершал «его мудрость» Россарт, великий магистр алхимиков; за это Эйерис пожаловал ему титул лорда и дал место в малом совете.

Теперь уже вся страна, от Дорна до Стены, называла Эйериса не иначе как «Безумный Король», а в Королевской Гавани его прозвали еще и Королем Струпьев, ибо он то и дело ранил себя о Железный Трон. Произносилось это, разумеется, за глаза из страха перед Варисом и его шептунами.

Король тем временем все более отдалялся от своего старшего сына. В 279 г. Рейегара Таргариена объявили женихом Элии Мартелл, сестры Дорана, принца Дорнийского; в 280-м их поженили в Великой Септе Бейелора, но король на церемонии не присутствовал. Он заявил малому совету, что даже и с Королевской Гвардией опасается за свою жизнь вне стен Красного Замка. Не пустил он на свадьбу и младшего сына, Визериса.

Когда принц Рейегар решил поселиться с молодой женой на Драконьем Камне вместо Красного Замка, в стране вновь стали множиться слухи. Одни говорили, что принц хочет сместить отца и занять его трон, другие — что король намерен сделать наследником Визериса. Даже первая внучка Рейенис, родившаяся на Драконьем Камне в 280 г., не примирила короля с сыном. Принц приехал в Красный Замок показать дочь родителям; королева нежно обняла девочку, король же отказался взять ее на руки и сказал, что от нее «дорнийским духом несет».

Лорд Тайвин Ланнистер между тем по-прежнему оставался десницей. «Лорд Тайвин велик, как его Утес, — писал великий мейстер Пицель, — и ни у одного короля еще не было десницы столь одаренного и надежного». После гибели Стеффона Баратеона отставка ему уже не грозила, и он ре-

шился даже привезти ко двору юную красавицу-дочь Серсею.

Но в 281 г. скончался во сне пожилой королевский гвардеец сир Харлан Грандисон, и непрочное согласие между королем и его десницей лопнуло окончательно: его величество пожелал даровать белый плащ старшему сыну и наследнику лорда Тайвина.

Пятнадцатилетний Джейме Ланнистер успел уже стать рыцарем, а посвятил его сам сир Эртур Дейн, Меч Зари, многими почитавшийся славнейшим рыцарем королевства. Джейме сопровождал сира Эртура в его вылазке против разбойников Королевского леса и сполна заслужил высокое звание.

При этом он был наследником лорда Тайвина, и отец все свои надежды возлагал на него, ибо второй сын, Тирион, был карликом. Лорд уже подыскивал Джейме достойную партию, и вдруг король одним

махом лишил его и наследника, и надежды на продолжение рода.

Когда Эйерис объявил о назначении Джейме с Железного Трона, лорд Тайвин, по словам Пицеля, преклонил колени и поблагодарил короля за великую честь, а затем, сославшись на болезнь, попросил уволить его от должности.

Король охотно удовлетворил его просьбу, и лорд Тайвин, сдав цепь десницы, вернулся в Утес вместе с дочерью. Вместо него король взял пожилого лорда Оуэна Мерривезера, который громче всех смеялся каждой королевской шутке, даже и несмешной.

«Пусть отныне вся страна знает, — сказал его величество великому мейстеру, — ею правит тот, кто носит корону».

Эйерис Таргариен и Тайвин Ланнистер дружили с самого детства, вместе проливали кровь на Войне Девятигрошовых Королей, вместе правили Семью Королевствами почти двадцать лет, и вот чем это все завершилось.

Вскоре после сих событий лорд Уолтер Уэнт решил устроить в Харренхолле турнир в честь именин своей дочери; на нем король и намеревался принять сира Джейме в ряды Королевской Гвардии. Последовавшие за этим события привели к гибели Безумного Короля и положили конец долгому правлению дома Таргариенов в Семи Королевствах.

Падение Драконов

Год Ложной Весны

281 год вошел в историю Вестероса как год Ложной Весны. Зима два года держала страну в ледяных клещах, но теперь снег понемногу таял, леса зеленели, день удлинялся. Цитадель Староместа пока не рассылала своих белых воронов, но и там многие верили, что зима вот-вот кончится.

Когда с юга задул теплый ветер, лорды и рыцари со всех Семи Королевств двинулись в Харренхолл. Турнир, устраиваемый лордом Уэнтом на берегу Божьего Ока, обещал стать самым великолепным ристалищем со времен Эйгона Невероятного.

Нам многое известно об этом турнире — все происходившее там вошло в летописи и рассказано сотнями очевидцев, — но есть также многое, чего мы никогда не узнаем. Пока на турнирном поле сражались первейшие рыцари, в замке Черного Харрена и павильонах лордов велись куда более опасные игры.

Турнир лорда Уэнта породил множество историй, повествующих о заговорах, мятежах, изменах и мрачных тайнах, но все они, как правило, вымышлены. Правда известна немногим, некоторые из коих уже покинули земную юдоль и никому уже ничего не расскажут. Честный историк, описывая это достопамятное событие, должен отделять действительность от вымысла и проводить толстую черту между достоверно известным и подозреваемым или предполагаемым.

Известно нам вот что: Уолтер Уэнт, лорд Харренхолла, впервые объявил о турнире в конце 280 г., когда его посетил младший брат, сир Освелл Уэнт из Королевской Гвардии. Все с самого начала поняли, что это будет нечто непревзойденное, ибо лорд Уэнт обещал победителям призы вдвое больше, чем на Ланниспортском турнире 272 года, устроенном Тайвином Ланнистером в честь десятилетия царствования Эйериса II.

Многие полагали, что Уэнт хочет всего лишь переплюнуть отставного десницу и выставить напоказ богатство и мощь своего дома; другие видели в этом лишь уловку, а в самом лорде Уэнте — чье-то

орудие. Нет у его милости средств на такие призы, говорили они: за ним безусловно стоит кто-то другой, не имеющий недостатка в золоте, но предпочитающий оставаться в тени и позволить лорду Харренхолла стяжать всю славу. Нет никаких доказательств того, что такая фигура существовала на самом деле, но в «теневого устроителя» верили тогда и продолжают верить до наших дней.

Если это правда, то кто же он был и почему так тайлся? За минувшие годы называлось немало имен, но лишь одно из них представляется верным: Рейегар Таргариен, принц Драконьего Камня.

Согласно легенде, принц попросил лорда Уолтера устроить турнир, использовав его брата сира Освелла как посредника, и отсыпал золота не скупясь, дабы заманить в Харренхолл побольше лордов и рыцарей. Сам турнир его высочеству не был нужен и служил лишь предлогом, чтобы собрать негласный Большой совет. Назрело время открыто заявить о безумии отца, Эйериса II, в силу чего ввести регентство или принудительно низложить короля.

Если это действительно было тайной целью турнира, то Рейегар вел рискованную игру. В безумии короля мало кто сомневался, но многие не желали его ухода, ибо при Эйерисе они обрели великую власть и богатство, а новый король им ничего подобного не сулил.

Безумный Король, хоть и жег заживо своих, большей частью мнимых, врагов, мог по малейшему капризу осыпать угодных ему людей почестями и землями. Окружавшие его льстецы беззастенчиво пользовались его душевным расстройством, при всяком удобном случае наговаривая ему на Рейегара и разжигая подозрения отца против сына.

Главными сторонниками Безумного Короля были трое лордов, заседавших в его малом совете: мастер над монетой Карлтон Челстед, мастер над кораблями Люцерис Беларион и мастер над законом Саймонд Стаунтон. Евнух Варис, мастер над шептунами, и его мудрость Россарт, великий ма-

гистр Гильдии Алхимиков, также пользовались доверием Эйериса. Принца Рейегара поддерживали те, кто был моложе: лорд Джон Коннингтон, сир Милс Моутон из Девичьего Пруда, сир Ричард Лонмут. Дорнийцы, приехавшие ко двору с принцессой Элией, также держали сторону Рейегара, особенно принц Ливен Мартелл, дядя Элии и королевский гвардеец. Но самым видным его союзником в Королевской Гавани был, конечно же, сир Эртур Дейн, Меч Зари.

Великому мастеру Пицелю и деснице лорду Мерривезеру выпала незавидная задача поддерживать мир между этими двумя партиями при все более ожесточенном соперничестве. Великий мастер писал в Цитадель, что нынешнее положение вещей при дворе напоминает ему время перед Пляской Драконов сто лет назад, когда вражда между королевой Алисент и принцессой Рейенирой расколола всю страну надвое. Пицель предупреждал, что, если партии принца и короля каким-то путем не придут к согласию, в Семи Королевствах снова прольется кровь.

Будь у сторонников Эйериса хоть малейшее доказательство, что принц злоумышляет против отца, они непременно воспользовались бы им для свержения Рейегара. Некоторые из них дерзали даже предлагать королю лишить «неверного» сына права первородства и назначить наследником младшего. Принцу Визерису сравнялось семь лет, и восшествие его на престол означало, что те же лорды будут регентами при нем.

Неудивительно, что турнир лорда Уэнта рождал сильные подозрения. Лорд Челстед убеждал короля запретить его, лорд Стаунтон пошел еще дальше и предлагал запретить вообще все турниры.

Народ, однако, очень любил подобные зрелища. Услышав от лорда Мерривезера, что запрет только усилит нелюбовь к королю, Эйерис сделал крутой поворот и объявил, что прибудет на турнир сам. Он покидал Красный Замок впервые после Синедольского Мятежа, уверенный, без сомнения, что у него под носом враги не посмеют ничего предпринять. По словам Пицеля, он надеялся, что народ, увидев своего короля на празднике, вновь полюбит его.

Если так, то Эйерис глубоко заблуждался. Его присутствие, безусловно, придало Харренхоллско-

му турниру еще больше пышности и привлекло туда многочисленных лордов и рыцарей, но вид короля потряс многих. Длинные желтые ногти, колтун вместо бороды, нечесанные и немывтые волосы ясно говорили людям, что перед ними безумец. При этом король мгновенно переходил от веселости к меланхолии; записи, сделанные в Харренхолле, повествуют о его беспричинном смехе, долгом молчании, слезливости и приступах ярости.

Эйерис подозревал всех и вся: собственного сына и наследника, хозяина турнира лорда Уэнта, каждого лорда и рыцаря, прибывшего на турнир... а более всего тех, кто решил не ехать, что прежде всего касалось бывшего десницы Тайвина Ланнистера.

На открытии турнира король совершил торжественный обряд посвящения сира Джейме Ланнистера в свою Королевскую Гвардию. Юный рыцарь в белых доспехах произнес свои обеты перед королевским павильоном, преклонив колена на зеленой траве, и половина лордов королевства видела это. Когда сир Герольд Хайтауэр поднял его и застегнул на нем белый плащ, поднялся востор-

женный рев: сира Джейме, особенно на западных землях, любили за благородство, отвагу и воинское мастерство.

Сам Тайвин Ланнистер не соизволил явиться, но на турнир съехались десятки его лордов-знаменосцев и сотни рыцарей; они-то громче всех и приветствовали нового бойца Королевской Гвардии. Эйерис, вообразив в безумии своем, что это он вызвал такие восторги, остался доволен.

Не успел, однако, завершиться обряд, как у него зародились самые мрачные сомнения касательно нового телохранителя. По мнению Пицеля, он, взявший Джейме в Королевскую Гвардию, чтобы насолить своему деснице, вдруг с запозданием понял, что отныне сын Тайвина Ланнистера будет при нем денно и ночью... с мечом на боку.

Эта мысль так испугала его, что он едва притрагивался к еде на вечернем пиру. Призвав к себе сира Джейме (в это время король сидел на судне, как рассказывают порой, но эту гадкую подробность могли присочинить и позднее), он повелел ему возвращаться в Королевскую Гавань, дабы охранять королеву Рейеллу и принца Визериса, которые на турнир не поехали. Лорд-командующий, сир Герольд Хайтауэр, предложил заменить сира Джейме, но король отказал.

Молодой рыцарь, мечтавший, несомненно, отличиться на этом турнире, был горько разочарован, но остался верен своим обетам и немедленно выехал в Красный Замок. Дальнейшее участие в харренхоллских событиях он принимал разве что в больном воображении Безумного Короля.

Семь дней лучшие рыцари и лорды Семи Королевств состязались на копьях и мечах под огромнейшими стенами Харренхолла. Вечером победители и побежденные вместе пировали в громадном Зале Ста Очагов. О тех днях сложено много песен и сказок, среди коих встречаются и правдивые. О каждом поединке мы здесь рассказывать не намерены и охотно предоставляем это певцам, но о двух случаях никак нельзя умолчать, ибо последствия их оказались весьма серьезными.

Первым стало явление таинственного рыцаря, хрупкого юноши в доспехах не впору и девизом в виде чардрева со смеющимся ликом. Назвался он Рыцарем Смеющегося Древа и, к восхище-

нию зрителей, спешил трех всадников одного за другим.

Король Эйерис, однако, тайн не любил. Внушив себе, что чардрево на щите рыцаря смеется над его королевским величеством, он решил, что рыцарь этот не кто иной, как сир Джейме Ланнистер, вопреки приказу вернувшийся на турнир. Так он и говорил всем и каждому.

Наутро он повелел своим собственным рыцарям во что бы то ни стало победить пришлеца, сорвать с него маску и прилюдно изобличить, но таинственный рыцарь ночью исчез, и никто его больше не видел. Король, уверенный, что «замаскированного предателя» предупредил кто-то из его окружения, разгневался еще пуще.

Победителем турнира в конце концов стал принц Рейегар. Обычно он не выступал на ристалище, но тут, удивив всех, облачился в доспехи и побил всех противников, в том числе четырех королевских гвардейцев. В финальном поединке принц сразил самого сира Барристана Селми, лучшее копьё Семи Королевств.

Зрители, как говорят, ликовали, король же безмолвствовал, видя не гордость, а угрозу в триумфе сына. Лорды Челстед и Стаунтон разожгли его подозрения еще более, сказав, что принц стремился завоевать любовь простого народа, а лордам напомнить, что он, Рейегар, славный воин, истинный потомок Эйегона Завоевателя.

Когда же принц назвал королевой любви и красоты Лианну Старк, дочь лорда из Винтерфелла, и поднес ей венок из голубых роз на конце копья, приближенные к королю лорды усмотрели в этом новый коварный умысел. Зачем принц нанес такое оскорбление своей супруге принцессе Элии, бывшей при этом? Ответ может быть лишь один: он метит на отцовский престол. Короновав девицу Старк (настоящего мальчишку, как говорят, не идущую ни в какое сравнение с утонченной красавицей Элией), он тем самым обеспечил себе союз с Винтерфеллом. Так нашептывал королю Саймонд Стаунтон.

Однако, будь это правдой, отчего братьев леди Лианны так встревожила честь, оказанная ей принцем? Брандона Старка, наследника Винтерфелла, едва удержали: он рвался вызвать принца на поеди-

нок, видя в его поступке оскорбление дому Старков, ибо Лианна давно уже была помолвлена с Робертом Баратеоном, лордом Штормового Предела. Эддард же, младший брат Брандона и близкий друг Роберта, держался спокойнее, но разделял недовольство брата. Что до самого лорда Роберта, то он, как говорили одни, посмеялся и сказал, что принц всего лишь воздал леди Лианне должное. Другие, знавшие его лучше, уверяли, что молодой лорд помрачнел и ожесточился против принца Рейегара с того самого дня.

Так скорее всего и было. Тот голубой венок в конце концов разделил страну надвое, привел к гибели Рейегара Таргариена и многие тысячи вместе с ним, а на Железный Трон взошел новый король.

Ложная весна продлилась меньше двух лун: зима вернулась в Вестерос во всем своем гневе. Снег, начавшийся в Королевской Гавани в последний день 281 года, шел две недели, Черноводная замерзла, крыши и водостоки города обросли сосульками.

Король Эйерис повелел пиромантам прогнать зиму своим волшебным искусством, и зеленые огни всю луну пылали на стенах Красного Замка. Принца Рейегара тогда не было ни в столице, ни на Драконьем Камне с Элией и новорожденным Эйегоном. Как только наступил новый год, принц отправился с полудюжиной самых близких своих друзей в путь, вновь приведший его в речные зем-

ли. Там, всего в десяти лигах от Харренхолла, он вновь встретился с Лианной Старк и разжег собственный огонь, коему суждено было поглотить его дом, его близких и половину Семи Королевств в придачу.

Впрочем, история эта слишком широко известна, чтобы повторять ее здесь.

ВОССТАНИЕ РОБЕРТА

Похищение Рейегаром Лианны Старк привело к крушению дома Таргариенов. Безумие короля Эйериса проявилось в полную силу, когда он отправился с лордом Старком, его наследником и другими северянами, требовавшими наказать принца. Мало того, что он отказался разобрать их дело по справедливости и предал их жестокой казни — он к тому же приказал лорду Джону Аррену убить своих прежних воспитанников, Роберта Ба-

ратеона и Эддарда Старка. Многие согласны, что Восстание Роберта, в сущности, началось, когда лорд Аррен не побоялся отказать королю и созвал свои знамена в защиту правого дела. Не все лорды Долины, однако, подчинились призыву: сторонники короля пошли против Джона Аррена, и закипела война.

Она распространялась по Семи Королевствам, как дикий огонь. Многие, сражавшиеся тогда, жи-

вы поныне и могут рассказать о тех битвах лучше, чем автор сих строк. Им я предоставляю поведать подлинную историю Восстания Роберта, боясь обидеть их полуправдой или воздать хвалу тем, кто после оказался недостоин похвал. Ограничусь историей лорда и рыцаря, взошедшего в конце концов на Железный Трон и вернувшего обезумевшей стране разум.

Под знамя Роберта, показавшего себя бесстрашным и непобедимым воином, стекалось все больше людей. Взяв Чаячий город, где правил сторонник Таргариенов лорд Графтон, он отплыл в Штормовой Предел созвать своих знаменосцев. Отозвались, опять-таки, не все: десница Эйериса лорд Мерривезер убеждал штормовых лордов не подчиняться Роберту, но все изменилось после Летнего Замка, где Роберт выиграл три битвы за один день. Со своим наспех сколоченным войском он разбил поочередно лордов Грандисона и Кафферена, а затем убил на поединке лорда Фелла и взял в плен его сына, знаменитого Серебряного Топора.

Объединившись с Джоном Арреном и северянами, лорд Роберт одержал ряд новых побед. Всем памятна Колокольная битва в Каменной Септе, где

он сразил сира Милса Моутона, знаменитого рыцаря и прежнего оруженосца принца Рейегара. Нового десницу лорда Коннингтона Роберт тоже наверняка убил бы, доведись им сойтись в бою. Благодаря этой победе речные земли тоже вступили в войну, и лорд Талли выдал своих дочерей за лордов Старка и Аррена.

Королевские войска получали один удар за другим, но держались стойко. Рыцарей Королевской Гвардии отправили подкрепить остатки сил лорда Коннингтона, принц Рейегар вернулся с юга и возглавил рекрутов, набранных в землях короны. После частичной победы при Эшфорде, вынудившей Роберта отступить, лорд Тирелл вошел в штормовые земли. Силы Простора, сломив сопротивление штормовых лордов, подошли к Штормовому Пределу, а флот лорда Пакстера Редвина из Бора замкнул кольцо. Замок был осажден и с суши, и с моря, и осада эта держалась, пока не завершилась война.

Десять тысяч копий, придя из Дорна по Костяному Пути, влились в войско Рейегара. Очевидцы, бывшие в ту пору при дворе, рассказывают о сумасбродном поведении короля Эйериса. Доверял он единственно своим королевским гвардейцам, и то не всем: сира Джейме Ланнистера он постоянно держал при себе и видел в нем скорее не телохранителя, а заложника.

Когда принц Рейегар наконец выступил на Трезубец по Королевскому тракту, с ним ушли те рыцари Королевской Гвардии, что еще оставались в столице: сир Барристан Смелый, сир Джонотор Дарри и принц Ливен. Последний возглавил отряд копейщиков, присланный его племянником Дораном, сделав это будто бы лишь под угрозой Безумного Короля, опасавшегося измены со стороны Дорна. Из всех белых рыцарей в Королевской Гавани остался лишь молодой сир Джейме Ланнистер.

О знаменитой битве на Трезубце сохранилось много рассказов, как письменных, так и устных. Все знают, что оба войска столкнулись на переправе, после названной Рубиновым бродом из-за осыпавшихся с брони принца Рейегара рубинов. Силы были примерно равны: у Рейегара сорок тысяч, из коих десятую часть составляли рыцари, у мятежников чуть меньше, но зато испытанные воины, а не зеленые новобранцы.

ВВЕРХУ | *Король Роберт Баратеон, первый этого имени*

В битве у брода пали сир Джонотор Дарри и принц Ливен, но главное было еще впереди.

На речных отмелях то ли случайно, то ли по воле богов сошлись оба полководца, лорд Роберт и принц Рейегар. Возможно также, что они сами искали встречи. Оба всадника, по рассказам очевидцев, сражались отважно: принц, несмотря на свои преступления, не был трусом. Он сумел ранить Роберта, но в конце концов громадная сила лорда Баратеона и жажда отомстить за позор сделали свое дело. Роберт пронзил принцу грудь пикой своего боевого молота, и рубины, украшавшие панцирь Рейегара, посыпались в воду.

Многие с той и другой стороны, перестав биться, попрыгали в реку за дорогими камнями. Вскоре люди короля обратились в бегство, и началось повальное отступление.

Роберт, не в силах преследовать врага из-за ран, препоручил это Эддарду Старку и доказал свое благородство, не позволив добить израненного Барристана Смелого и послав к знаменитому рыцарю собственного своего мастера. Будущего короля любили и почитали все его друзья и союзники, ибо немного было мужей столь великодушных и милосердных, как Роберт Баратеон.

КОНЕЦ ТАРГАРИЕНОВ

Вороны и гонцы несли во все края весть о победе у Рубинового брода. Король Эйерис, услышав об этом, проклял дорнийцев в уверенности, что Ливен изменил Рейегару. Беременную королеву Рейеллу и сына Визериса, ставшего новым наследником, он отослал на Драконий Камень, но принцессу Элию с малыми детьми оставил в столице как заложницу Дорна. Вслед за тем король сжег десницу лорда Челстеда как дурного советника и назначил нового — алхимика Россарта, человека низкого рода, сильного одним лишь зеленым огнем.

Сир Джейме Ланнистер отвечал за оборону Красного Замка. Рыцари и латники стояли на стенах, ожидая врага. Когда к городу подошло первое войско со львом на знаменах, король приказал открыть ворота, вообразив, что старый его друг и бывший десница пришел спасти его, как во время Синедольского Мятежа. Но лорд Тайвин Ланнистер явился не затем, чтобы спасти Безумного Короля: он пришел положить конец царствованию безумца.

Как только его солдаты вошли в город, улицы обгарились кровью. Лучшие из воинов Ланнистера

бежали к Красному Замку, чтобы взять его и свершить правосудие над королем Эйерисом.

Скоро они проникли туда, но первыми жертвами в неразберихе стали Элия Дорнийская и ее дети, Рейенис и Эйегон. На войне, увы, проливается кровь не только виновных, но и невинных, и убийц Элии так и не привлекли к ответу. Неизвестно, кто убил прямо в постели принцессу Рейенис и разбил голову принца Эйегона о стену. Одни поговаривают, что это сделали по приказу самого Эйериса, узнавшего, что лорд Тайвин перешел на сторону Роберта; другие предполагают, что детей убила сама Элия, не желая, чтобы они достались врагу живыми.

Десница короля Россарт был убит у калитки, через которую трусливо пытался бежать из замка, а затем от руки рыцаря собственной Королевской Гвардии пал король Эйерис. Сир Джейме, как и его отец, сделал то, что почитал наилучшим для блага государства.

Так вместе с правлением дома Таргариенов завершилось Восстание Роберта — война, положившая конец трехсотлетней династии и открывшая новый золотой век дома Баратеонов.

Времена славы и процветания

Роберт, первый этого имени, рьяно принялся исправлять зло, причиненное многострадальному Вестеросу Безумным Королем и его злокозненным сыном. Первым делом он взял в жены прекраснейшую женщину Семи Королевств, Серсею, вернув дому Ланнистеров почести, в коих им отказывал Эйерис. Лорд Тайвин вполне бы мог вновь стать десницей, но король изволил пожаловать этот пост старому своему другу и покровителю Джону Аррену. Сей лорд, мудрый и справедливый, всемерно помогал королю восстановить в стране мир и благополучие.

В знак благодетельных перемен со стен тронного зала были убраны черепа драконов, прежде украшавшие их.

Это, однако, не значит, что все шло так уж гладко. Шесть лет спустя после коронации Роберта Бейлон Грейджой восстал против своего короля, движимый одним лишь пустым честолюбием — ведь ни ему, ни народу его не чинили никакого вреда. Лорд Станнис Баратеон, средний брат Роберта, повел к Железным островам королевский флот, сам король двинулся на западный берег во главе сухопутного войска и свершил там славные подвиги. В конце концов замок Пайк сдался; мятежный лорд Бейлон склонил колено перед Железным Троном, и у него в залог послушания взяли единственного сына, который остался в живых.

Ныне в стране царит мир. Сбылись все обещания, которые дал при восшествии на престол король Роберт. При добром нашем государе настало самое долгое за многие годы лето с обильными урожаями, а король со своей возлюбленной королевой подарили стране трех златокудых наследников, что сулит долгий век дому Баратеонов. За Стеной появился, правда,

самозванный король, но сей Манс-Разбойник — всего лишь беглец из Ночного Дозора, а у черных братьев с предателями расправа короткая. Он страшен не более, чем другие короли одичалых, бывшие до него.

Так скорее всего будет не вечно. Как видно из этой книги, от Рассветных Веков до наших дней прошли многие тысячи лет. Возводились и рушились замки и целые королевства. Крестьяне рождались, обрабатывали поля, умирали, и дети продолжали их труд. Принцы рождались, восходили на трон и умирали в своей постели, на войне или на турнире, заслужив хвалу, забвение или поношение. Землю сковывало льдом в Долгую Ночь и охватывало пламенем в Роковой День. Сей мир льда и пламени, простершийся от Стылого берега до Асшая у Края Теней, оставил за собой богатую событиями историю, хотя многое в ней еще остается загадкой и многое предстоит раскрыть. Если будут найдены недостающие части труда мейстера Гильдейна — сокровища бесценнейшие, по крайней мере в глазах ученых, — невежество наше несколько умалится. С уверенностью можно сказать лишь одно: в грядущие тысячелетия будут рождаться, жить и умирать еще многие поколения, творя историю не менее странную и запутанную, чем та, что изложил я на этих страницах.

Никто из людей не может знать, что сулит нам грядущее — но зная, что было в прошлом, мы можем избежать ошибок своих предшественников, взять пример с их успешных деяний и создать более гармоничный мир для наших детей и внуков.

Именем блистательного короля Роберта Первого смиренный автор сих строк завершает историю монархов Семи Королевств.

Семь Копоневств

СЕРБЕР

СЕВЕР

Обширные студеные владения Королей Зимы, Старков из Винтерфелла, принято считать первым и самым древним из Семи Королевств, дольше всех не покорявшимся различным завоевателям. Особенности истории и географии отличают Север от любого из южных соседей.

Часто говорят, что Север столь же велик, как другие шесть королевств вместе взятые, однако это не совсем так: Север, коим ныне правит дом Старков, составляет чуть больше трети всего государства. Вла-

город Семи Королевств. Есть еще «зимний город» под стенами Винтерфелла и Барроутон в Курганах. Первый весной и летом пустеет, а осенью и зимой заселяется очень густо теми, кто надеется на поддержку Винтерфелла в эти суровые времена. Туда стекается народ не только из ближних деревушек и хуторов, но порой и из горных кланов, где зима особо люгует.

Барроутон, тоже городок весьма любопытный, вырос под курганом, где будто бы похоронен первый король Первых Людей. Курган этот высится по-

Обратим теперь свое внимание на отдельные земли, составляющие великое государство Вестерос.

Обычай именовать эти земли Семью Королевствами складывался веками, ибо до Завоевания Эйгона к югу от Стены в самом деле было семь королей. Но даже и тогда это название не было точным, поскольку в одном из них, Дорне, правила принцесса, а не король, и собственное «королевство» Эйгона, Драконий Камень, никогда не включалось в их число.

Тем не менее название удержалось. Говорим же мы о стародавних Ста Королевствах, хотя Вестерос никогда не делился на сто государств; так будем придерживаться обычая и называть нашу страну Семью Королевствами при всей неточности сего имени.

Ниже я намерен рассказать о целых восьми «королевствах», их истории, их героях, победах и поражениях. Эти королевства суть Север (с кратким рассмотрением земель к северу от Стены), речные земли (Королевство Трезубца), Долина (включая Лунные горы и Три Сестры), Железные острова, западные земли (Королевство Скалы), Простор (включая Старомест и Бор), штормовые земли (включая Тарт и Мыс Гнева) и Дорн.

дения Старков простираются от южного края Перешейка до Нового Дара (который тоже принадлежал им, пока король Джейхерис I не убедил Винтерфелл отдать этот надел Ночному Дозору). Там можно видеть великие леса, широкие равнины, холмы, долины, скалистые берега и горы со снежными вершинами. Это холодный край, и земли его при всей их обширности куда менее плодородны, чем южные. Снег там порой идет даже летом и очень глубок зимой.

Городом из всех поселений Севера может назваться только Белая Гавань, и это самый маленький

среди широкой пустой равнины, и городок под ним процветает благодаря попечительству дома Дастинов. Дастины, верные знаменосцы Старков, правят Курганами от их имени со времен падения последнего Курганного Короля.

Северяне все происходят от Первых Людей, чья кровь очень медленно смешивалась с кровью андалов, покоривших южные королевства. На старом языке Первых Людей теперь говорят лишь одичалые за Стеной, и многие их обычаи также утрачены (в том числе и весьма жестокие, когда тела и вну-

Ржавая корона на гербе Дастинов дает понять, что они сами ведут свой род от тех королей, начиная с первого. Согласно преданиям, которые Кеннет приводит в «Путях мертвых», на Большой Курган наложено заклятие, не позволяющее никому из живых быть соперником Первого Короля. Это, конечно, всего лишь легенды, но происхождение Дастинов от королей древности представляется весьма вероятным.

Рыцари на Севере не часто встречаются, рыцарский же турнир за Перешейком и вовсе дело несбыточное. Северяне тоже могут сражаться верхом и с копьями, но редко делают это ради потехи, предпочитая общие схватки, мало чем отличные от подлинных битв. Порой такие забавы продолжались целых полдня, оставляя за собой вытопанные поля и полуразрушенные деревни. Тяжелые раны в них не редкость, и смерти тоже случаются. В свалке у Последнего Очага в 170 г. ОЗ погибло, как говорят, не менее восемнадцати человек, а изувеченных было в полтора раза больше.

тренности казненных злодеев развешивались на кронах чардрев).

Но кое-что из старых обыкновений на Севере сохранилось. Суровая жизнь закаляет северян, и развлечения, излюбленные на юге, представляются им ребячеством по сравнению с охотой и воинскими забавами.

Родовые их имена, звучные и короткие — Старк, Вулл, Амбер, Стаут, — также ведут начало от тех времен, когда андалы не имели на Севере никакого влияния.

Пуще всего на Севере чтут древний закон гостеприимства, согласно коему хозяин дома не вправе причинить вред гостю под своим кровом, а гость — хозяину. У андалов есть похожий закон, но на юге этот обычай не столь священен. Мейстер Эгберт в книге «Северное правосудие: приговоры трех лордов из дома Старков» пишет, что закон гостеприимства на Севере нарушается редко и злодеяние всякий раз карается как измена худшего толка. С подобным преступником может сравниться лишь тот, кто пролил родную кровь.

Повар-Крыса из северной сказки, принимая у себя андальского короля (одни полагают, что то был Тайвелл II, Король Скалы, другие — что Освелл I, Король Гор и Долины), подал ему пирог с начинкой из родного королевского сына. Боги обратили его в чудовищную крысу, пожирающую собственное потомство, — не за убийство королевского сына и не за то, что он скормил его королю, а за нарушение закона гостеприимства.

КОРОЛИ ЗИМЫ

В песнях и сказках говорится, что Старки из Винтерфелла правили за Перешейком восемь тысяч лет, именуя себя в старину Королями Зимы, а в более поздние века Королями Севера. Правление это не было мирным: Старки часто воевали чужие земли или отбирали назад захваченные мятежниками. То были суровые люди, жившие в суровые времена.

Самые древние баллады из тех, что можно найти в Цитадели, рассказывают, как один Король Зимы прогнал с Севера великанов, а другой победил оборотня Гавена Серого и его сородичей в жестокой «Волчьей войне», но в том, что такие короли и битвы были на самом деле, приходится полагаться на слово певцов.

Несколько больше свидетельств сохранилось о войне Королей Зимы с Королями Курганов, которые объявляли себя властителями всех Первых Людей, в том числе самих Старков. По руническим летописям видно, что эта война, нареченная певцами Тысячелетней, являла собой целый ряд войн, которые длились не дольше двухсот лет и кончились тем, что последний Король Курганов склонил колено перед кем-то из Старков и отдал за него свою дочь.

Это, однако, не обеспечило Винтерфеллу главенства над Севером, где оставалось еще множество мелких королевств. Понадобились тысячелетия и новые войны, чтобы их всех покорить, и много древних родов угасло за это время.

Среди домов, которые из королевских стали вассальными, можно назвать Флинтов из Камено-ломен, Слейтов с Черного Пруда, Амберов из Последнего Очага, Локе из Старого Замка, Гловеров из Темнолесья, Фишеров с Каменного Берега, Райдеров из Родников... а то и Блэквудов из Дре-

ворона, которые, согласно их родовому преданию, некогда владели большей частью Волчьего леса, но были изгнаны оттуда Королями Зимы. Рунические летописи, если верить толкованию мастера Барнеби, подтверждают это предание.

Хроники, найденные в Твердыне Ночи (до того, как Ночной Дозор ушел из нее), повествуют о войне за мыс Морского Дракона, которую Старки вели с Королем Варгов и союзниками его, Детьми Леса. Когда последний оплот Короля Варгов пал, сыновей его предали мечу вместе со зверями и древовидцами, а дочерей взяли себе победители.

Подобным же образом пали дома Гринвудов, Тауэров, Эмберов и Фростов, а также десяток других, имена коих ныне забыты. Самыми же заклятыми врагами Старков были, несомненно, Болтоны, Красные Короли из Дредфорта, чьи владения некогда простирались от Последней реки до Белого Ножа и до Овечьих холмов на юге.

Вражда между Старками и Болтонами, как говорят, уходит корнями в Долгую Ночь. Войнам между двумя этими древними домами числа не было, и Старки побеждали в них не всегда. Король Русе Болтон Второй, по преданию, спалил Винтерфелл, а тезка его и потомок Русе Четвертый (его прозвали Красной Рукой за обычай голыми руками потрошить пленных) повторил это три века спустя. Другие Красные Короли будто бы носили плащи из кож взятых в плен Старков.

Однако в конце концов Дредфорт пал, и последний Красный Король, Рогар Охотник, присягнул на верность Королю Зимы и отдал своих сыновей в заложники (было это в то время, как первые андальские ладьи пересекали Узкое море).

СЛЕВА | Ров Кейлин ВВЕРХУ | Гербы дома Старков (в центре) и некоторых его вассалов (по часовой стрелке): Гловер, Рисвелл, Мандерли, Дастин, Болтон, Толхарт, Рид, Амбер, Карстарк, Хорнвуд и Мормонт

После победы над Болтонами Старки пуше всего опасались вторжения с моря. На севере их владения защищали Стена и Ночной Дозор, на юге крепость Ров Кейлин преграждала единственную дорогу среди болот Перешейка. Даже Болотные Короли, некогда державшие Ров, хранили нерушимый союз с прочими королями Севера и не пускали туда захватчиков с юга, а король Рикард Старк, взяв Ров под свою руку, и вовсе сделал его неприступным. Мало кто дерзал штурмовать его, и никому, как гласит история, не удалось его взять.

Зато берега — и восточный, и западный — грозили нашествием: Железных Людей с запада, андалов с востока.

Андальские ладьи, сотнями и тысячами прибывавшие из-за Узкого моря, причаливали не только в южных королевствах, но и на Севере, но Старки и их знаменосцы бдительно охраняли свои берега. Король Теон Старк по прозвищу Голодный Волк вместе с Болтонами отразил величайшую из угроз, разбив андальского воеводу Аргоса Семизвездного на речке Рыдальнице.

Одержав эту победу, Теон собрал собственный флот и поплыл через Узкое море в Андалос с трупом Аргоса на носу корабля. Там он свершил свою месть: сжег десяток деревень, взял три замка и укрепленную септу, предал мечу сотни жителей. Головы убитых он увез в Вестерос и насадил на колья вдоль побережья в острастку другим горе-завоевателям. (После сей кровавый король сам завоевал Три Сестры и высадил войско на Перстах, но владел всем этим недолго. Железных Людей на западе он прогнал с мыса Кракен и Медвежьего острова, подавил восстание в Родниках и совершил вместе с Ночным Дозором поход за Стену, после коего одичалые не поднимали головы целое поколение.)

Еще до появления первых андалов король Джон Старк поставил крепость Волчье Логово для защиты реки Белый Нож от грабителей и работорговцев из-за Узкого моря. Одни ученые полагают, что эти набеги также совершали андалы, другие приписывают их предкам нынешних иббенийцев и пришельцам из самих Валирии и Волантиса.

Эта древняя крепость, коей на протяжении веков владело много домов (от Грейстарков, близких родичей королей, до Флинтов, Слейтов, Лонгов, Хольтов, Локе и Эшвудов), повидала немало битв. Во время войн между Винтерфеллом и андальскими королями Горы и Долины ее осадил Огсуд Аррен по прозвищу Старый Сокол. Сын его Освин Коготь взял Волчье Логово и предал огню; после крепость подвергалась набегам пиратов с Трех Сестер и работорговцев со Ступеней. Оборону Белого Ножа, ведущего в самое сердце Севера, обеспечила лишь закладка Белой Гавани за тысячу лет до Завоевания Эйгона, когда бежавший с юга дом Мандерли присягнул Старкам.

На западном побережье Голодный Волк вел затяжные войны с Большим и Старым Виком, Пайком и Оркмонтом, откуда приходили ладьи под знаменем Харрага Седого, Железного Короля. Каменный берег на время покорился Железным Людям, часть Волчьего леса выгорела дотла, а на Медвежьем острове обосновался злобный сын Харрага, Равос-Насильник. Теон Старк собственной рукой убил Равоса и прогнал островитян со своих берегов, но они вернулись под водительством Эрика-Орла, внука Харрага, а Старый Кракен, Лорон Грейджой, позднее отвоевал и Медвежий остров, и мыс. (Остров вернул Северу король Родрик Старк после смерти Лорона, за мыс сражались его сыновья и внуки.) Войны между Севером и Железными островами велись и после, но уже не были столь жестокими.

До постройки Королевской Гавани Белая оставалась самым новым городом Семи Королевств. Воздвигнутая на золото дома Мандерли, изгнанного с Простора лордом Лоримаром Пеком по приказу Короля-Садовника Персеона III, она имела больше сходства с изящными замками юга, нежели с твердынями Севера; говорят, что Новый Замок был точной копией Данстонбери, откуда бежали Мандерли.

ГОРНЫЕ КЛАНЫ

Кланы северных гор особенно славятся гостеприимством, и вожди их соперничают друг с другом в радушии. Живут они большей частью за Волчьим лесом, в высоких долинах и на горных лугах, а также на Ледовом заливе и по берегам рек. Клань признают главенство Старков, но и лордам из Винтерфелла, и Королям Зимы бывало нелегко разрешить их междоусобные споры. Приходилось либо посылать своих людей в горы, чтобы помешать кровопролитию (что увековечено в песнях «Черные сосны» и «Волки в горах»), либо вызывать повздоривших вождей на суд в Винтерфелл.

Самый сильный из кланов — это Вуллы, рыбаки, живущие на Ледовом заливе. Ненависть их к одичалым может сравниться лишь с ненавистью к Железным Людям, которые часто совершали набеги на их деревни, жгли дома, забирали урожай, уводили в неволю жен и дочерей. Каменный берег, Медвежий остров, мыс Морского Дракона, мыс Кракен — все эти земли одно время были заняты Железными островами. Кракен, что к островам всего ближе, переходил из рук в руки столь часто, что многие мастера считают его жителей скорее Железными Людьюми, нежели северянами.

В летописях Севера говорится, что Родрик Старк отвоевал Медвежий остров у Железных Людей в рукопашном единоборстве — и в этом, возможно, есть доля правды: короли Железных островов часто доказывали свое право носить корону из плавника, показывая своим воинам примеры воинской доблести. Впрочем, историки подвергают это сомнению: если военачальники-де и боролись, то скорее на словах.

ДЕТИ КАМНЯ СО СКАГОСА

Горные кланы традиционно хранят верность Старкам и в мирное, и в военное время. Иное дело дикие обитатели Скагоса, гористого острова в восточной части Тюленьего залива.

Северяне ставят их немногим выше одичалых и называют скаггами. Сами они именуют себя детьми камня, ибо Скагос на старом языке как раз и значит «камень». Огромные, волосатые, дурно пахнущие (одни мастера находят в них сильную примесь иббенийской крови, другие ведут их родословную от великанов), они одеваются в меха и невыделанные шкуры, а ездят будто бы на единорогах. О скаггах ходит немало темных преданий: говорят, что они до сих пор приносят человеческие жертвы своим чардревам, зажигают обманные огни, чтобы заманить проходящие корабли на скалы, а зимой едят человечину.

Когда-то скагги и впрямь были людоедами, но остается спорным, сохранился ли этот обычай до наших дней. Главный источник наших сведений о них — это книга «На краю света», собрание сказок и легенд, записанных мастером Бальдером, служив-

шим в Восточном Дозоре, Что-у-моря, при Озрике Старке, пробывшем лордом-командующим шестьдесят лет. Одна из легенд называется «Скейнский пир»; в ней скагги, высадившись на соседнем острове Скейне, забрали всех женщин себе, а мужчин перебили и поедали их мясо на пиру, длив-

ВВЕРХУ | Воин Скагоса

Над скагосскими «единорогами» в Цитадели смеются. Рог, привезенный оттуда мошенниками-купцами, оказался на поверку рогом кита, забитого иббенийскими китоловами. Однако мастерам Восточного Дозора приходилось видеть и другие рога со Скагоса. Мореходы, у которых достаёт смелости торговать со скагами, рассказывают также, что видели тамошних вождей верхом на косматых, рогатых зверях, с лёгкостью поднимающихся на горные склоны. Цитадель давно и тщетно желает заполучить такого зверя или хотя бы его скелет.

шесмя две недели. Правда это или нет, но Скейн и по сию пору остаётся необитаемым, хотя остатки строения свидетельствуют, что когда-то там жили люди.

Скаггов редко видят вне родимого острова, но когда-то они, говорят, постоянно приплывали на берег залива (чаще для разбоя, чем для купли-продажи), пока король Брандон Девятый Старк не спалил их лодки и не запретил выходить в море. По мнению большинства историков, они остаются все тем же темным, диким народом, более склонным убивать всех пришельцев, чем торговать с ними. Согласившись на торг, они меняют шкуры, диковинные рога, обсидиановые ножи и наконечники стрел на привозные товары.

Случалось, что скагги служили в Ночном Дозоре. Больше тысячи лет назад Кролл из тамошнего знатного рода стал даже лордом-командующим, а в «Анналах Черного Кентавра» говорится о Стейне, который дослужился до первого разведчика, но вскоре погиб.

Скагос доставлял немало хлопот Старкам — и королям, желавшим завоевать его, и лордам, желавшим сделать скаггов своими вассалами. Не далее как при короле Дейероне II Добром остров поднял восстание, длившееся несколько лет и стоившее жизни тысячам воинов, в том числе лорду Бартогану Старку по прозвищу Барт Черный Меч.

БОЛОТНЫЕ ЖИТЕЛИ ПЕРЕШЕЙКА

Этот маленький хитрый народец строит свои чертоги и хижины на плавучих островах.

Их малый рост иногда объясняют родством с Детями Леса, но скорее всего он происходит от плохого питания, ибо злаки на соленых болотах не произрастают и приходится есть одну рыбу, лягушек и ящериц. Люди они скрытные и держатся наособицу.

Их соседи к югу от Перешейка говорят, что

болотные жители умеют дышать в воде, что между пальцами рук и ног у них перепонки и что они мажут ядами свои остроги и стрелы. Последнее, надо заметить, довольно верно: купцы не раз привозили мастерам Цитадели с болот растения, обладающие весьма странными свойствами, но в остальном этим слухам веры нет. Болотный народ — обыкновенные люди, разве что малорослые и живущие не так, как все прочие вестеросцы.

В старину здесь правили Болотные Короли. Если верить песням, ездили они на львоящерах, а оружием им служили лягушачьи остроги, но были ли они королями в нашем понимании этого слова? Архимейстер Эйрон пишет, что они скорее считались первыми среди равных, отмеченными знаком старых богов. Таким знаком могли быть глаза необычного цвета или умение говорить с животными, свойственное, по преданию, Детям Леса.

СЛЕВА | Болотный житель Перешейка

Как бы то ни было, последний Болотный Король был убит лордом Рикардом Старком, прозванным за веселый нрав Смеющимся Волком. Рикард взял в жены дочь того короля, и болотные жители, прекло-

нив колена, признали власть Винтерфелла. В последующие века они оставались верными вассалами Старков, а их верховными лордами были Риды из Сероводья.

ЛОРДЫ ВИНТЕРФЕЛЛА

После Завоевания и объединения Семи Королевств Старки, присягнувшие Железному Трону, назывались уже не королями, а Хранителями Севера, но пользовались прежней властью в своих пределах. Сыновья Торрхена Старка, сложившего с себя древнюю корону Королей Зимы, поговаривали даже о мятеже и мечтали вновь поднять на Севере знамя Старков, будет на то воля их отца или нет.

прилетавший в Винтерфелл на драконе, обещал ему такой брак и обе стороны заключили «договор льда и пламени».

После Пляски Старки сделались более лояльны к Таргариенам, чем прежде; сын и наследник лорда Кригана сражался под знаменем Юного Дракона, когда тот покорял Дорн. Король Дейерон похвально отзывался о Риконе Старке в «Завоевании Дор-

Пусть читатель сам судит, как повлияли на эти настроения действия королевы Рейенис, скреплявшей новое государство браками между детьми великих домов. Дочь Торрхена Старка, к примеру, выдали за молодого злополучного лорда Долины, но хранящиеся в Цитадели письма дают понять, что Старки рьяно возражали против этого брака и братьев невесты на свадьбе не было.

Позднее Старки, как говорят, разгневались на Старого Короля и королеву Алисанну за то, что те принудили их отдать Новый Дар Ночному Дозору. Возможно, как раз по этой причине лорд Эллард Старк на Большом совете 101 г. ОЗ принял сторону Корлиса Велариона и принцессы Рейенис.

Ранее мы уже говорили о роли, сыгранной Старками в Пляске Драконов. Добавим лишь, что лорд Криган Старк был щедро вознагражден за поддержку короля Эйегона III, но принцесса крови в его семью не вошла, хотя принц Джакайерис Веларион,

на», и гибель сего отважного воина в одной из последних битв, у Солнечного Копья, на Севере оплакивали еще многие годы: его братья по отцу как лорды оставляли желать много лучшего.

В последующие десятилетия Старки подавили мятеж на Скагосе, расправились с новым нашествием Железных Людей во главе с Дагоном Грейджоem и с вторжением Реймуна Рыжебородого, Короля за Стеной, в 226 г. Ни одна победа не обошлась без гибели кого-то из Старков, но фортуна по-прежнему благоволила их дому — возможно, и потому, что

В те времена говорили, что лорд Эллард расстался с Новым Даром охотно, но письма его брата мастерам Цитадели, запрашивающие о прецедентах подобного изъятия собственности, доказывают, что просьба короля Джейхериса Старков не слишком порадовала. Старки скорее всего опасались, что Новый Дар под управлением Черного Замка придет в упадок, ибо Дозор всегда смотрит на север и уделяет мало внимания тому, что находится южнее Стены. Так вскоре и оказалось; ныне Новый Дар большей частью пустует вследствие слабости Ночного Дозора и постоянных вторжений одичалых из-за Стены.

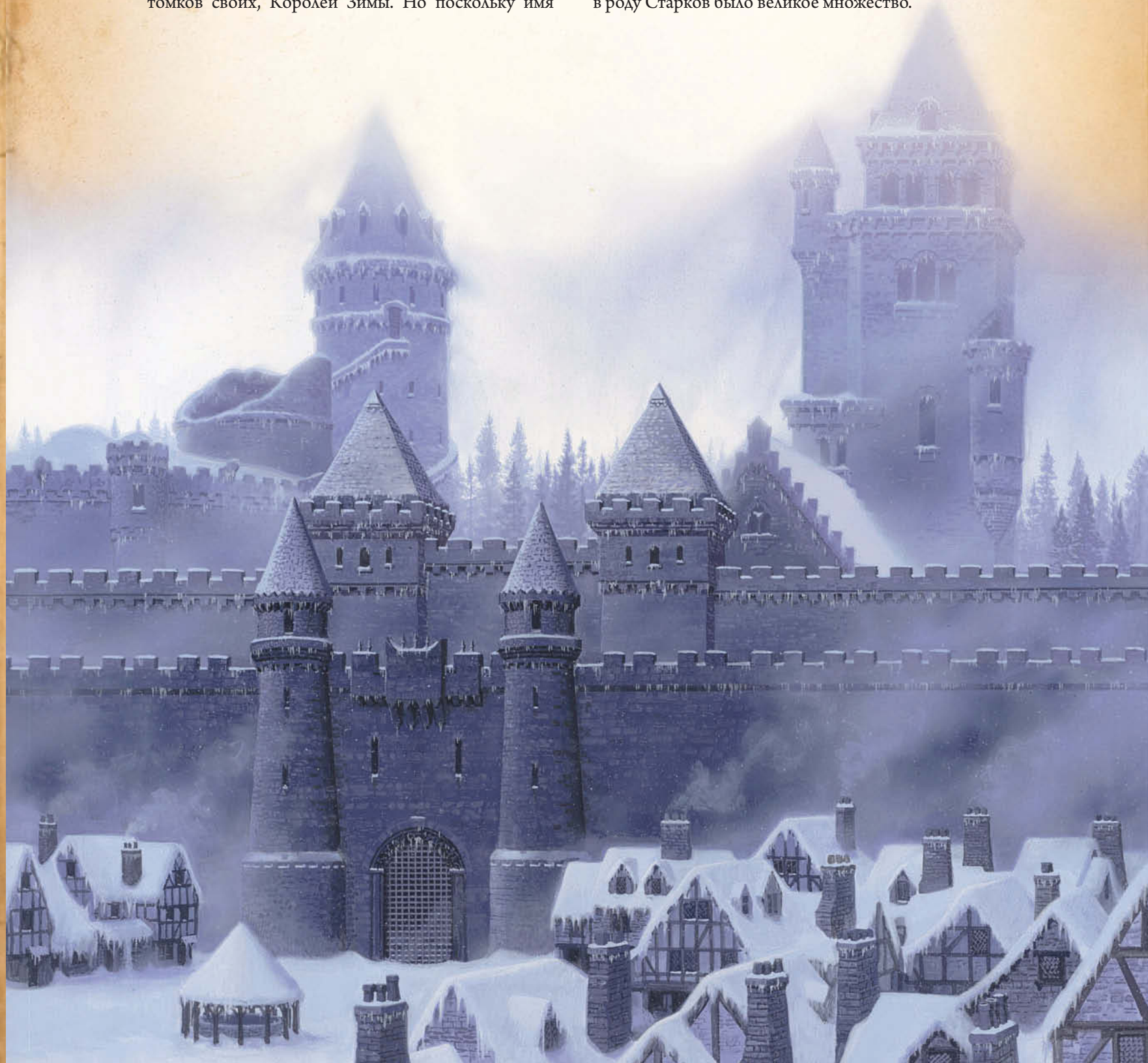
лорды из Винтерфелла наотрез отказывались участвовать в столичных интригах. Когда король Эйерис едва не уничтожил их род после похищения Рейегаром Лианны, многие облыжно возлагали вину на

покойного Рикарда Старка, однако кровные и дружеские связи убиенного лорда с другими великими домами помогли противникам Безумного Короля сплотиться и поднять восстание.

ВИНТЕРФЕЛЛ

Сей величайший из замков Севера был усадьбой Старков еще с Рассветных Веков. Его, по преданию, воздвиг Брандон-Строитель в Долгую Ночь — зиму, длившуюся целое поколение — как оплот потомков своих, Королей Зимы. Но поскольку имя

Брандона связывают со столькими сооружениями (Стена и Штормовой Предел в их числе), сколько и за всю жизнь не построишь, легенда скорее всего объединила в лице его нескольких Брандонов, коих в роду Старков было великое множество.

Внешние стены Винтерфелла строились при короле Эдрике Снегобородом в последние двадцать лет его жизни. Эдрик, правивший чуть не сто лет, под старость начал чудить, и враги, видя это, стали покушаться на его королевство. Первой угрозой были его же многочисленные враждующие потомки, но, кроме них, Эдрику докучали Железные Люди, работоторговцы из-за Узкого моря, одичалые и другие северяне наподобие Болтонов.

Особенность замка в том, что землю при закладке его стен и фундаментов не разравнивали. Иными словами, Винтерфелл строился скорее частями, нежели как единое целое. Некоторые ученые предполагают, что он являет собой несколько фортов, соединенных в одно, но следы этих работ стерло время.

Внутренней крепостной стене, защищавшей некогда замок, не меньше двух тысяч лет, а некоторые ее части и того старше. В более позднее время ее об-

дыней. По этой причине многие полагают, что построили ее еще Первые Люди, но мейстер Кеннет непреложно доказал, что в стародавние времена все здания были четырехугольными, а круглые появились лишь при андалах.

Опытному глазу видно, что в Винтерфелле смешалось много времен. В нем огромны не одни здания, но и лежащие меж ними пространства. Под одну богорошу, где будто бы молился еще Брандон-Строитель, отведено целых три акра. Молился

Триб уверяет в своих заметках, что дракон Вермакс отложил яйца в обогреваемых этими источниками криптах замка, пока его наездник сговаривался с Криганом Старком, но это скорее всего неправда. По словам мейстера Гильдейна, Вермакс в жизни своей яиц не откладывал, а стало быть, являлся самцом. Вера в то, что драконы способны менять свой пол, ошибочна, о чем пишет мейстер Ансон в «Правде и лжи»; она проистекает из неверного толкования фразы септона Барта, в чьих мистических текстах встречается много подобных метафор.

вели рвом, а за ним поставили еще одну стену. Внутренняя стена насчитывает в высоту сто футов, внешняя — восемьдесят; если захватчик одолеет ее, защитники смогут метать в него копья, стрелы и камни сверху.

Замок внутри крепостных стен занимает многие акры, и строений в нем множество. Самая старая круглая башня, давно заброшенная, приземистая и украшенная горгульями, называется Первой Твер-

он там или нет, древность ее сомнений не вызывает. В ней бьют горячие источники, защищающие деревья от зимних морозов.

Из-за обилия горячих источников вокруг Винтерфелла здесь, вероятно, и поселились изначально Первые Люди: в северные зимы вода, да еще горячая — истинный клад. В последние века Старки провели к этим источникам трубы для обогрева своих жилищ.

Наукой доказано, что подобные родники обогреваются теми же подземными печами, что Четырнадцать Огней или дымящаяся гора Драконьего Камня, но простолюдины Винтерфелла и зимнего городка верят, что их согревает своим дыханием спящий под замком дракон. Это еще глупее, чем рассказы Гриба, и не заслуживает глубокого рассмотрения.

СТЕНА И ЗА СТЕНОЙ

НОЧНОЙ ДОЗОР

В Семи Королевствах существует единственное в своем роде братство — Ночной Дозор, обороняющее Стену веками и тысячелетиями. Зародилось оно после Долгой Ночи, когда Иные, пришедшие с севера, едва не погубили всех людей на земле.

О благородных черных братьях рассказывают немало историй, но Век Героев давно миновал, а Иных, если они и были когда-то на свете, никто не видел уже тысячу лет.

По этой причине ряды Дозора год от года редуют. Собственные его летописи доказывают, что началось это еще до Эйегона Завоевателя; черные братья все так же отважно охраняют царство людей, но уже не от Иных, упырей, великанов, оборотней и прочих чудищ из детских сказок, а всего лишь от одичалых. Те, конечно, варвары, но при этом обыкновенные люди, чьи каменные топоры и дубины не представляют угрозы для вооруженных сталью бойцов.

В старину же все было иначе. И без легенд ясно, что Первые Люди, Дети Леса (и даже великаны, если верить песням) начали строить Стену не просто так: все они чего-то боялись. Сооружение это, при всей его простоте, справедливо считают одним из чудес света. Основание Стены могло быть из камня — мнения ученых расходятся на сей счет, — но теперь на всю ее сотню лиг виден один только лед. Первые Люди брали его глыбами с ближних озер, везли на санях к Стене и громоздили льдину на льдину. В наши дни Стена насчитывает больше семисот футов в своей наивысшей точке, но высота ее в соседствующих участках разнится из-за неровностей почвы.

Под сенью этой ледовой громады Ночной Дозор поставил девятнадцать своих крепостей. Они не

схожи ни с одним замком Семи Королевств, ибо нет у них ни стен, ни других укреплений (Стена надежно защищает их с севера, а на юге, как утверждает Дозор, у него нет врагов).

Старейшая и самая большая из них — это Твердыня Ночи, покинутая лет двести назад: с уменьшением численности Дозора ее стало слишком дорого содержать. Мейстеры, служившие там ранее, пишут, что замок этот много раз расширяли, и от первоначального здания остались разве что крипты, вырубленные прямо в скале.

До того, как Дозор оставил ее, Твердыня Ночи несколько тысячелетий служила главным его оплотом и обросла собственными легендами, некоторые из коих пересказал архимейстер Хармун в книге «Дозорные на Стене». Самая древняя из них повествует о Короле Ночи, тринадцатом лорде-командующем. Он взял себе в любовницы колдунью, бледную, как мертвец, и объявил себя королем. Тринадцать лет правил он вместе со своей мертвой королевой, пока его не сверг Король Зимы Брандон-Разрушитель, заключивший союз с Джорамуном, Королем за Стеной. После этого Брандон Старк предал забвению самое имя Короля Ночи.

Мейстеры Цитадели пренебрегают подобными сказками, хотя и допускают, что мог быть в ранние дни Дозора лорд-командующий, решивший стать королем; «мертвая» же королева могла быть дочерью Короля Курганов, то есть могил. Король Ночи, по разным предположениям, звался Болтоном, Вудфут, Амбером, Флинтом, Норри — а возможно, даже и Старком. Каждый сказитель добавляет к этой истории свои страшные и таинственные подробности.

Льдины, по преданию, укладывали в Стену не люди, а великаны. Возможно, в этом есть доля правды, хотя в сказках они предстают более высокими и могучими, чем были на самом деле. Рассказывают также, что Дети Леса, сами не строившие ни из льда, ни из камня, помогали строителям своей магией — но легенды, как не раз уже говорилось здесь, источник весьма сомнительный.

КРЕПОСТИ НОЧНОГО ДОЗОРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Сумеречная Башня

Черный Замок

(резиденция лорда-командующего)

Восточный Дозор, Что-у-моря

ЗАБРОШЕННЫЕ

Западный Дозор, Что-у-моста

Страж

Серый Дозор

Каменная Дверь

Морозный Холм

Ледовый Порог

Твердыня Ночи

Глубокое Озеро

Врата Королевы

(ранее Снежные,

переименована в честь королевы Алисанны)

Дубовый Щит

Лесной Дозор, Что-у-пруда

Соболий

Серебряный Иней

Бочонок

Факел

Зеленый Дозор

Ночной Дозор может считаться первым воинским орденом Семи Королевств, ибо все его братья обязаны прежде всего защищать Стену и обучаются воинским ремеслам для этой цели. Согласно другим своим обязанностям, они делятся на три группы:

1) стюарды, снабжающие Дозор провизией, одеждой и другими припасами;

2) строители, следящие за Стеной и замками;

3) разведчики, совершающие вылазки за Стену, дабы усмирять одичалых.

Командуют ими старшие офицеры во главе с лордом-командующим. Должность эта выборная: все дозорные до единого, от бывших браконьеров до отпрысков великих домов, отдают свой голос за кого-то из кандидатов. Тот, кто получил больше всего голосов, возглавляет Дозор до конца своих дней. Обычай этот себя оправдывает, и все попытки его отменить (к примеру, Рансел Хайтауэр пятьсот лет назад пожелал передать Дозор своему внебрачному сыну) никогда не увенчивались успехом.

В наши дни Дозор пребывает, увы, в упадке. Когда-то он служил, должно быть, великой цели; но Иных, если они и были, никто не видел уже несколько тысяч лет, и они больше не угрожают людям. Теперь Дозор имеет дело только с одичалыми, а они становятся опасны, лишь когда за Стеной появляется новый король.

Непомерные расходы на содержание Стены и Ночного Дозора все более отягощают Семь Королевств. Ныне из девятнадцати замков действуют только три, а черных братьев стало вдесятеро меньше, чем в год высадки Эйгона, но Дозор даже и в таком числе обременителен для страны.

Одни говорят, что Стена избавляет нас от убийц, насильников, браконьеров и прочих злодеев, другие сомневаются, разумно ли вообще давать оружие в руки такому сброду и обучать их военному делу. Набеги одичалых — скорее докука, чем подлинная угроза; умные люди предлагают расширить права лордов Севера, чтобы те сами расправлялись с гостями из-за Стены.

Дозор, в сущности, держится лишь потому, что на Севере его свято чтят, и почти все свое пропитание черные братья получают не из Дара, а от северных лордов.

ОДИЧАЛЫЕ

Потомков Первых Людей, что живут за Стеной, мы, жители юга, зовем одичалыми.

Сами они именуют себя вольным народом и смотрят свысока на «поклонщиков» южнее Стены. У них в самом деле нет ни лордов, ни королей, и не кланяются они ни роду, ни званию.

Однако жизнь у них скудная. Они часто страдают от голода, холода, междоусобиц и мародерства своих же сородичей. Отсутствию законов за Стеной не стоит завидовать — это вам скажет любой человек, побывавший у одичалых. (Разведчики Ночного Дозора оставили особенно много таких свидетельств.) Впрочем, одичалые гордятся своей бедностью, каменными топорами, плетеными щитами, вшивыми шкурами — и гордость эта также побуждает их сторониться прочего населения Семи Королевств.

Несчетные племена и кланы вольного народа поклоняются старым богам Первых Людей и Детей Леса, богам чардрев. Есть там и более страшные божества: подземные боги в Клыках Мороза, снеговые и ледяные на Стылом берегу, крабьи на мысе Стор-ролд, но о них нам мало что известно.

Разведчики рассказывают об еще более диковинных народах: в долине далеко на севере живут одетые в бронзу воины, Рогоногие, что ходят босиком по снегу и льду. Жители Стылого берега ютятся в ледяных хижинах и ездят на саних, запряженных собаками. Около полудюжины племен обитает в пещерах, а в истоках рек, по слухам, живут людоеды. Не многие разведчики, однако, углублялись более чем на сотню лиг в Зачарованный лес, и даже им трудно вообразить, сколько разновидностей одичалых еще существует на дальнем Севере.

Эти дикие племена представляют угрозу для государства лишь в тех редких случаях, когда Король за Стеной спланирует их в единое войско. Многие

атаманы и воеводы стремятся получить этот титул, но мало кто его достигает. Ни один из Королей за Стеной не создавал себе настоящего королевства и не заботился о своих подданных; это не монархи, а скорее военачальники, и каждый из них, сколь бы разными они ни были, вел вольный народ на Стену в надежде разрушить ее и завоевать все Семь Королевств.

Первым таким королем был, по преданию, Джорамун, имевший якобы волшебный рог, способный «поднять из земли великанов» и сломать Стену. (Стена, которая как стояла, так и стоит, красноречиво свидетельствует о том, что это всего лишь сказка.)

В южные области они приходят в основном за железом и сталью, коих сами не умеют изготавливать. Оружие у этих разбойников из дерева, камня, а то и рога. Кое у кого имеются бронзовые топоры и ножи, которые тоже высоко ценятся за Стеной. Стальные клинки их воевод зачастую получены от убитых разведчиков Ночного Дозора.

Городом за Стеной мог назваться разве что Суровый Дом на мысе Сторролд, где есть гавань, пригодная для больших кораблей. Но шестьсот лет назад селение это сожгли и всех жителей перебили, хотя даже Дозор не знает, что там случилось. Одни говорят, что городок разрушили людоеды со Скагоса, другие — что работорговцы из-за Узкого моря. Люди с корабля Дозора, посланного туда, рассказывают о криках, доносящихся с прибрежных утесов, где нет ни единой живой души. Мейстер Виллис написал об этом месте замечательную книгу «Суровый Дом, или три года среди дикарей, разбойников и лесных колдунов». Виллис прибыл в Суровый Дом на пентошском торговом судне и остался там как целитель и советник, чтобы после рассказать, как живут на Сторролде одичалые. Его взял под свою защиту Горм-Волк, один из четырех правивших там вождей, но когда Горма убили в пьяной драке, Виллис оказался в смертельной опасности и должен был спешно бежать в Старомест. Он написал свою книгу и пропал год спустя после того, как к ней сделали рисунки. Говорят, что его видели в гавани, где он справлялся о кораблях, идущих в Восточный Дозор, Что-у-моря.

Три тысячи лет назад явились два других короля, братья Гендел и Горн. Они невидимо провели свое войско по лабиринту подземных пещер, прошли под Стеной и напали на Север. Горн, убивший в бою короля Старка, пал в свой черед от руки наследного принца, а Гендел с остатками своей орды бежал обратно в пещеры, и больше его не видели.

Тысячу (или две) лет спустя королем стал Рогатый Лорд. Имя его забыто, но Стену он якобы преодолел с помощью колдовства. За ним через несколько веков последовал Баэль-Бард. Песни его до сих пор поют за Стеной, но неизвестно, существовал ли на самом деле такой человек. Старые хроники Винтерфелла о нем умалчивают — то ли

Одичалых же рассказывают, что Гендел и его люди, заблудившись в пещерах, и по сей час там живут, но разведчики уверены, что Гендел тоже погиб в бою и в пещерах укрылась лишь горстка его последователей.

потому, что он навлек позор на дом Старков (будто бы обесчестив и наградив ребенком девицу этого рода), то ли это и впрямь вымышленная фигура.

Последним королем, прошедшим за Стену, стал Реймун Рыжебородый. Он объединил одичалых в 212 или 213 г. ОЗ, но через Стену они перелезли лишь в 226-м.

Войско Реймуна, по всем свидетельствам, исчислялось тысячами, и на юг они прошли до самого Длинного озера, где их встретили лорды Виллем Старк и Хармонд Амбер, Пьяный Гигант. Одичалых

взяли в клещи и прижали к озеру. Рыжебородый успел сразить лорда Виллема, но вскоре и сам погиб от руки его брата Артоса.

Когда на поле битвы наконец-то прибыл Ночной Дозор во главе с лордом-командующим Масгудом (раньше он звался Джеком-Весельчаком, но с тех пор навеки стал Джеком-Засоней), разгневанный Артос Старк, считавшийся самым грозным воином своего поколения, приказал им похоронить убитых. С этой задачей черные братья справились успешно.

ВНИЗУ | Одичалые собираются за Стеной

РЕЧНЫЕ ЗЕМЛИ

ДОЛИНА

КОРОЛЕВСКИЕ ЗЕМЛИ

ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ

ПРОСТОР

Речные земли

Немало исторических событий, как славных, так и трагических, свершилось на землях, орошаемых рекой Трезубец и тремя ее большими притоками.

Простирающиеся от Перешейка до берегов Черноводной, а на востоке граничащие с Долиной, речные земли являют собой сердце Вестероса. Ни одно другое из бывших Семи Королевств не видело столько битв, столько королев, столько возвышений и падений великих домов. Причина сего ясна: эти земли, богатые и плодородные, граничат со всеми прочими королевствами, кроме Дорна, но естественных преград для захватчиков там почти нет.

на немногих королей и героев, чьи подвиги высечены на древних камнях рунами, кои даже и в Цитадели прочесть затрудняются. Певцам и сказителям вольно потчевать нас историями об Артосе Сильном, Флориане-Дураке, Десятипалом Джеке, королеве-колдунье Шарре и Зеленом Короле с Божьего Ока, но ученые мужи сомневаются, что все они когда-либо жили на свете.

Подлинная история речных земель начинается с приходом андалов. Переплыв Узкое море и заняв Долину, завоеватели двинулись на ладьях по всем трем притокам и по Трезубцу. В те дни андалы подчинялись вождям, коих септоны после нарекли ко-

Важность Трезубца стала ясна воочию, когда король Харвин Хоур, дед Харрена Черного, сражался за речные земли со Штормовым Королем Арреком. Железные Люди, захватив реки, быстро переправляли свои войска к самым отдаленным крепостям и полям сражений. Аррек, несмотря на численное превосходство, потерпел сокрушительное поражение на Зеленом Зубце близ Ярмарочного Поля, ибо переправу заняли ладьи с островов.

Трезубец с притоками обеспечивают хорошие урожаи и торговлю в мирное время, в военное же служат и дорогами, и препонами.

Все три притока получили свои имена не зря. Красный Зубец окрашен илом, который приносит с западных гор, мшистые воды Зеленого берут начало в болотах Перешейка, питаемый родниками Синий чист и прозрачен. Череда плоскодонок, везущих по ним товары, выстраивается порой на целую милю. Больших городов, как ни странно, там не строили никогда — отчасти из-за постоянных войн, отчасти оттого, что короли прошлого не позволяли расти торговым городкам вроде Харроуэйского и Солеварен.

За долгие века господства Первых Людей в речных землях то и дело зарождались и гибли мелкие королевства. Их история, приукрашенная в сказках и песнях, ныне почти забыта — остались лишь име-

ролями, и вожди эти понемногу захватывали мелкие королевства на берегах рек.

В песнях поется о падении Девичьего Пруда и гибели тамошнего короля-мальчика Флориана Пятого Храброго; о Вдовьем брое, где трое сыновей лорда Дарри сутки сдерживали рать Вориана Випрена и убили сотни андалов, прежде чем пали сами; о ночи в Белом лесу, где Дети Леса из полого холма наслали волков на андальский лагерь, и звери растерзали пришельцев при свете нового месяца; о великой битве на реке Горькой, где Бракенны из Стонхеджа и Блэквуды из Древорона не устояли против семисот семидесяти семи рыцарей и семи септонов с семиконечной звездой на щитах.

Семиконечную звезду видели всюду, куда приходили андалы: на щитах, на знаменах, на камзолах, а порой и на коже воинов. В старых богах, которым поклонялись Первые Люди и Дети Леса, андалы ви-

дели лишь мерзких демонов; они предавали огню священные рощи чардрев и вырубали все белые деревья с ликами, которые им встречались.

Главной святыней Первых Людей и Детей Леса до них был большой холм Высокое Сердце. Увенчанный исполинскими чардревами, самыми древними в Семи Королевствах, холм по-прежнему служил убежищем Детям Леса с их древовидцами. Когда его окружил андальский король Эррег Братоубийца, Дети, как гласит легенда, призвали на помощь тучи воронов и стаи волков, но стальные топоры захватчиков сокрушили и зверей, и птиц, и людей, а рядом с Высоким Сердцем вырос такой же вышины холм из трупов.

В «Подлинной истории» это рассказано по-другому. Дети Леса, говорится там, покинули речные земли задолго до прихода андалов; но как бы там ни было, рощу на холме вырубili, и теперь на месте бывших чардрев видны только пни.

Мадды сумели объединить больше земель, нежели их предшественники, но царствовали недолго. Наследник Молота Справедливости, Тристифер Пятый Последний, не сдержал напора андалов, и созданное его отцом государство рассыпалось в прах.

Разрушив Старые Камни и убив Тристифера Последнего, андальские короли женились на дочерях уцелевшей знати и расправлялись с теми, кто не желал им покориться. Кровь последних речных королей не успела еще просохнуть, как андалы начали сражаться между собой. Многие из них объявляли себя Королями Рек и Долин или Королями Трезубца, но прошли века, прежде чем кто-то из этих самозванных монархов оправдал свой титул на деле.

Первый андал, собравший речные земли в настоящее королевство, был незаконным отпрыском двух издавна враждовавших родов, Блэквудов и

Существование Эррега, одного из самых черных злодеев древней истории, также вызывает сомнения. Архимейстер Перестин предполагает, что «Эррег» вовсе не имя, а искаженный андальский титул. В своих «Исторических размышлениях» он пошел еще дальше, высказав мысль, что деревья на холме вырубил безымянный андальский вождь по приказу кого-то из речных королей, у кого андалы служили в наемниках.

Последним и величайшим из королей, противостоявших андалам, был Тристифер Четвертый, Молот Справедливости, из дома Маддов. Его замок Старые Камни стоял на высоком берегу Синего Зубца. В песнях поется, что он победил в девяноста девяти битвах и погиб в сотой, где сражался с семью андальскими королями. Королей неспроста было семь; эта история скорее всего тоже сочинена септонами в назидание пастве.

До Маддов в речных землях жили и другие короли, почти столь же могучие. В одних хрониках первым и наистарейшим родом зовутся Фишеры, другие им отводят второе место, а отрывочные «Речные анналы», найденные в древнем септрии у Горохового Дола, — всего лишь третье. Блэквуды и Бракены также уверяют, что правили речными землями в Век Героев.

Бракенов. В детстве он носил презренное имя Бенедикт Риверс, но с возрастом стал величайшим воином своего времени и звался сиром Бенедиктом Дерзновенным. Благодаря своим подвигам он получил поддержку как материнского, так и отцовского дома, и другие речные лорды также присягнули ему. За тридцать с лишним лет он покорила других королей Трезубца и лишь тогда возложил на себя корону.

В королях он стал называться Бенедиктом Справедливым (Джастменом) и сделал это прозвище родовым именем своего дома. Он правил сурово, но мудро двадцать три года, присоединив к своим владениям Девичий Пруд и расширив их до самого Перешейка. Сын его, тоже Бенедикт, царствовал шестьдесят лет и присоединил к речным землям устье реки Черноводной, Росби и Синий Дол.

Джастмены, судя по летописям, правили в речных землях около трехсот лет. Род их прервался, когда Кхоред Седой (Хоур), король Железных островов, взял в плен и убил сыновей Бернарра Второго. Отец пережил их ненадолго, и в речных землях началась затяжная война против Железных Людей, так и не увенчавшаяся победой.

В последующие смутные времена собранное Бенедиктом Дерзновенным королевство вновь развалилось, и дома Блэквудов, Бракенов, Венсов, Маллистеров и Карлтонов возобновили старинную междоусобицу.

Победителем в ней неожиданно стал лорд Торренс Тиг неизвестного рода-племени. Разжившись золотом на западных землях, он набрал за Узким морем наемников и после шестилетней войны был коронован в Девичьем Пруду как Король Трезубца.

Впрочем, трон короля Торренса и его наследников никогда не был прочным. Тиги, не пользовавшиеся в речных землях любовью, принуждены были брать в заложники сыновей и дочерей всех знатных домов Трезубца. Тем не менее четвертый из Тигов, Тео Стертые Ляжки, царствовал, не слезая с коня, подавлял один бунт за другим и заложников вешал на каждом дереве.

Династии андалских речных королей были, как и при Первых Людах, недолговечны, ибо враги окружали их королевства со всех сторон. Железные Люди вторгались с запада, пираты со Ступеней и Трех Сестер с востока. Западные жители совершали набеги из-за Красного Зубца, дикие племена с Лунных гор грабили, жгли, похищали женщин. Рыцарские колонны с Простора переходили Черноводную, когда им только хотелось, Штормовые Короли на юго-востоке тоже не отставали.

За всю длинную историю Трезубца едва ли найдется время, когда речные жители не воевали бы с кем-нибудь из соседей, а порой даже им приходилось сражаться с двумя и тремя зараз.

Хуже того: мало кто из речных королей не испытывал измены от своих знаменосцев. Старинные обиды в сердцах речных лордов глубиной не уступали их рекам. Не один, так другой из них то и дело перебежал к врагу, коего зачастую сами лорды и призывали, посулив ему золото или дочь.

Много речных королей было свергнуто таким образом, и каждая битва влекла за собой другую. Ясно было, что рано или поздно кто-то из пришельцев решит остаться и забрать речные земли себе.

Первым это сделал штормовой король Арлан Третий Дюррандон.

В те времена Королем Рек и Холмов был Хамфри из дома Тигов. Поставив на речных землях множество септ и обителей, он пытался искоренить поклонение старым богам.

По этой причине Блэквуды, так и не принявшие Семерых, подняли против него мятеж, к которому примкнули Венсы из Атранты и Талли из Риверрана. Король Хамфри со своими верными, при поддержке Мечей и Звезд, скорее всего победил бы их, не пошли лорд Родерик Блэквуд за помощью в Штормовой Предел. Сын короля Арлана был женат на дочери лорда, и сочетали их по-старинному, под большим сухим чардревом в богороще Древорона.

Арлан III не замедлил откликнуться на зов свата. Собрав все свои знамена, он перешел Черноводную, разбил короля Хамфри в череде кровавых сражений и снял с Древорона осаду. Родерик Блэквуд и Элстон Талли погибли в битвах наряду с лордами Бракенами, Дарри, Смолвудами и двумя Венсами, а в последнем бою пали король Хамфри, его брат и первый боец сир Дамон, его сыновья Хамфри, Холлис и Тайлер. Битва эта состоялась между двух холмов под названием Материны Сиськи — за эту землю Блэквуды покои веку спорили с Бракенами.

Король, по словам летописца, в тот день погиб первым. Наследный принц Хамфри взял себе корону и меч отца, но тоже вскоре пал в сечи. Так окровавленная корона последнего из речных королей побывала на всех трех его сыновьях и досталась брату еще до исхода дня. На закате с лица земли исчез весь род Тигов вместе с королевством Рек и Холмов. После это сражение назвали Битвой Шести Королей в честь Арлана и пяти его противников, из коих четверым довелось побыть королем не более часа.

Письма, найденные в последующие века мастерами Штормового Предела и Древорона, показывают, что Арлан III не собирался становиться речным королем и хотел передать престол Блэквудам, но гибель лорда Родерика все изменила. Наследником Древорона был восьмилетний мальчик, а братьям покойного лорда Арлан не доверял. Он думал было короновать Ширу, свою невестку, чтобы его сын правил совместно с ней, но речные лорды не желали повиноваться женщине, и штормовой король решил взять завоеванные им земли под свою руку.

Так оно и шло еще триста лет, хотя речные лорды восставали против Штормового Предела примерно раз в поколение. С дюжину претендентов из стольких же домов поочередно объявляли себя Королями Трезубца и принимались свергать штормовое иго. Некоторые даже преуспевали в этом на одну луну, а то и на год, но троны их жидились на песке и на иле. В конце концов из Штормового Предела выступало свежее войско, и самозванный король оказывался на виселице. Так кончили свое бесславное царствование Люсифер Джастмен (Люсифер Лжи-

вый), Марк Мада (Безумный Бард), лорд Роберт Венс, лорд Петир Маллистер, леди Джейна Натт, бастард сир Аддам Риверс, крестьянин Пейт из Ярмарочного Поля, рыцарь из Старых Камней сир Лаймонд Фишер и много других.

С владычеством Штормового Предела в конце концов покончил не речной лорд, а новый завоеватель: Харвин Хоур Твердая Рука, король Железных островов. Переправившись на ста ладьях через залив Железных Людей, он высадился в пятидесяти лигах южнее Сигарда и вышел пешим порядком к Синему Зубцу. Его воины несли лады на плечах; на островах этот подвиг до сих пор прославляют в песнях.

Пока захватчики грабили и разоряли речные селения, лорды засели в замках, не желая сражаться с ненавистного короля. Тех, кто брался за оружие, сурово наказывали. Лишь один молодой рыцарь по имени Сэмвел Риверс, внебрачный сын лорда Томмена Талли, встретил Харвина на Камнегонке с небольшим войском, но был разбит. Сотни его людей утонули, спасаясь бегством; самого Риверса разрубили надвое, чтобы доставить одну половину тела отцу, а другую матери.

Лорд Талли, оставив Риверран без боя, ушел со своими людьми в Древорон, где собирали войско леди Агнес Блэквуд и ее сыновья. Но стоило леди Агнес выступить против Железных Людей, в тыл ей ударил ее сосед и заклятый враг лорд Лотар Бракен. Саму леди и двух ее сыновей взяли в плен и выдали королю Харвину. Тот голыми руками задушил отроков на глазах у матери, но леди Агнес, по рассказам, не пролила ни одной слезы. «У меня есть еще сыновья, — будто бы сказала она. — Древорон стоял и будет стоять, а твой род угаснет в крови и пламени».

Сии пророческие слова скорее всего присочинили позднее; известно лишь, что Харвин Хоур, пораженный отвагой пленницы, предложил сделать ее своей морской женой. «Пусть лучше во мне будет твой меч, чем твой корешок», — ответила Агнес, и Харвин внял ее желанию.

Больше никто из речных лордов не оказал сопротивления Твердой Руке, но весть о вторжении дошла до короля Аррека Дюррандона, и он выступил с большим войском на север.

Молодому королю так не терпелось схватиться с врагом, что он оставил позади свой обоз. Всю меру этой ошибки он понял, перейдя Черноводную: замки закрыли ворота и не давали ему ни пропитания, ни корма лошадям, а вокруг он видел лишь горящие селения и обугленные поля. Тем временем лорды Гудбрук, Пэг и Випрен, переметнувшись к Харвину, скрытно переправились на другой берег Черноводной и перехватили обоз.

Когда изголодавшееся штормовое войско наконец сошлось с Харвином у Ярмарочного Поля, на стороне Твердой Руки воевали уже Лотар Бракен, Тео Карлтон и два десятка других речных лордов. У Аррека было в полтора раза больше бойцов, но они ослабели в долгом голодном походе, а их король вскоре показал себя упрямым и нерешительным вместе. Битва закончилась сокрушительным поражением штормовых сил; сам Аррек бежал с поля боя, но два его брата погибли, и власти Штормового Предела над Трезубцем настал конец.

Простые речные жители этому радовались, осмелевшие лорды выбивали прочь немногие штормовые гарнизоны, оставшиеся на реках. Колокола в Каменной Септе звонили не умолкая, певцы и бродячие братья оповещали о том, что Трезубец снова сам себе господин.

Ликование, однако, длилось недолго. Всюду, особенно в Стонхедже, поговаривали, что лорд Лотар Бракен сам надеялся стать королем после изгнания Штормового Предела, но письменных свидетельств такого его намерения не сохранилось. Бракен вряд ли мог питать столь беспочвенные надежды: не та-

ков был Харвин Твердая Рука, чтобы раздавать короны другим. Железный Король, как и Арлан Дюрандон до него, сделал речные земли своим собственным королевством, и те лорды, что сражались на его стороне, всего лишь сменили одного хозяина на другого, более жестокого и взыскательного, чем прежний.

Лотар Бракен, поняв это одним из первых, полгода спустя восстал против Харвина, но его поддерживали лишь несколько мелких лордов. Король Харвин разгромил Стонхедж, а лорда Лотара обрек на медленную голодную смерть в вороньей клетке.

Король Аррек еще дважды пытался вернуть утраченное, но не преуспел, а его сыну, Арреку Пятому, такая попытка стоила жизни.

Харвин правил речными землями до конца своих дней (умер он в постели на шестьдесят пятом году, наслаждаясь одной из своих морских жен). Вслед за ним пришли такие же угнетатели, его сын и внук. Внук Харвина, Харрен Черный, чуть ли не всю свою жизнь возводил на речных землях исполинскую крепость и родные острова навещал нечасто.

Только Эйегон Завоеватель, высадившись на берегах Вестероса, покончил с Харреном и со всем его домом. Пламя, поглотившее Харренхолл, положило конец игу Железных Людей. Эдмина Талли из Риверрана, первого, кто ему присягнул, Эйегон назначил верховным лордом Трезубца, а всех остальных лордов сделал его вассалами; других королей, кроме Таргариенов, в Вестеросе больше не стало.

ДОМ ТАЛЛИ

Талли из Риверрана королями никогда не были, но часто сочетались браком с королевскими речными домами. Возможно, благодаря этим старинным связям они и стали верховными лордами Трезубца при Эйегоне I.

Имя Талли встречается в хрониках и анналах Трезубца со времен Первых Людей, когда первый Эдмар Талли и его сыновья сражались под знаменем Тристифера Четвертого Мадда, Молота Справедливости, и помогли ему одержать немало из девяти его славных побед. После гибели короля Тристифера лорд Эдмар перешел к самому могучему андальскому завоевателю Армистеду Венсу. От него-то Аксель, сын Эдмара, и получил надел при слиянии Красного Зубца с Камнегонкой, где воздвиг красный замок, названный Риверраном.

Для обороны это место годилось как нельзя лучше, и мелкие короли, воюя между собой в век смуты, начали искать поддержки у дома Талли. Аксель и его потомки приобрели власть и богатство, а Риверран стал оплотом, защищающим западные пределы Трезубца от Королевства Скалы.

Когда Штормовые Короли одолели Королей Рек и Долин, Талли входили в число первейших речных домов. Часть благородных семей погибла без остатка в этой борьбе, но большинство, как Талли, преклонили колено после свержения Тигов, и вскоре Риверрану стали предлагать почетные должности.

И Штормовых Королей, и Железных Талли перенесли почти без потерь, хотя другим знатым речным домам не столь посчастливилось. За десять лет до Завоевания Блэквуды с Бракенами возобновили старинную междоусобицу. Обычно Железные Короли закрывали глаза на подобные стычки между своими вассалами, а то и поощряли их, согласно «Железным хроникам», дабы вассалы не стали чересчур сильными.

На сей раз, однако, военные действия помешали строительству Харренхолла, и Харрен Черный справился с обеими сторонами. Вследствие этого к приходу Эйегона Завоевателя самыми могущественными из речных лордов сделались Талли из Риверрана.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОМОВ, ОДНО ВРЕМЯ ПРАВИВШИХ В РЕЧНЫХ ЗЕМЛЯХ

Дом Фишеров с Туманного Острова

Дом Блэквудов из Древорона

Дом Бракенов из Стонхеджа

Дом Маддов из Старых Камней
(последняя династия Первых Людей)

Дом Джастменов

Дом Тигов

(последняя династия местных Речных Королей)

Дом Дюррандонов из Штормового Предела

Дом Хоуров с Железных островов

ВВЕРХУ | Гербы дома Талли (в центре) и некоторых подчиненных ему домов в прошлом и настоящем (по часовой стрелке):
Маллистер, Моутон, Дарри, Мадд, Пайпер, Стронг, Венс, Бракен, Блэквуд, Уэнт, Лотстон, Фрей
СПРАВА | Смерть принца Эйегона и его дракона Ртути

Вражда между Блэквудами и Бракенами началась за несколько тысячелетий до прихода андалов. Причина ее окутана мраком: Блэквуды говорят, будто они были королями, а Бракены мелкими лордами, предавшими их, Бракены говорят то же самое касательно Блэквудов. То, что оба эти дома были некогда королевскими, представляется верным, и врагами они, конечно, стали не без причины. Они враждуют веками вопреки попыткам всех других королей примирить их. Даже Старый Король, Джейехерис Умиротворитель, не преуспел в этом: мир, которого он добился, ненадолго пережил его самого.

Все сорок лет правления Харрена Черного люди речных земель жили в нужде и умирали безвременно. Эйгона здешние лорды, и большие и малые, встречали как избавителя, и первым под его знамя перешел Эдмин Талли. Когда Харренхолл сгорел и род Харрена прервался, Эйгон сделал наместником речных земель лорда Эдмина. Многие думали, что и Железные острова подчинят ему, но этого не случилось.

Лорд Эдмин много сделал для исправления зла, причиненного Харреном. Завязывались новые узы; Квентон Квохорис, ранее мастер над оружием Драконьего Камня, теперь лорд Харренхолла и его об-

ширных земель, взял в жены дочь лорда Талли. (Позднее это родство, принесшее дому Талли немало хлопот, оборвалось вместе с внезапным концом дома Квохорисов.) В 7 г. ОЗ лорд Эдмин стал королевским десницей, но через два года подал в отставку и вернулся к себе в Риверран.

При ранних Таргариенах Талли участвовали во многих важных событиях. Когда король Эйенис I гостил в Риверране и Харрен Рыжий убил Гаргона, его величество призвал Талли и их знаменосцев отбить Харренхолл у беззаконного короля. Позднее Талли вместе с другими лордами (среди коих были Харроуэи, владевшие Харренхоллом в то время),

ЛОРДЫ ХАРРЕНХОЛЛА

Таргон Свадебный Гость, внук Квентона, был вторым и последним лордом Квохорисом. Прозвище он получил за то, что посещал все свадьбы в своих владениях чтобы воспользоваться правом первой ночи. Неудивительно, что отец одной из невест как-то ночью впустил в замок шайку Харрена Рыжего, и тот убил Гаргона, прежде его оскотив. Харренхолл после этого заслужил репутацию проклятого места, и со всеми его владельцами приключалось что-то недоброе.

Дом Харроуэв

Харренхолл им пожаловали при Эйенисе I после смерти Гаргона Квохориса. Лорд Лукас выдал свою дочь Алис за Мейегора и стал десницей, пока Мейегор не истребил и лорда, и весь его род.

Дом Тауэрсов

После расправы с Харроуэями король Мейегор объявил, что замок с частью земель достанется сильнейшему из его рыцарей. Двадцать три рыцаря сразились за этот приз в залитом кровью городе лорда Харроуэя; победитель, сир Валтон Тауэрс, вскоре умер от ран, а два поколения спустя его род угас.

Дом Стронгов

Лионель Стронг, прославленный воин и при этом ученый муж, выковавший в Цитадели шесть звеньев мейстерской цепи, стал лордом при Джейехерисе I. Сначала он был мастером над законом, потом стал десницей Визериса I; сыновья его тоже занимали важные посты при дворе. Когда Лионель с наследником сиром Харвином погибли при пожаре в собственном замке, лордом стал

младший сын Ларис. Он благополучно пережил Пляску Драконов, но Волчье Судилище пресекло его дни.

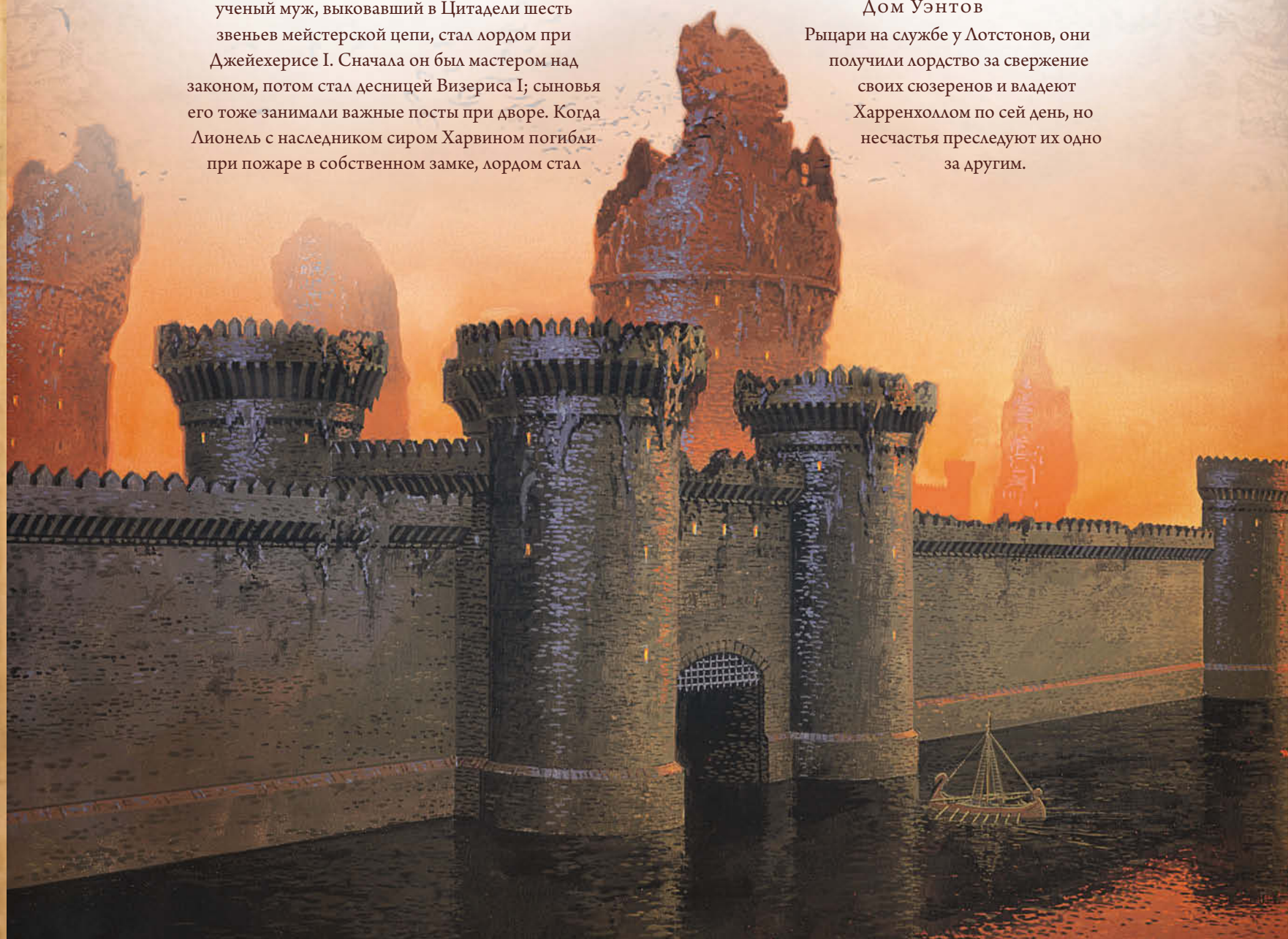
Дом Лотстонов

Сира Лукаса Лотстона, мастера над оружием в Красном Замке, сделал лордом Эйегон III в 151 г. Он женился на леди Фалене Стокворт, которую обесчестил принц Эйегон (будущий Эйегон Недостойный), и увез ее в свой новый замок. При Эйегоне IV он вернулся в столицу и около года пробыл десницей, пока король не изгнал его восвояси вместе с женой и дочерью.

Род его постигли безумие и гибель, когда леди Данелла Лотстон обратилась к черной магии при Мейекаре I.

Дом Уэнтов

Рыцари на службе у Лотстонов, они получили лордство за свержение своих сюзеренов и владеют Харренхоллом по сей день, но несчастья преследуют их одно за другим.

В первые дни Пляски Драконов Деймон Таргариен, одержав бескровную победу при Харренхолле, сделал замок местом сбора сторонников Рейениры. В речных землях их было немало, и все они шли в Харренхолл. Среди них был знаменитый рыцарь сир Форрест Фрей, искавший некогда руки Рейениры.

Фрей не принадлежали к старым домам и стали известны всего шестьсот лет назад благодаря мелкому лорду, поставившему деревянный мост в самом узком месте Зеленого Зубца. Они быстро разбогатели, и замок их разросся до двух башен по обе стороны переправы. Ныне он зовется Близнецами и считается одним из самых крепких во всем государстве.

Сир Форрест отважно сражался за свою королеву и пал в битве Кормежка Рыб в числе многих других лордов и рыцарей. Вдова его леди Сабита из дома Випренов прославилась как отвагой своей, так и жестокосердием. Гривб описывает ее как «остроносную языкатую ведьму, любившую верховую езду больше танцев, кольчугу больше шелков, убивавшую мужчин и целовавшую женщин».

одержали победу над принцем Эйегоном, восставшим против своего дяди Мейегора Жестокого, и Ртутью, его драконом.

Вскоре, однако, и Риверран начал стонать под пятой Мейегора. Когда против жестокого короля поднялся новый мятеж, Талли перешли под знамя

принца Джейхериса Таргариена, брата убитого Эйегона.

В последующие годы они оставляли в истории столь же заметный след. Лорд Гровер стоял за принца Визериса против Лейенора Велариона на Большом совете 101 года, а в начале Пляски Драконов

СЛЕВА | Замок Харренхолла ВВЕРХУ | Лорд Форрест Фрей в военном походе

остался верен королю Эйгону II. Но он был уже стар, а его внук сир Элмо запер ворота замка и не выступил на войну.

Позже сир Элмо Талли возглавил речных лордов во Второй Тамблетонской битве, но не на стороне Эйгона II, за которого стоял его дед, а на стороне Рейениры. Битва завершилась победой, хотя и неполной, а вскоре умер наконец старый Гровер. Сир Элмо радовался лордству недолго: сорок девять дней спустя он скончался в походе, передав титул своему молодому наследнику сир Кермиту.

При лорде Кермите дом Талли достиг вершин процветания. Сей храбрый муж неустанно сражался за королеву Рейениру и сына ее принца Эйгона, впоследствии Эйгона III. Он стоял во главе войска, взявшего Королевскую Гавань в конце войны, и своей рукой убил лорда Борроса Баратеона в последней битве Пляски Драконов.

Его потомки старались ему подражать, но Риверран никогда уже не был таким, как при Кермите. Дом Талли хранил верность Таргариенам во время всех мятежей Черного Пламени, но изменил безумному Эйерису II и примкнул к Роберту Баратеону. Лорд Хостер, чтобы сплотить союзников Роберта еще крепче, отдал своих дочерей за лорда Джона Аррена из Орлиного Гнезда и лорда Эддарда Старка из Винтерфелла.

РИВЕРРАН

Оплот дома Талли не отличается большими размерами по сравнению с замками других великих домов и даже в речных землях не считается самым большим: руины Харрена Черного могли бы вместить десять таких Риверранов.

При этом он хорошо укреплен, и с двух сторон его омывают реки, что делает взятие Риверрана особенно трудным. Он терпел осаду не раз и никогда не был взят приступом.

Ключ его могущества — ров под западной стеной, где расположены главные ворота. Рвы есть во многих замках Семи Королевств, но немногие из них снабжены шлюзами, благодаря которым ров углубляется и разливается вширь. Когда ров затоплен, Риверран превращается в почти неприступный остров.

СЕВЕР

ДОЛИНА

РЕЧНЫЕ ЗЕМЛИ

КОРОЛЕВСКИЕ ЗЕМЛИ

УКУС

ТРИ СЕСТРЫ

ПЕРСТЫ

УЗКОЕ МОРЕ

КРАБЬЯ БУХТА

ЧЕРНОВОДНЫЙ
ЗАЛИВ

Долина

Местность эта, окруженная кольцом Лунных гор, столь же плодородна, как и прекрасна. Поэтому, возможно, андалские завоеватели, переплыв Узкое море, высадились именно здесь. Доказательством этой высадки служат камни Перстов, на коих во множестве высечены звезды, мечи, боевые топоры (или молоты, как думают некоторые историки). В священной книге, Семиконечной Звезде, говорится о «земле обетованной меж грозных гор», открывшейся в видении андалскому царю Хугору.

Отделенная горами от всего остального Вестероса, Долина и впрямь стала для пришельцев обетованной землей: здесь они основали свое королевство. Первые Люди, жившие там, стойко сопротивлялись, но в те дни Долина была мало населена, и андалы подавляли их превосходящим числом. Стоило сжечь или столкнуть в море одну ладью, поется в песнях, как с восхода являлось десять других. А бронзовые топоры и доспехи Первых Людей плохо помогали против стальных мечей и кольчуг андалов.

Кроме того, Долина и горы вокруг нее были поделены десятка на два маленьких королевств, не сумевших объединиться против неведомых воинов, рисовавших (или вырезавших) у себя на груди семиконечные звезды. Многие короли, напротив, заключали союзы с ними и натравливали их на соседей. (То же самое повторилось еще много раз, когда андалы начали понемногу занимать Вестерос.)

Дайвин Шелл и Джон Брайтстон, спорившие за титул Короля Перстов, даже заплатили андалским воеводам, чтобы те перешли через море и воевали за них, но андалы обратили оружие против своих же хозяев. Брайстона подвергли пыткам и обезглавили, Шелла поджарили в собственном деревянном чертоге. Андалский рыцарь Корвин Корбрей взял дочь одного из них в жены, дочь другого в наложницы и завладел Перстами (но королем себя, в отличие от многих своих товарищей, не величал и назывался скромно лордом Перстов).

Чаячьим городом в Крабьей бухте, что южнее Перстов, правил Осгуд Третий Шетт. Сей старый воин взял себе древний хвастливый титул Короля Всех Людей, уходящий, должно быть, корнями в Рассветные Века. Чаячьему городу за каменными стенами будто бы ничего не грозило, но дом Шеттов вел затяжную войну со столь же сильными и древними Бронзовыми Королями из Рунстона. Йорвик Третий Ройс, взявший себе Руническую Корону отца, погибшего в битве три года тому назад, уже победил в нескольких сражениях и загнал Шеттов назад в их город.

Неразумный король Осгуд, желая вернуть отнятое, обратился за помощью к андалам. Он знал, какая участь постигла Шелла и Брайстона, и решил скрепить союз с заморскими гостями не золотом, а кровными узами: свою дочь отдал за андалского рыцаря Герольда Графтона, сам женился на его старшей дочери, а на младшей женил своего сына и наследника. Септоны сочетали все три пары по обряду андалов. Шетт сам перешел в их веру, поклявшись построить большую септу в Чаячьем городе, буде Семеро даруют ему победу, и отплыл с новыми сторонниками на битву с Бронзовым Королем.

Победу он одержал, но сам остался на поле боя; в Чаячьем городе после шептались, что сразил его не кто иной, как сир Герольд. Вернувшись в город, андал забрал у молодого Шетта корону отца и держал его в спальне, пока молодая жена не понесла от него (после чего наследник Шеттов исчез со страниц истории).

Затем король Герольд подавил мятеж, поднятый против него горожанами. Кровь Первых Людей — мужчин, женщин и детей — текла по сточным канavam, мертвых бросали в залив на корм крабам. Позднее правление дома Графтонов никто уже не оспаривал, ибо Герольд оказался на удивление мудрым правителем; город при нем и его потомках вырос и достиг процветания.

Однако не все лорды и короли Долины были столь глупы, чтобы приглашать завоевателей к себе в

дом; многие храбро сражались. Первым среди них был Бронзовый Король, Йорвик Шестой из Рунстона. Он одержал над андалами несколько крупных побед, разбил вдребезги семь ладей, причаливших к его берегам, и развесил головы убитых мореходов на стенах Рунстона. Наследники продолжали его дело, ибо войны между андалами и Первыми Людьми длились не одно поколение.

Последним из Бронзовых Королей стал внук Йорвика Робар Второй; он унаследовал Рунстон за две недели до шестнадцатилетия, но показал себя столь свирепым и хитрым воином, что едва не остановил вторжение.

К тому времени андалы заняли уже две трети Долины и начали сражаться между собой, как Первые Люди до них. Робар усмотрел в том счастливый случай. На той стороне Долины еще оста-

вались дома, продолжавшие борьбу, как и он: Редфорты из Редфорта, Хантеры из Длинного Лука, Бельморы из Громогласия, Колдуотеры из Ледяного Ожога. Робар стал заключать союзы с каждым из них и с более мелкими домами и кланами: устраивал браки, жаловал земли и золото, а однажды даже победил лорда Хантера в состязании лучников (легенда гласит, что король Робар при этом смошенничал). Медовым своим языком он переманил к себе даже Урсулу Апклиф, известную колдунью, называвшую себя невестой подводного короля.

Многие лорды, примкнувшие к нему, в прошлом сами звались королями, но сложили с себя короны, преклонили колено и провозгласили Робара Ройса верховным королем Долины, Лунных гор и Перстов.

Первые Люди, собравшись наконец под единым знаменем, начали громить разьединенных андалов. Мудрый Робар не пытался разбить и сбросить в море всех разом; он расправлялся с врагами поочередно и часто использовал одного андальского военачальника, чтобы свалить другого.

Короля Перстов свергли первым. По преданию, король Робар убил Кайла Корбрея сам, выбив прежде у него из руки знаменитый меч Корбреев, Покинутую. После Робар послал в Чаячий город свою сестру, которая убедила Шеттов восстать против Графтонов и открыть городские ворота. Следом под стенами Железной Дубравы был разбит Молот Холмов, захвативший восточный конец Долины. Казалось, что Первые Люди под водительством молодого бравого короля вот-вот отвоюют все свои земли.

Но этому не суждено было сбыться. Теперь уже андалы, видя угрозу, отбросили свои разногласия и выбрали себе единого воеводу: не короля, не принца, даже не лорда, а простого рыцаря по имени сир Артис Аррен. Ровесник короля Робара, он отменно владел мечом, копьем, булавою и был лю-

бим всеми, кто воевал вместе с ним. Будучи чистокровным андалом, он родился уже в Долине, под сенью Копья Гиганта, над которым кружили соколы. Сокол и месяц украшали его щит, соколиные крылья — его серебряный шлем. Рыцарем-Соколом прозвали его, и это имя сохранилось до наших дней.

Чтобы рассказать о том, что случилось после, мы должны вернуться в область песен и сказок. Оба войска сошлись у подножья Копья, в лиге от дома, где родился сир Артис. Числом они были примерно равны, но Робар Ройс, придя туда раньше андалов, занял хорошую позицию на высоте перед самым Копьем.

Первые Люди, кроме того, вырыли окопы и воткнули там колья (смазав их отбросами и нечистотами, как пишет септон Малло, очевидец той битвы). Почти все они были пешие; андалы имели вдвое более конных рыцарей, и оружие с доспехами у них было лучше. Король Робар, согласно легенде, ждал их на месте боя три дня.

Под вечер третьего дня они наконец появились и разбили свой лагерь в полулиге от неприятеля.

Их предводителя Робар разглядел даже в сумерках благодаря серебряной броне и крылатому шлему.

Ночь в обоих лагерях прошла беспокойно: все знали, что наутро начнется бой, в котором решится судьба Долины. Тучи с востока заслоняли луну и звезды; по краям поле освещали сотни костров, но между ними лежала тьма. Время от времени с той и другой стороны кто-то пускал стрелу, но легенда умалчивает о том, нашла ли хоть одна из них цель.

Как только занялся рассвет, воины стали подниматься с камней, на которых спали, облачаться в доспехи, готовиться к бою. Андалам явился знак: семь звезд на сером западном небосклоне. «Боги за нас, — грянула тысяча голосов. — Победа будет за нами». Под звуки труб андалы, развернув знамена, двинулись в гору. Первых Людей не испугало знамение, и началась битва, самая кровавая в долгой истории Долины.

Семь раз, как поется в песнях, атаковали андалы, шесть раз Первые Люди сбрасывали их вниз. Седьмую атаку возглавил настоящий великан по имени Торгольд Толметт, Торгольд Угрюмый. В бой он, вопреки прозвищу, шел смеясь, обнаженный до пояса, с вырезанной на теле семиконечной звездой, с топором в каждой руке.

Он, если верить песням, не ведал страха и не чувствовал боли. Весь покрытый ранами, он пробил дорогу сквозь ряды отборнейших воинов лорда Редфорта и отсек по плечу руку самому лорду. Не дрогнув он и тогда, когда ему навстречу на кроваво-красном коне выехала колдунья Урсула Апклиф. Оба своих топора он оставил в груди врагов и был безоружен, но даже колдовское проклятье не остановило его. Он вскочил на коня и сорвал голову с плеч кричащей колдуньи. Андалы хлынули в прорубленную им брешь, и победа, казалось, была близка, но Робар Ройс не стал отступать, как сделали бы на его месте многие. Он отдал приказ идти в контратаку и первым ринулся в сечу с лучшими своими бойцами. В руке его играла Покинутая, взятая с бою у Короля Перстов. Рубя всех встречных и поперечных, молодой король пробивался к Торгольду. Вот он замахнулся, и Торгольд, смеясь, перехватил меч руками... но клинок выскользнул и раскрыл череп испо-

линскому воину. Тот умер, захлебнувшись собственным смехом.

В тот же миг Робар увидел на другой стороне поля Рыцаря-Сокола и устремился к нему, надеясь убить предводителя андалов и тем обратить их в бегство.

Они сошлись в самой гуще боя — король в бронзовых доспехах и герой в серебристой стали. Броня рыцаря сверкала на утреннем солнце, но меч его не мог сравниться с Покинутой. Исход поединка был предрешен: валирийская сталь разрубила крылатый шлем. В тот миг, когда враг его валился с коня, Робар должен был счесть, что выиграл битву.

Но тут за спиной у него затрубили трубы, и король, обернувшись, увидел, как по склонам Копья Гиганта несутся пятьсот свежих андалских всадников. Во главе их скакал воин в серебристой броне и крылатом шлеме, с соколом и месяцем на щите. Одев в такие же доспехи своего рыцаря, сир Артис пробрался с конницей по памятной ему с детства горной тропе и ударил по врагу сверху.

Вслед за тем началась бойня. Все тридцать лордов, вышедшие на битву вместе с Робаром, погибли в тот день, и король, сразивший будто бы десятки врагов, в конце концов тоже был убит. Одни говорят, что сразил его сам сир Артис, другие — что лорд Рутермонт или Люцеон Темптон, Рыцарь Десяти Звезд. Корбреи из дома Сердец всегда уверяли, что смертельный удар нанес сир Джейме Корбрей, и в доказательство предъявляли Покинутую, вернувшуюся к ним после битвы.

Так рассказывают о Семизвездной битве певцы и септоны. Все это весьма трогательно, но историк невольно задается вопросом, много ли в их свидетельствах правды. Этого мы никогда не узнаем; известно лишь, что король Робар Второй из дома Ройсов сразился с сиром Артисом Арреном у Копья Гиганта, где и погиб — и что от удара, нанесенного им Рыцарем-Соколом, Первые Люди так больше и не оправились.

Не менее четырнадцати старейших и благороднейших родословных Долины оборвалось в тот день. Другие дома — Редфорты, Хантеры, Колдуотеры, Бельморы, Ройсы — уцелели лишь потому, что откупились землями, золотом и заложниками, а

прежде всего преклонили колено перед Артисом Первым Арреном, новым Королем Горы и Долины.

Века спустя некоторые из этих домов отчасти вернули себе гордость, богатство и власть, утраченные в той битве, а победители Аррены правили Долиной как короли вплоть до Завоевания. После него они стали называться лордами Орлиного Гнезда, Защитниками Долины и Хранителями Востока, а сама Долина — Долиной Аррен.

Прослышав о победе, заморские андалы потопом хлынули в Долину и Лунные горы, а местные андалские лорды не скупясь наделяли их землями. Первых Людей, пытавшихся сопротивляться, безжалостно подавляли, порабощали или прогоняли с родной земли.

Одни из коренных жителей выживали, сливаясь с андалами, другие уходили на запад, в горы. Потомки этих некогда гордых людей живут там и поныне; теперь они выродились в разбойников и нападают на всех, кто имеет глупость сунуться в горы без сильной охраны. Их можно смело назвать одичалыми, как и тех, что живут за Стеной.

Долина, хотя и ограждена горами, не полностью защищена от вторжений извне. Дорога, ведущая из речных земель через горы, при всей своей крутизне повидала немало боев; по ней чужому войску спод-

ручнее всего проникнуть в Долину. На восточном конце ее охраняют Кровавые Ворота. Некогда они представляли собой простую стену из не скрепленных раствором камней, как во все фортах Первых Людей, но при короле Озрике Пятом Аррене крепость перестроили заново. С дюжину супостатов разбили под ее стенами.

Морское побережье Долины, изобилующее рифами и мелями, плохо пригодно для стоянки судов, но короли Аррены, памятуя о пришествии из-за моря своих предков, не забывали и о береговой обороне. В самых уязвимых местах поставлены сильные замки и форты; даже каменные Персты, открытые всем ветрам, усеяны сторожевыми башнями, на каждой из коих можно зажечь огонь, чтобы предупредить о вторжении с моря.

Андалы всегда были воинственным народом; недаром один из их семерых богов зовется Воином. Короли Долины сами порой шли воевать чьи-то чужие земли, зная, что в случае неудачи смогут укрыться за стеной своих гор.

Флот свой короли тоже всегда держали в готовности. Чайный город, обладающий прекрасной естественной гаванью, при Арренах вырос в один из наибольших городов Семи Королевств. Долина, хоть и славится своим плодородием, невелика по

ПЕРЕЧЕНЬ САМЫХ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ КЛАНОВ ЛУННЫХ ГОР, *приведенный архимейстером Арнелом в «Горе и Долине»:*

Каменные Вороны

Молочные Змеи

Сыны Тумана

Лунные Братья

Черноухие

Сыны Дерев

Обгорелые

Воющие

Красные Ковали

Крашенные Псы

Более мелкие кланы, образующиеся порой при расколе крупных, живут недолго: они сливаются с кем-то из соплеменников или истребляются рыцарями Долины.

Названия кланов что-нибудь да значат, хотя мы не всегда понимаем, что. Черноухие отрезают уши побежденным врагам; у Обгорелых юноша при посвящении в мужчины должен выжечь себе какую-нибудь часть тела. Обычай этот, как полагают мастера, зародился после Пляски Драконов, когда отколовшийся клан Крашенных Псов поклонялся некой огненной колдунье в горах и посылал к ней с дарами юношей; они доказывали свою отвагу, рискуя быть сожженными драконом, которым она владела.

сравнению с владениями других королей (а то и великих лордов), Лунные же горы голы и негостеприимны. По этой причине торговля для правителей Долины имеет первостепенную важность, и мудрейшие из Арренов знали, что для защиты купцов нужны военные корабли.

У северного и восточного побережья Долины раскидано множество островов; некоторые из них не более чем голые камни, служащие пристанищем крабов и морских птиц, другие же довольно велики и порой обитаемы. С помощью флота короли Аррены подчинили себе их все. Хью Аррен Толстый после недолгой борьбы взял Голыш, внук его Хьюго Благонадежный после долгой — Сосцы. Ведьмин остров, усадьбу зловещего дома Апклифов, принесла Долине в приданое Арвин Апклиф, невеста Алестера Второго.

Последними к Долине перешли Три Сестры, где тысячи лет правили собственные жестокие королі-пираты; их хищные, жадные до наживы лады бороздили Укус, Узкое море, порою заходя и в Студеное, куда не отваживаются сунуться даже опытные мореплаватели. Безнаказанно чиня повсюду грабежи и разорение, они возвращались к Сестрам с грузом золота и рабов.

Эти зверства и всевозможные бесчинства в конце концов вынудили Королей Зимы послать к островам свой боевой флот, ибо кто владеет Сестрами, владеет и Укусом.

Завоевание этих островов северянами люди называют не иначе как Поруганием Трех Сестер. В «Хрониках Длинной Сестры» описаны многие ужасы этого кровавого рейда: как дикие северяне варили невинных младенцев в котлах, как солдатня потрошила живых людей, чтобы насадить их на вертел, как за один лишь день казнили на Палаческой горе тысячу воинов, а проклятый в веках Белтазар Болтон повелел сделать себе Розовый Павильон из кож ста сестринцев...

Поднимая вопрос о том, стоит ли доверять этим сказаниям, необходимо прежде отметить, что зверства эти, о коих столь красочно повествуют долиники, в северных хрониках почти не упоминаются.

Нельзя, однако, отрицать, что под северным игом сестринцам пришлось столь солоно, что они послали своих уцелевших лордов в Гнездо молить о помощи Короля Горы и Долины.

Матос Второй Аррен охотно предоставил им эту помощь при условии, что сестринцы присягнут на верность ему и его потомкам, признав право Гнезда властвовать над ними до скончания веков. Когда его королева усомнилась, стоит ли супругу вступать в эту «морскую войну», он запальчиво ответил, что иметь в соседях пирата гораздо предпочтительнее, нежели волка, и немедля отплыл с сотней кораблей в Систертон.

Назад он не вернулся, но в дальнейшем войну продолжили его сыновья. Тысячу лет Винтерфелл и Гнездо сражались за право владеть Тремя Сестрами. Люди нарекли эту войну Никчемушной: утихшие были боевые действия возобновлялись спустя поколение, и острова вновь и вновь переходили из рук в руки — так продолжалось не менее десяти раз. Северяне высаживались на Перстах трижды; Аррены послали флот на Белый Нож, намереваясь сжечь дотла Волчье Логово; Старки, не сумев преодолеть крепкие стены и взять штурмом Чаячий город, спалили в отместку сотни кораблей в его гавани.

В конце концов победа досталась Арренам, и Три Сестры стали частью Долины (не считая краткого правления королевы Марлы Сандерленд сразу после победоносных походов Эйгона Завоевателя. Ее низложили, увидев приближение браавосского флота, нанятого северянами по приказу короля Эйгона. Брат Марлы Сандерленд присягнул Таргариенам, сама же она окончила свои дни Молчаливой Сестрой).

«Гнездо победило лишь потому, что Винтерфелл не был заинтересован в своем над ним владычестве», — пишет архимейстер Перестин в «Исторических размышлениях». Десять долгих веков лютоволк и сокол жестоко дрались и проливали зря кровь из-за трех камней в море, но в один прекрасный день волк воспрял, будто от тягостного сна, поняв, что это всего лишь камни меж его зубов, выплюнул их и убрался прочь».

ДОМ АРРЕНОВ

Аррены происходят из старейшего рода чистокровной андальской знати. Свою родословную они могут проследить до Андалоса и порой именуют себя потомками самого Хугора из Холмов.

В этом, однако, нам опять-таки приходится отделять истину от легенды.

Сир Артис Аррен, Рыцарь-Сокол, первый Король Горы и Долины из династии Арренов, упоминается во многих источниках. Победа его над Робаром Вторым в Семизвездной битве также многократно описана, хотя подробности ее с годами могли приукрасить. Король Артис, безусловно, лицо историческое.

В Долине его, однако, часто путают с легендарным тезкой, другим Артисом Арреном, жившим за много тысяч лет до него, в Век Героев, и прославленным в преданиях под именем Крылатого Рыцаря.

Первый сир Артис будто бы летал на громадном соколе (этот образ, как предполагает архимейстер Перистин, мог быть навеян виденными издали верховыми драконами), и командовал войском орлов. Убив Короля Грифонов на вершине Копья Гиганта, он завладел Долиной. Он дружил с великанами, с водяными и женился на девушке из Детей Леса, которая умерла, произведя их сына на свет.

О нем рассказывают сотни сказок, но вряд ли Крылатый Рыцарь взаправду существовал. Он, как Ланн Умный в западных землях и Брандон-Строитель на Севере, был создан из вымысла, а не из плоти и крови. Если такой герой и ходил когда-то по Лунным горам и Долине, то звали его уж верно не Арреном: он летал на своем соколе задолго до прихода Арренов в Вестерос.

Певцы, как это у них водится, смешали легендарного рыцаря с историческим и приписали настоящему Аррену подвиги вымышленного — возмож-

но, и для того, чтобы дать Арренам в предки еще и великого героя Первых Людей.

Подлинная история дома Арренов не содержит

ни великанов, ни грифонов, ни сказочных

птиц; но с того дня, как сир Артис

возложил на себя Соколиную

Корону, они оставили нема-

лый след в истории Семи

Королевств. Со времен

Завоевания лорды Доли-

ны служили Железному

Трону как Хранители

Востока, защищая бере-

га Вестероса от замор-

ских врагов. До Завоева-

ния летописи повеству-

ют о бесчисленных бит-

вах с горными кланами; о

тысячелетней борьбе с Севе-

ром за Ступени; о морских сра-

жениях с волантинскими работор-

говцами, Железными Людьми, пирата-

ми со Ступеней и островов Василиска. Род

Старков, возможно, древнее, но их легенды зароди-

лись еще в дописьменные века, Аррены же учились

у септонов, и подвиги их остались на скрижалях

служителей Веры.

После объединения Семи Королевств, когда

юный Роннел Аррен (Летучий Король) стал пер-

вым лордом Орлиного Гнезда, перед Арренами

открылись новые дали. Никто не удивился, когда

Рейенис Таргариен сосватала Роннелу дочь Торрхе-

на Старка; королева устраивала множество таких

браков, чтобы закрепить мир в государстве. Лорд

Роннел скоро, увы, погиб от руки своего брата Джо-

носа, но род Арренов продолжился через боковую

ветвь и свершил еще немало великих дел.

Он может похвалиться и тем, что его дважды со-

чли достойным брака с кровью дракона. Король

Джейхерис I и королева Алисанна вручили лорду

Родрику Аррену руку дочери своей, принцессы

Дейеллы; дочь от этого брака, леди Эйемма Аррен, в

свой черед стала женой короля Визериса Первого и

матерью его первенца, принцессы Рейениры. Когда

ВВЕРХУ | Гербы дома Арренов (в центре) и некоторых его вассалов (по часовой стрелке): Уэйнвуд, Ройс, Корбрей, Бейлиш, Бельмор, Графтон, Хантер, Редфорт, Темплтон

принцесса в свои зрелые годы начала с единокровным братом Эйегоном II войну за Железный Трон, леди Джейна Аррен, Дева Долины, была ее стойкой союзницей и после стала одним из регентов при короле Эйегоне III. С тех пор в каждом Таргариене, восходившем на Железный Трон, была толика крови Арренов.

Аррены участвовали во всех таргариенских войнах и стойко поддерживали Железный Трон против всех претендентов Черного Пламени. Во время Первого мятежа лорд Доннел Аррен возглавлял авангард королевского войска и сдерживал напор Дейемона Черное Пламя, пока сир Гвейн Корбрей из Королевской Гвардии не подоспел с подкреплением.

Лорд Доннел остался жив; когда весенняя горячка охватила страну, он закрыл Долину и с суши,

и с моря, благодаря чему страшный мор не затронул только Долину и Дорн.

Говоря о временах недавних, никак нельзя умолчать о роли, сыгранной лордом Джоном Арреном в Восстании Роберта. Оно, в сущности, началось с отказа лорда Джона прислать королю головы своих воспитанников, Эддарда Старка и Роберта Баратеона; исполни Аррен этот приказ, Безумный Король до сих пор мог бы сидеть на Железном Троне. Лорд Джон, несмотря на свои почтенные лета, отважно сражался вместе с Робертом на Трезубце. После войны новый король, приняв мудрое решение, назначил его своим дельницей, и с тех пор лорд Джон всемерно помогает его величеству управлять государством. Счастлива страна, где у великого короля есть столь хороший советник.

В 101 году леди Джейна еще не достигла совершеннолетия, и на большом совете ее представлял лорд-протектор Долины, Йорберт Ройс из Рунстона. Ройсы, один из самых могущественных домов Долины, гордятся своим происхождением от Первых Людей. Лорды Рунстона и по сей день выступают на битву в бронзовых латах предков, испещренных защитными будто бы рунами. Многих Ройсов руны, увы, не спасли; мейстер Денестон в своих «Вопросах» предполагает, что доспехи эти не столь древние, как думают их владельцы.

ОРИННОЕ ГНЕЗДО

Усадьба дома Арренов меньше всех королевских замков Вестероса. По мнению многих, Гнездо также красивее их всех, и отрицать это трудно (хотя Тиреллы и отрицают). Гнездо, сидящее высоко на Копье Гиганта, венчают семь белых башен, и ни в одном замке Семи Королевств нет такого количества мраморных стен и полов.

Аррены и вся Долина скажут вам, что Гнездо к тому же и неприступно.

По причине своей малой величины оно не всегда было резиденцией Арренов; эта честь принадлежала Воротам Луны, куда более крупному замку, стоящему у подножья Копья — на том самом месте, где перед Семизвездной битвой раскинул свои шатры сир Артис Аррен. Не уверенный в крепости своего трона на первых порах, король Артис ну-

ждался в замке, способным выдержать любую осаду и приступ со стороны Первых Людей. Ворота Луны, в целом отвечавшие его нуждам, были скорее крепостью, чем дворцом, и многие говорили, что такой замок подходит лорду, но королю не приличествует.

Короля Артиса это мало трогало, ибо жил он там редко и почти не сходил с коня, непрестанно объезжая свою Долину. «Трон мой из седельной кожи, — говаривал он, — а замок у меня полотняный».

После Артиса Королями Горы и Долины были поочередно два его старших сына; они, в отличие от родителя, проводили много времени в Воротах Луны и были довольны замком, хотя и усовершенствовали его каждый по-своему. Гнездо начал строить

лишь внук Артиса, четвертый из Арренов. Мальчиком Роланд жил в воспитанниках у андальского короля в речных землях, бывал в Староместе и Ланниспорте и в Долину вернулся лишь после смерти отца. Повидав Высокую Башню, Бобровый Утес и замки Первых Людей, все еще стоящие на Трезубце, он нашел Ворота Луны сущим убожеством. Сперва он хотел снести их вовсе и поставить свой новый замок на том же месте, но тогда была зима, горы занесло снегом, и дикие горцы тысячами спускались в Долину в поисках пищи и крова. Эта угроза помогла королю понять, что замок на прежнем месте не даст ему нужной защиты.

Легенда гласит, что Теора, невеста Роланда и дочь лорда Хантера, напомнила жениху, что дед его победил Робара Ройса, атаковав сверху. Влюбленный Роланд проникся словами прекрасной девы и решил строить будущее Орлиное Гнездо на большой высоте.

До завершения строительства он не дожил. Задача перед мастерами стояла нелегкая: нижние склоны Копья Гиганта круты и покрыты лесом, а выше начинается голый обледенелый камень. Десять лет ушло на одну лишь прокладку дороги, петляющей по склону горы. Целая армия каменотесов стучала молотками, вырубая в камне ступени, а Роланд тем временем отправил знатоков искать подходящий мрамор: тот, что добывали в Долине, был ему не по вкусу.

Зима пришла снова, и дикие кланы Лунных гор опять повалили в Долину. Шайка Крашенных Псов подкараулила короля Роланда. Его стащили с коня и раздробили ему череп каменной палицей, не дав извлечь длинный меч из ножен. Роланд Первый, правивший двадцать шесть лет, успел лишь увидеть, как закладывают основание замка, о коем он так мечтал.

Строительство продолжалось при его сыне и внуке и шло крайне медленно: мрамор возили морем с острова Тарт и поднимали в гору на мулах. За время подъемных работ погибли десятки животных, четверо рабочих и один мастер-каменотес. Стены замка воздвигались фут за футом, а Соколиная Корона меж тем перешла уже к правнуку короля, первым задумавшего поднебесный чертог. Страстью короля Роланда Второго были война и женщины, а

никак не строительство замков. Гнездо поглощало немыслимое количество золота, потребного королю для замышляемой им войны в речных землях. Едва его отец упокоился в могиле, Роланд велел остановить все работы.

Неоконченный замок четыре года простоял под открытым небом. Соколы гнездились на его башнях, пока Роланд Второй, ища золота и славы, воевал с Первыми Людьми на Трезубце.

Победа, однако, оказалась не столь легкой, как он ожидал. Покорив несколько мелких королевств, он встретился с Тристифером Четвертым, Молотом Справедливости. Сей последний великий король Первых Людей разбил Роланда наголову, а на будущий год нанес ему еще одно поражение. Аррен обратился в бегство, но бывший его союзник, андальский лорд, предал его и доставил в цепях к Тристиферу. Роланд Второй, выступивший из Долины четыре года назад во всей своей силе, был обезглавлен в Старых Камнях самим Молотом Справедливости.

В Долине не слишком скорбели по воинственному, тщеславному королю. Брат его Робин, сменивший незадачливого полководца на троне, возобновил работы в Гнезде. Спустя сорок три года, за которые в Долине сменились еще четверо королей, замок наконец был достроен. Квинс, первый мейстер, служивший в его стенах, объявил Орлиное Гнездо «славнейшим созданием рук человеческих, обиталищем, достойным богов. Да что там: сам Отец Небесный наверняка не имеет такого дворца».

С того времени и по сей день Аррены живут в Гнезде весной, летом и осенью. Зимой снег и ветер не позволяют подняться к замку и делают его непригодным для обитания, зато в теплое время прохладный бриз спасает от душающего зноя Долины. Если и есть в мире другой замок, подобный ему, нам о нем ничего не известно.

Взять Орлиное Гнездо приступом вряд ли возможно. Для этого неприятелю пришлось бы сначала взять Ворота Луны, а затем еще три стоящих на пути замка: Каменный, Снежный и Небесный.

Даже заняв их все, враг оказался бы перед отвесным утесом шестисот футов высотой, куда можно подняться лишь в спускаемой на канатах клетки или по приставным лестницам.

Статуя в богороще Гнезда представляет плачущую Алиссу Аррен. Шесть тысяч лет назад у нее, по преданию, убили мужа, братьев и всех сыновей, но она ни слезинки не проронила, и боги в наказание обрekli ее лить слезы, пока те не достигнут самого дна Долины. Водопад, стекающий с Копья Гиганта, называется Слезами Алиссы; воды его испаряются, не достигая земли.

Насколько правдиво это предание? Алисса безусловно существовала, но шесть тысяч лет — слишком долгий срок. «Подлинная история» предполагает, что она жила на свете четыре тысячи лет назад, Денестан в «Вопросах» — что две.

Неудивительно, что попытки осадить Гнездо можно пересчитать по пальцам одной руки. Короли Аррены всегда знали, что на случай войны у них есть неприступная твердыня, в которой можно укрыться. Все служившие дому Арренов мастера, знатоки военного дела, единодушны в том, что Гнездо можно взять, разве что владея драконами. Когда-то Висеня Таргариен доказала это, посадив на внутрен-

нем дворе своего Вхагара и убедив мать последнего короля Аррена вручить Соколиную Корону дому Таргариенов.

Однако с тех пор прошло почти триста лет, все драконы вымерли, и лорды Гнезда могут спать спокойно в своем неприступном замке, не опасаясь новых угроз.

СЕВЕР

ЖЕЛЕЗНЫЕ ОСТРОВА

ЗАКАТНОЕ
МОРЕ

БЛЭКРИД

Блэкрис

ОРКМОНТ

Десять Башен

ХАРЛО

БОЛЬШОЙ ВИК

Тюлений Мыс

СТАРЫЙ
ВИК

КОЛЫБЕЛЬ НАГГИ

Халлперхорн

Пибблтон

СОЛТКЛИФ

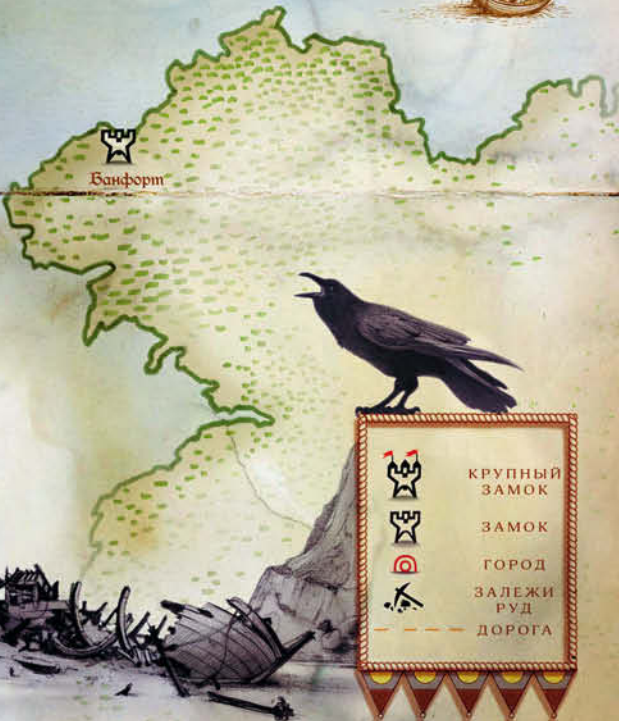
ПАЙК

Железный
Холм

Райн

Дергнерт

Банформ

ЗАКАТНОЕ
МОРЕ

	КРУПНЫЙ ЗАМОК
	ЗАМОК
	ГОРОД
	ЗАЛЕЖИ РУД
	ДОРОГА

ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ

РЕЧНЫЕ ЗЕМЛИ

ЖЕЛЕЗНЫЕ ОСТРОВА

Были ли Первые Люди поистине первыми?

Большинство ученых полагают, что да. Вестерос до пришествия людей, по их мнению, принадлежал великанам, Детям Леса и диким зверям. Но жрецы Утонувшего Бога на Железных островах рассказывают иначе.

Они верят, что Железные Люди — особое племя, отличное от всего остального людского рода. «Мы пришли на эти священные острова не из безбожных заморских стран, — сказал как-то Саурон Соленый Язык. — Мы вышли из моря, из чертогов Утонувшего Бога, создавшего нас по образу своему и давшего нам власть над всей водной стихией».

старым богам, которым те поклонялись. Вера андалов также не смогла здесь укорениться: до Семерых островами завладел Утонувший Бог, создатель моря и Железных Людей.

Бог сей не располагает ни храмами, ни священным писанием, ни сделанными по его подобию идолами, зато жрецов у него в избытке. Задолго до первых летописей они уже бродили по островам, проповедуя своего бога и отрицая всех прочих. Эти странствующие жрецы, оборванные, заросшие, часто босые, стараются не удаляться от моря. Большой частью они неграмотны; молитвы и обряды передаются устно из поколения в поколение. И лорды, и

Архимейстер Хейрег высказал однажды любопытную мысль, что предки Железных Людей пришли из некоей неведомой земли к западу от Закатного моря. Когда Первые Люди впервые приплыли на Старый Вик, там-де уже стоял Морской Трон Грейджоев, вытесанный в виде кракена из маслянистого черного камня. По мнению Хейрега, его изваяли первоначальные жители островов, и лишь позднее мастера и септоны заставили нас поверить, будто те произошли от Первых Людей. Со временем Хейрег отказался от этой мысли, не будем же упорствовать в ней и мы.

Многие Железные Люди, впрочем, сомневаются в этом и думают, что они, как и все, произошли от Первых Людей — хотя те, в отличие от андалов, никогда не были мореходами. Мы также не можем принять всерьез уверения жрецов, согласно которым Железные Люди сродни скорее рыбам и водяным, нежели другим человеческим племенам.

Но от кого бы ни произошли Железные Люди, нельзя отрицать, что обычаи, верования и порядки у них совсем не такие, как в других частях Семи Королевств.

Все эти различия, как отмечает архимейстер Хейрег в «Истории Железных Людей», проистекают из их религии. На скудной каменистой почве северных островов чардрева не приживаются, прочая же чахлая растительность никогда не давала приюта ни великанам, ни Детям Леса — а значит и

крестьяне обязаны давать им пищу и кров во имя Утонувшего Бога, но едят те в основном одну рыбу и моются, лишь заходя в море. Чужеземцы считают их безумными; жрецы и впрямь могут показаться такими, но на островах они пользуются большой властью.

Отрицая как привезенных с юга Семерых, так и старых богов Севера, островитяне тем не менее признают еще одно божество, а именно Штормового Бога. Он обитает на небе, враждует с Утонувшим, ненавидит людей и все дела рук человеческих. В своем неуголимом гневе он шлет с небес жестокие ветры, ливни, гром и молнию.

Многие полагают, что острова эти названы так из-за изобилия железной руды, но жители их утверждают, что сами сделаны из железа и столь же непреклонны, как их Утонувший Бог. На карте залива

Железных Людей к западу от Орлиного мыса насчитывается тридцать один остров; в глубине Закатного моря, вокруг Одинокого Света, мы находим еще тринадцать, но крупных островов всего семь: Старый Вик, Большой Вик, Пайк, Харло, Солтклиф, Блэкрид и Оркмонт.

Харло населен гуще всех, Большой Вик всех богаче рудой, Старый Вик — священное место, где короли соли и камня некогда собирались в чертогах Серого Короля, чтобы выбрать себе правителя. На скалистом Оркмонте жили в старину Железные Короли из дома Грейаронов. Пайк примечателен Лордпортом, который один из всех островных поселений заслуживает названия города, и усадьбой дома Грейджоев, правящих островами после Завоевания; Блэкрид и Солтклиф не знамениты ничем. На маленьких островах встречаются порой башни невеликих домов и рыбацьи деревушки, но в основном там пасут овец, а некоторые и вовсе необитаемы.

В восьми днях пути на северо-запад лежит второе скопление островов. На этих голых утесах живут морские львы и тюлени, и лишь на самом большом стоит Одинокий Свет, замок дома Фарвиндов, на крыше коего днем и ночью горит маяк. О Фарвиндах и об их людях рассказывают странные вещи: их женщины-де спят с тюленями и рожают детей с хвостами и лапами, к тому же все они оборотни и могут превращаться в морских львов, моржей и даже в пятнистых китов, волков закатных морей.

Подобные истории, впрочем, рассказывают обо всех далеких уголках мира, Одинокий же Свет — самый дальний известный нам западный край. Тысячи отважных мореплавателей уходили искать сказочную землю, лежащую там, куда не достигает луч его маяка, но те немногие, что вернулись, говорили лишь о бесконечных просторах серого океана.

Богатства Железных островов — свинец, олово и железо — лежат под холмами Большого Вика, Харло и Оркмонта. Многие Железные Люди, что неудивительно, владеют мастерством обработки этих металлов; мечам, топорам и кольчугам, что куются в Лордпорте, равных нет.

Почва на островах скудна, камениста и более пригодна для выпаса коз и овец, нежели для земледелия. Железные Люди неизбежно голодали бы каждую зиму, не будь у них моря и жнецов его, рыбаков.

В заливе ходят большие косяки трески, морского черта, ската, ледяной рыбы, сардины и макрели. На берегах каждого острова водятся крабы и омары, к западу от Большого Вика промышляют тюленей, рыбу-меч и китов. Архимейстер Хаке, рожденный и возросший на Харло, числит в рыбаках семь из каждых десяти островных семей. Неимущие на суше, в море они сами себе хозяева. «Владелец лодки, — пишет Хаке, — рабом быть не может, ибо каждый шкипер — король на борту своего корабля».

Рыбаки кормят Железные острова, но больше всего там почитают не их, а морских разбойников — морских волков, как их справедливо прозвали в речных и западных землях. Они, как и волки, охотились стаями: пересекали бурное море на своих быстрых ладьях и высаживались на мирных

берегах Закатного моря, чтобы грабить и убивать. Бесстрашные мореходы и свирепые воины, они появлялись из утреннего тумана, делали свое кровавое дело и уходили обратно в море еще до полудня, увозя с собой награбленное, плачущих детей и перепуганных женщин.

Железных Людей, по мнению архимейстера Хейрега, толкнула на этот кровавый путь нужда в древесине. Когда-то на Большом Вике, Харло и Оркмонте росли густые леса, но корабельщики мало-помалу извели их, и дерево приходилось брать в «зеленых землях», то есть на материке.

Там разбойники находили все, чего недоставало на островах. К торгу и мене Железные Люди прибегали куда как редко, а брали всё силой. Называлось это «платить железную цену». Плативших золотом презирали, плативших железом восхваляли, по словам Хейрега, все: простолюдины, певцы и жрецы.

Через века до нас дошло много легенд о давних владыках Закатного моря, воинах несравненной жестокости и бесстрашия: Торгоне Ужасном, Йорле-Ките, некроманте Дагоне Драмме, Хротгаре с Пайка, чей рог вызывал кракена из морской пучины, и Ральфе-Оборванце со Старого Вика.

Страшнее всех был Бейлон Чернокожий, сражавшийся с топором в левой руке и молотом в правой; вражеские клинки будто бы отскакивали от него, не причиняя никакого вреда.

Трудно сказать, существовали ли они взаправду, ибо рассказы об их подвигах относятся к тем временам, когда у Железных Людей еще не было письменности. Грамотные у них и по сейчас встречаются редко; их либо высмеивают как слабосильных, либо

боятся как колдунов. Все, что известно о тех древних героях, записано их жертвами с материка — на старом языке или рунами Первых Людей.

Земли, где свирепствовали морские грабители, были в ту пору покрыты лесами и очень скудно заселены. От моря Железные Люди старались не удаляться, но берега от Стылого берега и Медвежьего острова до Бора принадлежали им. Рыбачьи лодки и торговые парусники Первых Людей, жавшиеся к родным берегам, не могли соперничать с ладьями, где ставили большие паруса и пенили воду рядами весел. Когда же сражения происходили на суше, воины зеленых земель падали под натиском пришельцев, как пшеница под серпом; этих непобедимых врагов считали демонами, выходцами из водного ада, чье колдовское оружие поражает не только тела, но и души.

Когда наступала осень, грозящая скорой зимой, ладьи приходили на материк за пищей. Благодаря этому на Железных островах не знали голода даже в разгар зимы, в то время как жители материка, вырастившие и собравшие урожай, терпели нужду и лишения. «Мы не сеем», — гласил девиз дома Грейджоев, главы коего называли себя лордами-жнецами.

Морские добытчики привозили на острова не только зерно и золото, но и пленных, становившихся отныне невольниками. Занятиями, достойными свободных людей, почитались только разбой и рыбная ловля — земледельцами, пастухами и рудокопами были невольники. Те, кого посылали в поле, благодарили судьбу, пишет Хейрег: многие из них доживали до старости, и им позволялось даже заво-

Во время долгого владычества Первых Людей над Вестеросом невольничество было обычным явлением, и это еще раз доказывает, что жители Железных островов происходят от них.

Не следует, однако, путать это невольничество с тем рабством, какое существует в ряде Вольных Городов и восточных странах. За невольниками, в отличие от рабов, сохранялись кое-какие права. Невольник, принадлежавший тому, кто взял его в плен, и обязанный ему подчиняться, оставался при этом человеком, а не имуществом. Они не подлежали купле-продаже, могли владеть собственностью, жениться, иметь детей — дети же, рожденные на островах, считались Железными Людьми, даже если оба родителя были невольниками; их не отбирали у отца с матерью до семи лет, а затем посылали на корабли или в ученье к ремесленникам.

дить семьи. В рудниках под землей, где воздух был сырым, а надсмотрщики жестокими, жизнь человеческая легко обрывалась.

Почти все пленные мужчины оставались на островах до конца своих дней. На выкуп могли надеяться лишь сыновья лордов, рыцарей, богатых купцов. Невольники, владевшие грамотой и счетом, служили стюардами, наставниками, писцами, а каменщики, дубильщики, бондари, свечники, плотники и другие мастера ценились еще больше грамотных.

Самой ценной добычей, однако, считались женщины. Девушек и близких к расцвету девочек хватало при каждом набеге, не брезговали и женщинами постарше, которых делали кухарками, ткачихами, швеями и повитухами. Молодые пленницы со временем становились служанками, шлюхами или женами своих товарищей по несчастью, но самых красивых разбойники брали в морские жены.

Брачные обычаи на островах также разнятся от обычаев материкового Вестероса. В большинстве Семи Королевств мужчина может иметь только одну жену, а девушка — одного мужа. На островах у мужчины была одна-единственная «каменная же-

на» (другую он мог взять лишь после ее кончины), а «морских жен» он имел сколько ему хотелось. Каменная жена, свободная уроженка островов, была рядом с мужем за столом и на ложе, и дети ее шли впереди других отпрысков; морскими женами почти всегда были пленницы. По их количеству судили о силе и богатстве мужчины.

Не нужно, однако, полагать, что эти женщины были обыкновенными наложницами или рабынями для утех. Браки с ними также заключались жрецами Утонувшего Бога (хотя и не столь торжественно, как браки с каменными женами), и дети от таких союзов считались законными. «Морские сыновья» могли даже стать наследниками отца, если у него не было детей мужского пола от каменной жены.

После Завоевания морских браков на островах значительно поубавилось: Эйгон (по настоянию королевы Рейенис, скорее всего) объявил похищение женщин преступным деянием, а морской разбой запретил. При его потомках эти запреты нарушались неоднократно; Железные Люди и теперь не прочь вернуться к тому, что называют «старым законом».

КОРОНЫ ИЗ ПЛАВНИКА

В Век Героев островами, по преданию, правил могущественный Серый Король: глаза его, волосы и борода были серыми, как зимние волны. Он владел не только сушей, но и морем и взял в жены русалку,

поэтому дети его могли жить как на земле, так и под водой. Его корона из плавучего дерева говорила о том, что власть Серому Королю дана самим Утонувшим Богом.

ВВЕРХУ | Пират с Железных островов забирает свою добычу

Ему приписываются многочисленные чудеса и подвиги. Именно Серый Король первым из смертных добыл огонь: разозленный им Штормовой Бог метнул молнию и зажег дерево. Он же научил людей плести сети, шить паруса и сам вытесал первую ладью из бледного ствола Игга — демонского дерева, питавшегося человеческим мясом.

Но самым славным его деянием стало убийство Нагги, громадного морского дракона. Пищей ей служили киты и кракены, и в гневе она топила целые острова. Серый Король построил из ее костей огромный чертог и царствовал в нем тысячу лет, пока его кожа не стала столь же серой как борода. Тогда он сложил с себя корону из плавника, вошел в море и занял подобающее ему место по правую руку Утонувшего Бога.

Серый Король властвовал над всеми Железными островами. Сто сыновей, оставшихся после него,

ли были всего лишь кронпринцами, наследниками своих отцов. Но древние летописи говорят и о том, что временами два короля происходили из разных и притом недружественных домов.

Во всех прочих областях Вестероса золотые короны наследовались по праву рождения, но корона из плавника доставалась не столь легко. Железные острова избирали своих королей, и каменных и соленых, на вече, созываемом жрецами после смерти одного из правителей. Эти собрания длились по нескольку дней, а порой и дольше. Правом голоса обладал всякий владеец и кормчий корабля или лодки. Случалось также, что жрецы созывали «капитанов и королей», чтобы сместить правителя, показавшего себя недостойным.

Не будем забывать, какой властью пользовались служители Утонувшего Бога. Лишь они могли созвать вече, и горе тому, будь он лорд или король, кто

Кости некоего морского чудовища и по сей день венчают холм Нагги на Старом Вике, но нельзя утверждать наверняка, что чудовище это было морским драконом. Ребра его, хоть и огромны, вряд ли могут принадлежать существу, поедавшему кракенов и китов. Само существование морских драконов ставится под сомнение некоторыми учеными; если они и есть, то обитают в самых темных глубинах Закатного моря, ибо их, насколько это известно, не видели уже несколько тысяч лет.

в борьбе за наследство начали братоубийственную войну, и шестнадцать уцелевших поделили между собой острова. Все знатные дома Железных Людей ведут свой род от Серого Короля, кроме Гудбразеров с Большого и Старого Вика, происходящих будто бы от его брата, добровольно пожертвовавшего своим старшинством.

Так говорят легенды и жрецы Утонувшего Бога, история же трактует все по-иному.

Древнейшие записи Цитадели свидетельствуют о том, что каждый из Железных островов представлял собой отдельное королевство, которым правили не один, а два короля: каменный и соленый. Первый вершил суд, устанавливал законы и улаживал споры, второй распоряжался морем, то есть ладьями.

Каменные короли были, как правило, старше соленых. Порой эту пару составляли отец и сын, отчего некоторые историки полагают, что соленые коро-

осмеливался идти против них. Самым прославленным из жрецов был Галон Белый Посох (посохом, вырезанным то ли из чардрева, то ли из костей Нагги, он побивал безбожников).

Сей пророк запретил Железным Людям воевать меж собой, и совершать набеги на владения своих соплеменников, и красть их женщин. Он же призвал капитанов и королей на Старом Вике избрать себе верховного короля, чтобы он правил всеми Железными островами. Им стал Уррас Грейарон Железная Пята, соленый король Оркмонта и самый знаменитый морской разбойник своего времени. Галон увенчал его короной из плавника, и Уррас впервые после Серого Короля был назван правителем всех Железных Людей.

Много лет спустя, когда Уррас Железная Пята умер от старых ран, полученных им в набегах, корону захватил его старший сын, объявивший себя ко-

ролем Эриком Первым. Галон, тогда уже дряхлый и полуслепой старец, взъярился и возгласил, что только вече обладает правом выбирать короля. Капитаны и короли, вновь собравшись на Старом Вике, низложили Эрика Безобразного; смертной казни он избежал лишь чудом, разломив отцовскую корону и бросив в море в знак покорности воле Утонувшего Бога. Вместо него был избран Регнар Драмм, Кормилец Воронов, каменный король Старого Вика.

Последующие столетия стали золотым веком для островов и железным для Первых Людей, живших на берегах Закатного моря. Раньше морские разбойники, награвив съестного на зиму, леса для своих кораблей и девушек в жены, всегда возвращались на острова; при плавниковых королях они начали завоевывать чужие земли и селиться на них.

отец запоздал с ежегодной данью. Когда Бернарр выступил, чтобы отомстить за своих детей, Кхоред разбил его войско и принес короля в жертву Утонувшему Богу. На этом род Джастменов кончился, и в речных землях воцарилась кровавая смута.

После Кхореда, однако, Железные острова медленно пошли под уклон. Преемники были значительно слабее могучего короля, а Первые Люди крепили, строили собственные ладьи и ограждали свои города каменными стенами взамен палисадов.

Гарденеры и Хайтауэры первыми перестали выплачивать дань, а когда Теон Третий Грейджой вышел в море на битву с ними, Лаймонд Хайтауэр, Морской Лев, победил его и убил. Этот лорд возродил в Староместе невольничество ровно на такой

Корону каждый раз после смерти ее носителя ломали, как повелось, надвое и возвращали в море, а вновь избранному королю делали новую из того, что прибило к берегам его родимого острова. Поэтому каждая плавниковая корона чем-то отличалась от прежней: одни были невелики и совсем просты, другие огромны и великолепны.

В подробнейшей «Истории Железных Людей» архимейстера Хейрега перечислены 111 обладателей плавниковых корон. Список этот вероятней всего неполон и изобилует противоречиями, но можно не сомневаться, что расцвет Железных островов пришелся на правление Кхореда Первого Седого (одни причисляют его к Грейаронам, другие к Блэкридам, в историю же Вестероса он вписан кровью как Кхоред Жестокий). Правил он три четверти века и дожил до девяноста лет. К тому времени Первые Люди старались селиться подальше от морских берегов из страха перед набегами, а лорды в своих замках платили дань воинам с островов.

Кхоред похвалялся, что властвует «всюду, где пахнет солью и слышен прибой». В молодости он разграбил Старомест и привез на острова тысячи женщин и девушек. В тридцать лет победил в битве лордов Трезубца, принудив речного короля Бернарра Второго склонить колени и отдать в заложники трех сыновей. Три года спустя он собственной рукой убил мальчиков и вырезал им сердца, ибо их

срок, чтобы пленные Железные Люди, взятые в этом бою, успели возвести городские стены.

Растущая сила западных земель грозила плавниковым королям все больше и больше. Первыми прогнали железных владык люди Светлого острова с Гилбертом Фарменом во главе, а в следующем поколении Ланнистеры заняли город Кайс: Геррок Блуднин Сын протрубил в свой окованный золотом рог, и городские девки открыли его людям калитку. Три плавниковых короля, один за другим, безуспешно пытались вернуть город, и двое из них пали от меча Геррока.

Окончательно посрамил островитян Герольд Ланнистер, Король Скалы. Герольд Великий, как его нарекли на западе, сам предпринял набег на Железные острова и взял сотню пленных. Он держал их в Бобровом Утесе и вешал одного за другим, когда Железные Люди вторгались на его берега.

В следующем веке плавниковые короли лишились Бора, Медвежьего острова, Кремневого Пальца и множества других поселений у Закатного моря.

Не следует думать, что в эти годы Железные Люди совсем не одерживали побед. Бейлон Пятый Грейджой, Студеный Ветер, разнес в щепки слабый флот короля Севера, Эрик Пятый Харло отвоевал Светлый остров (но в старости вновь его потерял). Сын его Харрон убил под стенами Староместа Гарета Мрачного из Хайгардена, а полвека спустя Йорон Первый Блэкрин в морском бою у Туманных островов взял в плен Джайлса Второго Гарденера. Замучив пленника, Йорон изрубил его тело на мелкие куски и наживил рыболовные крючки «королятиной». Позднее он прошелся огнем и мечом по Бору и увез оттуда всех женщин моложе тридцати лет, за что заслужил прозвище Погубителя Дев.

Однако все эти победы были недолговечны, как и одерживавшие их короли. Правители зеленых зе-

мель продолжали набирать силу, а Железные острова — слабеть. Раскол и упадок усугубило одно событие, случившееся в конце Века Героев.

После смерти короля Уррагона Третьего Грейарона (Уррагона Лысого), младшие его сыновья спешно созвали вече; их старший брат Торгон в это время разбойничал на реке Мандер. К большой их досаде, капитаны и короли выбрали не одного из них, а Урратона Гудбразера с Большого Вика. Избранник первым делом приказал предать сыновей бывшего короля смерти. За это и за другие бесчинства, совершенные им за два года правления, Урратона Четвертого Гудбразера (Доброго Брата) часто называли Злым Братом.

Торгон Грейарон, вернувшись наконец на Железные острова, объявил последнее вече незакон-

ным, поскольку он на нем не присутствовал и не мог предложить себя в короли. Жрецы, недовольные самомнением и нечестием Злого Брата, поддержали его; простой народ вкупе с лордами также принял сторону Торгона, и собственные капитаны Урратона порубили короля на куски. Торгон Запоздалый стал королем вместо него и правил сорок лет, не будучи избран на вече. Он показал себя как сильным, так и мудрым правителем, но своих владений отстоять не сумел: при Торгоне Маллистеры из Сигарда отобрали у островов почти весь Орлиный мыс.

Нарушив закон в молодости, когда им был свергнут избранный на вече король, Торгон повторил это в старости, взяв своего сына Уррагона себе в соправители. В течение пяти лет сын сопровождал отца в суде и совете, в мирное и военное время; когда Торгон наконец умер, его наследник естественным образом стал Уррагоном Четвертым. Вече не созывалось, и не было больше Галона Белого Посоха, чтобы восстать против этого беззакония.

ЖЕЛЕЗНЫЕ КОРОЛИ

Грейароны входили в число старейших и знаменитейших островных домов. За время действия веча коронами из плавника, судя по Хейрегу, увенчали не менее тридцати восьми Грейаронов: их дом дал островам вдвое больше королей, чем любой другой.

После бойни на Старом Вике короны из плавника ушли в прошлое. Корона Уррона, отлитая из чугуна, передавалась по праву первородства от отца к сыну, и других королей, помимо Грейаронов, на островах больше не было — ни каменных, ни соленных. Уррон Красная Рука и его потомки именовали себя королями Железных островов; правители Старого и Большого Вика, Пайка, Харло и прочих мест из королей стали лордами, а несколько старинных родов, отказавшихся покориться новой власти, исчезли бесследно.

Это не значит, что у Грейаронов совсем не стало соперников. Закон Галона Белого Посоха, воспрещающий Железным Людям враждовать меж собой, перестал существовать вместе с вечем, и новой династии пришлось подавить с полдюжины мятежей и два крупных невольничьих бунта. Материковые лор-

Последний, роковой удар власти капитанов и королей был нанесен, когда после долгого, но непримечательного правления скончался сам Уррагон. Согласно последней воле короля корону из плавника должен был получить его внучатый племянник Уррон Грейарон Красная Рука, соленный король Оркмонта, но жрецы Утонувшего Бога решили не допускать подобных вольностей в третий раз и созвали вече на Старом Вике.

Туда съехались сотни людей, в том числе соленные и каменные короли с семи главных островов и даже с Одинокого Света. Как только они собрались на холме, Уррон Красная Рука бросил на них своих воинов с топорами, и ребра Нагги окрасились кровью. Тринадцать королей погибли в тот день и с полсотни жрецов. Так был положен конец закону о вече; Уррон стал верховным королем на двадцать два года, за ним последовали его потомки, и странствующие жрецы лишились права создавать и смещать королей.

ды и короли также не замедлили воспользоваться раздором на островах и мало-помалу отвоевали все колонии Железных Людей на зеленых землях. Самый весомый удар Грейаронам нанес король Простора Гарт Седьмой Златорукий: он изгнал захватчиков с Туманных островов, кои переименовал в Щитовые и населил для защиты устья Мандера лучшими своими воинами и мореходами.

Пришествие андалов в Семь Королевств лишь ускорило упадок Железных островов: андалы, в отличие от Первых Людей, были отважными мореплавателями и имели свои ладьи, ни в чем не уступавшие островным. По мере того, как андалы наводняли речные земли, Простор и Запад, на всех морских заливах и в бухтах росли опоясанные стенами города и укрепленные замки, а большие лорды и мелкие короли строили военные суда для защиты своих берегов и своей торговли.

Спустя какое-то время, заняв Вестерос до самого Перешейка, андалы нагрянули и на Железные острова. Они накатывали волна за волной, часто в союзе с кем-то из самих же островитян. С одними

знатными домами они завязывали брачные узы, другие предавали мечу и истребляли под корень.

Так был истреблен и дом Грейаронов. Последнего из Железных Королей, Рогнара Второго, свергли Орквуды, Драммы, Хоуры и Грейджои вкупе с андальским наемным войском.

Вопрос о преемнике Рогнара победители решили танцем «персты», где плясуны мечут и ловят топорики. Соревнование, потеряв в нем два пальца, выиграл Харрас Хоур и правил островами тридцать лет как Харрас Трехпалый.

Историки считают эту историю вымыслом. Хейрег полагает, что Харрас был выбран в короли по слову андальского лорда, чью дочь он взял в жены.

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

Короли из дома Хоуров, как говорит архимейстер Хаке, были «черноволосы, черноглазы и черны сердцем». Враги утверждали, что и кровь у них черная, «с андальщиной», ибо Хоуры в первую пору постоянно женились на андальских девицах. У чистокровных Железных Людей, как учат жрецы, течет в жилах морская вода; Хоуры поэтому счита-

лись лжекоролями, которых надо свергнуть как можно скорее.

Безуспешные попытки к тому, предпринимавшиеся веками, подробно описаны у Хейрега. Недостаток боевой доблести Хоуры возмещали жестокостью и коварством: подданные, не любя их, страшлись их гнева. Об этом красноречиво повествуют их

ВВЕРХУ | Победоносный Харрас Трехпалый

прозвища: Вульфгар Творец Вдов, Хорган Губитель Жрецов, Фергон Свирепый, Отгар Бездушный, Отгар Демонолюб, Крагхорн Краснозубый. Жрецы Утонувшего Бога предавали их всех проклятию.

Были ли Хоуры и впрямь такими нечестивцами, как уверяли эти святые люди? Хаке полагает, что были, Хейрег же думает, что грехом королей «черной крови» было не безбожие и не поклонение демонам, а всего лишь терпимость к другой вере, которая пришла на острова во времена Хоуров.

Короли по просьбе своих королев-андалок брали под защиту септонов и септ, позволяя им проповедовать Семерых на всех островах. Первую септу построили на Большом Вике при Вульфгаре Творце Вдов, но когда правнук его Хорган разрешил поставить другую на Старом Вике, где некогда собирали вече, весь остров, побуждаемый жрецами, поднялся как один человек. Септу сожгли, септона зарубили, паству его утопили в море. В ответ на это, как пишет Хейрег, Хорган и стал убивать жрецов.

Морской разбой Хоуры также не поощряли и заводили вместо него торговые связи. Лес для постройки кораблей, утратив возможность брать его силой, меняли на железную, свинцовую и оловянную руду; зимой те же руды обменивали на пшеницу, ячмень и репу для простолюдинов и говядину со свиной для собственного стола. Слова «платить железную цену» приобрели совсем другое значение; островитяне находили такой порядок унижительным для себя, жрецы объявляли его позорным.

Наибольший позор и бессилие острова познали при трех Хармундах: Хлебосольном, Хвате и Хлопотливом. Хармунд Хлебосольный был первым грамотным королем островов; он собирал книги, покровительствовал септонам и септам и привечал в своем замке на Большом Вике путников и торговцев со всего света.

Сын его Хармунд Хват, разделявший отцовскую любовь к чтению, приобрел славу великого путешественника. Первым из Железных Королей он посетил зеленые земли не как пришелец с мечом в руке, а как гость. Юные годы он провел воспитанником в доме Ланнистеров и сделал своей королевой дочь Короля Скалы леди Лелию, «прекраснейший цветок Запада». Позднее он побывал в Хайгардене и Староместе, где заключал торговые сделки с королями и лордами.

Сыновья его воспитывались в Истинной Вере, как понимал ее король Хармунд. Старший сын Хармунд Хлопотливый, став в свою очередь королем, объявил (вероятно, не без влияния королевы-матери Лелии Ланнистер), что отныне всех совершающих набеги станут вешать как пиратов, а дети от браков с морскими женами будут считаться бастардами и не смогут наследовать отцам. Он собирался отменить и невольничество, но тут жрец по прозвищу Сорокопут начал усиленно проповедовать против него.

Собратья жрецы и лорды приняли сторону проповедника. Хармунд, поддерживаемый одними септонами, был свергнут за две недели почти без кровопролития, но затем Сорокопут собственноручно вырвал ему язык, «дабы тот не изрыгал более лжи и кощунства». Вдобавок короля лишили носа и глаз, «дабы все видели, что это за чудовище».

Вместо него жрецы с лордами короновали его младшего брата Хагона. Новый король тут же отрекся от Семерых, отменил все указы Хармунда, изгнал с островов септонов и септ и велел сжечь все храмы.

Король Хагон, вскоре прозванный Бессердечным, не заступился даже за свою мать. Лелию, «Ланнистерскую шляху», Сорокопут обвинил в

Хармунд Второй, приняв веру в Семерых, чтит также и Утонувшего Бога. По возвращении на Большой Вик он открыто говорил о восьми богах и повелел воздвигнуть изваяние Утонувшего Бога у дверей каждой септы. И септоны, и жрецы решительно этому воспротивились; чтобы умиротворить их, король отменил свой приказ и признал, что у бога не восемь ликов, а семь... но Утопленник присутствует среди них в облике Неведомого.

том, что она отвратила мужа и сыновей от истинного бога. Ей отрезали губы, уши, веки, вырвали горячими клещами язык, бросили ее в ладью и отвезли в Ланниспорт. Ее племянник, Король Скалы, впал в такой гнев, что созвал свои знамена.

Эта война стоила жизни десяти тысячам человек, три четверти из коих составили Железные Люди. На седьмом ее году западное войско высадилось на Большом Вике. Хагон был разбит, его замок взят приступом; Бессердечный претерпел те же увечья, что его мать, и был повешен. Сир Обри Кракехолл, командовавший войском Ланнистера, приказал сровнять замок Хоуров с землей. Он, по словам Хейрега, подумывал вернуть на трон найденного в темнице Хармунда Хлопотливого, но слепой король наполовину обезумел после долгого заточения. Сир Обри даровал ему «последнюю милость», дав вина с маковым молоком, а после, не иначе тоже лишившись рассудка, решил сам стать королем островов.

Это не устраивало ни Железных Людей, ни Ланнистеров. Король Скалы, услышав об этом, отозвал назад свои корабли, бросив Кракехолла на произвол судьбы. Без поддержки дома Ланнистеров «король Обри» не протянул и полугода: Сорокопут самолично утопил его в море.

Война между Железными Людьюми и Западом продлилась еще пять лет, после чего разоренным, выжженным островам навязали мир. Время, наступившее вслед за ним, островитяне помнят как Голодную Зиму: от голода, пишет Хаке, вымерло втрое больше людей, чем погибло в боях.

Прошли века, прежде чем острова выбрались из пропасти, в которую рухнули. О королях, правивших ими в это время, сказать почти нечего. В большинстве своем они были марионетками в руках жрецов или лордов; такие, как Харраг и сын его Равос-Насильник, по примеру прошлого терзавшие Север, когда там правил Голодный Волк, встречались лишь изредка.

Постепенному возрождению островов способствовали и морской разбой, и торговля. Ладьи не могли больше соперничать с иноземными военными кораблями, но столь отважных мореходов в других землях не было. Купцы из Лордпорта на Пайке, с Большого Вика, Харло и Оркмонта бороздили мо-

ря, заходили в Ланниспорт, Старомест, Вольные Города и возвращались домой с сокровищами, о которых их предки не могли и мечтать.

Разбойничать морские волки тоже не прекращали, но делали это теперь подальше от дома, ибо короли зеленых земель стали слишком сильны и дразнить их было опасно. Поживу они искали на островах Василиска, на Ступенях, у берегов Спорных Земель. Многие становились морскими наемниками, служа какому-либо из Вольных Городов в их бесконечных войнах.

Одним из таких был Харвин Хоур, третий сын короля Кхорвина Хитрого, который все свое долгое царствование копил деньги и избегал войн. «Война мешает торговле, — говорил он, утраивая в то же время свой флот и выковывая в больших количествах мечи, топоры и доспехи, — а слабость притягивает врагов. Мы должны быть сильными ради сохранения мира».

Сын его Харвин мира не искал и вовсе пользовался оружием и доспехами, взятыми из отцовских кузниц. В море его, как младшего, отправили еще в отрочестве. Он участвовал в набегах на Ступени, побывал в Волантисе, Тироше, Браавосе, стал мужчиной в веселых садах Лисса, прожил два года на островах Василиска пленником пиратского короля, нанялся в вольный отряд Младших Сыновей и сражался за них некоторое время.

Вернувшись на Железные острова, он нашел отца при смерти. Старший брат Харвина два года как умер от серой хвори, но оставался средний, внезапная кончина коего по сей день остается предметом жарких споров. Очевидцы утверждали, что принц Харлан погиб случайно, упав с коня, но говорили они так скорее всего из страха за свою жизнь. Никто за пределами Железных островов не сомневался, что к смерти брата приложил руку принц Харвин; оставалось лишь неясным, убил он Харлана сам или прибег к услугам Безликих из Браавоса.

Король Кхорвин угас через шесть дней после среднего сына. Младший унаследовал трон и вписал имя Харвина Твердой Руки кровью в историю Семи Королевств.

Посетив отцовские верфи, он заявил: «Ладьи строят, дабы выходить на них в море», а в королевских оружейнях добавил: «Мечи куют, дабы их обагрила кровь». Король Кхорвин говаривал, что слабость притягивает врагов; Харвин видел слабость на другом берегу залива Железных Людей, где речные лорды стонали под пятой далекого штормового правителя Аррека Дюррандона.

Посадив своих воинов на сто отцовских ладей, он пересек залив. Они высадились к северу от Сигарда, перетащили ладьи по суше к Синему Зубцу и двинулись вниз по реке с огнем и мечом; речные лорды, не желая сражаться за Штормового Короля, сопротивления почти не оказывали. В ту пору думали, что Железные Люди отменно дерутся на море и плохо на суше, но Харвин Хоур, закалившись в Спорных Землях, столь же хорошо сражался пешим, как и на палубе своего корабля. Когда он подчистую разбил Блэквудов, многие лорды Трезубца перебежали к нему.

У Ярмарочного Поля Харвин встретился с молодым Штормовым Королем Арреком Дюррандоном.

Войско у того было в полтора раза больше, но штормовые бойцы устали после долгого перехода, и Хоур вместе с речными лордами легко одержал победу. Король Аррек, потеряв двух своих братьев и половину людей, едва спасся бегством. Народ речных земель дружно восстал против угнетателей: штормовые гарнизоны вырезали или прогоняли на юг. Богатые земли Трезубца перешли от Штормового Предела к Железным островам.

Харвин одним махом увеличил свои владения в десять раз и доказал, что Железных Людей нужно бояться, как прежде. Лорды Трезубца, примкнувшие к нему в надежде освободиться от Дюррандонов, быстро поняли, что новые владыки будут куда суровее и требовательнее старых. Харвин до самой смерти проводил больше времени в речных землях, нежели на родных островах. Он разъезжал по ним из конца в конец с грозным войском, подавлял малейшие намеки на бунт, собирал дань и забирал женщин. О нем говорили, что дворцом ему служит шатер, а трон — седло.

После смерти Харвина на шестьдесят четвертом году корону унаследовал его сын Халлек, вылепленный из того же теста. Железные острова он посещал всего трижды и в общей сложности провел там только два года. Он называл себя железным, приносил жертвы Утонувшему Богу и всегда держал при себе трех жрецов, но речной воды в его жилах было поболее морской; острова служили ему большей частью источником кораблей, оружия и людей. Правил он столь же кроваво, как и отец, хотя и не столь успешно: в войнах с западными и штормовыми землями он потерпел неудачу, и три его попытки завоевать Долину бесславно завершились у Кровавых Ворот.

Халлек, как и Харвин, много времени проводил в походах, а жил в скромной башне у Ярмарочного Поля, где одержал свою великую победу его отец.

Собственный его сын счел такой замок недостаточным грандиозным и начал возводить свой, но о Харрене Черном и строительстве Харренхолла мы уже говорили.

Драконий огонь, уничтоживший Харренхолл, положил конец мечтам короля Харрена, владычеству Железных Людей в речных землях и «черному» роду Хоуров.

ГРЕЙДЖОИ С ПАЙКА

Со смертью Харрена Черного и его сыновей на островах настало безвластие. Многие лорды и славные воины, служившие королю Харрену в речных землях, погибли либо в горящем Харренхолле, либо в бою. Мало кто добрался живым до морского берега, а ладей, чтобы отвезти их домой, уцелело и того меньше.

У Эйгона Таргариена и его сестер в ту пору были враги поважнее островитян, и Железные Люди, представленные сами себе, тут же принялись за междоусобицу.

Кхорин Вольмарк, мелкий лорд с Харло, чья бабка приходилась сестрой Харвину Твердой Руке, первый объявил себя королем, законным наследником «черных».

Жрецы, собравшись на Старом Вике под ребрами Нагги, увенчали короной из плавника своего собрата, босоногого Лодоса, объявившего себя сыном Утонувшего Бога.

На Большом Вике, Пайке и Оркмонте явились свои претенденты, и все они больше года сражались между собой на суше и на море. Во 2-й ОЗ на Большой Вик опустился Эйгон верхом на Балерионе, а следом за ними шел огромный военный флот. Кхорин Вольмарк пал от меча Черное Пламя в руке Завоевателя. Король-жрец Лодос воззвал к своему богу, чтобы тот послал кракенов потопить корабли Эйгона; не дождавшись их, он повесил камень на шею и вошел в море «посоветоваться с отцом». За ним последовали многие тысячи; их раздутые трупы годами прибывало к берегам островов, но тела Лодоса среди них не нашли. Претенденты с Большого Вика и Пайка (оркмонтского убили еще в прошлом году) поспешили преклонить колено перед домом Таргариенов.

Кому же предстояло править Железными островами? На материке одни уговаривали Эйгона

подчинить их лорду Талли из Риверрана, назначенному верховным лордом Трезубца, другие предлагали передать острова дому Ланнистеров. Были и такие, что хотели бы выжечь острова драконьим огнем и навсегда избавиться от сих гнезд разбоя и смуты.

Эйгон поступил иначе. Он собрал вместе уцелевших островных лордов и предложил им самим выбрать себе правителя. Их выбор, что неудивительно, пал на одного из своих: Викона Грейджоя, Лорда-Жнеца с Пайка, знаменитого капитана, ведущего род от Серого Короля. Родословная и решила дело: Пайк меньше и беднее Большого Вика, Харло и Оркмонта, но во времена веча только

Грейароны и Гудбразеры дали островам больше королей, чем Грейджои.

Лорды, обессиленные после долгой войны, безропотно приняли нового повелителя.

Чуть ли не целое поколение Железные острова залечивали раны, оставленные падением Харрена и последовавшей за сим братоубийственной войной. Викон Грейджой показал себя суровым, но осторожным правителем. Он не запрещал морского разбоя, но заниматься им можно было лишь в отдаленных водах, дабы не навлечь на себя гнев Железного Трона. Когда же Эйгон принял Семерых и был помазан верховным септоном в Староместе, лорд Викон вернул на острова служителей Веры.

Это, как уже бывало не раз, разгневало жрецов Утонувшего Бога и многих помимо них. «Пусть септоны молятся, ничего, — сказал лорд Викон в ответ на их жалобы. — Чтобы наполнить наши паруса, нужен ветер». А сыну своему Горену Викон напомнил, что только глупец способен пойти против Эйгона Таргариена с его драконами.

ВВЕРХУ | Гербы дома Грейджоев (в центре) и некоторых подвластных ему домов, в прошлом и настоящем (по часовой стрелке): Грейарон, Гудбразер, Винч, Ботли, Драм, Харло, Хоур, Блэкрид

Горен Грейджой хорошо запомнил эти слова. После кончины отца в 33 г. он сам стал верховным лордом, вовремя разгадав заговорщиков, которые пытались восстановить «черный род», короновав вместо него сына Кхорина Вольмарка. Четыре года спустя его ожидало более трудное испытание: Эйегон Завоеватель умер от удара на Драконьем Камне, и королем стал его сын Эйенис. Новый король никому не желал зла, но повсеместно считался слабым и недостойным Железного Трона. По всему государству вспыхнули мятежи.

Восстание на Железных островах возглавил человек, выдававший себя за короля-жреца Лодоса, вернувшегося из водных чертогов отца. Горен Грейджой решительно пресек этот бунт и послал Эйени-

су засоленную голову мнимого Лодоса. Король в ответ пообещал исполнить любую просьбу Грейджоя. Тот попросил убрать с островов служителей Семерых, и Эйенису ничего не оставалось, как согласиться; новая септа открылась на островах лишь век спустя.

После этого Железные Люди вели себя смирно, занимаясь рыболовством, торговлей и добычей руды. То, что происходило при дворе, их мало касалось. Жизнь на островах, особенно зимой, оставалась скудной, но к этому им было не привыкать. Кое-кто еще мечтал о возвращении к старому закону, когда Железных Людей все боялись, но Ступени и Летнее море были далеко, а разбойничать ближе к дому Грейджой не позволяли.

КРАСНЫЙ КРАКЕН

Кракен пробудился больше полувека спустя, но мечты о прошлом не умирали. Жрецы, стоя по колено в соленой воде, все так же проповедовали старый закон, убеленные сединами патриархи в портальных тавернах вспоминали о временах богатства и славы, когда каждый гребец имел не меньше дюжи-

ны морских жен, юнцы слушали их и грезили о побегах.

В числе этих юношей был Далтон Грейджой, сын наследника Пайка. «Он любил три вещи, — пишет о нем Хаке, — море, свой меч и женщин». Бесстрашный, горячий, упрямый, он сел на весла в

пять лет, а в десять отправился с дядей на острова Василиска разорять пиратские поселения.

К четырнадцати годам он добрался уже до Старого Гиса, побывал в дюжине сражений и взял себе четырех морских жен. Женщины Далтону быстро надоедали; он пользовался любовью своих людей, но сам любил только валирийский меч, снятый им с убитого корсара и названный Приходом Ночи. Дядя его погиб на Ступенях; Далтон, которому шел тогда пятнадцатый год, отомстил за него, но сам получил множество ран и вышел из боя весь залитый кровью. С тех пор его стали звать Красным Кракеном.

В том же году он узнал о смерти отца. Заняв его место как лорд островов, Далтон тут же принялся строить ладьи, ковать мечи и обучать бойцов. На вопрос, для чего он все это делает, молодой лорд отвечал: «Надвигается шторм».

Шторм разразился на будущий год, когда умер во сне король Визерис Первый. На Железный Трон претендовали как дочь его Рейенира, так и сын от второй жены Эйегона; борьба между ними повлекла за собой кровавую оргию смертей и насилия, известную как Пляска Драконов. Рассказывают, что Красный Кракен громко рассмеялся, услышав об этом на Пайке.

Принцесса Рейенира со своими «черными» была намного сильнее на море, ибо ее поддерживал Корлис Веларион, лорд Высокого Прилива — прославленный Морской Змей, командовавший флотом Веларионов с Дрифтмарка. Видя это, «зеленый» совет короля Эйегона Второго обратился за помощью к Пайку. Далтону предложили должность лорда-адмирала, если он сразится на море с Веларионом. Большинство юношей ухватились бы за это двумя руками, но лорд Далтон, прозорливый не по годам, дождался предложения со стороны Рейениры.

Оно устраивало его куда больше. Рейенира предлагала ему не опасный бой в Узком море, а всего лишь боевые действия против ее врагов. К ним относились и Ланнистеры, чьи плохо защищенные земли лежали у самого его дома. Почти всех своих рыцарей и латников лорд Ясон Ланнистер увел на восток, чтобы сразиться с союзниками Рейениры в речных землях, и Далтон не замедлил этим воспользоваться.

Лорд Ясон уже пал в бою, и его войском командовал то один, то другой рыцарь, когда Железные Люди напали на западные земли, как волки на отару овец. Бобровый Утес, чьи ворота заперла вдова лорда леди Джоанна, они взять не смогли, зато

разграбили Ланниспорт. Там они захватили горы золота, зерна, разных товаров и увезли сотни женщин и девушек, в том числе любовницу покойного лорда с его дочерьми.

За этим последовали новые набеги и грабежи. Лады, как в старину, рыскали вдоль всех западных берегов. Взятие Кайса возглавил сам Красный Кракен; следом пали Светлый Замок и Светлый остров со всеми своими богатствами. Четырех дочерей лорда Фармена Далтон взял себе, пятую счел дурнушкой и отдал своему брату Верону.

Около двух лет, пока на суше гремели сражения и драконы изрыгали огонь с небес, Красный Кракен владел Закатным морем, как в старину его предки.

Но все войны когда-нибудь да кончаются — так случилось и с Пляской Драконов. Первой погибла принцесса Рейенира, за ней король Эйегон. Почти все драконы Таргариенов к тому времени тоже были мертвы; расстались с жизнью десятки лордов, великих и малых, сотни отважных рыцарей, десятки тысяч простолюдинов. «Черные» и «зеленые», оставшиеся в живых, договорились о мире. Младший сын Рейениры был коронован как король Эйегон Третий, получив в жены Джейегеру, дочь Эйегона Второго.

Мир в Королевской Гавани не означал, однако, мира в западных землях. Красный Кракен еще не насытился; когда регентский совет именем юного короля приказал ему прекратить бесчинства, он продолжал их как ни в чем не бывало.

Остановила его слабая женщина. Девушка, которую мы знаем только по имени — Тесс — перерезала ему горло его же кинжалом в опочивальне Светлого Замка, а после бросилась в море.

Каменной жены у Далтона не было, но у морских от него остались малолетние сыновья. Кровавая свара за наследие Красного Кракена вспыхнула, едва успело остыть его тело, а Светлый остров тем часом восстал и перебил всех Железных Людей, которые на нем еще оставались.

В 134 г. леди Джоанна Ланнистер отомстила за все злодеяния Далтона. Своего флота у нее больше не было, но она уговорила сира Лео Костейна, пожилого лорда-адмирала Простора, доставить ее воинов на Железные острова. Островитян, поглощенных собственной войной за наследство, это застало врасплох. Тысячи мужчин, женщин и детей были убиты, десятки деревень и сотни ладей сожжены, но Костейн в итоге погиб, и в Ланниспорт вернулась лишь часть его флота с грузом зерна и соленой рыбы. В числе знатных пленников, взятых на островах, был морской сын Красного Кракена. Леди Джоанна велела его оскотить и отдала своему сыну в шуты. «Он стал славным дураком, — пишет Хейрег, — но отца своего глупостью все же не превзошел».

В других землях лорда, навлекшего такую участь на свой дом и народ, предали бы проклятию, но Железные Люди не таковы. Красного Кракена они чтят по сей день и причисляют его к другим великим героям.

СТАРЫЙ И НОВЫЙ ЗАКОН

Лорды-Жнецы из дома Грейджоев до сих пор правят Железными островами с Морского Трона на Пайке. Никто из них больше не представлял угрозы для Семи Королевств, и многие показали себя преданными слугами Красного Замка, но и через тысячу лет им помнится, что некогда они звались королями и носили короны из плавника.

В «Истории Железных Людей» архимейстера Хейрега вы прочтете о Дагоне Грейджое, Последней Грозе, грабившем западные берега при Эйерисе Первом; об Алтоне Блаженном, возжелавшем покорить земли за Одиноким Светом; о Торвине, назва-

ном брате Жгучего Клинка, выдавшем своего побратима врагам; о Лороне-Барде и его великой дружбе с Десмондом Маллистером, рыцарем зеленых земель.

Ближе к концу Хейрегова труда вы найдете лорда Квеллона, мудрейшего из всех, кто занимал Морской Трон с самого Завоевания Эйегона. Человек огромного роста, шести с половиной футов, он сочетал силу быка с проворством кота. В молодости, сражаясь с корсарами и работоторговцами в Летнем море, он приобрел славу воина. Квеллон верно служил Железному Трону: сто ладей, приведенных им

на Ступени, обеспечили победу в Войне Девятигрошовых Королей.

Однако в качестве правителя островов он всегда старался решить дело миром. В набег можно было идти лишь с его разрешения. Мейстеры, коих он во множестве приглашал на острова, становились целителями и наставниками, а вороны, привозимые ими, связывали Железные острова с зелеными землями.

Квеллон освободил последних невольников на островах и запретил брать новых (в чем не вполне преуспел). Не заводя морских жен сам, он разрешал это другим, но брал за это особый налог. От трех жен он имел девятерых сыновей. На двух первых, каменных, он женился по старому обряду, но с третьей, Пайпер из Замка Розовой Девы, его сочетал септон в чертоге ее отца.

В этом, как и во многом другом, Квеллон нарушил древний обычай, чтобы крепче связать свои острова с остальными Семью Королевствами. Мало кто из земляков осмеливался противоречить ему, зная, что в гневе он страшен.

Когда Роберт Баратеон, Эддард Старк и Джон Аррен подняли восстание против Таргариенов, Квеллон еще сидел на Морском Троне. Ставший с годами еще более осторожным, он решил не принимать участия в этой войне, но сыновья его жаждали славы, а сам лорд старел и слабел. Боли в животе так донимали его, что он каждый раз пил маковое молоко на ночь. Когда ворон принес на Пайк весть о гибели принца Рейегара, трое старших сыновей сказали отцу, что теперь Таргариенам конец и Грейджой останутся на бобах, если не примкнут к повстанцам прямо сейчас.

На сей раз Квеллон уступил им. Преданность Роберту было решено доказать, напав на ближайших сторонников короля. Пятьдесят ладей, которые, несмотря на года и нездоровье, возглавил сам лорд, пошли с Пайка к Простору, но большая доля флота осталась дома, чтобы обороняться от Ланнистеров (тогда еще не было известно, чью сторону принял Бобровый Утес).

О последнем походе Квеллона сказать, увы, почти нечего. Сей запоздалый шаг никак не повлиял на исход войны. Железный Флот потопил некоторое число рыбацких лодок, взял в плен пару куп-

цов, сжег несколько деревень и разграбил незначительное число городков. В устье Мандера их неожиданно встретили ладьи со Щитовых островов. Завязался бой, с дюжину железных ладей было захвачено или потоплено; Железные Люди отплатили с лихвой, но в числе погибших оказался и лорд Квеллон Грейджой.

Сын его Бейлон, видя, что война вот-вот кончится, счел за благо вернуться в родные воды и занять Морской Трон.

Бейлон, сын от второй жены Квеллона (все сыновья от первого брака умерли в юные годы) во многом походил на отца. В тринадцать он уже умел вращать веслом и плясать «персты», в пятнадцать промышлял на Ступенях, в семнадцать стал командовать собственным кораблем. Уступая отцу ростом и силой, Бейлон унаследовал его проворство и ратное мастерство, отваги же у него было в избытке.

При этом он еще в детстве мечтал избавить Железных Людей от ярма Железного Трона и вернуть им былую силу и гордость. Став лордом, он отменил много отцовских указов, в том числе налог на морских жен, и разрешил оставлять пленных в невольниках. Септонов он изгонять не стал, но вдесятеро увеличил поборы с них; сохранил и мейстеров, показавших себя столь полезными. Мейстера с Пайка он, правда, казнил по не совсем понятным причинам, но тут же запросил из Цитадели другого.

Квеллон избегал войны все долгие годы, пока был лордом; Бейлон немедленно начал готовиться к ней. Больше всего он жаждал не золота и не славы; его снедала мечта о короне, не покидавшая Грейджоев с древнейших времен и часто приводившая их к полному крушению надежд, поражению и гибели. Та же судьба постигла и Бейлона. Пять лет он готовился, обучал людей и строил крепкие корабли, оснащенные железными таранами, скорпионами, огнеметами. Это были скорее галеи, чем ладьи — на островах таких раньше не видывали.

В 289 г. Бейлон, объявив себя королем Железных островов, послал своих братьев Эурана и Виктариона в Ланниспорт поджечь флот Ланнистеров. «Море — мой ров, — сказал он, когда корабли лорда Тайвина запылали, — и горе тому, кто осмелится его перейти».

Король Роберт Первый, победитель Битвы на Трезубце, осмелился. Он немедленно созвал знамена, а брат его Станнис, лорд Драконьего Камня, повел королевский флот вокруг Дорна. Корабли с Простора, из Бора и Староместа присоединились к нему. Виктарион Грейджой вышел наперехват, но лорд Станнис заманил его в западню у Светлого острова и разбил весь Железный Флот.

«Ров» Бейлона стало некому защищать, и король Роберт без труда переправил через него свое войско из Ланниспорта и Сигарда. Высадившись вкупе со своими хранителями Севера и Запада на Пайке, Большом Вике, Харло и Оркмонте, он прошел по островам с огнем и мечом. Бейлон укрылся в своем замке, но просидел там недолго: Роберт проломил его стену и послал в брешь своих рыцарей.

Новоявленное королевство не продержалось и года, но Бейлона это не укротило. «Можешь лишить меня головы, — сказал он, когда его привели в

цепях к Роберту, — но предателем я не стану. Ни один Грейджой еще Баратеону не присягал». Роберт, уважающий доблесть даже в своих врагах, только посмеялся на это. «Так присягни ты, — отвечал он, — не то и впрямь своей упрямой башки лишишься». Тогда Бейлон Грейджой склонил колени, и ему оставили жизнь, а младшего его сына, единственного, кто уцелел, взяли в заложники.

От Красного Кракена до нынешних дней Железные Люди живут, разрываясь между мечтами о былой славе и бедностью наяву. Острова, отделенные водами моря от материкового Вестероса, так и остались государством в государстве. Там любят говорить, что море вечно меняется, но всегда остается морем — то же относится и к ним, его людям.

«Железного можно одеть в шелк и бархат, научить его грамоте, дать ему книги, посвятить в правила рыцарства и таинства Веры, — пишет Хейрег, — но в глазах его вы всегда увидите море — серое, холодное и жестокое».

ПАЙК

Это далеко не самый большой замок на островах, но, возможно, древнейший. Грейджой убежден, что остров Пайк назван в честь замка, но простой народ держится обратного мнения.

Пайк настолько стар, что никто не знает в точности, в каком году его построили и как звали тогдашнего его лорда. Происхождение его, как и создание Морского Трона, окутано тайной.

Некогда Пайк, как и все прочие замки, стоял на твердой скале над морем, и окружала его крепостная стена со многими строениями внутри. Но утесы не выдержали вечного натиска волн, стена рухнула, строения сползли в море.

Нынешний Пайк — это горстка домов и башен, раскиданных на полудюжине островков среди бушующих волн. Пройти в замок можно только с большого острова — через ворота, врезанные в остаток стены, и каменный мост.

Мелкие островки соединяются друг с другом веревочными мостами. Грейджой говорят, что человека, не боящегося ходить по ним в шторм, можно смело сажать на весла. Волны все так же бьют в скалы под стенами замка; когда-нибудь и те неминуемо рухнут в море.

СЕВЕР

ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ

ЖЕЛЕЗНЫЕ
ОСТРОВА

ЗАЛИВ
ЖЕЛЕЗНЫХ
ЛЮДЕЙ

ЗАКАТНОЕ
МОРЕ

РЕЧНЫЕ ЗЕМЛИ

ПРОСТОР

ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ

Здесь можно видеть каменистые холмы и широкие равнины, туманные лощины и морские утесы, голубые озера, чистые реки, плодородные поля, леса, где водится всевозможная дичь; потайные двери в склонах холмов ведут в запутанные лабиринты пещер, где таятся сказочные чудеса и сокровища.

Этот богатый край огражден высокой грядой с востока и юга и водами Закатного моря с запада. Дети Леса некогда селились в его кущах, а великаны в холмах, где и посейчас находят их кости. Но Первые Люди, придя сюда с огнем и бронзовыми топорами, вырубали леса, распахали поля, проложили дороги через владения великанов. Вскоре их нивы и селения, защищенные крепкими земляными фортами, простерлись «от соли до камня», а коренные жители ушли в полые холмы или на дальний Север.

Многие великие дома Запада берут свое начало из золотого века Первых Людей: Готорны, Фооты, Бруммы, Пламмы. Ладьи Фарменов со Светлого острова издавна защищали морские берега от набегов Железных Людей. Замок Гринфилдов Бауэр (ныне Гринфилд) был срублен целиком из чардрев. Рейны из Кастамере построили себе замок под землей, прорыв множество шахт и ходов, Вестерлинги поставили над волнами Крэг. Многие дома ведут свой род от легендарных героев: Кракехоллы от Крака Побивателя Вепрей, Банфорты от Клобучника, Йо от слепого лучника Алана Дубовая Ветка, Морленды от Пейта-Пахаря.

Все эти дома вошли в силу, и главы их стали называться лордами, а порой королями. Но сильнее всех были Кастерли, поставившие свой замок на огромном утесе у Закатного моря. Первым лордом Кастерли, по преданию, был охотник Корлос, сын Кастера, живший в деревне, на месте коей теперь стоит Ланниспорт. Горный лев повадился таскать овец из деревни, и Корлос выследил его до самого логова, пещеры у подножья скалы. Вооруженный одним лишь копьём, он убил льва и

львицу, но пощадил львят. В награду за его милосердие старые боги (Семеро пришли в Вестерос много позже) послали в пещеру солнечный луч, и Корлос увидел на стене золотую жилу толщиной с человека.

Нам неведомо, сколько правды в этой легенде, но можно не сомневаться, что родоначальник дома Кастерли, будь то Корлос или кто-то другой, нашел в Скале золото и начал его добывать. Для защиты своих сокровищ он сам поселился в пещере и укрепил ее вход. Шли века; потомки его забирались все глубже под землю следом за золотой жилой, попутно вырубая в Скале новые ходы, залы и галереи. Так создавался замок, не имеющий себе равных в Вестеросе.

Кастерли, никогда не бывшие королями, сделались самыми богатыми и сильными лордами в западных землях. Так оно и шло, пока на смену Рассветным Векам не пришел Век Героев и в западные земли с востока не явился златовласый красавец Ланн Умный.

Порой его называют андалом из-за Узкого моря, хотя андалы пришли в Вестерос лишь спустя несколько тысяч лет. Как бы там ни было, все легенды сходятся в том, что сей Ланн каким-то образом отнял Скалу у Кастерли.

Чаще всего рассказывают, что он нашел тайный ход, такой узкий, что ему пришлось раздеться догола и намазаться маслом, чтобы пролезть. Пробравшись внутрь, он принялся озорничать: шептал угрозы на ухо спящим Кастерли, вылез из мрака, как демон, крал золото у одного брата и подбрасывал в спальню другому, рыл хозяевам ямы и ставил силки. Так он поссорил Кастерли меж собой и убедил в том, что в пещерах поселился некий злобный дух, который не даст им покоя.

В другой сказке говорится, будто Ланн запускал в свой ход мышей, крыс и прочую нечисть и так выжил Кастерли из Скалы. В третьей он загнал туда львов, пожравших лорда Кастерли и всех его сыновей, а после забрал себе вдову и дочерей лорда.

В самой озорной истории Ланн пробирался в пещеры ночь за ночью и познавал девиц Кастерли, пока они спали. Девять месяцев спустя все они принесли златовласых младенцев, уверяя при том, что никогда не знали мужчины.

История эта, при всем ее неприличии, содержит в себе кое-какие крупинки истины. Архимейстер Перестин полагает, что Ланн, служа в доме Кастерли (возможно, домашним рыцарем), обесчестил дочь лорда (или нескольких дочерей, что менее вероятно) и убедил лорда-отца отдать ему девушку в жены. Если предположить, что у тогдашнего лорда Кастерли законных сыновей не было, то можно поверить, что после его смерти Скала досталась смышленому зятю Ланну.

Свидетельств тому, разумеется, не осталось. Мы знаем лишь, что в Веке Героев Кастерли исчезли со страниц летописей, а вместо них появились дотоле неизвестные Ланнистеры, которые завладели немалой частью западных земель, сидя в своем Утесе.

Ланн Умный дожил будто бы до 312 лет, породив сто храбрых сынов и сто стройных дочерей. Все они были хороши собой, с волосами золотыми как солнце. Хроники подтверждают, что первоначальные Ланнистеры отличались как красотой, так и плодovitостью: несколько поколений спустя они так размножились, что даже Скала не вмещала их всех. Отпрыски младших ветвей, не желая долбить новые ходы в камне, поселились в ближней деревне, где стали ловить рыбу и обрабатывать землю. Скоро деревня разрослась в Ланниспорт, ставший к приходу андалов вторым по величине городом Вестероса.

Один только Старомест был больше и богаче его; торговые суда со всего света шли к западным берегам, чтобы навестить «золотой город Закатного моря». Золото обогатило дом Ланнистеров, торговля приумножила его достояние. Ланнистеры из Ланниспорта окружили свой город высокими стенами для защиты своих сокровищ (в основном от Железных Людей) и скоро сделались королями.

Ланн Умный, насколько нам известно, никогда не называл себя королем, хотя в сказках его величают именно так. Первого достоверного короля зва-

ли Лореон Львиный (множество Ланнистеров именовали себя «львами» или «златыми»). Он сделал Рейнов из Кастамере своими вассалами, женившись на девице их рода, и победил в двадцатилетней войне Короля-Клобучника Моргона Банфорта с его невольничьим войском. Возможно, это он впервые взял себе титул Король Скалы, который на протяжении тысячелетий носили его потомки. Королевство их, однако, достигло своей полной величины лишь с приходом андалских завоевателей. Андалы явились на Запад, уже покорив Долину и речные земли. Первый воевода, преодолевший гряду холмов, пал от руки короля Тиболта Ланнистера (по прозвищу Громобой). Второе и третье нашествие также были отбиты, но андалы продолжали прибывать. Королю Тириону Третьему и сыну его Герольду Второму стало ясно, что от судьбы не уйти.

Эти мудрые короли, памятуя о том, что случилось в Долине, не бились с захватчиками, а предлагали им в жены дочерей своих великих домов. Младших детей андалской семьи, удостоенной такой чести, брали на воспитание. Отроки эти служили в Бобровом Утесе пажами и чашницами, а заодно и заложниками на случай измены отцов.

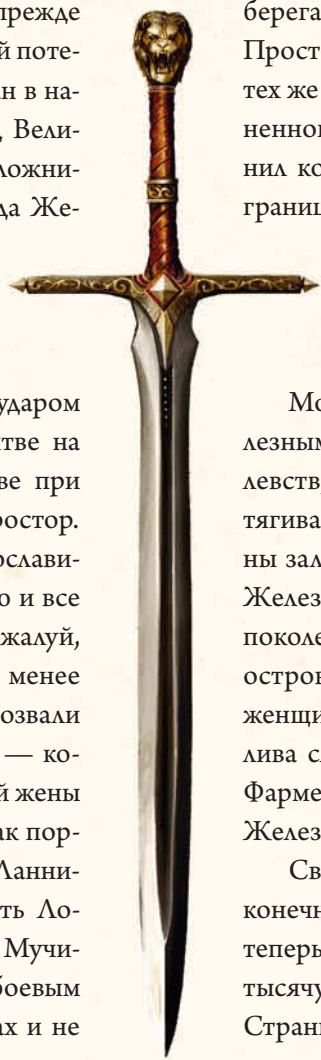
Со временем и сами Ланнистеры стали брать своим детям андалских супругов. Когда Герольд Третий умер, не оставив наследников мужеска пола, королевский совет короновал супруга его единственной дочери сира Джоффри Лиддена; тот принял имя Ланнистера и стал первым андалом в династии Скалы. От таких союзов произошло немало великих домов: Джасты, Леффорды, Паррены, Дроксы, Марбранды, Браксы, Серреты, Сарсфилды, Киндаллы. Подкрепленные таким образом, Короли Скалы порядком расширили свое королевство.

Серион Ланнистер присоединил к своим владениям Золотой Зуб, победив трех мелких королей, заключивших против него союз. Томмен Первый построил большой флот и завоевал Светлый остров, взяв в жены дочь последнего короля Фармена. Лореон Второй устроил первый турнир на западных землях и сразил всех рыцарей, выходивших против него. Лансель Первый (он же Львиный, само собой) отправился воевать королей Гарденеров и занял

Простор до самой Старой Дубравы, прежде чем пасть в бою. (Сын его Лореон Третий потерял все завоеванное отцом и был прозван в насмешку Лореоном-Недотепой.) Герольд Великий взял на Железных островах сто заложников и вешал по одному всякий раз, когда Железные вторгались на его берега (казнив так более двадцати человек). Лансель Четвертый будто бы обезглавил железного короля Харальда Недоутопшего и его сына одним ударом валирийского меча Громовой Рев в битве на мысе Ланна, а позднее сам пал в битве при Красном озере, попытавшись войти в Простор.

Одни из королей Ланнистеров прославились своей мудростью, другие доблестью и все до единого щедростью... кроме, пожалуй, Норвина-Скупердя. Случались у них и менее удачные короли. Лореона Четвертого прозвали Недоумком, внука его Лореона Пятого — королевой Лореей: он надевал платья своей жены и таскался по причалам Ланниспорта, как портовая девка. (После них принцев дома Ланнистеров стали значительно реже называть Лореонами.) Тирион Второй заслужил имя Мучителя; этот воин, отменно владевший боевым топором, находил удовольствие в пытках и не мог иметь женщины, не изранив ее прежде в кровь.

Владения Ланнистеров разрослись постепенно от западных берегов до истоков Красного Зубца и Камнегонки близ Золотого Зуба, от южного

берега залива Железных Людей до рубежей Простора. Нынешние западные земли лежат в тех же границах, что Королевство Скалы до Огненного Поля, когда Лорен Последний преклонил колено королем, а встал лордом. Ранее их границы были менее четкими, в особенности на юге, где Ланнистеры спорили с Гарденерами, и на востоке, где они постоянно сражались с Королями Трезубца.

Морское побережье Запада ближе к Железным островам, чем берега других королевств, и богатства Ланниспорта то и дело притягивали морских разбойников с другой стороны залива. Войны между западными землями и Железными Людьми случались примерно раз в поколение, и даже в мирные времена ладьи с островов приходили на материк за добычей и женщинами. Щитом от них в южной части залива служил Светлый остров, и владельцы его Фармены прославились своей ненавистью к Железным.

Своим богатством западные земли обязаны, конечно, добыче драгоценных металлов. Там и теперь есть рудники, которые разрабатывались тысячу лет и далеко еще не иссякли. Ломас-Странник пишет, что даже в далеком Асшае купцы спрашивали его: правда ли, что «львиный лорд» живет во дворце из чистого золота, а его крестьяне берут золото из земли, вспахивая свои поля? Если и есть в мире столь же богатые рудники, мейстерам они неизвестны.

Громовой Рев достался Ланнистерам за век до Рока. За вес меча в золоте, уплаченный ими, можно было нанять целое войско, а век спустя он пропал. Томмен Второй взял его с собой к берегам Валирии с намерением поживиться сокровищами погибшей республики, но ни флот Томмена, ни он сам, ни меч назад не вернулись.

В хронике под названием «Слава Волантиса» сказано, что в городскую гавань зашел за припасами «золотой флот» с «львиным королем» на борту. Триархи поднесли королю дары и обещали послать ему на помощь свои корабли, если в том нужда будет, а он взамен поклялся отдать им половину всего, что найдет. Год спустя триарх Маркело Тагарос и впрямь отправил туда корабли, но никаких следов золотого флота близ Валирии не нашлось.

Древняя Валирия испытывала постоянную нужду в серебре и золоте, но нет свидетельств, что владыки драконов имели какие-то связи с Кастерли или Ланнистерами. Септон Барт, ссылаясь на некий исчезнувший валирийский текст, утверждал, будто чародеями Республики было предсказано, что золото Бобрового Утеса погубит Валирию. Архимейстер Перестин высказывает более правдоподобное мнение: в те дни валирийские корабли ходили до самого Староместа, но некое несчастье отвратило их от всяких путешествий к берегам Вестероса.

ДОМ ЛАННИСТЕРОВ ПРИ ДРАКОНАХ

Когда Лорен Последний сложил с себя корону, Ланнистеры из королей стали лордами. Огромное их богатство осталось при них, но они, в отличие от Баратеонов, не имели родственных уз с домом Таргариенов, а гордость не позволяла им, в отличие от Талли, добиваться теплых местечек у Железного Трона.

Лишь в следующем поколении, когда принц Эйгон и принцесса Рейена искали убежища от Мейего-ра Жестокого, Ланнистеры вновь стали играть видную роль в истории. Лорд Лиман приютил принца с принцессой под своим кровом и отказывался выдать их королю, ссылаясь на законы гостеприимства. Но мечей своих он беглецам не предоставил и пальцем не шевельнул, когда принц пал от руки своего дяди в битве у Божьего Ока. Лишь когда Джейхерис, младший брат Эйгона, собрался отнять у Мейего-ра Железный Трон, Ланнистеры его поддержали.

Смерть Мейего-ра и коронация Джейхериса приблизили их ко двору, хотя Веларионы, Аррены, Хайтауэры, Талли и Баратеоны по-прежнему имели там больше влияния. Лорд Таймонд Ланнистер прибыл на Большой совет 101 года со свитой из трехсот знаменосцев, слуг и латников, но лорд Маттос Тирелл из Хайгардена переплюнул его, приведя с собой пятьсот человек. В выборе наследника Ланнистеры приняли сторону принца Визериса; это зачлось им годы спустя, когда Визерис, став королем, сделал сира Тайленда, брата-близнеца лорда Ясона, мастером над кораблями. Позже сир Тайленд служил Эйгону Второму мастером над монетой, и по этой причине лорд Ясон в Пляске Драконов сражался на стороне Эйгона.

Впоследствии сир Тайленд жестоко поплатился за то, что укрыл золото короны от Рейениры, взявшей Королевскую Гавань. Когда же лорд Ясон выступил на восток по приказу короля Эйгона, на его земли обрушились Железные Люди во главе с Красным Кракеном. В битве у Красного Зубца лорд Ясон получил смертельную рану от пожилого оруженосца Пейта из Длиннолиста (сей воин низкого рода, посвященный в рыцари после битвы, до конца своих недолгих дней назывался Победителем Львов). Люди Ланнистера продолжали сражаться и одерживать победы вплоть до Кормежки Рыб, где трое nepřателей зажали их в клещи и перебили; командовали ими сначала сир Адриан Тарбек, затем лорд Леффорд, также ставший кормом для рыб.

Сир Тайленд Ланнистер тем временем оставался в темнице. Даже самые жестокие пытки не заставили его сказать, где он спрятал казну. Когда Эйгон Второй отбил город у Рейениры, узника нашли слепым, изувеченным и оскопленным, но ума это ему не убавило, и король оставил его мастером над монетой. В последние дни своего правления Эйгон даже послал сира Тайленда в Вольные Города, чтобы тот нанял ему солдат для войны с сыном Рейениры, будущим Эйгоном Третьим.

За одиннадцатилетнего Эйгона правили регенты, и сира Тайленда назначили королевским десницей в надежде, что он залечит раны, оставленные войной. Враги его, должно быть, надеялись, что увечный слепец не будет для них угрозой, но сир Тайленд отменно справлялся со своими обязанностями около двух лет, пока не умер от зимней горячки в 133 г.

В более поздние времена Ланнистеры вместе с Таргариенами боролись против Деймона Черное Пламя, но на западных землях, у Ланниспорта и Золотого Зуба, Черный Дракон одержал значительные победы. Сир Квентин Болл, знаменитый Огненный Шар, убил лорда Леффорда и вынудил отступить лорда Дамона Ланнистера, позднее ставшего известным как Седой Лев.

Лорд Дамон скончался в 210 г., а сын его Тибольт всего два года спустя погиб при подозрительных обстоятельствах. Единственной его наследницей была дочь Сирелла трех лет от роду; не прошло и года, как малолетняя леди Утеса тоже ушла из жизни, а богатства и земли дома Ланнистеров перешли к ее дяде Герольду, младшему брату Тибольта.

Ранее он был регентом при племяннице, но после ее внезапной кончины в столь раннем возрасте на Западе стали поговаривать, что и Тибольт, и леди Сирелла умерли не своей смертью.

Никто теперь не может сказать, была ли в этих слухах хоть доля правды. Как бы там ни было, Герольд вскоре показал себя превосходным лордом: он приумножил богатства своего дома, и торговля в Ланниспорте при нем достигла невиданного расцвета. Он правил западными землями тридцать один год, заслужив прозвище Герольд Златоносный. В то же время при нем на дом Ланнистеров обрушилось столько несчастий, что враги Герольда усмотрели в этом доказательство его злодеяний. Вторая возлюбленная жена лорда, леди Роанна, исчезла загадочным образом в 233 г., через год после рождения Ясона, четвертого и самого младшего сына Герольда. Тивальд, старший из сыновей-близнецов, оруженосец лорда Роберта Рейна, погиб в том же году при подавлении мятежа Пеков. Лорд Роберт

также погиб, оставив наследником своего сына сира Роджера, Красного Льва.

Самым важным последствием этого мятежа была гибель самого короля Мейекара, но о происшедшем из этого хаоса мы уже говорили. Дурные же последствия сей битвы для западных земель известны не столь широко.

Тивальд Ланнистер долгое время был помолвлен с младшей сестрой Красного Льва леди Эллин. Юная дева, сильная духом и горячая нравом, давно мечтала стать хозяйкой Бобрового Утеса; не желая отказываться от этой мечты, она убедила Тиона, брата своего покойного жениха, порвать ради нее со своей невестой, дочерью лорда Рована.

Лорд Герольд, как говорят, был против этого брака, но горе, года и болезни сделали его бледной тенью себя самого.

В конце концов он сдался, и два года спустя в Бобровом Утесе сыграли сразу две свадьбы: сир Тион женился на леди Эллин, а младший брат его Титос на Джейне, дочери лорда Алина Марбранда из Эшмарка.

Герольд, хворый и дважды вдовец, не захотел жениться в третий раз, и Эллин стала хозяйкой Утеса во всем, кроме имени.

Пока ее свекор занимался своими книгами, редко покидая опочивальню, леди Эллин устраивала блестящие балы и турниры, наводняя Утес музыкантами, лицедеями... и Рейнами. Должности, почести, земли сыпались как на братьев Роджера и Рейнарда, никогда не оставлявших ее, так и на дядей, кузенов, племянников и племянниц. Пожилой шут лорда Герольда, язвительный горбун по кличке Лорд Жаба, говаривал: «Леди Эллин не иначе как колдунья, ведь по ее милости в Утесе всегда идет дождь».

В 236 г. на Крюке Масси высадился Деймон Третий Черное Пламя вместе со Жгучим Клинком

ВВЕРХУ | Гербы дома Ланнистеров (в центре) и некоторых подвластных ему домов, в прошлом и настоящем (по часовой стрелке): Кракехолл, Бракс, Клизан, Фармен, Леффорд, Рейн, Вестерлинг, Пейн, Марбранд, Лидден, Престер и Тарбек

и его Золотыми Мечами, и король Эйегон Пятый призвал к себе своих верных лордов.

Вскоре состоялась битва на Путеводной, и Четвертый мятеж Черного Пламени завершился куда скорее, чем хотелось бы самозванцу. Путеводная вышла из берегов, запруженная трупами черных драконов, сторонники же короля потеряли менее ста человек... но среди них был сир Тион Ланнистер, наследник Утеса.

Можно было подумать, что отец не выдержит потери второго из своих «блистательных близнецов», но случилось обратное. Герольд Златоносный воспрял и вновь взял в руки бразды правления, стремясь сделать как можно больше, пока лордом не стал его третий сын, слабовольный и ничем не блистающий Титос.

«Раздолью Рейнов» настал конец, и братья леди Эллин со многими другими своими родичами отравились восвояси.

Влияние овдовевшей леди Эллин сходило на нет, влияние леди Джейны росло. Соперничество между ними скоро переросло в откровенную вражду, если верить записям мастера Бельдена. В 239 г. Эллин обвинили в том, что она соблазнила Титоса и уговаривала его бросить жену, чтобы занять ее место. Од-

нако Титос, в ту пору девятнадцати лет, так боялся своей невестки, что оказался несостоятелен; он во всем признался жене и молил ее о прощении.

Леди Джейна простила мужа, но не вдову деверя и доложила обо всем лорду Герольду. Тот в ярости решил избавиться от Эллин раз и навсегда, подыскав ей нового мужа. Вороны начали летать туда-сюда с письмами, и через пару недель Эллин выдали в Бобровом Утесе за лорда Уолдерна Тарбека, пятидесятипятилетнего вдовца из знатного, но обедневшего рода.

Эллин Тарбек никогда больше не возвращалась в Утес, но ее соперничество с леди Джейной на этом не завершилось, и началось то, что Лорд Жаба называл «родильной горячкой». Сиру Тиону Эллин так и не подарила наследника, но с Уолдерном оказалась удачливее (у него, надо сказать, уже было несколько сыновей от первых двух браков). Она родила ему двух дочерей и сына. Леди Джейна не отставала, и первенцем у нее был сын, названный Тайвином. Семейное предание гласит, что когда дедушка лорд Герольд взъерошил золотые волосики внука, малютка укусил его за палец.

За ним последовали другие дети, но деда в живых застал один только Тайвин. В 244 г. Герольд Зла-

тоносный умер от воспаления мочевых путей, и двадцатичетырехлетний Титос стал лордом, Щитом Ланниспорта и Хранителем Запада.

Ни на одно из этих поприщ он не годился. Лорд Титос был незлобив, доверчив и во всех людях видел только хорошее. За веселый нрав его прозвали Смеющимся Львом, и Запад, поначалу смеявшийся с ним вместе, весьма скоро начал смеяться над ним.

Он не хотел ни с кем воевать и отделялся смехом от оскорблений, из-за которых его предшественники схватились бы за мечи. Многие пользовались его слабостью, чтобы присвоить себе власть, богатство и земли. Видя, что лорд Титос прощает своим лордам-знаменосцам большие долги, купцы из Ланниспорта и Кайса тоже стали просить у него взаймы.

На его указы не обращали внимания, все творили кто что хотел, гости на пирах и балах чуть ли не в глаза насмехались над его милостью. Это называлось «крутить львиный хвост»; молодые рыцари с оруженосцами соревновались друг с другом в дерзости, и веселее всех над их выходками смеялся сам лорд.

«Его милость желает одного: чтобы его все любили, — писал в Цитадель мейстер Бельден. — Он ни на что не обижается, всех прощает, раздает насмешникам должности и подарки, надеясь завоевать тем их преданность, но получает в ответ одно лишь презрение».

Глядя, как слабеет власть Ланнистеров, другие дома делались все смелее. К 254 г. все даже и за пределами западных земель обрели уверенность, что льва со Скалы больше не стоит бояться.

В том году лорд Титос дал согласие на замужество своей семилетней дочери Дженны с младшим сыном лорда переправы Уолдера Фрея, но сын его Тайвин, всего десяти лет от роду, восстал против этой помолвки. Лорд Титос не уступил, однако все вокруг поняли, что мальчик этот не по годам тверд и пошел не в отца.

Вскоре после этого Титос послал наследника в столицу, в пажы к королю Эйгону, а второго сына Кивана в Кастамере.

Рейны при лорде Титосе порядком окрепли и разбогатели. Роджер Рейн, Красный Лев, считался

лучшим мечом в западных землях, брат его сир Рейнард брал хитростью и обаянием.

Вместе с Рейнами возвысились их ближайшие союзники, Тарбеки. Сей древний дом начал выбираться из многовековой бедности во многом благодаря своей новой леди, в девичестве Эллин Рейн.

Ее в Утесе по-прежнему не привечали, но она вытягивала у Ланнистеров золото через братьев: Красному Льву лорд Титос ни в чем не мог отказать. На эти деньги она восстанавливала полуразрушенный замок Тарбек, укрепляла крепостную стену и башни, роскошно отделяла покои.

В 255 г. лорд Титос отпраздновал рождение четвертого сына, но радость недолгое время спустя обернулась горем. Любимая его жена леди Джейна так и не оправилась после родов и умерла на следующую луну после появления на свет Гериона. С того дня никто больше не называл овдовевшего лорда Смеющимся Львом.

Дела на Западе шли так плохо, что Эйгон Пятый трижды посылал своих рыцарей навести там порядок, но после ухода людей короля смута разгоралась с новой силой. После гибели короля в Летнем Замке в 259 г. все пошло еще хуже, ибо новый король Джейхерис Второй уступал отцу твердостью, да и Война Девятигрошовых Королей вскоре его отвлекла.

С западных земель на зов короля пришли десять тысяч латников и тысяча рыцарей, но лорда Титоса не было среди них. Его брат командовал войском вместо него, а когда сир Ясон в 260 г. погиб на Кровавом Камне, во главе встал сир Роджер Рейн и одержал несколько крупных побед.

Отличились на Ступенях и трое старших сыновей лорда Титоса. Тайвин, посвященный в рыцари накануне войны, сражался в отряде наследного принца и в конце боевых действий имел честь посвятить в рыцари самого Эйериса. Кивану Ланнистеру, второму из братьев, вручил рыцарские шпоры сам сир Роджер Рейн, у которого он служил оруженосцем. Третий брат Тигетт до рыцарства еще не дорос, но доблесть его была замечена всеми: в первом же своем бою он сразил взрослого воина, а после уложил еще троих, в том числе рыцаря из рядов Золотых Мечей. Титос же, пока его дети дрались на Ступенях, сидел в Бобровом Утесе с некой молодой

особой низкого рода, взятой ранее в кормилицы к его младшему сыну.

Возвращение старших с войны многое изменило. Сир Тайвин, закаленный в боях и слишком хорошо знавший, как низко на западных землях ставят его отца, начал восстанавливать былую гордость Утеса. Лорд Титос после недолгой борьбы дал ему полную волю и вернулся в объятия наложницы.

Для начала сир Тайвин потребовал уплаты всех долгов. Те, кто не мог заплатить, должны были прислать заложников в Бобровый Утес. Сир Киван и его пятьсот побывавших на войне рыцарей собирали плату, попутно очищая Запад от разбойничьих шаяк.

Некоторые платили безропотно. «Лев пробудился», — сказал сир Харис Свифт, когда сборщики долгов явились к воротам его замка Початок; платить ему было нечем, и он отдал сиру Кивану в заложницы свою дочь. В других местах сборщики, однако, встречали сопротивление, а то и открытый вызов. Лорд Рейн лишь посмеялся, когда его мейстер

прочел ему указ сира Тайвина, и посоветовал всем своим друзьям и вассалам ничего не платить.

Лорд Уолдерн Тарбек, того хуже, явился в Утес, уверенный, что заставит Титоса призвать сына к порядку, но вместо него встретился с сиром Тайвином и очутился в темнице.

Тайвин думал, что теперь-то Тарбеки покорятся, но леди Тарбек недолго оставляла его в таком заблуждении. Она взяла в плен трех Ланнистеров: двух дальних родичей из Ланниспорта и юного оруженосца Стаффорда, сына и наследника покойного сира Ясона.

Ради такого случая лорд Титос оторвался от своей кормилицы и приказал сыну отпустить лорда Тарбека, извиниться перед ним и простить ему долг.

Для обмена пленными выбрали Кастамере, а посредником лорд Титос попросил быть сира Рейнарда. Сам лорд Титос не пожелал там присутствовать; лорда Тарбека доставил сир Киван, Ланнистеров — сама леди Тарбек. Лорд Рейн устроил пир для обеих сторон; Ланнистеры и Тарбеки поднимали здравицы друг за друга, обменивались поцелуями и подарками, клялись в вечной дружбе.

Вечность, как замечает великий мейстер Пицель, не продлилась и года. Решимость не присутствовавшего на том пиру Тайвина Ланнистера подчинить себе зарвавшихся вассалов никогда не ослабевала. Ближе к концу 261 г. он послал в Кастамере и Тарбек воронов, требуя, чтобы Рейны и Тарбеки явились в Бобровый Утес «ответить за свои преступления». Получив это послание, оба дома, как и думал сир Тайвин, открыто взбунтовались против своих сюзеренов.

Как только это случилось, Тайвин созвал знамена. Не спрашивая позволения отца и даже не уведомив его о своих намерениях, он выступил в поход во главе пятисот рыцарей и трех тысяч латников.

Первый удар приняли на себя Тарбеки. Ланнистер нагрянул так скоро, что вассалов своих лорд Уолдерн собрать не успел и глупейшим образом выехал навстречу Тайвину с одними лишь домашними рыцарями. В краткой жестокой сече Тарбеков перебили, обезглавив самого лорда, его сыновей, зятьев и всех, кто носил на щитах и камзолах семиконечную звезду, синюю с серебром. После этого войско Ланнистера вновь двинулось к замку Тарбек, неся

перед собой на пиках головы лорда Уолдерна и его сыновей.

Видя их приближение, леди Тарбек закрыла ворота и послала воронов в Кастамере, призывая братьев на помощь. Полагаясь на свои стены, она готовилась к долгому противостоянию, но не предусмотрела осадных машин. Тайвин построил их всего за день, и первый же камень, перелетев через стену, сокрушил древний замок. Леди Эллин и ее сын Тион Рыжий погибли под развалинами, а ее домочадцы весьма скоро открыли ворота. Тарбек, преданный огню по приказу Тайвина, пылал целые сутки, и остался от него лишь обугленный остов. Когда к пожарищу прибыл Красный Лев с двумя тысячами бойцов — всеми, кого успел собрать в спешке, — пламя еще не угасло.

Тайвин, по словам летописцев, превышал его числом втрое, а то и впятеро. Роджер Рейн, полагаясь на внезапность, приказал трубить атаку и ударил на лагерь Тайвина прямо в лоб. Тот оправился быстро, и численное преимущество начало сказываться. Роджеру пришлось отступить, оставив лежать на поле половину своих людей. Одна из арбалетных стрел, пущенных вслед, пробила панцирь лорда Рейна между лопатками. Проехав еще пол-лиги, Красный Лев свалился с коня и был отвезен домой в Кастамере.

Три дня спустя туда явилось войско Ланнистера. Усадьба Рейнов, как и Бобровый Утес, зародилась в рудничных выработках. Богатства этого дома, нажитые добычей золота и серебра в Век Героев, почти не уступали ланнистерским; для защиты их Рейны огородили вход в свои подземелья стеной с дубовыми воротами и поставили по бокам пару башен. За стеной вскоре выросли надземные чертоги, но рудничные ходы уходили все глубже в скалу; когда золото наконец иссякло, их расширили и превратили в покои, среди коих был крупнейший балльный зал. Неискушенному глазу Кастамере казалась усадьбой, приличной разве что рыцарю-помещику или мелкому лорду, но старожилы западных земель знали, что девять десятых его лежит под землей.

Туда, в подземелье, и ушли Рейны. Раненого Красного Льва лихорадило, и всем распоряжался его брат, сир Рейнард. Не столь упрямый, как Ро-

джер, и более хитрый, он понимал, что людей для защиты крепостных стен у него не хватит. Отдав надземную часть замка врагу, он благополучно увел всех своих вниз и послал сире Тайвину письмо, предлагая переговоры. Тайвин, не удостоив его ответом, приказал наглухо запечатать подземный замок. Завалив ворота горами земли и камней, его латники занялись ручьем, питавшим чистое озерцо близ замка. Ручеек запрудили и направили к ближайшему входу в рудник.

Сквозь завал у ворот и белка бы не проскочила, но вода дорогу нашла.

Сир Рейнард увел с собой больше трехсот мужчин, женщин и детей, но ни один из них не вышел наружу. Часовые, поставленные у самого дальнего входа, докладывали, что ночью слышали где-то в глубине крики, но к утру все затихло.

Никто с тех пор не раскапывал бывшие рудники Кастамере, а остовы надземных строений, сожженные Тайвином, и посейчас напоминают о том, что ждет глупцов, посмевших восстать против львов Скалы.

В 262 г., пробыв на Железном Троне всего три года, умер король Джейехерис Второй, и королем стал его сын Эйерис. Нимало не медля, он послал за другом своих юных лет Тайвином Ланнистером, которого назначил десницей (что, по мнению многих, было самым мудрым его деянием).

Тайвину тогда было всего двадцать лет. Столь молодых десниц у Таргариенов еще не бывало, но после расправы с Тарбеками и Рейнами на непреклонного рыцаря взирали с уважением и даже со страхом. Кузина его, леди Джоанна, дочь покойного сира Ясона, жила при дворе с 259 г. в фрейлинах у принцессы Рейеллы, ставшей потом королевой. Год спустя после назначения Тайвина они поженились; в Великой Септе Бейелора устроили пышную церемонию, а свадебным пиром и провожаньем распоряжался сам король Эйерис. В 266-м леди Джоанна родила двойню, сына и дочь. Брат Тайвина Киван к тому времени тоже женился, взяв дочь сира Хариса Свифта из Початка, когда-то отданную ему в залог за долги отца.

В 267г. у Титоса Ланнистера, всхлотившего по крутой лесенке в спальню своей любовницы, случился разрыв сердца (кормилицу он тогда уже бро-

сил и жил с дочерью свечника). Это событие сделало двадцатипятилетнего Тайвина лордом Бобрового Утеса, Щитом Ланниспорта и Хранителем Запада. После смерти Смеющегося Льва дом Ланнистеров сделался сильным, как никогда прежде, и золотой век настал не только для Запада, но и для всех Семи Королевств.

В яблоке, однако, таился червь: растущее безумие короля Эйериса Второго ставило под угрозу все достижения Тайвина. Кроме того, десницу постигло большое горе: возлюбленная его леди Джоанна скончалась в 273 г., произведя на свет уродливого ребенка. С ней, замечает Пицель, из жизни лорда Тайвина ушла радость и остался один лишь долг.

День за днем и год за годом озлобление Эйериса против его десницы и друга детства усиливалось; Тайвин подвергался все новым выговорам, упрекам и унижениям. Все это он терпел, но когда король

взял его сына и наследника сира Джейме в Королевскую Гвардию, терпение истощилось, и в 281 г. лорд Ланнистер подал в отставку.

Лишенный советов человека, на которого полагался столь долго, окруженный льстецами и интриганами, король Эйерис вконец обезумел, и государство стало понемногу разваливаться.

Восстание Роберта памятно всем, кто жил в то недавнее время, и я не стану рассказывать о нем еще раз; скажу лишь, что лорд Тайвин, а с ним и Запад, вступили в войну под самый ее конец и взяли именем Роберта Королевскую Гавань и Красный Замок. Трехсотлетнее правление дома Таргариенов рухнуло под мечами воинов Запада.

На следующий год король Роберт Первый Баратеон взял в жены дочь лорда Тайвина леди Серсею, соединив тем два величайших и благороднейших дома Вестероса.

БОБРОВЫЙ УТЕС

Древняя усадьба дома Ланнистеров во многом отличается от других замков. Там есть и башни, и крепостные стены, и дубовые ворота с подъемной решеткой, но по сути своей это огромная скала на берегу Закатного моря. Говорят, что на заходе солнца она походит на лежащего льва.

Дети Леса и великаны селились в ее пещерах еще до прихода Первых Людей. Там же обитали горные львы, медведи, волки, а также летучие мыши и множество подобных им мелких тварей.

Нижнюю часть Утеса пронизывают сотни шахт, где и после тысяч лет разработки находят жилы красного и желтого золота. Первыми золото начали добывать Кастерли; они же поставили на вершине Утеса форт для надзора за своими владениями.

Считается, что Утес втрое выше Стены и Высокой Башни Староместа. В ширину, с запада на восток, он насчитывает две лиги и весь пронизан ходами, темницами, кладовыми, казармами, парадными чертогами, конюшнями, лестницами, дворами, балконами и садами. Есть там даже и богороща, но чардрево в ней кривое, и корни его заполняют пещеру целиком, глуша все остальные растения.

Имеется в Утесе и своя гавань с причалами и верфями: море пробило на его западной стороне гроты столь обширные, что ладьи и даже когги свободно входят туда.

Львиная Пасть, огромная естественная пещера, что служит главным входом в Утес, имеет в вышину двести футов. За века ее расширили еще более, и теперь по ее ступеням могут проехать в ряд двадцать всадников.

Бобровый Утес нельзя взять ни осадой, ни приступом. Нет в Семи Королевствах другого столь же большого, богатого и надежно защищенного замка. Висенья Таргариен, по преданию, благодарила богов за то, что король Лорен встретился с ее братом Эйегоном на Огненном Поле; если б он решил отсидеться в Утесе, его бы даже драконий огонь оттуда не выкурил.

За многие века лорды Бобрового Утеса накопили горы сокровищ. Покои Утеса, особенно Золоченая Галерея и Чертог Героев, где выставлены доспехи ста прославленных Ланнистеров, знамениты не только в Семи Королевствах, но и за Узким морем.

РЕЧНЫЕ ЗЕМЛИ

ПРОСТОР

КОРОЛЕВСКИЕ ЗЕМЛИ

ШТОРМОВЫЕ ЗЕМЛИ

ЗАПАДНЫЕ ЗЕМЛИ

ЛЕТНЕЕ МОРЕ

ДОРН

ШПОРОВЫЕ ОСТРОВА

РЕДВИНСКИЙ ПРОЛИВ

МОРСКАЯ ДОРОГА

ДОРОГА РОЗ

КАМЕНЬ

ЗАВИТОК

	КРУПНЫЙ ЗАМОК
	ЗАМОК
	БОЛЬШОЙ ГОРОД
	ГОРОД
	ВИНОГРАДНИК
	ПОЛЯ
	ДОРОГА

Ланниспорт

Початок

Кракехолл

Красное озеро

Золотая Роша

Германов мост

Салблестон

Трава

Старая Дубрава

Зеленый щит

Серый щит

Дубовый щит

Южный щит

Брайтмуотер

Бандаллон

Подобная река

Старомест

Финистетис

Черная Корона

Три Башни

Дом Солнца

Розов Холм

Хайгарден

Блэкмонт

Горный Приют

Звездонад

Песчаник

Черная Гавань

Бор

ПРОСТОР

Самое большое и многонаселенное из шести южных королевств (огромный, но малолюдный Север — статья особая) обычно называют Простором, что не совсем верно. Владения дома Тиреллов из Хайгардена в том виде, как они существовали до Завоевания, некогда включали в себя еще три королевства:

Старомест и его окрестности, ограниченные Красными горами на востоке и рекой Медовичкой на севере;

Бор, золотой остров за Редвинским проливом, знаменитый солнцем и винами;

Западные Марки от Рогова Холма до Ночной Песни.

Собственно Простор, с его полями и хуторами, реками и озерами, лесами и лугами, рудниками и мельницами, с деревнями, торговыми городками и древними замками, простирается от Щитовых островов в Закатном море до Камнегонки и истоков Мандера, охватывая Хайгарден, Красное озеро, Золотую Рощу и Горький Мост.

Некогда здесь правили Гарденеры, но в более недавние времена Простор перешел к потомкам их

стюардов, Тиреллам из Хайгардена. Именно на этих зеленых полях, как гласит история, зародилось рыцарство; галантные кавалеры и прекрасные дамы Простора прославлены певцами всех Семи Королевств, тоже, к слову, произошедшими из этих краев.

Простор, уступающий богатством лишь золотосному Западу — это также средоточие учености, музыки и прочих искусств, светлых и темных; это житница Вестероса, торговый узел, родина великих мореходов, мудрых королей, опасных чародеев и красивейших женщин. Хайгарден справедливо считается самым прекрасным замком Семи Королевств, а Мандер, протекающий под его стенами — самой длинной и широкой из рек. Старомест не уступает величиной Королевской Гавани и превосходит ее во всем остальном, будучи намного древнее и красивее. Улицы здесь мощеные, дома каменные, и в стенах его можно видеть три чуда света: Звездную септу, Цитадель Мейстеров и Высокую Башню с ее знаменитым маяком, выше коей поистине нет во всем мире. Без превосходной степени в этом краю никак нельзя обойтись.

ГАРТ ЗЕЛЕНАЯ РУКА

История Простора начинается с сего легендарного родоначальника как Тиреллов, так и королей Гарденеров, а также всех великих домов Зеленого Края.

И в Просторе, и за его пределами рассказывают тысячи сказок о Гарте. Большинство из них мало правдоподобны и противоречат друг другу. В од-

них он предстает современником Брандона-Строителя, Ланна Умного, Дюррана-Богоборца и других видных фигур Века Героев, в других — общим их предком.

Порой Гарта называют королем всех Первых Людей, приведшим их в Вестерос по земляному мосту через море. Рассказывают также, что он явился

В наиболее древних преданиях Гарт — темное божество, требующее от людей кровавых жертв в обмен на хороший урожай. Иногда зеленый бог умирает осенью, когда облетают деревья, а весной возрождается, но эта ипостась Гарта ныне почти забыта.

сюда за тысячи лет до них и стал не только первым, но и единственным человеком в Вестеросе; он странствовал по всему матерiku, ведя переговоры с великанами и Детьми Леса. Иногда говорят даже, что он был богом.

Даже имя его произносят по-разному. Мы зовем его Гартом Зеленой Рукой, но в более древних сказаниях он именуется Гартом Зеленые Волосы или просто Зеленым. В некоторых легендах говорится, что зелеными у него были и руки, и волосы, и вся кожа

Другие прославленные дети Гарта Зеленой Руки

Джон Дубовый Ствол,
Первый Рыцарь, ростом футов восьми,
а то и двенадцати, сын Гарта от великанши.
Его потомки стали называться Окхартами
из Старой Дубравы.

Гилберт-Винодел, первым создавший
хмельной напиток из ягод, зреющих
на благодатном острове Бор. Родоначальник дома
Редвинов.

Флорис-Лиса. У сей хитроумной дочери Гарта
было три мужа, и ни один из них не ведал о двух
других. От их сыновей произошли Флоренты,
Боллы и Пеки.

Марис, Прекраснейшая из Дев.
За ее руку сражались пятьдесят лордов на первом
вестеросском турнире. Победителем стал Серый
Великан, Аргос Каменная Шкура, но Марис
поспешила выйти за короля Утора из Высокой
Башни. До конца своих дней Аргос бушевал
под стенами Староместа, требуя невесту назад.

Фосс-Лучник, сбивавший стрелой яблоки
с головы приглянувшихся ему девушек. От него
пошли Фоссовеи как красного, так и зеленого
яблока.

Брандон Кровавый Меч, изгнавший
великанов с Простора и убивший на Голубом озере
столько Детей Леса, что с тех пор оно стало зваться
Красным.

Оуэн Дубовый Щит, завоеватель Щитовых
островов, прогнавший водяных и тюленей-
оборотней обратно в море.

Харлон-Охотник и Хендон-Трубач,
братья-близнецы, построившие замок на Роговом
Холме. Их общей женой была прекрасная
лесная колдунья, и они прожили с ней сто лет,
ибо не старились, деля с ней ложе при полной
луне.

Борс-Бык, пивший одну только бычью кровь,
которая наделяла его силой двадцати человек,
родоначальник Бульверов из Черной Короны.
(В некоторых сказках у него от такой пищи
выросли черные бычьи рога.)

Роза с Красного озера, прамати́рь Крейнов,
умевшая превращаться в журавля. Говорят,
что ее дар порой проявляется у женщин этого дома.

Эллин Медовая. Мед она любила так,
что отыскала горный улей Короля Пчел
и пообещала заботиться о его детях, внуках
и правнуках. Она стала первой пасечницей
и родоначальницей дома Бисбери.

Рован Златодревная. Возлюбленный оставил
ее ради богатой соперницы; горюя о нем,
она посадила на холме яблоко, завернув его в свои
золотые волосы, и из него выросло дерево
с золотой корой, листьями и плодами. От нее ведут
свой род Рованы из Золотой Роши.

(порой его и оленьими рогами наделяют вдобавок). Скорее всего своим прозвищем он обязан тому, что одевался во все зеленое (именно так он зачастую изображается на картинах и гобеленах), и был искусным садовником и земледельцем, на чем сходятся все сказители. «При Гарте зрели хлеба, плодоносили деревья, цвели цветы», — поется в песнях.

У многих малопросвещенных народов есть бог или богиня плодородия, с коими у Гарта весьма много общего. До него люди были охотниками и собирателями, вечно кочующими в поисках пищи, Гарт же научил их возделывать землю, сеять, возвращать и собирать урожай. (Порой рассказывают, что он хотел научить тому же и дочеловеческие племена, но великаны закидали его камнями, а Дети Леса сказали, что боги и так дают им все нужное.) Всюду, где бы он ни бывал, вырастали деревни, хутора и сады. Повсюду он разбрасывал семена из мешка, который носил за плечами, и мешок этот, как водится у богов, не иссякал никогда; из него произросли деревья и цветы во всем мире.

Он дарил плодородие не только земле, но и женщинам, в том числе бесплодным и тем, у кого не истекали больше лунные крови. Матери, благословленные им, рождали двойни и даже тройни, юные девушки расцветали от одной лишь его улыбки. И лорды, и простолюдины, желая обильного урожая для своих нив и садов, предлагали ему дочерей, еще не знавших мужчины — и каждая дева, чей цвет он срывал, через девять месяцев приносила крепкого мальчика или красивую девочку.

Сказки эти, столь любимые простым людом, опровергают как мастера, так и служители Веры.

И те и другие согласны с тем, что Гарт был не богом, а человеком; через море по Дорнской Руке (в ту пору еще не сломанной) Первых Людей скорее всего перевел какой-нибудь воевода или забытый вождь, и никого, кроме великанов и Детей Леса, в Вестеросе тогда еще не было.

Никто, впрочем, не оспаривает, что Гарт, будь он человек или бог, зачал на этой новой земле большое число детей, многие из коих стали королями, героями и знатными лордами.

Больше всех прославился его первенец, Гарт Садовник Гарденер. Он построил на высоком холме над Мандером дом, названный позже Хайгарденом, и носил корону из виноградных лоз и цветов. Все прочие дети Гарта Зеленой Руки почитали его как своего властелина; он дал начало дому Гарденеров, которые тысячи лет правили Простором под знаменем с зеленой рукой, пока Таргариены не пришли в Вестерос.

Список этот далеко неполон, ведь каждый знатный дом Простора будто бы происходит от кого-то из бесчисленных отпрысков Гарта Зеленой Руки. Даже героев других земель иногда причисляют к ним. Легенды называют Брандона Строителя потомком Брандона Кровавого Меча; Ланна Умного в Просторе считают внебрачным сыном Флорис или Рован, на Западе же рассказывают, что он выдал себя за одного из сыновей Зеленой Руки (благо Гарт всех не помнил) и получил таким образом свою часть наследства.

Мы не отрицаем, что у Гарта было много детей, но вряд ли все до единого знатные дома Вестероса могут происходить от него.

КОРОЛИ ГАРДЕНЕРЫ

История Простора времен Первых Людей сходна с историей прочих областей Вестероса. Эти благодатные зеленые земли не прибавляли своим жителям миролюбия и не убавляли их жадности. Здесь, как и всюду, Первые Люди боролись с Детями Леса, изгоняли их из священных рощ и полых холмов, вырубали бронзовыми топорами чардрева. Здесь точно так же росли, гибли и уходили в небытие мелкие королевства, враждовали между

собой владыки, выли от горя женщины и звенели мечи.

Была, впрочем, и разница, ибо все благородные дома Простора полагали, что происходят от одного корня. Именно этим, как думают многие историки, объясняется многовековое первенство Гарденеров. Никто не смел оспаривать власть Хайгардена, где потомки Гарта Садовника восседали на живом троне, отростке дуба, посаженного самим Гартом Зеле-

ной Рукой. В мирное время они носили венцы из лоз и цветов, на войну выступали в коронах с бронзовыми шипами (позднее железными). Королем себя мог назвать кто угодно, но верховными владыками оставались Гарденеры, и меньшие правители, не всегда покоряясь им, всегда воздавали им должное.

В те беспокойные века Простор взрастил много бесстрашных воинов. Певцы до сих пор прославляют подвиги Сервина Зеркальный Щит, Давоса Истребителя Драконов, Роланда и его рог, Рыцаря без Доспехов. Не забыты и легендарные короли того времени: Гарт Пятый Молот Дорнийцев, Гвейн Первый Галантный, Джайлс Первый Горе Врагам, Гарет Второй Мрачный, Гарт Шестой Утренняя Звезда, Гордан Первый Сероглазый.

У них зачастую был общий враг — Железные Люди, владевшие всем морским побережьем от Бора до Медвежьего острова. Морские разбойники наносили удар внезапно и столь же молниеносно уходили на своих быстрых ладьях; они старались не

заходить далеко на сушу, но прибрежные рыбаки не знали от них покоя. Со временем Железные утвердились на Щитовых островах, перебив там всех мужчин и забрав себе женщин, и порой дерзали подыматься по Мандеру.

Король Кхоред, самый грозный из них, хвастал, что властвует всюду, «где пахнет солью и слышен прибой». В Просторе его звали Жестокий, а его преемники носили имена Хагона Ужасного и Йорона Погубителя Дев.

Короли дома Гарденеров триста лет боролись с этой напастью — когда в союзе с Королями Скалы и лордами Староместа, когда и одни. Не менее шести Гарденеров, в том числе Гарет Мрачный и Гарт Утренняя Звезда, пали в боях, а Джайлс Второго взяли в плен, замучили и сделали его изрубленное на мелкие куски тело наживкой для рыболовных крючков; тем не менее они всегда побеждали, расширяли мало-помалу владения Хайгардена и подчиняли себе новых лордов.

Несмотря на все это величайшие из Гарденеров были, по мнению многих ученых, все же миротворцами, а не воинами. Песен о них сложено меньше, чем о других, но в истории остались имена Гарт Третий Великий, Гарланд Второй Жених, Гвейн Третий Толстый, Джон Второй Высокий. Гарт Великий расширил границы королевства на север, заключив со Старой Дубравой, Красным озером и Золотой Рощей договоры о дружбе и взаимной защите. Гарланд сделал то же на юге и присоединил Старомест; чтобы добиться этого, он выдал свою дочь за Лаймонда Морского Льва из дома Хайтауэров и сам женился на дочери лорда Лаймонда, расставшись с прежними женами. Гвейн Толстый, предложив рассудить спор лордов Пека и Мандерли, безо всякого кровопролития сделал обоих своими вассалами. Джон Высокий поднялся по Мандеру до самых его истоков, водружая повсюду знамя с зеленой рукой и принимая почести от прибрежных лордов и королей.

Но величайшим из всей династии Гарденеров стал Гарт Седьмой Златорукий, гигант и на ратном поле, и в мирных делах. Еще юношей он разбил десяти тысячное войско дорнийцев, которое вел по Широкому Пути (как тогда назывался Принцев перевал) Феррис Фаулер. После этого он устремил свой взор на море, изгнал последних Железных Лю-

дей со Щитовых островов и поселил там лучших своих воинов на случай, если враг вздумает вернуться. Это был мудрый шаг: жители Четырех Щитов и по сей день горды тем, что надежно заслоняют устье Мандера и Простор от всякого вторжения с моря.

На своей последней и самой славной войне Гарт Седьмой встретился с Королями Шторма и Скалы, вознамерившимися поделить Простор надвое. Победив их обоих, он хитро посеял меж ними раздор и подвиг на кровопролитную битву Трех Войск. После этого он выдал за их наследников своих дочерей и заключил с обоими мирные договоры, твердо оговорив границы всех трех королевств.

ПРОСТОР ПРИ АНДАЛАХ

В это королевство они пришли с запозданием. Их ладьи первым делом причаливали к восточным берегам и к Долине; в Редвинский пролив и Закатное море их не пускали корабли Староместа и Бора. До андалских воевод, несомненно, доходили слухи о богатстве и могуществе Хайгардена, но меж ними и Простором лежало слишком много других земель.

Гарденеры поэтому знали об андалах задолго до того, как те явились в Простор. Следя издали за сражениями в Долине, штормовых и речных землях, они усваивали уроки своих соседей и, в отличие от них, благоразумно не заключали с пришельцами союзов против местных недругов. Гвейн Четвертый Богобоязненный посылал своих воинов на поиски Детей Леса в надежде, что древовидцы своим волшебством отвратят заморских врагов. Мерн Второй Каменщик воздвиг вокруг Хайгардена новую крепостную стену и лордам-знаменосцам тоже велел укрепить свои замки. Мерн Третий Сумасброд осыпал золотом ведьму, уверявшую, что может оживить мертвых и послать их биться с андалами. Лорд Редвин строил новые корабли, лорд Хайтауэр готовился к обороне Староместа.

Но великих битв, ожидаемых ими, так и не случилось. У андалов за прошедшие поколения появилось два десятка собственных королей, не ладящих меж собой, а в Хайгардене за то же время сменились Трое Королей-Мудрецов.

Но даже и это бледнеет перед миром, длившимся благодаря ему три четверти века. Гарт стал Королем Простора в двенадцать лет и умер на Дубовом Троне в девяносто три года, дряхлый телом, но в полном разуме. Из восьмидесяти с лишним лет его правления Простор воевал всего десять; целые поколения мальчиков рождались, выросли, возвращали собственных детей и умирали, не зная, что значит брать копье и идти на войну.

Столь долгий мир подарил Простору невиданный дотоле расцвет, но всякий золотой век когда-нибудь да приходит к концу. Дубовый Трон занял правнук Гарта, а следом явились андалы.

Гарт Девятый, его сын Мерл Первый Мягкий и внук Гвейн Пятый отличались друг от друга во многом, но с андалами все трое желали не воевать, а дружить. Гарт Девятый ввел в свой совет септона и построил в Хайгардене первую септу, хотя сам все так же молился в замковой богороще. Сын его Мерл принял Веру по всем правилам, и при нем во всем Просторе стали расти септы с септриями. Гвейн Пятый первым же из Гарденеров родился в Истинной Вере и первым свершил рыцарское бдение, как предписывала она. (Многих его благородных предшественников певцы и сказители сделали рыцарями посмертно, но подлинное рыцарство пришло в Вестерос вместе с андалами.)

И Мерл, и Гвейн женились на дочерях андалских владык, а принимали андалов на службу все три короля. Среди последних был сир Алестер Тирелл, отменный воин, ставший первым бойцом и щитом короля Гвейна Пятого; потомки его сделали наследственными стюардами Хайгардена.

Самым видным андалским правителям Короли-Мудрецы жаловали земли и лордство при условии, что те станут их вассалами. Приглашая к себе андалских мастеров, Гарденеры побуждали к тому же своих знаменосцев; каменщикам и кузнецам платили особенно щедро. Кузнецы учили Первых Людей ковать стальное оружие и доспехи вместо бронзового, каменщики укрепляли форты и замки.

Новоявленные лорды нарушали присягу довольно редко; куда чаще они помогали своим сюзеренам отражать набеги тех андалов, что явились позже них. «Убив волка, пришедшего резать твой скот, ты выиграешь лишь краткую передышку, ибо за ним придут другие, — говорил Гарт Девятый. — Накорми его, приручи, вырасти из его детенышей сторожевых псов, и он будет защищать твое стадо от своих же сородичей». Гвейн Пятый выразил то же самое покороче: «Они дали нам семерых богов, мы им — землицу и дочерей; наши сыновья и внуки будут как братья».

Многие благородные дома Простора ведут свой род от андалских искателей удачи, получивших от трех королей земли и жен: Ормы, Паррены, Грейсфорды, Кью, Рокстоны, Афферинги, Лейгуды, Варнеры. С веками их потомки так тесно породнились с потомками Первых Людей, что отличить одних от других уже невозможно; редкое из завоеваний совершалось столь малой кровью.

Послеандалские времена были, однако, уже не столь мирными. На Дубовом Троне чередовались короли сильные и слабые, умные и глупцы, случилась даже одна королева, но никто из них не обладал умом и хитростью Трех Королей, и такого мира, как при Гарте Златоруком, Простор больше не ведал.

В этот долгий срок между андалами и драконами Гарденеры постоянно воевали со своими соседями. Во врагах, а порой и в союзниках, числились Короли Скалы, Шторма, Дорна, Рек и Холмов.

Вершины могущества Хайгарден достиг при Джайлсе Третьем, который разбил войско престарелого Штормового Короля на его же земле и покорила все области севернее Дождливого леса кроме самого Штормового Предела, который безуспешно держал в осаде два года. Он, возможно, взял бы и эту твердыню, если бы Король Скалы не вторгся в его отсутствие на Простор и не вынудил поспешить домой. После этого Джайлс воевал еще с тремя дорнийскими королями и двумя речными, но после его смерти от кровавого поноса границы Простора стали примерно теми же, что были до начала его походов.

Закат Гарденеров начался при Гарте Десятом Седобородом, царствовавшем с семи лет до девятиста шести, еще дольше своего великого предка Гарта Златорукого. Сей деятельный в юности король сделался с годами весьма тщеславным и окружал себя людьми недалекими и льстецами. К старости он совсем выжил из ума и стал игрушкой в руках придворных. Сыновей у него не было, дочери вышли за лордов Пека и Мандерли, каждый из коих полагал, что хайгарденский трон должен достаться его жене. Соперничество меж ними, чреватое заговорами, убийствами и изменами, вскоре переросло в открытую войну, и многие лорды Простора вступили в нее на той и другой стороне.

Видя, что лорды передрались, а их одряхлевший король не понимает толком, что происходит, Короли Скалы и Шторма отхватили себе по куску Простора, а дорнийцы на юге участвовали в своих набегах. Один их король осадил Старомест, другой перешел через Мандер и разграбил Хайгарден. Живой Дубовый Трон, вековое седалище дома Гарденеров, изрубили на куски и сожгли. Найдя старого Гарта Десятого привязанным к кровати, где он лежал в собственных нечистотах, дорнийцы «из милосердия» перерезали ему горло и предали Хайгарден огню.

За сим последовало около десяти лет безвластия, но в конце концов десятка два великих домов во главе с Высоким Стюардом сиром Осмундом Тиреллом объединились, укоротили Пеков и

Мандерли и посадили на новый трон троюродного брата покойного короля, наименовав его Мерном Шестым.

Сей весьма скромно одаренный правитель полагался на советы своих стюардов: сперва сира Осмунда, затем его сына сира Роберта, а после и внука Лорента. Благодаря этому он отстроил Хайгарден и сделал многое для восстановления былой славы Простора. Сын его Гарт Одиннадцатый завершил

начатое отцом и столь жестоко отмстил дорнийцам, что горы, зеленые прежде, по выражению лорда Хайтауэра, обагрились дорнийской кровью и стали Красными, а король все годы своего царствования назывался Гартom Красильщиком.

Один король сменялся другим, но зеленая рука все так же гордо реяла над Простором, пока Мерн Девятый не встретился с Эйегоном и его сестрами на Огненном Поле.

СТАРОМЕСТ

История Простора не была бы полной без самого великого, древнего, богатого и красивого из всех городов Вестероса; Королевская Гавань превосходит его лишь числом своих жителей.

Многие мастера задавались вопросом, сколько же Староместу лет, но этого мы не ведаем.

Основание города затеряно в тумане времен и легенд. Невежественные септоны говорят, будто сами Семеро очертили его границы, а на Боевом острове якобы жили драконы, пока первый Хайтауэр не извел их. В народе верят, что Высокая Башня сама собой выросла из земли, но мы скорее

СЛЕВА | Дубовый трон ВВЕРХУ | Дорнийские пираты в Староместе

всего так никогда и не узнаем, с чего начался Старомест.

Можно, однако, с уверенностью сказать, что люди в устье Медовички жили с Рассветных Веков. Об этом говорят и древнейшие рунические летописи, и обрывочные заметки мейстеров, живших среди Детей Леса. Один из них, Джеллико, полагает, что на Шепотном заливе Дети Леса и великаны некогда вели торг и мену с кораблями из Валирии, Старого Гиса, с Летних островов, заходившими сюда за провизией; вполне вероятно, что так оно и было.

Всех тайн это, однако, не раскрывает. Скалистый остров, где стоит Высокая Башня, издревле известен как Боевой, но какие племена, короли или лорды бились на нем и когда? Даже певцам нечего сказать по этому поводу.

Еще больше загадок для историков представляет собой четырехугольная крепость из черного камня на том же острове. Она служила основанием Высокой Башни еще со времен первых летописей, но доподлинно известно, что верхние ярусы были надстроены на тысячи лет позднее.

Кто построил ее, когда и зачем? Скорее всего это валирийское сооружение, ибо стены ее и запутанные внутренние ходы выплавлены прямо из камня без всяких стыков или раствора. Так же строились драконьи дороги Валирии и Черные Стены в сердце Волантиса. Хорошо известно, что мастера древней Республики владели умением плавить камень драконьим огнем и придавать ему нужную форму, после чего он застывал прочнее всякой стали или гранита.

Если крепость и впрямь валирийская, то владыки драконов бывали в Вестеросе за тысячи лет до того, как поставили первый свой форпост на Драконьем Камне, задолго до андалов и даже до Первых Людей. Зачем они приходили сюда? Ради торговли? Ловили они великанов, чтобы сделать из них рабов, желали приобщиться к магии Детей Леса или преследовали некие темные цели?

Ответы на эти вопросы не найдены по сей день. До Рока мейстеры и архимейстеры часто бывали в Валирии, пытаясь разгадать эту тайну, но так и не добились успеха. Валирийские жрецы, по словам септона Барта, предсказывали, что из-за Узкого моря грядет напасть, которая покончит со всем родом

людским, но это смело можно счесть вздором, как и многие другие его писания.

Есть, однако, ученые, думающие, что крепость эта вовсе не валирийская.

На Валирию указывает оплавленный черный камень, но в остальном эта постройка очень проста, в то время как драконьи лорды любили создавать из жидкого камня фигуры самые странные и причудливые. Извилистые ходы внутри нее ничем не напоминают чертоги, и заблудиться в них легче легкого. Возможно, она предназначалась только для обороны, что тоже совсем не по-валирийски. Эти запутанные ходы привели архимейстера Квиллиона к выводу, что крепость могла быть построена тем же таинственным народом, чьи следы остались на Лорате в Студеном море. Мысль эта любопытна, но вопросов порождает более, чем ответов.

Еще более странное предположение высказал век назад мейстер Терон. Рожденный вне брака на Железных островах, он находит подобие между сей древней крепостью и Морским Троном, принадлежащим Грейджоям с Пайка: и то и другое изваяно из того же черного камня. Его не совсем связный труд «Волшебный камень» дает понять, что и трон и крепость сотворены племенем полулюдей, рожденных женщинами человеческого рода от обитателей моря. Именно от этих глубинников, как он их называет, пошли сказки о водяных, а отцы их и есть то, что на островах зовут Утонувшим Богом.

Обилие иллюстраций, порой весьма страшных, делает чтение занимательным, но сам текст временами трудно понять: мейстер Терон, искусный рисовальщик, плохо владел даром слова, да и выводы его не имеют под собой никаких доказательств. Итак, мы вернулись к началу и можем лишь повторить, что Боевой остров и крепость на нем остаются неразгаданной тайной.

Не знаем мы также, отчего строители крепости, кем бы они ни были, ушли из нее, но в конечном счете она досталась предкам Хайтауэров. Кем, в свою очередь, были они? Первыми Людьми или пришельцами из-за моря, осевшими на Шепотном заливе еще до Первых Людей? Кто знает.

Хайтауэры, впервые появившись на страницах истории, уже называются королями, правителями Староместа. Первая «высокая башня», по словам ле-

тописцев, была деревянным срубом и поднималась над древним каменным основанием всего на пятьдесят футов. Как она, так и позднейшие деревянные башни предназначались не для жилья; на них зажигался маячный огонь, ведущий торговые суда через туманные воды Шепотного залива, а первые Хайтауэры обитали в темных ходах и закоулках каменной крепости. Лишь пятая башня, целиком каменная, сделала их усадьбу достойной великого дома; она, по рассказам, высилась уже на двести футов над гаванью. Одни говорят, что воздвиг-де ее Брандон Строитель, другие — что это был его сын, тоже Брандон, заказчиком же считается король Утор Высокобашенный.

Потомки его продолжали править Староместом и землями вокруг Медовички, и в город их приходили корабли со всех концов света. Когда Старомест разросся и нажил большие богатства, соседние владыки начали поглядывать на него с завистью, и морские разбойники всех мастей тоже о нем прослышали. Город подвергался разграблению трижды за один век: первым был дорнийский король Сэмвел Дейн Звездный Огонь, вторым Кхоред Жестокий с Железных островов, третьим Джайлс Первый Гарденер, Горе Врагам (он будто бы продал в рабство три четверти горожан, но Высокую Башню взять не сумел).

Следующий король Отто Второй, поняв, что деревянных палисадов и рва для защиты города явно недостаточно, начал обводить Старомест каменными стенами, по высоте и толщине не знающими себе равных в Вестеросе. Их строили целых три поколения, но когда они были готовы, захватчикам пришлось искать поживы в других местах; те, что все же покушались взять город, уходили ни с чем.

Подданными Простора Хайтауэры стали не потому, что были побеждены; к этому привели долгие переговоры и брачные узы. Когда король Лаймонд женился на дочери Гарланда Второго Гарденера, а собственную дочь выдал за своего тестя, Хайтауэры стали знаменосцами Хайгардена и сделались из богатых, но невеликих сравнительно королей величайшими лордами. (Старомест последним из древних королевств склонил колени перед Хайгарденом; незадолго до этого погиб в море последний король Бора, что поз-

волило его кузену Мерну Третьему Гарденеру присоединить остров к своим владениям.)

По условиям брачного договора Гарденеры обязались защищать Старомест от любого нападения с суши, а лорд Лаймонд целиком отдался «великой цели»: постройке кораблей и морским победам. К концу его дней ни один король или лорд во всем Вестеросе не мог соперничать на море с домом Хайтауэров. Памятник Лаймонду Хайтауэру, Морскому Льву, и по сей час стоит в гавани Староместа, лицом к Шепотному заливу.

Его потомки во всем подражали предку. За редким исключением, они возделывали собственный сад и обустроивали собственный город, всячески избегая войн. «Благодаря тому, что Хайгарден прикрывает нам спину, мы можем, не озираясь, смотреть на море и на заморские земли», — сказал лорд Джереми Хайтауэр. Глядя на море и строя военные суда для защиты торговых, Джереми удвоил богатства своего города, а сын его Ясон учетверил и надстроил Высокую Башню еще на сто футов.

Происхождение Цитадели почти столь же загадочно, как зарождение самого дома Хайтауэров. Принято считать, что основал ее второй сын Утора Высокобашенного, принц Перимор Увечный. Рожденный сухоруким и парализным, он всю свою короткую жизнь был прикован к постели, но ненасытная любознательность побуждала его созывать отовсюду мудрецов, учителей, целителей, а также певцов, алхимиков и чародеев. Не было для него большего удовольствия, чем слушать, как ученые мужи спорят между собой. После смерти принца его брат король Урригон даровал «Периморовым любимцам» большой земельный надел на берегу Медовички, дабы те и дальше могли учиться сами, учить других и познавать истину.

С приходом андалов Хайтауэры первыми из лордов Вестероса оказали им радушный прием. «Войны вредят торговле», — с этими словами лорд Дориан после двадцати лет брака расстался с женой и матерью своих детей, чтобы жениться на андальской принцессе. Внук его Дамон Праведник принял Истинную Веру и построил в Староместе первую септу, а за ней еще шесть. После ранней смерти этого лорда от больного живота септон Робсон стал регентом при его малолетнем сыне и был действительным правителем Староместа еще двадцать лет, а после сделался первым верховным септоном. После кончины служителя Веры лорд Тростон, его воспитанник, построил Звездную септу в память о нем.

В последующие века Старомест сделался средоточием Веры для всего Вестероса. Верховные септоны, увенчанные в мраморных чертогах Звездной септы кристальными коронами (первую из них подарил септе лорд Баррис, сын Тростона), становились гласом Семерых на земле и властвовали над орденами Веры и душами своей паствы от Дорна до Перешейка. Множество паломников стекалось отовсюду, чтобы помолиться в храмах священного города; именно близость к Семерым, несомненно, позволила Хайтауэрам отмежеваться от бесчисленных войн дома Гарденеров.

Под покровительством Хайтауэров процветала не одна только Вера; за много тысяч лет до открытия первой септы здесь уже была Цитадель, где постигали науки и выковывали мастерские цепи отроки и юноши всего Вестероса. Нигде в мире не найти вместилища науки, подобного ей.

Ко времени Эйегонова Завоевания Старомест был бесспорно самым большим, богатым и многолюдным городом Вестероса, средоточием как учености, так и веры. При этом его могла бы постичь судьба Харренхолла, не будь Хайтауэры так тесно связаны со Звездной септой. Именно верховный септон убедил лорда Манфреда не выступать против Эйегона с его драконами, а открыть завоевателя ворота и воздать ему почести.

Война, которой удалось избежать тогда, разгорелась в следующем поколении, при втором сыне Завоевателя, справедливо прозванном Мейегором Жестоким. Тогдашний верховный септон был с Хайтауэрами в родстве; его внезапную смерть в 44 г. ОЗ — вскоре после угрозы короля Мейегора спалить Звездную септу драконьим огнем за то, что светоч Веры не одобрял его многоженства — считают весьма своевременной, ибо без него лорд Мартин тут же открыл ворота, не дав Балериону с Вхагаром извергнуть пламя.

Эта неожиданная кончина вызвала множество подозрений; пошли слухи, что верховный септон был убит, и даже в наши дни это считается весьма вероятным. Убийцей его святейшества называют родного брата сира Моргана Хайтауэра, командовавшего в Староместе Сынами Воина (и нельзя отрицать, что сир Морган был единственным из этого ордена, кого помиловал король Мейегор). Подозревают также незамужнюю тетку лорда Мартина леди Патрисию, большей частью потому, что яд — оружие женщин. Предполагалось даже, что тут и без Цитадели не обошлось, хотя это уж вовсе ни на чем не основано.

ДОМ ТИРЕЛЛОВ

Тиреллы никогда не были королями, хотя в них, как еще в полусотне благородных домов Простора, течет королевская кровь. Родоначальник их сир Алестер Тирелл был андалским искателем удачи, а после первым бойцом и телохранителем при короле Гвейне Пятом Гарденере, одном из Трех Мудрецов. Старший его сын, тоже славный рыцарь, погиб на турнире, а второй, Гарет, человек книжный и не воинственный, стал королевским стюардом; от него-то и пошли все ныне живущие Тиреллы.

Гарет Тирелл и сын его Лео столь хорошо исполняли свои обязанности, что Гарденеры сделали их должностью наследственной, и многие поколения Тиреллов служили Высокими Стюардами королевского дома. Многие из них были советниками при своих королях, а в военное время оставались за кастелянов. Один в детские годы Гарланда Шестого был даже регентом. Джайлс Третий объявил Тиреллов «вернейшими из моих слуг», Мерн Шестой оказал им великую честь, отдав за сира Оливара Тирелла свою младшую дочь (отчего все потомки этой четы стали причислять себя к роду Гарта Зеленой Руки). Позднее между этими двумя домами было заключено еще девять браков.

Однако вовсе не королевская кровь побудила Эйегона Таргариена сделать Тиреллов лордами Хайгариена, Хранителями Юга и верховными правителями Простора; причина была в другом. После гибели на Огненном Поле Мерна Девятого, последнего из Гарденеров, и всех его сыновей, Харлан Тирелл открыл перед Эйегоном ворота Хайгариена и присягнул на верность дому Таргариенов.

Многие великие дома Простора горько сетовали на то, что стали вассалами «высочки-стюарда»

и заявляли, что по крови стоят куда выше Тиреллов. Нельзя отрицать, что родословные Окхартов из Старой Дубравы, Флорентов из Брайтуотера, Рованов из Золотой Роши, Пеков из Звездной Вершины, Редвинов из Бора гораздо древнее Тирелловой и родство их к дому Гарденеров куда ближе; но жалобы их не достигли цели, ибо все они сражались с Эйегоном на Огненном Поле, а Тиреллы нет.

Выбор Завоевателя оказался верен. Лорд Харлан правил достойно, однако недолго: в 5 г. ОЗ, во время Первой Дорнской войны, он пропал вместе со своим войском в пустынях Дорна.

Сын его Тео по этой причине отнюдь не желал идти в Дорн, но война, перехлестнувшая через Красные горы, и его вынудила взяться за меч. Когда Таргариены наконец заключили мир, лорд Тео для укрепления власти своего дома учредил совет септонов и мейстеров, коему надлежало рассматривать и отвергать претензии других лордов.

Потомки этих «выскачков», как лорды Хайгариена и Хранители Юга, числились среди величайших домов государства и не раз призывались под знамя Таргариенов. Как правило, они отзывались на такой призыв должным образом, но благоразумно уклонились от участия в Пляске Драконов; тогдашнего лорда Тирелла не отняли еще от материнской груди, а его родительница и кастелян замка не стали вступать в братоубийственную войну.

Однако позже, когда Дейерон Первый, Юный Дракон, отправился покорять Дорн, Тиреллы прошли через Принцев перевал с основной частью войска и доказали, что доблестью никому не уступят. Король Дейерон, вернувшись с триумфом в Королевскую Гавань, оставил в Дорне лорда Лионеля Ти-

ВВЕРХУ | Гербы дома Тиреллов (в центре) и некоторых подвластных ему домов, в прошлом и настоящем (по часовой стрелке): Касвелл, Флорент, Фоссовей, Гарденер, Хайтауэр, Мерривезе, Маллендор, Окхарт, Редвин, Рован, Тарли, Эшфорд

релла как своего наместника. Некоторое время тот успешно сохранял в Дорне мир, но встретил смерть от подброшенных ему в постель скорпионов, и восстание, охватившее весь завоеванный край, привело к гибели Юного Дракона в возрасте восемнадцати лет.

Из Тиреллов, сменивших в Хайгардене злополучного Лионеля, самым примечательным был лорд Лео Длинный Шип, знаменитый турнирный боец; многие считают, что в поединках с длинным копьем он не имел себе равных. Он отличился также по вре-

мя Первого мятежа Черного Пламени, одержав несколько крупных побед в Просторе, хотя на Багряное Поле вовремя прийти не успел.

Нынешний лорд, Мейс Тирелл, сражался за дом Таргариенов во время Восстания Роберта. Он победил самого Роберта в битве при Эшфорде и больше полугода осаждал в Штормовом Пределе его брата Станниса, но сложил оружие после гибели принца Рейегара и безумного короля Эйериса. Теперь он, как Хранитель Юга и верховный лорд Простора, верно служит королю Роберту.

ХАЙГАРДЕН

Древняя усадьба Гарденеров и их преемников Тиреллов стоит на зеленом холме над широкими тихими водами Мандера. Издали кажется, будто «замок этот не был построен, а вырос сам по себе». Хайгарден считают красивейшим замком Семи Королевств, и лишь Долина ставит свое Орлиное Гнездо на первое место.

Холм, где высится замок, тоже приятен для глаз, склоны его отлоги. С высоты стен и башен Хайгардена открывается широкий вид на луга, сады и цветущие поля; золотая роза Простора стала гербом дома Тиреллов.

Замок опоясывают три зубчатые крепостные стены из белого камня, каждая выше и толще той, что внизу. Сторожевые башни на них стройны и грациозны, как юные девы. Между нижней, что у подножья холма, и средней насажен колючий лабиринт из знаменитого хайгарденского шиповника; обитатели и гости замка любят им, неприятелю же будет нелегко сквозь него пробраться.

Строения внутри стен окружены садами, рощами, прудами, фонтанами и рукотворными водопадами. Плющ и вьющиеся розы взбираются по стенам, башням и статуям, повсюду цветут цветы. Большой дворец наполнен скульптурами и колоннадами. Высокие круглые башни смотрят сверху вниз на своих старших четырехугольных соседей, древнейшую из коих относят к Веку Героев. Прочие здания недавней постройки возведены в основном королем Мерном Шестым после разрушения замка дорнийцами при Гарте Седобородом.

В Хайгардене воздают честь и старым, и новым богам. Замковая молельня с цветными окнами, где представлены Семеро и неперемный Гарт Зеленая Рука, может соперничать лишь с Великой Септой Бейелора в столице и Звездной в Староместе. Хайгарденская богорожа не менее знаменита, ибо вместо одного сердце-дерева там растут целых три огромных древних чардрева; ветви их так сплелись, что они могут показаться одним деревом о трех стволах, под ними блестит чистый пруд. Трое Певчих, как их называют в Просторе, посажены, по преданию, самим Гартом Зеленой Рукой.

Ни один замок Семи Королевств не славят в песнях так, как Хайгарден, и удивляться тут нечему: нигде так не привечали музыку и другие искусства, как при дворе Гарденеров, а после и Тиреллов. До Завоевания здесь устраивались турниры любви и красоты, где рыцари тщились завоевать сердца дам не только воинскими подвигами, но пением, стихотворством и добродетелью. Победителей, столь же чистых душой, сколь искусных на ристалище, принимали в Орден Зеленой Руки.

Все воины этого ордена пали на Огненном Поле вместе со своим королем (лишь рыцари дома Мандерли в Белой Гавани до сих пор причисляют себя к нему), но Простор помнит их, а Тиреллы всемерно поддерживают благородные традиции рыцарства. Турнир на Розовом Поле, устроенный при Старом Короле Джейхерисе Первом, прославился на целое поколение, и в недавние времена о турнирах тоже не забывали.

КОРОЛЕВСКИЕ ЗЕМЛИ

ШТОРМОВЫЕ ЗЕМЛИ

ШТОРМОВЫЕ ЗЕМЛИ

Штормы, бушующие на Узком море, известны и в Семи Королевствах, и в Девяти Вольных Городах. Они могут подняться в любое время, но пуще всего мореходы опасаются осени, когда бури, рождаясь в Летнем море южнее Ступеней, с ревом летят на север. Далее, как свидетельствуют архивы Цитадели, они, набирая силу и влагу, поворачивают на северо-запад через мыс Гнева, Дождливый лес и залив Губительные Валы, чтобы обрушиться на Штормовой Предел и Дюрранов мыс.

От них штормовые земли и получили свое название.

В сердце этого древнего королевства на утесах Дюрранова мыса стоит Штормовой Предел, воздвигнутый королем Дюрраном-Богоборцем в Век Героев. К югу от него в бурный и коварный залив Губительные Валы вдается мыс Гнева, две трети коего занимает густой и влажный Дождливый лес. Еще южнее широкая равнина плавно сходит к Дорнскому морю с многочисленными рыбачьими деревнями на побережье. Здешний торговый порт носит название Скорбный; когда на этот берег вернули тело короля Дейерона Первого, убитого в Дорне, местный лорд переименовал свой замок в Башню Скорби, и город тоже стал называться так, как теперь.

В штормовые земли входят также большой остров Тарт с его озерами, горами и водопадами, Эстермонт и мириады других островков у мыса Гнева и Скорбного.

Высокие холмы на западе переходят в Красные горы, отделяющие штормовые земли от Дорна. Здесь преобладают глубокие сухие долины и песчаниковые утесы, на закате и впрямь багровеющие; говорят, однако, что своим названием горы обязаны не цвету камня, а крови, в изобилии пролившейся здесь.

Луга и пустоши у подножья этих холмов, простирающиеся далеко на север и запад, называются Марками; грозные замки марочных лордов, стоящие здесь, веками охраняли штормовые земли от вторжения дорнийцев с юга и стальных дружин Королей Простора с запада. Наиболее известны среди домов в Марках Сванны из Стонхельма, Дондаррионы из Черной Гавани, Селми из Колосьев и Кароны из Ночной Песни, чьи Поющие башни отмечают крайнюю западную точку штормовых областей. Все они с незапамятных времен остаются знаменосцами Штормового Предела.

К северу от Предела границы то и дело менялись; это зависело от того, какие земли занимали и вновь теряли Короли Шторма. Ныне владения дома Баратеонов, начинаясь от южного берега Путеводной и нижнего края Королевского леса, простираются вдоль Узкого моря до Крюка Масси, но границы дома Дюррандонов до Завоевания и даже до прихода Первых Людей пролегли значительно дальше.

Тогда в них входил и Крюк Масси, и весь Королевский лес, а временами Штормовые Короли переходили даже за Черноводную. Штормовым Королям подчинялись города столь далекие, как Синий Дол и Девичий Пруд, а при короле-воителе Арлане Третьем они покорили все речные земли, которые удерживали более трех столетий.

Владения Дюррандонов даже в те баснословные времена были очень мало населены по сравнению с Простором, западными и речными землями — а стало быть, и силы Штормовых Королей были невелики. Но тех, кто селится на суровых берегах Узкого моря, в сыром лесу или на открытых всем ветрам Марках, издавна считали людьми особой породы, схожими нравом с их штормовой погодой: буйными, неумолимыми, непредсказуемыми.

ПРИШЕСТВИЕ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ

История штормовых земель начинается с Рассветных Веков, когда в Вестеросе жили Дети Леса, великаны и, возможно, Иные, страшные «белые ходки» времен Долгой Ночи.

Дети Леса строили свои жилища в огромном первобытном лесу, простиравшемся от мыса Гнева до мыса Кракен (теперь от него остались только два острова, Королевский лес и Дождливый), великаны селились у подножия Красных гор и на каменистом хребте Крюка Масси. В отличие от андалов, нагрянувших в Вестерос с моря, Первые Люди пришли сюда по земляному мосту, который мы теперь называем Перебитой Рукой, и расселение их началось с Дорна и штормовых земель.

В сказках говорится, что великаны сторонились людей и порой враждовали с ними, но Дети Леса по-

началу встретили пришельцев дружелюбно, полагая, что земли на всех хватит.

Первые Люди тоже начали строить дома в лесу, под дубами, краснодревами и страж-деревьями. По берегам ручьев вырастали деревни, где жители с разрешения своих вождей ставили силки и охотились. Меха со штормовых земель высоко ценились, но сама древесина была намного дороже. Рубка деревьев посорила людей с Детями Леса, и война между ними затянулась на тысячи лет, но в конце концов люди, сами приняв лесных богов, заключили с Детями мир на Острове Ликов посреди великого озера Божье Око.

Великаны к тому времени почти все ушли со штормовых земель, да и число Детей Леса сильно убавилось.

ДОМ ДЮРРАНДОНОВ

Ранняя история Вестероса теряется в тумане времен, где весьма трудно отличить правду от вымысла. Особенно верно это для штормовых земель, где людей было сравнительно мало и дочеловеческие племена имели большую силу. Во всех других королевствах руны, высеченные в пещерах, на стоячих камнях и руинах древних острогов, сохранились и по сей день, но те, что вырезались на стволах деревьев в сырых лесах, давно уже сгнили.

Обычай Штормовых Королей называть сына-первенца в честь своего родоначальника Дюррана-Богоборца затрудняет задачу историка еще более. Мастеры Цитадели по мере возможности присваивали порядковые числа нескончаемой череде королей Дюрранов, но в песнях, из коих мы в основ-

ном и черпаем сведения о тех временах, таких чисел нет.

Все легенды о Дюрране-Богоборце пришли к нам из уст певцов. Он завоевал сердце Эленей, дочери морского бога и богини ветров. Ответив на любовь смертного, она сама стала смертной, и породившие ее боги возненавидели человека, взятого ею в мужья. Под яростными ветрами и ливнями, которые насылали они, рушились все постройки Дюррана, но некий мальчик помог ему выстроить замок, не боящийся бурь. Мальчик этот, когда вырос, стал Брандоном-Строителем, а Дюрран — первым Штормовым Королем, правившим в Штормовом Пределе тысячу лет вместе со своей Эленей.

Вряд ли даже герой, женатый на дочери двух богов, мог прожить столько времени. Архимейстер Глейв, сам родом со штормовых земель, полагает, что речь здесь идет не об одном короле, а о многих того же имени; это кажется правдоподобным, но доказательству не подлежит.

Один там был король или все пятьдесят, штормовое королевство росло, ширилось и поглощало соседние земли. Порой это делалось по дружескому уговору, порой через брачные узы, но чаще всего насильственно.

Богоборец первым захватил Дождливый лес, принадлежавший ранее только Детям. Сын его Дюрран Добрый вернул им почти все, что отнял отец, Дюрран Бронзовый Топор век спустя забрал лес обратно уже навсегда. В песнях поется, что Дюрран Злой убил короля великанов Лúна Последнего в битве у Змеистой реки, но историки до сих пор спорят, был ли то Дюрран Пятый или Дюрран Шестой.

Малдон Масси стал лордом Крюка и построил там замок Плясуны при другом короле Дюрране, прозванном Вороньим Братом, но в котором это случилось году и которым по порядку был этот король, опять-таки спорно. Дюрран Молодой, известный также как Мясничонок, запрудил реку Слейн телами дорнийцев, отражая нападения Йорена Айронвуда и девы-воительницы Вийлы у Кровавого пруда, но тот ли самый это король, что позже влюбился в собственную племянницу и был убит своим братом Эриком? На этот вопрос, как и на много других, мы скорее всего никогда не найдем ответа.

С позднейшими веками разобраться уже проще. Можно сказать с немалой долей уверенности, что остров Тарт перешел к дому Дюррандонов после женитьбы Дюррана Честного на дочери его лорда, Эдвина Вечерней Звезды. Внук этого Дюррана Эрик Парусный Мастер (скорее всего Эрик Третий) присоединил к королевству Эстермонт и мелкие острова южнее его. Еще один Дюрран, по всей видимости Десятый, расширил королевство на север до Черноводной, а сын его Монфрид Первый Могучий

впервые перешел через эту великую реку, победил в долгой борьбе королей Дарклина и Моутона и захватил портовые города Синий Дол и Девичий Пруд.

Сын Монфрида Дюрран Одиннадцатый Тусклый и внук Баррон Красивый лишились всего завоеванного и доли своих исконных земель. В долгие годы правления Дюрвальда Первого Толстого от королевства откололся Крюк Масси, Тарт восставал трижды, и даже на мысе Гнева начались беспорядки: колдунья, известная как Зеленая Королева, подняла Дождливый лес против Дюррандонов и долго удерживала его. При Дюрвальде говорили, что до границ королевства можно достать, справляя малую нужду у стен Штормового Предела.

Положение изменилось, когда Морден Второй назначил своим кастеляном побочного брата Ронарда. Сей грозный воин стал правителем штормовых земель во всем, кроме имени, и женился на сестре короля, а через пять лет прибрал к рукам и корону, коей его увенчала сама королева, супруга Мордена. Ронард, если верить песням, делил с ней ложе, а Мордена заключил в башню.

Узурпатор, известный как Ронард-Бастард, правил почти тридцать лет, подавляя бунты мятежных лордов и покоря чужие земли. Большой женолюб, он забирал себе дочь каждого побежденного им врага и зачал будто бы девяносто девять сынов. Почти все они тоже были бастардами (хотя певцы наделяют его двадцатью тремя женами), отчего не имели права наследовать отцу и пробивались в жизни кто как умел. По этой причине простолюдины штормовых земель, даже самые бедные, по сей день хвалятся своей королевской кровью.

АНДАЛЫ В ШТОРМОВЫХ ЗЕМЛЯХ

Когда первые андалские ладьи двинулись через Узкое море, королем был Эрик Седьмой. История помнит его как Эрика Неготового: он не уделял должного внимания заморским пришельцам, говоря, что ему дела нет до ссор чужеземцев. В то время он пытался отбить Крюк Масси у пиратского короля Джастина Белоглазого, одновременно отражая вторжение дорнийского короля Оливара Айронвуда. За бездействие Эрика пришлось, однако, платить уже не ему, а его преемникам, ибо андалы до конца его дней завоевывали Долину.

Первым сразился с ними внук Эрика, Карлтон Второй Дюррандон. После войны, длившейся четыре поколения, сей король, именовавший себя

Карлтоном Победителем, наконец отвоевал обратно Крюк Масси, взял после годовой осады замок Плясуны и убил последнего короля дома Масси, Жозуа Глиняное Копье.

Отвоеванное не удержалось у него и двух лет. Андалский воевода Тогарион Бар-Эммон Ужасный основал к северу от Черноводной свое королевство, но король Дарклин из Синего Дола всячески досаждал ему. Зная, что на юге он слаб, Тогарион женился на дочери Жозуа, перешел Черноводную со всем своим войском и учредил новое королевство на Крюке Масси. Построив собственный замок на Остром мысу, он выгнал из Плясунов штормовых людей и посадил там женина брата.

У Картона Победителя тем временем появились заботы поважней Крюка Масси. Андалские ладьи причаливали на всех его берегах, высаживая воинов с семиконечными звездами на щитах, на груди и на лбу, и каждый из них сам рвался стать королем. И Картон, и сын его Картон Третий, и внук Монфрид Пятый воевали с андалами почти беспрерывно.

Штормовые Короли выиграли с полдюжины битв (самым крупным было сражение у Бронзовых Врат, где Монфрид Пятый ценой собственной жизни победил «священное братство», союз семи полководцев и королей), но вместо каждого андала, павшего в битве, выходили на берег пятеро новых. Первым из штормовых владений заняли Тарт, за ним Эстермонт.

Андалы обосновались также на мысе Гнева и могли бы захватить весь Дожливый лес, если бы помимо Первых Людей не враждовали и между собой. Король Балдрик Первый Хитрый весьма ловко настраивал их друг против друга, а Дюрран Двадцать Первый сделал нечто неслыханное: отыскал в пещерах выживших Детей Леса и объединился с ними против незваных гостей. В битвах у Черной Трясины, Туманного леса и Воющего холма (теперь нам, увы, неизвестно, где находились все эти места) «чардревный союз» нанес андалам ряд сокрушительных поражений и приостановил на время их наступление. В следующем поколении еще более невероятный союз Клеодена Первого с тремя дорнийскими королями одержал еще более значительную победу над Дроксом Рубакой на реке Слейн у Стонхельма.

Это, однако, не значит, что Штормовые Короли обратили андалов вспять; сколько бы голов вражеских воевод ни насаживали на пики над воротами Штормового Предела, конца вторжению не предвиделось. Верно также и обратное: андалы так и не одержали решающей победы над Дюррандонами. Семь раз враги осаждали Предел, пытаясь взять его

приступом, и семь раз оставались ни с чем. Седьмую неудачу они сочли знаком богов и оставили Дюррандонов в покое.

В конце концов оба вражеских стана просто слились воедино. Король Малдон Четвертый взял в жену андалку, как и сын его Дюрран-Полукровка Двадцать Четвертый. Андалские воеводы в свой черед становились лордами, женились на дочерях штормовых людей, выдавали за них своих дочерей и присягали Штормовому Пределу. При Ормунде Третьем и его королеве штормовые земли перешли в андалскую веру, что окончательно стерло грань между местными и пришлыми... а Детей Леса на штормовых землях не стало вовсе.

Вслед за этим дом Дюррандонов достиг наибольших высот. В Век Ста Королевств, при Арлане Первом Мстителе, штормовые земли дошли до Черноводной и истоков Мандера. Внук этого короля Арлан Третий перешел и Черноводную, и Трезубец, захватил все речные земли и водрузил знамя с коронованным оленем на берегу Закатного моря.

После смерти Арлана Третьего начался, однако, неизбежный упадок: штормовых людей было слишком мало, чтобы удержать столь обширное королевство. Бунт следовал за бунтом, мелкие короли множились как грибы, замки и селения откалывались, а там нагрянули Железные Люди во главе с Харвином Твердой Рукой, о чем мы уже рассказывали. Пока штормовые отступали на север, с юга ударили дорнийцы, а Короли Простора послали рыцарей вернуть то, что соседи забрали у них на западе.

Штормовое королевство съезжилось год за годом, битва за битвой, от короля к королю. Король-воитель Аргилак Надменный воспрепятствовал этому, но даже он мог лишь сдержать прилив, а не обратить его вспять. В старости сей последний из Дюррандонов имел глупость прибегнуть к дому Таргариенов как к щиту против растущей мощи железного короля Харрена Черного вопреки старой поговорке, не советующей дергать дракона за хвост. Этим он добился лишь того, что взоры Эйгона и его сестер обратились на запад.

Когда они высадились в устье Черноводной, чтобы начать завоевание Семи Королевств, с ними вместе прибыл чернявый бастард по имени Орис Баратеон.

ДОМ БАРАТЕОНОВ

Этот дом родился под дождем, по колено в грязи, во время Последнего Шторма, как назвали потом эту битву. Орис Баратеон трижды отразил атаку штормовых рыцарей и убил в поединке их короля Аргилака Надменного. После этого Штормовой Предел, издавна считавшийся неприступным, сдался ему без боя (что было весьма мудро, если вспомнить о судьбе Харренхолла). Женившись на дочери Аргилака, Орис по праву победителя присвоил себе герб и девиз Дюррандонов.

Милости, которыми Эйегон осыпал Баратеона, позволяют предположить, что Орис и верно доводился ему братом, пусть и побочным; многие по крайней мере и теперь верят в это. Предполагают также, что возвышение Ориса объясняется его воинской доблестью и нерушимой преданностью дому Таргариенов. Еще до завоевания он был первым бойцом и телохранителем Эйегона, а победа над королем Аргилаком лишь добавила ему славы. После того, как король Эйегон отдал Штормовой Предел дому Баратеонов на вечные времена, а Ориса сделал верховным штормовым лордом и королевским десницей, никто уже не посмел бы сказать, что тот, как бастард, недостойн всех этих почестей.

Когда Эйегон вторгся в Дорн в 4 г. ОЗ, лорд Орис вел свое войско по Костяному Пути, но Вайл Вдоволюб взял его в плен и отсек ему правую руку.

После этого Орис, по рассказам, сильно ожесточился. Он отказался от поста десницы и мечтал об одном: отомстить дорнийцам.

Такой случай представился ему при Эйенисе Первом, когда он выиграл битву с Королем Стервятников и взял в плен сына Вдоволюба, лорда Уолтера Вайла.

В беспокойные времена преемников Эйегона Завоевателя Баратеоны были все так же тесно связаны с домом Таргариенов. Внук Ориса Робар первым из великих лордов открыто поддержал принца

Джейехериса против двоюродного деда Мейегора Жестокого и после странной кончины Мейегора на Железном Троне был назначен Хранителем Государства и королевским десницей. До совершеннолетия короля Джейехериса он управлял Семью Королевствами вместе с его матерью королевой Алиссой и полгода спустя женился на ней.

От этого брака родились дочь леди Джослин, которая потом вышла за старшего сына Старого Короля и стала матерью принцессы Рейенис («несбывшейся королевы», по выражению придворного

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

«**В** последний раз Орис Однорукий выступил из Штормового Предела, чтобы сразиться с дорнийцами у стен Стонхельма. Когда к нему привели раненого Уолтера Вайла, лорд Орис сказал: «Твой отец отнял у меня руку, а я в ответ заберу твою». С этими словами он отрубил пленнику и правую руку, и левую, и обе ступни, прибавив, что «получит свое с лихвой». На обратном пути в Предел лорд Баратеон умер от ран, полученных в битве им самим — но умер довольным, по словам его сына Давоса, с улыбкой глядя на отрубленные руки и ноги, повешенные в его шатре наподобие связки лука».

СЛЕВА | Семиконечная звезда, вырезанная в камне ВВЕРХУ | Гербы дома Баратеонов (в центре) и некоторых его вассалов (по часовой стрелке): Баклер, Карон, Коннингтон, Дондаррион, Эстермонт, Пенроз, Сиворт, Селми, Стэдмон, Сванн и Тарт

шута Гриба) и сын Бормунд, ставший лордом Штормового Предела после отца. На Большом совете 101 года, созванного Джейхерисом Первым для обсуждения порядка престолонаследия, лорд Бормунд держал сторону своей племянницы Рейенис и сына ее Лейенора Велариона, но проиграл.

По причине столь тесной близости Баратеонов к Железному Трону и принцесса Рейенира, и король Эйегон Второй после смерти своего отца Визериса Первого обратились к ним за поддержкой в первую очередь. Но к тому времени лорд Бормунд уже скончался, а сын его Боррос был человеком совсем другого склада.

Лорд Бормунд всю жизнь поддерживал Лейенора, покойного мужа Рейениры, Боррос же не спешил стать союзником дома Веларионов. Младший сын Рейениры Люцерис, прилетев в Штормовой Предел на драконе, нашел там своего кузена Эймонда Таргариена, который спешно готовился к свадьбе с одной из дочерей Борроса.

Доставленное Люцерисом послание, где принцесса Рейенира писала о поддержке Баратеонов как о деле решенном, привело лорда в ярость, а отказ Люцериса жениться на другой его дочери (принц был уже помолвлен) эту ярость лишь усугубил. Он велел Люцерису покинуть его чертоги и ничего не сделал, чтобы удержать Эймонда, когда тот пустился в погоню за кузенем, лишившим его глаза в детские годы. Главным для Борроса было, чтобы месть свершилась не в стенах Штормового Предела.

Принц Люцерис пытался уйти, но его молодой дракон Арракс не мог тягаться с матерым Вхагаром, к тому же над Губительными Валами разразился в ту пору шторм. Арракс и его всадник в виду Штормового Предела рухнули в море под торжествующий рев Вхагара; королевская кровь на Пляске Драконов пролилась тогда в первый раз, но далеко не в последний.

В начале войны он вовсе не горел желанием сражаться с драконами, но к концу Пляски, в Луну Трех Королей, взял Королевскую Гавань и навел там порядок, заручившись взамен обещанием, что его старшая дочь станет новой королевой вдового Эйегона Второго. Затем он отважно вышел с остатками своих сил против речного войска, коим командовали молодой лорд Кермит Талли, еще более юный Бенжикот Блэквуд и сестра его Алисанна. Лорд Боррос был уверен, что разобьет этих юнцов без особого труда, но Кровавый Бен Блэквуд смял его с фланга, а лучники Черной Эли перестреляли штормовых рыцарей. Боррос держался стойко; он один убил с дюжину вражеских рыцарей, лорда Дарри и лорда Маллистера, прежде чем Кермит Талли сразил его самого.

Вскоре после этого Пляска Драконов кончилась, и дом Баратеонов, поставив на Эйегона Второго, оказался в немилости как при Эйегоне Третьем, так и прежде, во времена регентства.

Но годы шли, короли менялись, старые распри остались в прошлом, и Баратеоны вновь стали верными слугами Железного Трона... пока сами же Таргариены не подвергли их преданность испытанию. Случилось это при Эйегоне Пятом Невероятном, когда в Штормовом Пределе сидел лорд Лионель по прозвищу Смеющийся Вихрь, человек огромного роста и один из лучших бойцов того времени.

Дружба его с королем была столь крепка, что Эйегон помолвил своего старшего сына с дочерью Лионеля; но принц Дункан вскоре влюбился в таинственную девицу по имени Дженни из Старых Камней (которую многие считали колдуньей) и женился на ней против воли отца-короля.

Любовь Дженни «с цветами в волосах» и Дункана, Принца Стрекоз, до сих пор прославляют певцы, сказители и юные девы, но дочери лорда Лионеля она принесла только горе, а дому Баратеонов —

СЕПТОН ЕВСТАХИЙ ПИШЕТ О БОРРОСЕ

«Лорд Бормунд был непоколебимой скалой, лорд Боррос — носящимся туда-сюда ветром».

СПРАВА | Сир Дункан Высокий из Королевской Гвардии сходится в поединке с лордом Лайонелом Баратеоном

бесчестье. Смеющийся Вихрь, поклявшись отмстить, порвал с Таргариенами и объявил себя новым Штормовым Королем. Мир был восстановлен лишь после того, как рыцарь Королевской Гвардии сир Дункан Высокий победил лорда Лионеля на поединке, принц Дункан отказался от притязаний на трон, а король Эйегон согласился отдать свою младшую дочь Рейеллу за наследника Штормового Предела.

Неисповедимы пути Семерых: брак, которым Эйегон Пятый хотел умиротворить Смеющегося Вихря, со временем привел Таргариенов к концу. Принцесса Рейелла, выйдя в 245 г. по воле отца за молодого лорда Ормунда, родила сына Стеффона; тот служил в Королевской Гавани сначала пажом, после оруженосцем и был неразлучен с принцем

Эйерисом, старшим сыном Джейхериса Второго и наследником трона.

Возвращаясь из Волантиса, куда Эйерис Второй посылал его за невестой для сына своего Рейегара, лорд Стеффон утонул в заливе Губительные Валы, и лордом стал его старший сын Роберт, воин такой отваги и силы, что многие называли его возрожденным Смеющимся Вихрем.

Именно вокруг него сплотились лорды Семи Королевств, когда безумие короля Эйериса стало чересчур явным. В 282 г., убив на Трезубце принца Рейегара и уничтожив его войско, Роберт Баратеон покончил с трехсотлетним правлением дома Драконов в Вестеросе и сам взошел на Железный Трон как Роберт Первый, родоначальник блистательной новой династии.

Вслед за Орисом Одноруким свое имя прославили многие Баратеоны. Сир Реймонт, младший сын лорда Бормунда, служил в Королевской Гвардии и спас Эйениса Первого, когда один из Честных Бедняков едва не зарезал короля прямо в опочивальне. Позже стали известны такие воины, как Победитель Бурь и Смеющийся Вихрь, а лорд Ормунд пал под знаменем Таргариенов на Войне Девятигрошовых Королей.

ШТОРМОВЫЕ ЛЮДИ

Штормовые земли, как доказал король Роберт на Трезубце и многие лорды и короли до него, возрастили немало отменных воинов. Все знаменитые лучники, о которых поется в песнях, происходили с Дорнийских Марок, и Дик Оперенный, не менее знаменитый разбойник из Братства Королевского леса, тоже родился в деревне близ марочного замка Стонхельм.

Кроме того, это родина прославленных мореходов. Сам Штормовой Предел, высящийся на утесах Дюрранова мыса над предательскими Губительными Валами, не предоставляет кораблям безопасной

гавани, но во времена Штормовых Королей на Крюке Масси, на Эстермонте и вдоль побережья Дорнского моря стоял многочисленный боевой флот. Позднее его переместили на восточный берег острова Тарт, чьи горы обеспечивают укрытие от бушующих на Узком море штормов. Дом Тартов из Вечернего Замка, правящий Сапфировым островом — это старый андалский род, связанный кровными узами с Дюррандонами, Баратеонами и самими Таргариенами. Некогда они тоже назывались королями, и каждый лорд их дома с древнейших времен носит имя Вечерней Звезды.

Многие жители Тарта, и знатные и простые, называют себя потомками легендарного героя сира Галладона из Морна, коему сами Семеро вручили будто бы меч Правосудная Дева. Опираясь на роль, которую играет этот меч в его подвигах, мейстер Губерт в «Оленьем народе» предполагает, что Галладон — не просто воин Века Героев, произведенный певцами в рыцари тысячу лет спустя, но подлинная историческая фигура более поздних времен. Губерт замечает также, что Морн был резиденцией мелких королей на восточном берегу Тарта; позже Штормовые Короли покорили их, но руины этого места дают понять, что это было поселение андалов, а не Первых Людей.

Лучшие воины штормовых земель — а возможно, и всего Вестероса, — живут, бесспорно, на Марках. Говорят, что они рождаются с мечом в руке и владеть им научаются раньше, чем ходить. Их задача — охранять штормовые земли от старинных врагов с запада и особенно с юга.

Замки Дорнийских Марок славятся своей неприступностью, ведь ни одного поколения не проходит без новых покушений на них. Их для того и ставили, чтобы воспрепятствовать вторжениям из Простора и Дорна. Марочные лорды по праву гордятся своей историей, и немало баллад сложено об их доблести.

Среди самых грозных марочных твердынь можно в первую очередь назвать Стонхельм, древнюю усадьбу Сваннов; его сторожевые башни из черного

и белого камня высятся над водами реки Слейн с ее коварными быстринами, глубокими омутами и звенящими водопадами. Черная Гавань, исконная усадьба Дондаррионов, устрашает неприятеля высочайшими черными базальтовыми стенами и бездонным сухим рвом. В Ночной Песни покоя веков обитают Кароны, называемые лордами Марок, хотя другие марочные дома не подчиняются им; они говорят, что их дом самый древний в этом краю (с чем не могут согласиться упрямые Сванны) и во все времена служат надежным щитом штормовых земель.

Подобно тому, как Марки славятся на весь мир своими замками и великолепными балладами, Дождливый лес повсеместно известен бесконечными дождями, тишиной, настолько глубокой, что странник начинает опасаться за свой слух, — а так-

История дома Каронов, знаменитого как воинами, так и певцами, берет начало в Веке Героев. Они говорят, что их соловьев видели на тысяче полей брани, а замок их, согласно летописям, за последнее тысячелетие подвергался осаде не меньше тридцати семи раз.

же изобилием крепкой древесины, отменной пуш-
нины и прозрачного янтаря. Здесь безраздельно
царствуют деревья-великаны, и даже здешние замки
точно сами растут из благодатной земли. Корни у

лесных лордов и рыцарей не менее глубоки, чем у
дающих им кров исполинов, и свою нестигаемость
и непоколебимость они доказали во множестве кро-
вавых сеч.

ШТОРМОВОЙ ПРЕДЕЛ

О том, каким образом был возведен Штормовой
Предел, мы знаем только из песен и сказок, повест-
вующих о Дюрране-Богоборце и прекрасной Эле-
неи, дочери двух богов. Замок этот, как свидетель-
ствуют многочисленные сказания, будто бы стал
седьмым, построенным Дюрраном на этом месте
(хотя число «семь» вполне могло появиться и поз-
же, во дни пришествия новой веры).

Говорят, что Штормовой Предел ни разу не бра-
ли ни осадой, ни приступом, чему мы охотно верим.

Во время Восстания Роберта лорд Тирелл из
Хайгардена яростно, упорно и безуспешно осаждал
Предел целый год. Будь в замке достаточно припасов
на сей случай, он, вне всяких сомнений, мог бы дер-
жаться вечно, но война тогда налетела так внезапно,
так скоро, что все кладовые и житницы Предела бы-

Штормовой Предел — замок бесспорно древний, но если сравнить его с разрушенными форта-
ми Первых Людей или с Первой Твердыней Винтерфелла (которая, по словам одного из та-
мошних мастеров, столько раз перестраивалась, что точное время ее закладки определить невозмож-
но), становится ясно, что Первые Люди не владели искусством такой каменной кладки. Они, конечно,
сложили Стену, но там требовалось не столько мастерство, сколько грубая сила. Архимейстер Вирон в
«Победах и поражениях» высказывает мысль, что «седьмой замок» определенно говорит об андаль-
ском влиянии и что окончательный свой вид Предел обрел в андальские времена. Его, возможно, и
впрямь построили на месте более ранних замков, но когда это было сделано, Дюрран с Эленей давно
уже покинули этот мир.

Мейстеры, служившие в этом замке, свидетель-
ствуют о его невероятной крепости, непостижимой
непреступности и хитроумном устройстве. Брандон
Строитель его создал или же кто-то другой, но зна-

ли заполнены только наполовину. К концу года гар-
низон во главе с братом лорда Роберта Станнисом
жестоко страдал от мук голода; спас мужественных
воителей некий безвестный ловкий контрабандист,

Говорят, что каждые семьдесят семь лет с Узкого моря приходит особенно сильный шторм: это старые
боги моря и ветров в который раз пытаются снести постройку Дюррана. Красивая сказка, но все же
сказка, не более. Записи мастеров Штормового Предела показывают, что сильные штормы бывают здесь
чуть ли не каждый год, особенно осенью, но страшные бури с промежутком в семьдесят семь лет никем из
них не описаны. Самый опасный шторм на памяти живых разразился в 221 г., в самом конце правления Эйе-
риса Первого, а большой шторм 166 г. случился на пятьдесят пять лет раньше.

менитая крепостная стена сложена здесь столь ис-
кусно, и камни так плотно притерты друг к другу,
что стена не поддается напору самых что ни на есть
свирепых ветров; совершенно то же можно сказать
и об устройстве огромной главной башни.

который, будто нож сквозь масло, проскользнул
сквозь ограждение Редвина с грузом соленой рыбы
и лука. Вскоре после этого Роберт подчистую разбил
войско Рейегара на Трезубце, а вовремя подоспев-
ший на выручку лорд Эддард Старк снял осаду.

ШТОРМОВЫЕ ЗЕМЛИ

ДОРН

ПРОСТОР

УЗКОЕ МОРЕ

	КРУПНЫЙ ЗАМОК
	ЗАМОК
	ГОРОД
	РУИНЫ
	ОЛИВКОВЫЕ РОЩИ
	КОЛОДЦЫ
	ДОРОГА

ЛЕТНЕЕ МОРЕ

ДОРН

Говорят, что Дорн способны понять только сами дорнийцы.

Это самое южное из Семи Королевств является также и самым негостеприимным... и самым странным на взгляд того, кто рос в Просторе, в западных землях или в столице. У Дорна столько особенностей, что перечислить их едва ли возможно.

Громадные пустыни с красными и белыми песками; грозные горы с неуступчивыми перевалами, которые стерегут неуступчивые горцы; палящий зной, песчаные бури, скорпионы, огнедышащая еда, яды, слепленные из глины замки, фиги, финики, красные апельсины — вот в целом и все, что знает о Дорне простой люд Семи Королевств. Все это, конечно, существует в природе, но древнее княжество, чья история начинается с Рассветных Веков, заслуживает гораздо большего.

Красные горы тысячелетиями отделяли Дорн с севера и запада от всего остального Вестероса, да и пустыни не способствовали приходу чуждых племен. Три четверти земель за этой горной стеной засушливы и бесплодны, южное побережье — сплошные скалы и рифы с немногими безопасными бухтами. Кораблям, бросающим там якорь случайно или намеренно, приходится нелегко: на берегу негде взять дерева для починки, дичины мало, селений, где можно разжиться провизией, и того меньше. Даже пресную воду там не просто найти, а в море кишит акулами и кракенами.

Больших городов в Дорне нет, и малые тоже наперечет. К стенам Солнечного Копья лепится так называемый теневой, сплошь саманный, город. Дощатый в устье Зеленой Крови больше и многолюднее, но вместо улиц там мостки, а жилища и лавки помещаются на связанных пеньковыми веревками плоскодонках и торговых судах.

Архимейстер Бруд, рожденный и выросший в теневом городе, однажды заметил, что у Дорна больше общего с дальним Севером, чем с соседними королевствами. «Тут лютый зной, там лютый холод; тут пески, там снега, но между ними лежит много

других земель. Оба края населены редко, оба упорно держатся за своих богов и свои законы. Ни один из них Драконы так до конца и не покорили. Король Севера подчинился Эйгону Завоевателю по собственной воле, Дорн противостоял Железному Трону почти двести лет, пока наконец не сочетался с ним браком. Пять «просвещенных» королевств видят дикарей и в дорнийцах, и в северянах, но те, кому довелось скрестить с ними мечи, высокого мнения об их доблести».

Дорн считает себя самым древним из Семи Королевств, что в целом верно. Первые Люди не были мореплавателями; они пришли из Эссоса в Вестерос по земляному мосту, от которого ныне остались только Перебитая Рука и Ступени, и первым делом неизбежно должны были попасть на дорнскую землю.

Мало кто из них, однако, остался там, ибо край этот показался пришлецам неприветливым: Дорн недаром назывался у Детей Леса Пустой Землей. На сухой каменистой почве в восточной его половине растет лишь чахлый кустарник, а за Вервием лежат под палящим солнцем сплошные пески и бушуют песчаные бури, способные в считанные мгновения содрать всю плоть с костей человека. Даже Гарт Зеленая Рука, как рассказывают в Просторе, не сумел взрастить там цветы (в дорнийских преданиях о нем не говорится ни слова) и увел свой народ через горы в другие, плодородные земли. Туда же, едва вступив в Дорн, уходили и Первые Люди, но кое-кто из них все же прижился и здесь, осев на Зеленой Крови. Река эта, весьма скудная по сравнению с Мандером, Трезубцем и Черноводной, для Дорна поистине животворная кровь.

Многие из Первых Людей, не ушедших на север, селились на ее берегах и копали каналы для полива своих насаждений. Другие, оставшись на берегу Узкого моря, ловили рыбу и крабов. Третьи, добравшись до Красных гор, осели в зеленом поясе, созданном летящими на север штормами. Были и такие, что находили приют в потаенных горных долинах и

Почти все реки Дорна наполняются лишь после редких (и опасных) дождей, в остальное же время это просто сухие русла. Лишь три из них не пересыхают как зимой, так и летом. Бурная, зарождающаяся в западных горах, несется к морю по тесным ущельям, низвергаясь водопадами и ревя как свирепый зверь. Воды ее чисты, но непригодны для судоходства, и перейти ее нельзя иначе как по мосту. Серная гораздо спокойнее, но желтые воды ее зловонны. Лишь немногие чахлые растения приживаются на ее берегах, о живущих же там людях мы и вовсе умалчиваем. Лишь воды Зеленой Крови, хотя и мутные, питают равно растения, животных, возделанные сады и поля. По ней и по ее притокам Бичу и Верию можно подняться на лодке почти до истоков, невзирая на многочисленные песчаные мели; по этой причине она служит Дорну главным торговым путем.

на высоких лугах, но лишь самые дерзновенные уходили в глубину суши через пустыню. Немногие, нашедшие воду, строили в этих оазисах остроги и замки. Потомки их много веков спустя стали лордами Колодезей, но на каждого человека, нашедшего в пустыне родник, сто других погибали от жажды и зноя.

От этих первопоселенцев произошли три дорнийских племени, которых Дейерон Первый, Юный Дракон, в своем «Завоевании Дорна» назвал каменными, песчаными и со-

ленными. Каменные дорнийцы, обитающие в горах и предгорьях, светлокожи, светловолосы и происходят большей частью от Первых Людей и андалов. Песчаных, живущих в пустынях и речных долинах, солнце Дорна сделало смуглыми. У соленых же приморских жителей волосы черные, кожа оливковая, кровь большей частью ройнарская и обычай не такие, как в прочем Дорне. После высадки на этих берегах принцессы Нимерии почти все ее люди остались у моря, которое так долго было их домом; не ушли они и после того, как Нимерия сожгла свои корабли.

ПЕРЕЛОМ

Об этом событии, столь важном для истории Дорна, а возможно и всего Вестероса, мы к досаде своей знаем очень и очень мало, да и то почерпнуто из преданий и песен.

Все согласны с тем, что первые Люди пришли в Вестерос сушей, через холмы и леса огромного перешейка, соединявшего в Рассветные Века два континента. Первым делом они явились в Дорн, но там остались лишь немногие; основная масса ушла на север через горы или соленые болота на месте нынешнего Дорнского моря. Продолжая прибывать, Первые Люди заселили штормовые и речные земли, а впоследствии также Долину и Север. Они изгоняли оттуда коренных жителей, убивали великанов, вели кровавую войну с Детью Леса и вырубали бронзовыми топорами чардрева.

Дети сопротивлялись им как могли, но люди были выше и сильнее, ездили верхом, имели бронзовое оружие и доспехи; дерево, кость и драконово стекло древних племен не могли с ними сладить. Дети Леса, доведенные до отчаяния, обратились к своим древовидцам с мольбой остановить поток злых пришлецов.

Сотни чародеев, собравшись, как рассказывают порой, на Острове Ликов, воззвали к старым богам и принесли им обильную жертву. Одни говорят, что чардрева оросили кровью тысячи пленных, другие — что то была кровь юношей и юниц лесного народа. Боги приняли жертву и пробудили дремлющих подземных гигантов. Во всем Вестеросе заколебалась земля, по ней побежали трещины, горы и холмы стали рушиться. Море, устремившись на сушу, переломило Дорнскую Руку, и лишь скалистые островки остались торчать над водой. Когда Летнее и Узкое моря слились вместе, мост между Эссосом и Вестеросом исчез навсегда — так по крайней мере гласят предания.

Большинство ученых согласны с тем, что Эссос и Вестерос были некогда единым континентом: о переходе Первых Людей с востока на запад повествуют тысячи легенд и рунических записей. Поскольку теперь их разделяют моря, то нечто подобное Перелому, как его называют в Дорне, и вправду должно было произойти. Но случилось ли это в один день, как поется в песнях, и было ли это деянием лесных чародеев? Архимейстер Кассандер в книге «Песнь моря, или как раскололись материки» утверждает, что Эссос и Вестерос разделили вовсе не древовидцы, а море, чьи воды прибывали веками по причине долгих жарких лет и коротких теплых зим, растопивших льды в областях за Студеным морем.

Многие мастера находят его доводы правдоподобными, но Перелом, произошел он за одну ночь или же происходил веками, все же случился; немymi свидетелями сего служат Перебитая Рука и Ступени. Есть также причины предполагать, что Дорнское море было некогда пресноводным внутренним водоемом, питаемым потоками с гор, и сильно уступало величиной теперешнему; но Узкое море вышло из берегов и затопило соленые болота, лежавшие между ними.

И если даже допустить, что Дорнскую Руку и вправду перебили водяным молотом старые боги, древовидцы пропели свою песнь слишком поздно.

Первые Люди, не будучи мореходами, перестали прибывать, но к тому времени их уже было вдвое больше, чем древних жителей Вестероса, и разница эта только усиливалась, ибо их женщины рождали потомство куда чаще, чем женщины коренных племен. Великаны и Дети Леса понемногу вымирали, а род людской множился, расселялся, строил деревни и крепости.

КОРОЛЕВСТВА ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ

Мира и согласия в Дорне, как видно из древнейших источников, не было никогда. Каждую общину отделяли от других огромные расстояния, знойные пески и грозные горы; так появилось множество мелких вождей, больше половины коих со временем стали горделиво величать себя королями. Мелкие вожди и царьки властвовали, конечно же, по всему Вестеросу, но такого их количества (равно как и такого мизерного дробления власти), как в Дорне во времена Первых Людей, нигде больше не было.

Обо всех королевствах мы здесь не станем рассказывать: многие были столь незначительны и завоевания их столь недолговечны, что не стоят внимания. Расскажем лишь о тех, достойнейших, что укоренились прочно и продержались тысячи лет.

На острове в устье Бурной — там, где она, расширяясь, впадает в море — построил свой замок дом Дейнов. Первый из них, по преданию, пришел сюда вслед за падучей звездой и нашел здесь камень, обладавший магической силой. Потомки его стали править западными горами на протяжении тысячелетий как Короли Бурной и лорды Звездопада.

К северо-востоку от Дейнов, над горной расщелиной, что являет собой самый быстрый и легкий путь из Дорна в Простор, укрепился на каменистом склоне дом Фаулеров. Замок их с устремленными в небо каменными, грациозными, словно бы парящими в воздухе башнями по праву называется Поднебесным. Перевал под ним, ныне называемый Принцевым, тогда именовался Широким Путем, а Фаулеры гордо объявляли себя его хранителями, Королями Небес и Камня.

Дальше к востоку, в горах у Дорнского моря, дом Айронвудов, утвердившись в высокогорных до-

линах и зеленых предгорьях, властвовал над другим перевалом под названием Каменный Путь (круче, уже и опасней Широкого). На их землях, хорошо защищенных и сравнительно плодородных, к тому же росли леса; дерево и залежи железа, олова, серебра сделали Айронвудов самыми богатыми из королей Дорна. Именуя себя Королевской Кровью, Хранителями Каменного Пути, Властителями Зеленых Холмов и Верховными Королями, они в свое время правили северным Дорном от замка Вайлов до истоков Зеленой Крови, но их попытки подчинить себе других королей редко увенчивались успехом.

Еще один Верховный Король, властвующий со времен Первых Людей, сидел в большом деревянном замке среди лимонных деревьев на южном берегу Зеленой Крови при впадении ее в Летнее море. Весьма любопытное королевство; всякий раз, когда властитель умирал, преемник его избирался из дюжины знатных домов, живших вдоль реки или на востоке морского побережья. Вейды, Шеллы, Хольты, Бруки, Халлы, Лейки, Броунхиллы и Брайары побывали в свой черед королями, правя в высоком зале среди лимонных деревьев, но после передрались меж собой, и сей престранный обычай был отменен. В ходе того, как конфликт набирал силу, три дома окончательно исчезли с лица земли, и некогда могучее речное королевство раскололось на десять мелких сварливых домов.

Были свои мелкие королевства и в других местах Дорна — в глубоких песках пустыни, и среди горных вершин, на соленых морских берегах, на островах, на Перебитой Руке, но никто из их правителей не мог сравниться с Дейнами из Звездопада, Фаулерами из Поднебесного, Айронвудами из Айронвуда.

ПРИШЕСТВИЕ АНДАЛОВ

Андалы оставили след и в Дорне, как во всем Вестеросе к югу от Перешейка. Историки, однако, сходятся в том, что здесь их след не столь заметен, как в других южных королевствах. Мореплаватели-андалы, в отличие от Первых Людей, уже бывали у берегов Вестероса и знали, что в Дорне не найдут

ничего, кроме песков, скорпионов и змей. Неудивительно, что сравнительно малая их часть направляла ладьи на юг, ведь как раз против Андалоса лежали куда более зеленые и богатые земли.

Всегда, однако, находятся те, кто выбирает нехоженые пути и ищет удачи в самых диких уголках

Меч Зари

Дейны из Звездопада принадлежат к древнейшим домам Семи Королевств, но прославил их большей частью фамильный меч Рассвет и все носившие его воины. Откуда он взялся, остается загадкой, но Дейны, по всей видимости, владеют им уже несколько тысяч лет. Те, кому посчастливилось его лицезреть, говорят, что он бел как матовое стекло и на другие валирийские клинки не похож, но обладает лучшими их качествами.

В других домах такие наследственные мечи в основном передаются от лорда к лорду. Иногда, как у Корбреев, его отдают сыну или брату в пожизненное владение, но затем он вновь возвращается к главе дома. У Дейнов все обстоит иначе. Владеть Рассветом может лишь достойный этой чести рыцарь их дома, которого самого нарекают Мечом Зари.

Все Мечи Зари овеваны славой. Многие мальчики втайне горюют, что родились не Дейнами и не могут получить их славный меч вместе с титулом. Самым знаменитым стал сир Эртур Дейн, лучший королевский гвардеец Эйериса Второго, покончивший с Братством Королевского леса и отличавшийся на каждом турнире, где выступал. Во время Восстания Роберта его, по рассказам, убил в единоборстве лорд Эддард Старк, вернувший затем тело сира Эртура родным в знак уважения.

света. Так было и с андалами, решившими покорить Дорн. Одни из них воевали с Первыми Людьюми за более удобные земли вдоль Зеленой Крови и моря или дерзали покорять горы, другие селились там, где еще не ступала нога человека.

Уллеры обосновались у зловонных желтых вод Серной, Кворгилы среди песчаных барханов, у единственного на пятьдесят лиг колодца. Вейты построились восточнее, у истоков реки, которую вскоре назвали Вервием. Поселились в Дорне также Аллирионы, Джордейны и Сантагары.

На восточном же побережье, между Перебитой Рукой и Зеленой Кровью, высадился Морган Мар-

телл со своими родичами. Разгромив прежних владельцев этих земель Вейдов и Шеллов, он сжег их замки и утвердился на каменистом берегу моря пятидесяти лиг в длину и десяти в ширину.

В последующие века дом Мартеллов, уже тогда известный своей осторожностью, понемногу набирал силу; до прихода Нимерии никто не числил их среди великих дорнийских родов. Окруженные со всех сторон королями, сами они никогда так не назывались и в разное время побывали вассалами Джордейнов из Тора, Аллирионов из Дара Богов, многих королей с реки Зеленая Кровь и коренных жителей Айронвудов.

ПРИШЕСТВИЕ РОЙНАРОВ

Мартеллы правили своим скромным уделом веками, пока десять тысяч кораблей принцессы Нимерии не причалили там, где ныне воздвигались Солнечное Копье и теневой город.

Мы уже рассказывали о том, как Нимерия, взяв Морса Мартелла в мужья, сожгла свои корабли и подчинила своих ройнаров его дому. Не станем говорить также о выигранных и проигранных битвах и о союзах, заключенных и разорванных ими.

Скажем лишь, что благодаря богатствам и знаниям ройнаров вкупе с честолюбием лорда Морса и непреклонной волей Нимерии Мартеллы обрели великую силу и начали покорять соседних лордов и королей одного за другим. В конце концов они низвергли самих Айронвудов, и Дорн стал единым... нет, не королевством, а княжеством, ибо Морс и Нимерия предпочли титул принцев по примеру ройнских городов-государств.

Эта традиция сохранилась до наших дней, хотя принцы Дорна не раз побеждали даже столь сильных королей, как правители Простора и Шторма.

В песнях Нимерию именуют колдуньей-воительницей, но это неверно. Она не раз возглавляла своих воинов и одерживала победы благодаря своему хитроумию, но сама оружием не владела. Мудрость в военных делах передавалась и ее потомкам: когда принцесса состарилась, войсками командовали они. Послать шестерых королей в золотых оковах на Стену никто более не сумел, однако Мартеллы успешно обороняли Дорн и от воинственных королей за горами, и от собственных непокорных лордов.

Дом Мартеллов правит Дорном вот уже семьсот лет, неизменно побеждая всех своих врагов и соперников. При Мартеллах построены Солнечное Копье, Дошатый и теневой город.

ВВЕРХУ | Гербы дома Мартеллов (в центре) и некоторых его вассалов (по часовой стрелке): Дейн, Фаулер, Джордейн, Кворгил, Толанд, Уллер, Вейт, Вайл, Айронвуд, Аллирион и Блэкмонт

ШЕСТЬ КОРОЛЕЙ, КОТОРЫХ НИМЕРИЯ ПОСЛАЛА НА СТЕНУ:

ЙОРИК АЙРОНВУД, самый богатый и могущественный из дорнийских королей, смещенных домом Мартеллов.

БОРИАН ДЕЙН, Меч Вечерней Зари, славнейший дорнийский рыцарь.

ГЕРИСОН ФАУЛЕР, престарелый Слепой Король, прославленный своей хитростью.

ЛЮЦИФЕР ДРИЛЕНД, последний из своего рода, король Серной и Адовых Врат.

БЕНЕДИКТ БЛЭКМОНТ, поклонявшийся темному богу и умевший будто бы обращаться в огромного стервятника.

АЛЬБИН МАНВУДИ, опасный безумец, объявивший себя властителем Красных гор.

СТРАННЫЕ ОБЫЧАИ ДОРНА

У дорнийцев, ранее живших уединенно, а тысячу лет назад перемешавшихся с ройнарами, своя история и собственные порядки.

У каменных дорнийцев больше всего общего с соседями по ту сторону гор и меньше всего с ройнарами. Это, впрочем, не делает их друзьями Марок или Простора. Слывущие не менее свирепыми, чем горцы Долины, они веками воюют не только с Простором и штормовыми землями, но и между собой. В песнях о сражениях с дорнийцами в Марках почти всегда поминаются Блэкмонты, Королевская Гроб-

ница, Вайлы, Поднебесный и Айронвуды, Хранители Каменного Пути, самые гордые и могущественные из подданных принца.

Песчаные дорнийцы, привычные к жизни в пустыне, взяли от ройнаров больше каменных. Реки Дорна, скудные по сравнению с Трезубцем и Мандером, все же орошают поля и дают жизнь прибрежным селениям, но вдали от них приходится кочевать от одного оазиса до другого, перегоняя стада коз и табуны лошадей. Знаменитые песчаные скакуны считаются лучшими конями в Семи Королевствах.

ВВЕРХУ | Принцесса Нимерия и Морс Мартелл — правители Солнечного Копья

До прибытия Нимерии Айронвуды были гораздо сильнее тогдашних Мартеллов и правили половиной Дорна, что и по сейчас никому не позволяют забыть. Когда власть перешла к Мартеллам, Айронвуды всегда норовили восстать против них и несколько раз осуществляли это намерение. Привычка к неповиновению сохранилась у них даже и после того, как принц Марон объединился с Железным Троном. В трех из пяти Мятажей Черного Пламени Айронвуды выступали на стороне черных драконов.

Их хрупкий костяк рыцаря в полной броне не выдерживает, зато они быстры, неутомимы и способны сутки бежать почти без воды. В Дорне их любят как детей: король Дейерон в «Завоевании Дорна» пишет, что рыцарь из Крапчатого Леса держал своих скакунов у себя в чертогах.

Соленые дорнийцы, прямые потомки ройнаров, с годами забыли родной язык, но на общем говорят все же по-своему, выпевая одни звуки и гортанно перекатывая другие. Дорнийский выговор одни люди находят очаровательным, другие (в основном пристрастные марочники) уверяют, что понять его невозможно. Ройнары к тому же привезли с собой собственные обычаи и законы, которые благодаря Мартеллам распространились по всему Дорну. В одном только Дорне из всех Семи Королевств родителям наследует не старший сын, а старший ребенок, будь то девочка или мальчик. О знаменитых принцессах и дамах здесь поют и рассказывают не меньше, чем о принцах и рыцарях.

В Дорне не придают особого значения тому, в законном браке рождено дитя или нет, особенно если это дитя от любовницы или любовника. Многие лорды и даже леди имеют таких сожителей, вы-

бранных не по расчету, а по любви. Связь мужчины с мужчиной или женщины с женщиной тоже никого не заботит; септоны тщетно стараются направить дорнийцев на путь добродетели. Даже мода в Дорне другая: одежды из-за жары здесь носят свободные, в еду добавляют жгучий перец и пару капель змеиного яда.

Особняком от всех прочих дорнийцев стоят сироты с Зеленой Крови. Некоторые из подданных Нимерии, оплавав сожженные ею корабли, соорудили из уцелевших обломков лодки и плавали на шестах по Зеленой Крови, мечтая когда-нибудь вернуться на Ройн. Между собой они все еще говорят по-ройнарски, но после запрета, наложенного тремя преемниками Морса Второго, внука Нимерии, делают это скрытно.

Эти правители известны также как Красные Принцы (хотя две из трех были принцессами). При них войны велись как в Дорне, так и за его пределами. Это именно они создали Доштатый город, сцепив вместе множество плоскодонок, а со временем построили вблизи крепость для его обороны, ибо в эту гавань постоянно заходят чужеземные корабли.

Влияние ройнаров на обычаи Дорна любопытным образом проявилось в последние дни Пляски Драконов. Вот что пишет архимейстер Гильдейн о кратком царствовании Гейемона Сребровласого: «Из Дома Поцелуев, резиденции короля-мальчика, исходили указы один другого неслыханнее. Дочери отныне могли наследовать наравне с сыновьями; бедным в голодные времена должны были раздавать хлеб и пиво; потерпевших увечье на войне полагалось кормить лордам, за которых они воевали. Мужья, бьющие жен, сами подвергались побоям, в чем бы ни провинились их жены. Указы эти, если верить Грибу, сочиняла дорнийка Сильвенна Сэнд, сожительница матери короля Эсси».

ДОРН ПРОТИВ ДРАКОНОВ

Угроза в лице Эйегона Завоевателя и его двух сестер была самой большой за всю историю Дорна. В войне с ними дорнийцы проявили великую доблесть, увы, заплатив за свою свободу великую цену. Дорн, единственный из Семи Королевств, сохранил независимость от дома Таргариенов, не сдавшись ни Эйегону, ни его сестрам, ни их преемникам.

Дорнийцы не дали Таргариенам ни одного большого сражения и не тщились оборонять свои замки от драконов: тогдашняя принцесса Мерия хорошо усвоила уроки Последнего Шторма, Огненного Поля и Харренхолла. Когда Эйегон в 4 г. ОЗ обратил свой взор к Дорну, его жители просто спрятались.

Королева Рейенис, возглавившая первый дорнский поход, сожгла Дощатый город верхом на Мираксесе, захватила несколько замков и приблизилась к Солнечному Копью; Эйегон и лорд Тирелл тем временем сражались на Принцевом перевале с горными дорнийскими лордами. Дорнийцы нападали

из засады и отступали за скалы прежде, чем драконы успевали подняться в воздух. Люди лорда Тирелла, десятками погибавшие от зноя и жажды в походе на Адов Холм, нашли замок пустым: Уллеры сбежали отсюда.

Эйегон тоже нашел во взятом после краткого сопротивления Айронвуде лишь горстку женщин, мальчишек и стариков. Фаулеры покинули Поднебесный. В Призрачном Холме, что стоит на белом меловом утесе над Дорнским морем, Эйегона под знаменем с призраком дома Толандов ждал поединщик. Сразив его Черным Пламенем, Эйегон узнал, что убил господского шута, а самого лорда и его семьи в замке нет. Новый герб, зеленого дракона, кусающего собственный хвост на золотом поле, Толанды взяли в память о пестром наряде храброго дурака.

Наступление же Ориса Баратеона по Костяному Пути обернулось подлинным бедствием. Дорнийцы осыпали врагов камнями и стрелами сверху,

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА (Казнь в Солнечном Копье)

«**Л**орда Росби, кастеляна Солнечного Копья, постигла более милосердная смерть, чем многих других. Дорнийцы, нахлынув в замок из теневого города, связали его по рукам и ногам, и не кто иной, как сама пожилая принцесса Мерия, столкнула его вниз с башни».

убивали их по ночам и наконец перегородили перевал как спереди, так и сзади. Сам лорд Орис со многими своими рыцарями и знаменосцами попал в плен к лорду Вайлу. Их выкупили лишь в 7 г., заплатив их вес в золоте, и каждый из них вернулся домой без правой руки, дабы впредь неповадно было поднимать оружие против Дорна.

В других местах, не считая Костяного Пути, дорнийцы попросту оставляли замки, не пытаясь их защищать и не склоняя колен. То же самое произошло и в Солнечном Копье, куда наконец явились Таргариены: принцесса Мерия скрылась в пустыне. Враги прозвали ее желтой дорнийской жабой, Дорн же по сей день чтит принцессу как свою героиню. Не найдя ее, Эйегон и Рейенис провозгласили себя победителями, а Дорн — вассалом Железного Трона. Вслед за этим они оставили в Солнечном Копье лорда Росби, в Адовом Холме лорда Тирелла с войском, а сами вернулись верхом на драконах в Королевскую Гавань. Не успели они сойти на землю столицы, как весь Дорн поднялся; вражеские гарнизоны предавали мечу, возглавлявших их рыцарей — мучительной смерти. Им отрубали одну часть тела за другой, а дорнийские лорды бились об заклад, кто из них проживет дольше.

Лорд Харлан Тирелл, вознамерившись занять Красные Дюны и отвоевать Солнечное Копье, про-

пал в пустыне со всем своим войском. Путники, которым случается там бывать, видят в песках доспехи и кости, но песчаные дорнийцы, обитатели тех мест, говорят, что пески скрывают тысячу битв и кости могут быть чьи угодно.

Увидев Ориса Баратеона и других лордов, вернувшихся из плена безрукими, король Эйегон вознамерился отомстить, и драконы принялись поливать огнем дорнийские замки. Дорнийцы не остались в долгу: высадившись в 8 г. на мысе Гнева, они сожгли половину Дождливой леса и разграбили дюжину деревень. В ответ на это опять запылали замки, а дорнийцы во главе с лордом Фаулером подожгли марочный замок Ночная Песнь и увели в заложники всех, кто там был. В то же время сир Джозффри Дейн подошел с другим войском к самым стенам Староместа, спалив все окрестные поля и деревни.

Тогда Таргариены послали драконов на Звездопад, Поднебесный и Адов Холм. Именно в Адовом Холме Дорн нанес Таргариенам самый весомый удар. Стрела из скорпиона попала Мираксесу в глаз; дракон, рухнув наземь вместе с всадницей, в предсмертных судорогах снес самую высокую башню замка и часть крепостной стены. Тело королевы Рейенис так и не вернули в Королевскую Гавань.

ИЗ КНИГИ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

«**О**стается спорным, пережила ли Рейенис своего дракона. Одни говорят, что она сорвалась с него и разбилась насмерть, другие — что он раздавил ее своей тушей. Говорят также, что королева осталась жива и была медленно замучена в темницах Уллеров. Подлинных обстоятельств ее кончины мы скорее всего никогда не узнаем; известно лишь, что Рейенис Таргариен, сестра и жена короля Эйегона Первого, погибла в Адовом Холме на десятом году от Завоевания».

Два последующих года известны как времена Драконова Гнева. Король Эйегон и королева Висеня, снедаемые горем после смерти любимой сестры, по крайней мере единожды поджигали все дорнийские замки, кроме Солнечного Копья. Отчего они не тронули замок принцессы, остается загадкой; в Дорне говорят, будто Мерия приобрела в Лиссе некое хитрое средство против драконов. Вернее, однако, что Таргариены, как полагает архимейстер Тимотти в своих «Заключениях», наделись настроить пострадавший от огня Дорн против не потерпевших никакого вреда Мартеллов. Этим можно объяснить и письма, рассылавшиеся в дорнийские дома с Марок и убеждавшие лордов сдать-ся, поскольку Мартеллы-де откупились от Таргариенов за счет своих подданных.

Как бы там ни было, Первая Дорнская война вступила в свою последнюю, наименее славную стадию. Несколько дорнийских лордов, за головы коих Таргариены назначали награду, пали от рук наемных убийц, хотя из последних выжили и получили вознаграждение только двое. Дорнийцы откликнулись на это по-своему: даже в сердце Королевской Гавани никто не мог чувствовать себя в безопасности. Лорда Фелла убили в борделе, на самого Эйегона покушались не меньше трех раз. При нападении на королеву Висеню погибли двое ее гвардейцев, но последнего из негодяев она сама сразила Темной Сестрой. О злодеяниях Вайла с Каменного Пути говорить нет нужды: они еще живо помнятся в Фаунтоне и Старой Дубраве.

Дорн к тому времени превратился в дымящиеся руины, но дорнийцы, в том числе и простого звания, все так же нападали из-за угла и отказывались сдаваться. В 13 г. скончалась принцесса Мерия. Сын ее, немолодой и слабый здоровьем принц Нимор, больше не желал воевать и отправил свою дочь Дерию с посольством в Королевскую Гавань. Послы привезли в дар королю череп Мираксеса; многих, в том числе Ориса Баратеона и королеву Висеню, это разгневало, а лорд Окхарт предлагал отдать принцессу Дерию в низайшего пошиба бордель. Король Эйегон, однако, принял ее и выслушал.

Дорн желает мира, сказала она — но это должен быть мир между двумя королевствами, а не между вассалом и сюзереном. Многие советники короля

высказывались против такого решения, и фраза «нет мира без повиновения» часто звучала в Эйегонфорте. Считалось, что король, согласившись на это, выкажет слабость и вызовет гнев пострадавших за него лордов Простора и Шторма.

Король, прислушиваясь к этим советам, уже подумывал об отказе, но тут Дерия вручила ему письмо своего отца, принца Нимора. Прочитав его, Эйегон встал, и на руке его была кровь — так сильно он стиснул подлокотник Железного Трона. Письмо он сжег и тут же вылетел на Драконий Камень верхом на Балерионе; вернувшись наутро в столицу, он подписал договор о мире.

Никто и по сей день не знает, что было в этом письме. Возможно, Нимор написал, что Рейенис еще жива, но терпит великие муки, которые будут прекращены, если Эйегон согласится на мир? Возможно, в письме содержались некие колдовские чары? Возможно, принц угрожал отдать все богатства Дорна Безликим за убийство королевского сына и наследника Эйениса? Вопросы эти, видимо, так и останутся без ответа.

Мир, однако, оказался устойчивым и продержался даже вопреки Королю Стервятников. За ним, правда, последовали другие Дорнские войны, и даже в мирные времена дорнийцы не прекращали своих набегов на зеленые земли за грядой Красных гор.

Принц Куорен Мартелл поддержал Триархию в войне за Ступени с принцем Дейемоном и Морским Змеем. Во время Пляски Драконов обе стороны пытались переманить Дорн к себе, но Куорен отказал и тем и другим. «Дорн уже наплясался с драконами, — будто бы сказал он, получив письмо от сира Отто Хайтауэра. — Лучше со скорпионами спать, чем плясать с ними снова».

При короле Дейероне Первом вечный мир оказался не столь уж вечным, и мы знаем, какую цену заплатили за это все Семь Королевств. Завоевание Дорна Юным Драконом было славным подвигом, и в песнях о нем поется не даром, но продлилось оно недолго, а жизни стоило многим тысячам, в том числе и отважному юному королю. Новый мир, который выпало заключать брату и преемнику Дейерона Бейелору Благословенному, тоже достался государству немалой ценой.

О попытке Эйгона Четвертого Недостойного завоевать Дорн со своими рукотворными «драконами» вряд ли стоит упоминать; эта безумная затея не привела ни к чему, кроме нового унижения. Сын Эйгона Дейерон Второй Добрый, наконец присоединивший Дорн к своему государству, добился этого не огнем и мечом, а мягкими словами, улыбками, парой удачных браков и договором, закреплявшим за принцами Дорна их титул, их привилегии и гарантию соблюдения местных законов.

После этого Дорн был неизменным союзником Таргариенов как в мятежах Черного Пламени, так и в Войне Девятигрошовых Королей на Ступенях. В награду за его верность наследный принц Рейегар Таргариен взял в жены принцессу Элию Мартелл, от которой имел двух детей. Если бы не безумие его отца Эйериса Второго, на трон когда-нибудь мог взойти король с половиной дорнийской крови, но Восстание Роберта стоило жизни и Рейегару, и всей его семье.

Дочь Куорена принцесса Алиандра держалась другого мнения. Сия пылкая молодая девица, мнившая себя новой Нимерией, побуждала лордов и рыцарей, желавших снискать ее благосклонность, вторгаться на Марки, но была также весьма благосклонна к лорду Алину Велариону — и когда он впервые посетил Солнечное Копье, и по его возвращении с Закатного моря.

ВВЕРХУ | Эйгон Завоеватель читает послание принца Дорнийского

СОЛНЕЧНОЕ КОПЬЕ

История его любопытна. Сначала это было безобразное приземистое строение под названием Песчаный Корабль, но затем над ним поднялись чисто ройнарские башни. Солнце Ройна сочеталось с копьем Мартеллов, и замок получил название Солнечное Копье. Золотой купол башни Солнце и стройный шпиль Копья — первое, что видят путники, прибывающие к замку сушей и морем.

С трех сторон стоящий на мысу замок окружает вода, с четвертой к нему примыкает теневой

город, пыльное скопище глинобитных лачуг, которые сначала лепились к стенам Солнечного Копья, а после друг к другу. В этих домах прохладно даже в самые знойные дни. Узкие улочки города образуют настоящий лабиринт, на базарах продаются пряности Востока и Дорна.

Кривые Стены, построенные семьсот лет назад, окружают замок и змеятся по всему городу, чтобы запутать врага на случай осады. Прямоком к замку можно пройти лишь через Тройные ворота, усиленно охраняемые.

За Закатным Короневством

ДРУГИЕ ЗЕМЛИ

Вестерос — лишь малая часть нашего мира, дальние пределы коего остаются неведомыми даже мудрейшим из мудрецов. Нашей целью было рассказать об истории Семи Королевств, но нельзя хотя бы вкратце не упомянуть и о других землях. У каждой из них свой нрав, свои краски, каждая вносит свою долю в узор великого мирового ковра.

Чем дальше мы удаляемся на восток от наших западных королевств, тем меньше известно о тех краях Цитадели. Отдаленные области Эссоса мы знаем плохо, южные оконечности Сотороса и Ультоса еще хуже и вовсе не знаем, что лежит за Последним Светом.

То, что относится к сим пространствам, можно, разумеется, сказать и о былых временах. На примере Вестероса мы уже видели, как трудно судить до-

стоверно о древней истории; поэтому я не стану касаться здесь исчезнувших Валирии и Старого Гиса, о коих уже упоминал в этой книге. Что до таинственного Кварта, то наилучшим источником здесь будет «Яшмовый ларец» Коллоквия Лотара, повествующий о землях вокруг Яшмового моря.

Далее мы попытаемся вылущить зерна познания даже из самых отдаленных краев, хотя полагаться нам в основном придется на рассказы путешественников, легенды и сказки.

Начнем с самых близких и знакомых наших соседей, сиречь с Вольных Городов. Их историю с самых ранних времен мы знаем по их же летописям; из тех же летописей мы черпаем кое-какие знания о народах, живших на свете еще до Древней Валирии.

Главная трудность, которую ставит перед нами древняя история, заключается в различном летоисчислении. Об этом прекрасно сказано в великом труде архимейстера Вальграма «Времена и числа», но даже и среди мейстеров нет согласия относительно наших собственных дат.

НА ПРЕДЫДУЩИХ СТРАНИЦАХ | Окутанные туманом руины Кройяна, ройнарского города
ВВЕРХУ | Монеты Вольных Городов (слева направо): Браавоса, Пентоса, Лисса, Мира, Тироша, Волантиса,
Норвоса, Квожора, Лората

ВОЛЬНЫЕ ГОРОДА

Эссос, огромный континент за Узким морем, является собой вместилище самых странных и древних государств и народов. Одни из них процветают до сих пор, другие давно исчезли и остались только в легендах. Многие из них так далеки, что не имеют никакого касательства к Семи Королевствам, исключая разве мореходов, готовых плыть куда угодно в поисках славы и золота.

Но с Девятью Вольными Городами мы живем по соседству, ведем с ними торговлю, и история их зачатую переплетается с нашей. Торговые галеры веками сновали по Узкому морю, меняя прекраснейшие ковры, шлифованные стекла, тонкие кружева, заморские плоды и тысячу прочих товаров на золото, шерсть и другие богатства нашего континента. В Староместе, Королевской Гавани, Ланниспорте и прочих портовых городах от Восточного Дозора до Дошлатого можно видеть моряков, купцов и банкиров из Девяти Городов; они продают, покупают, ссужают деньги и рассказывают диковинные истории.

У каждого из Вольных Городов своя история и свой нрав, в каждом говорят на своем языке, хотя все эти наречия — лишь испорченные разновидности высокого валирийского; чем дальше уходит в прошлое Рок, тем сильнее они отходят от первоисточника.

Восемь городов суть гордые отпрыски Древней Валирии, до сих пор управляемые потомками пер-

вых поселенцев, живших там сотни и тысячи лет назад. Валирийская кровь там по-прежнему очень ценится. Особняком стоит лишь девятый, Браавос, основанный беглыми рабами той же Валирии. Первые его жители происходили со всех концов света, но со временем образовали единый народ.

Мы говорим лишь о девяти городах, хотя в Эссосе можно найти другие валирийские города и селения, которые порой больше и многочисленней Чаячьего города, Белой Гавани и самого Ланниспорта. Вольные Города отличаются от них не столько величиной, сколько происхождением. Мантарис, Валан-Терис, Орос, Тирия, Драконис, Элирия, Мхиса-Фаэр, Риос и Аквос-Дхаэн при всем своем величии и богатстве самоуправления до Рока никогда не имели: правителей им назначала Республика.

В Волантисе же и восьми остальных городах все было иначе: каждый становился независим от матери-Валирии сразу после рождения. Будучи хорошими детьми, они, за исключением одного Браавоса, никогда не воевали с Валирией, не отказывали драконьим владыкам в каких-то важных делах, оставались верными союзниками матери на войне и в торговле, искали ее советов в трудные времена. Но все их внутренние дела решались собственными жрецами, принцами, архонами и триархами.

ЛОРАТ

Вольный город Лорат стоит на северной оконечности Эссоса, в устье Лоратского залива, выходящего в Студеное море, на самом большом из тамошних каменных островов. В его границы входят еще три крупных острова, множество мелких, населенных лишь морскими птицами и тюленями, и лесистый полуостров к югу от них. Лорат считает себя властелином всего залива, но китоловы и рыбаки из Браавоса и с Иба часто заходят туда, поскольку Ло-

рат не довольно силен, чтобы как следует оберегать собственные владения.

В старину его земли простирались на восток до самого Акса, но с веками власть Лората истощилась; теперь он распоряжается лишь восточными и южными берегами залива, западный же берег принадлежит Браавосу.

Лорат меньше, беднее и малолюднее остальных восьми городов и расположен ближе всего к северу

после Браавоса, а отдаленность от торговых путей делает его самым одиноким из детей старой Валирии. Почва его островов бесплодна, но море изобилует рыбой, киты приносят в заливе своих

детенышей, прибрежные скалы заняты лежбищами моржей и тюленей. Соленой треской, моржовыми бивнями, китовым жиром в основном и торгует город.

Сооружения, сложенные из больших отесанных камней, разбросаны по всем островам Лоратского залива. Один такой лабиринт, заросший и ушедший глубоко в землю, нашли и на материке, на полуострове к югу от Лората. Другой, огромнейший, занимает три четверти Лорассиона, второго по величине лоратского острова. Четыре его яруса лежат под землей, и некоторые ходы достигают глубины пятисот футов.

Назначение этих лабиринтов до сих пор порождает споры среди ученых. Были они крепостями, храмами, городами или же служили иным таинственным целям? Мы не узнаем этого никогда, ибо письменных свидетельств их строители не оставили. По костям видно, что создатели лабиринтов были крупнее людей, но несколько мельче, чем великаны; предполагают поэтому, что они произошли от союзов мужчин человеческого племени с великаншами. Судьба их также неизвестна. Согласно лоратской легенде, их истребил враг, пришедший с моря: то ли водяные, то ли человекотюлени и человекоморжи.

В древности на этих островах жили таинственные «строители лабиринтов», не оставившие после себя ничего, кроме этих лабиринтов и мертвых костей.

Вслед за строителями лабиринтов пришли другие народы. Одно время на островах обитало малорослое, темнокожее, волосатое племя сродни иббенийцам. Они промышляли рыболовством, жили у самого моря и чурались лабиринтов, оставленных их предшественниками. Их сменили андалы, пришедшие в залив на ладьях. Одетые в кольчуги, вооруженные стальными мечами и топорами, они перебили всех местных мужчин именем своего семиликого бога, а женщин и детей взяли в рабство.

Вскоре на каждом острове сидел свой король, а на самом большом их было целых четыре. Следующую тысячу лет андалы занимались междоусобицей, пока воин по имени Кварлон Великий не подчинил все острова себе. Согласно тогдашним записям, он построил большой деревянный замок в середине Лорассионского лабиринта и украсил его стены головами убитых врагов.

Кварлон, возмечтавший стать королем всех андалов, то и дело затевал войны с мелкими королевствами Андалоса. После двадцати лет и стольких же войн его владения простерлись на север до лагуны,

где теперь стоит Браавос, на восток до Акса, на юг до истоков Верхнего Ройна и Нойны.

Южные походы, однако, рассорили Кварлона не только с андалскими королями, но и с вольным городом Норвосом, что на Нойне. Когда норвошийцы закрыли от него реку, он объявил им войну. Выиграв в холмах два сражения, Кварлон преисполнился снесьи и двинулся дальше, на город. Норвос обратился за помощью к Валирии, и та не замедлила откликнуться, хотя между ней и далеким сыном лежали земли андалов и ройнаров.

Драконых владык в зените их славы расстояния не пугали. В «Огнях великой республики» сказано, что сто драконов, поднявшись в небо, полетели вдоль огромной реки на север и обрушились на осадивших Норвос андалов. Спалив Кварлона со всем его войском, драконы продолжили путь и залили пламенем острова Лората. Замок Кварлона вспыхнул, за ним запылали рыбацьи деревни; лабиринты и те почернели. Говорят, что после Лоратского Очищения не осталось в живых никого: ни единого мужчины, ни женщины, ни ребенка.

Лоратские острова были необитаемыми больше столетия. Туда в изобилии вернулись моржи и тюлени, по черным заброшенным лабиринтам шмыгали крабы. Китобои из Порт-Иббена порой чинили на

берегу свои лодки и запасались водой, но вглубь заходить не смели, веря, что каждый, переставший слышать прибой, будет проклят.

За тысячу триста двадцать два года до Рока в Лорат пришли раскольники из Валирии и воздвигли на главном острове храм.

Новые лоратийцы поклонялись Слепому Богу Боашу. Прочих богов они не признавали, не ели мяса, не пили вина, ходили босые, одевались во власяницы и шкуры. Их жрецы-евнухи носили глухие клобуки в честь своего бога и учили, что лишь во тьме открывается третий глаз, позволяющий разглядеть «высшие истины» за иллюзиями этого мира. Боашиане верили, что всякая жизнь священна и вечна, что женщины и мужчины равны, что лорды и крестьяне, богатые и бедные, рабы и господа, люди и звери равно созданы Богом и никто не стоит выше других.

Самым важным в их учении было полное отречение от себя; лишь свободный от людского тщеславия человек мог слиться с божественным началом. Имен у боашиан не было; они называли себя «мужчина» или «женщина» и не употребляли слов «я» и «мое». Культ Боаша угас больше тысячи лет назад, но эти особенности языка еще сохранились в лоратском простонародье, хотя благородное сословие не признает их.

Последователи Слепого Бога преобразили древние лабиринты в свои города, гробницы и храмы. Но три четверти века спустя на берегах залива начали понемногу оседать иноверцы, заходившие туда за моржами, тюленями и треской. Это были жители Иба, Андалоса и еще более дальних земель, а на островах, пользуясь учением о равенстве всех людей, находили приют вольноотпущенники и беглые рабы из Валирии. Три рыбачьих де-

ревни на западном конце главного острова со временем образовали город, и на месте землянок стали расти каменные дома.

Все эти новые поселенцы тоже поклонялись Боашу, и жрецы Слепого Бога правили островами еще много лет. Но затем вера стала слабеть; жрецы, поддавшись мирским соблазнам, снимали власяницы, клобуки и жирели на десятине, которую им выплачивали. В конце концов рыбаки и земледельцы поднялись против них, отринули Боаша и перебили его приверженцев. Лишь малая горстка боашиан укрылась в храме-лабиринте Лорассиона и жила там, пока последний из них не умер.

Избавившись от жрецов, Лорат объявил себя республикой по примеру Валирии. Управляли им три принца: земельный, рыбачий и городской. Первого выбирали землевладельцы, второго владельцы лодок и кораблей, третьего свободные жители города. Принц, однажды избранный, оставался на посту до конца своих дней.

Свои титулы принцы сохранили до наших дней, но правителями остаются лишь по названию. Подлинная власть принадлежит совету магистров, составленному из особ благородной крови, жрецов и купцов. Благодаря своей уединенности лоратийцы почти не принимали участия в событиях Кровавого Века, исключая тех, кто продавал свои мечи Браавосу или Норвосу.

Бедный, удаленный, не слишком просвещенный Лорат считается самым малозначительным из Девяти Городов. Имея большой рыбачий флот, военных кораблей он почти не строит и не может похвалиться военной силой. Мало кто из лоратийцев покидает свои острова, а в Вестеросе побывало и того меньше. Торговлю они ведут с ближайшими своими соседями: Норвосом, Ибом и Браавосом.

НОРВОС

Вольный город Норвос стоит на восточном берегу реки Нойны, одном из величайших притоков Ройна. На речных утесах виден верхний город, окруженный крепкими стенами, а в трехстах футах под ним раскинулся нижний, обведенный рвами и замшелым бревенчатым палисадом. В верх-

нем, над которым высится храм-крепость борода-тых жрецов, живет благородное сословие; простой же люд ютится среди причалов, пивных и борделей у самой реки. Обе части Норвоса соединяются каменной лестницей, известной как Шаги Грешника.

НА ПРЕДЫДУЩИХ СТРАНИЦАХ | Жрецы Слепого Бога среди лабиринтов Лората

Великий Норвос, как именуют его горожане, обступают известняковые холмы и густые леса с буками, дубами и соснами; там водятся медведи, волки, лисы и всякая дичь. Владения города простираются от западного берега Темной на востоке и Верхнего Ройна на западе. Норвосские речные галеры стерегут Нойну до самых руин Най Сара, где она вливается в Ройн. Норвос заявляет также права на Акс у Студеного моря, но иббенийцы, порой силой оружия, отстаивают собственные права.

У самых городских стен расположены террасами обработанные поля. Деревни, лежащие далее, защищены палисадами. По каменистым руслам бегут ручьи; холмы, словно соты, пронизаны пещерами, где живут бурые северные медведи и стаи рыжих и серых волков. Кое-где находят кости великанов и на-

свою очередь, прогнал легендарный принц Най Сара Гаррис Серый, но и ройнары недолго здесь задержались, предпочитая более мягкую погоду низовий холодным ветрам северных областей.

Нынешний Норвос, как и его собраты Лорат и Квохор, были основаны валирийскими раскольниками. Республика во времена расцвета давала приют сотням храмов; в одних были тысячи прихожан, в других лишь десятки, но ни одна вера не запрещалась и не предпочиталась другим.

Многие валирийцы поклонялись целому пантеону богов, обращаясь к каждому за разной надобностью, многие же, как говорят, и вовсе ни в какого не верили. Одни полагали свободу веры признаком просвещения, других она оскорбляла. «Тот, кто чтит всех богов, не чтит никого», — провозгласил

Драконьи владыки, по словам некоторых ученых, всякую веру считали ложной, полагая себя могущественнее всех богов и богинь. Храмы представлялись им реликвиями первобытных времен, но были полезны для усмирения «рабов, дикарей и бедных», которым после смерти обещалась лучшая жизнь. Кроме того, многобожие помогало разобщению подданных и уменьшало вероятность их сплочения под знаменем одной веры. Веротерпимость для драконьих владык была средством сохранения мира.

стенные росписи, говорящие, что в глубокой древности здесь обитали люди. Пещеры в ста лигах к северо-западу от города столь огромны и глубоки, что легенда объявляет их входом в подземный мир. (Ломас Странник в своей книге описывает их как одно из семи природных чудес.)

Норвошийцы, властвующие над истоками Ройна, происходят, однако, не от ройнаров, владевших этой могучей рекой в старину. Норвос, как и другие Вольные Города — отпрыск Валирии, но до него на Нойне жили другие народы.

Порой их называют родичами лоратских строителей лабиринтов, но это едва ли возможно: строили они из дерева, а не из камня, и никаких лабиринтов за собой не оставили. Может также статься, что они сродни иббенийцам, но скорее всего то были андалы.

Ни одно из их поселений не уцелело. По преданию, древних вытеснили с Нойны волосатые пришельцы с востока, наверняка иббенийцы. Тех, в

однажды пророк Рглора, Владыки Света. И даже в те времена находились такие, кто, почитая единственного бога или богиню, объявляли все другие божества идолами, демонами, обманщиками рода людского.

В Валирии процветали десятки таких сект, зачастую враждующих меж собой. Некоторые находили терпимость Республики нестерпимой и удалялись в глушь, где строили свои города, предназначенные только для приверженцев «истинной веры». О последователях Слепого Бога Боаша, основавших Лорат, мы уже говорили; Квохор основали поклонники темного божества, называемого Черным Козлом, но божество первопоселенцев Норвоса еще странней и таинственней. Самое его имя известно лишь посвященным. Можно не сомневаться, что бог сей суров, ибо служители его носят власяницы, сырые кожи и подвергают себя самобичеванию. Им запрещено также бриться и стричь волосы.

Бороды в Норвосе дозволены только жрецам. Свободные же норвошийцы как знатного, так и низкого рода носят длинные усы, рабы бреют не только бороды, но и головы. Женщины тоже ходят бритоголовыми и удаляют волосы на всем теле, но знатные дамы, особенно в обществе чужеземцев, могут надеть парики.

Норвос от основания до наших дней был теократией. Правят им жрецы, которыми в свою очередь правит их бог в храме-крепости, куда лишь истинно верующий может войти, не лишившись жизни. В городе есть и совет магистров, но все они избираются богом, высказывающим свою волю через жрецов. Для соблюдения порядка жрецы располагают рабами-солдатами, которые носят на груди клеймо в виде топора с двойным лезвием и

совершают обряд бракосочетания со своими секирами.

Путники описывают Верхний Норвос как унылое место, где летом царит зной, зимой стужа и никогда не смолкают молитвы. Нижний город с его пристанью, борделями и тавернами куда веселее. Здесь простые норвошийцы вдали от жрецов и вельмож лакомятся мясом и щукой, пьют крепкое черное пиво и хмельную нахсу из козьего молока, смотрят

В секире, норвосском символе власти и могущества, архимейстер Перестин видит доказательство того, что первыми жителями Норвоса были андалы, жрецы же попросту нашли этот символ в руинах на месте города, который задумали основать. Двойной топор наряду с семиконечной звездой был, по словам Перестина, знаком священного воинства, завоевавшего некогда Вестерос.

«Высечено на камне» архимейстера Хармуна представляет собой перечень подобных изображений в Долине. Звезды и топоры там находят от Перстов до Лунных гор, даже и у подножья Копья Гиганта. Со временем андалы, как предполагает Хармун, предпочли как символ Веры звезду и отказались от топора.

Не все, однако, согласны, что на рисунках этих представлены именно топоры. Мейстер Эвлин в своем опровержении заявляет, что это молот знак Кузнеца, и реже звезд он встречается лишь потому, что андалы были не ремесленниками, а воинами.

на пляшущих медведей и (как говорят) на рабынь, совокупляющихся с волками в тайных подвалах.

Нельзя не упомянуть о трех колоколах Норвоса, призывающих горожан вставать и ложиться, работать и отдыхать, братья за оружие, молиться (весь-

ма часто) и даже предаваться плотским утехам (куда как реже). Каждый из них коренные норвошийцы различают по голосу, а зовутся они Нарра, Нум и Ниэль; Ломас Странник назвал их одним из девяти рукотворных чудес.

КВОХОР

Сей город, самый восточный из детей Древней Валирии, еще загадочнее Лората и Норвоса. Стоит он на реке Квойне, на краю огромного первобытного леса, равного коему нет во всем Эссосе.

На родном континенте и даже в Вестеросе Квохор часто называют городом колдунов. Ходят слухи, что здесь практикуют ясновидение, некромантию и магию крови, но доказать это не так-то легко. Одно, впрочем, бесспорно: божество Квохора, известное как Черный Козел, требует ежедневных жертв. Обычно в жертву приносят телят, бычков, лошадей,

ной величины вепри, пятнистые медведи и даже лемуры, кои живут на Летних островах и в Соторосе, но редко встречаются ближе к северу. Этих зверей с серебристым мехом и фиолетовыми глазами называют также валирийчиками.

Квохор также славится своими ремесленниками. Квохорские гобелены, ткущиеся в основном женщинами и детьми, не уступают мирийским коврам, а стоят дешевле. В Квохоре можно купить искусно сделанные деревянные фигурки, порой весьма страшные, здешние же кузнецы не имеют се-

В Цитадели имеется чучело лемура из Квохорского леса, но школяры столь долго гладили его на счастье перед экзаменами, что он совершенно облез.

но в священные дни жрецы возлагают на алтарь приговоренных к смерти преступников, а в особо тяжелые времена городская знать будто бы отдает богу родных детей.

Кормит город Квохорский лес. Первыми поселенцами здесь были лесорубы, а ныне квохорцы знамениты как лесовики и охотники. Низовья Ройна испытывают постоянную нужду в дереве, но собственные их леса давно вырублены и распаханы. Поэтому груженные лесом баржи ежедневно отплывают из Квохора к Кинжальному озеру и дальше, на рынки Селхориса, Валисара, Валан-Териса и Волантиса.

В лесу промышляют также пушного зверя, добывают серебро, олово и янтарь. Лес этот, судя по хранящимся в Цитадели картам, до конца не изучен и скрывает, может статься, множество тайн и чудес. Здесь, как во многих северных лесах, в изобилии водятся лоси, олени, волки, древесные коты, чудовищ-

бе равных. Квохорские мечи, ножи и доспехи превосходят самую лучшую сталь, выкованную в замках Вестероса; здесь владеют искусством окрашивания металлов, что придает изделиям особую красоту. Больше нигде в мире не умеют перековывать валирийскую сталь, и квохорцы ревниво берегут секреты этого мастерства.

Знамениты и восточные ворота Квохора, откуда отправляются караваны в Вейес Дотрак и сказочные страны за Костяными горами. Караваны с востока также первым делом приходят в Квохор, где отдыхают после долгого путешествия и ведут торг привезенными товарами. Эта торговля делает Квохор одним из самых богатых Вольных Городов и уж точно самым диковинным (говорят, правда, что до разрушения Сарнора город был раз в десять богаче).

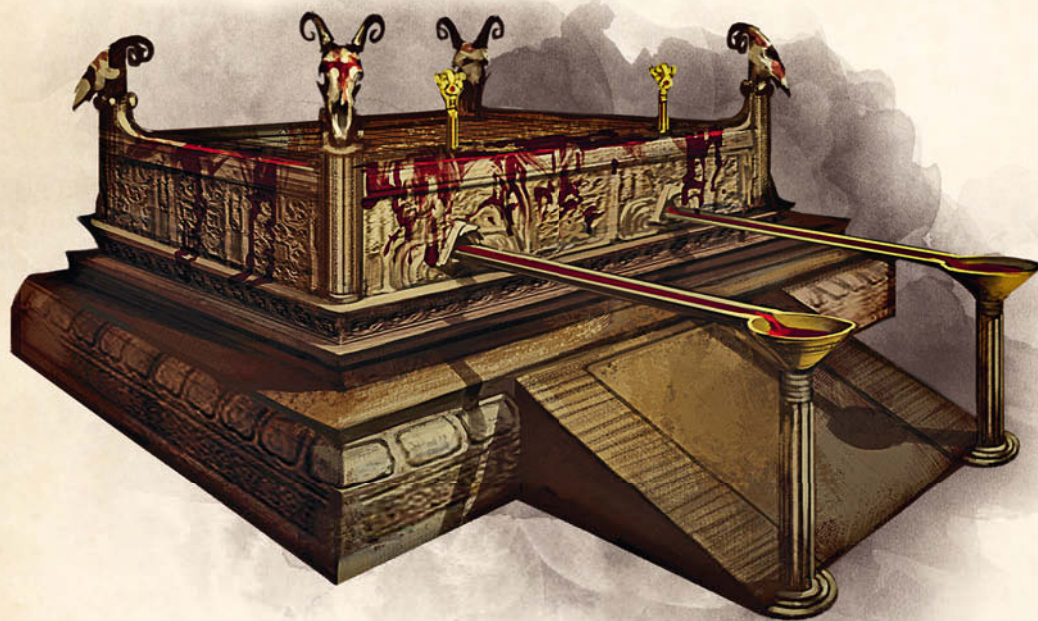
Стены Квохора высоки и надежны, но квохорцы скорее купцы, чем воины, и город, не считая небольшой стражи, защищают рабы. Пехотинцев-

Мейстер Полл, проживший в Квохоре несколько лет и создавший труд об его железных дел мастерах, пишет, что его трижды бичевали публично и прогоняли вон за излишнее любопытство. В последний раз ему еще и руку отсекали, обвинив в краже валирийского клинка, но Полл говорит, что причиной окончательного изгнания послужило его открытие. Кузнецы, чтобы их сталь не уступала валирийской, подмешивают к ней кровь младенцев-рабов.

евнухов, известных как Безупречные, выращивают и обучают в древнем гискарском городе Астапоре на заливе Работорговцев.

В Кровавый Век, последовавший за Роком, Квохор и Норвос заключили союз против Волантиса,

пытавшегося подчинить себе все Вольные Города. С тех пор оба города чаще бывают союзниками, чем врагами, хотя бородатые жрецы почитают Черного Квохорского Козла злобным и вероломным демоном.

Четыреста лет назад три тысячи Безупречных отразили нашествие дотракийского кхала Теммо, который привел к стенам города пятьдесят тысяч всадников. Схлестнувшись с непобедимой пехотой не менее восемнадцати раз, Теммо погиб, а преемник его велел своим воинам отрезать себе косы и бросить их под ноги оставшихся в живых евнухов. В опасные времена квохорцы прибегают также к услугам вольных отрядов и подносят кхалам богатые дары, чтобы те не трогали город.

ВВЕРХУ | Священный алтарь для приношений Черному Козлу

ДРАЧЛИВЫЕ ДЕТИ: МИР, ЛИСС И ТИРОШ

Восточные Вольные Города Лорат, Норвос и Квохор с Вестеросом почти не торгуют. Совсем иначе обстоит дело с приморскими Браавосом, Пентосом и Волантисом, имеющими природные гавани. Торговля для них равносильна жизни, и их суда ходят как в дальние Йи Ти, Ленг и Асшай, что у Края Теней, так и в вестеросские порты. У всех этих городов своя история и свои боги, хотя красные жрецы Рглора имеют значительную силу в каждом из них. Они издавна соперничают, и о войнах между ними можно написать целые томы.

То же относится к Миру, Лиссу и Тирошу, в чьих бесчисленных распрях частенько принимали участие короли и рыцари Вестероса. Расположены они вокруг «пяты» Эссоса — полуострова, отделяющего Летнее море от Узкого и бывшего некогда частью земляного моста меж двумя континентами. Город-крепость Тирош стоит на крайнем северо-восточном острове архипелага Ступени, представляющего собой обломки того же моста. Мир находится на материке, в том месте, где древняя валирийская Драконья дорога упирается в Мирровое море. Лисс занимает мелкий архипелаг в Летнем море. Все они претендуют на лежащие между ними земли (или на часть их), отчего эти земли и называются Спорными. Все попытки провести границы между владениями трех городов провалились, и войнам за обладание Спорными Землями нет числа.

В истории, обычаях, языке и религии у них между собой больше общего, чем с любым другим Вольным Городом. Все они торговые города, все защищены высокими стенами и нанятыми мечами, всюду торговое поприще считается почетнее воинского, всюду богатство стоит выше происхождения. Лисс и Мир управляются магистрами, избираемыми из числа богатейших и родовитейших граждан, Тирошем правит архон, избираемый сходным образом. Рабов в каждом городе втрое больше, чем свободных людей. В каждом есть порт, и соленое море для них что животворная кровь. Единой веры в них, по примеру матери-Валирии, нет, и на улицах теснятся храмы всевозможных богов.

При всем при том соперничают и враждуют они с древних времен, к бесспорной выгоде лордов и ко-

ролей Вестероса: случись трем этим торговым магнатам объединиться, у Семи Королевств появился бы весьма опасный сосед.

Лисс самый красивый из Вольных Городов, и нравы там, пожалуй, самые вольные в мире. Жаркий, но овеваемый прохладными бризами, стоящий среди пальм и фруктовых деревьев, окруженный голубыми, богатыми рыбой водами, «прелестник Лисс» был построен драконьими владыками старой Валирии как место отдыха, где они наслаждались тонкими винами, прекрасными девами и сладкозвучной музыкой, прежде чем вернуться к огням Республики. Он и по сей день остается «праздником всех чувств и бальзамом душевным». Его перинные дома славятся по всему свету, и таких красивых закатов нигде больше нет. Сами лиссенйцы

Они доказали это, когда и вправду ненадолго объединились, победив в Пограничной битве Волантис. В 96 г. ОЗ они поклялись в вечной дружбе и стали называться Триархией, хотя в Вестеросе этот союз лучше известен как Троединое Братство. Для начала они прогнали со Ступеней пиратов, что Семь Королевств и другие страны на первых порах одобрили, ибо пираты сильно мешали торговле. Вскоре, однако, Триархия начала брать за проход между островами невыносимо высокую пошлину и оказалась хуже пиратов — особенно лиссенийцы, требовавшие в уплату красивых юношей и девиц.

Корлис Веларион с Деймоном Таргариеном на время укротили их и отняли у них больше половины Ступеней, но затем вестеросцев отвлекли собственные раздоры, и Три Брата восстановили былую власть. Потом лиссенийского адмирала убил соперник из-за знаменитой куртизанки по имени Черная Лебедь (племянницы лорда Сванна и негласной правительницы Лисса), и вражеский союз Браавоса, Пентоса и Лората покончил с Триархией.

тоже красивы, ибо старая валирийская кровь здесь крепче, чем где бы то ни было.

Гораздо более суровый Тирош задумывался как форт, о чем свидетельствуют его черные стены, оплавленные драконьим огнем. Судя по валирийским летописям, его назначением было следить за

прохождением кораблей по Ступеням. Вскоре, однако, оказалось, что близ него (и нигде более) водятся устрицы особого вида; багряная краска, выделяемая ими, стала отчаянно модной среди валирийской аристократии, купцы нахлынули в Тирош тысячами, и он за одно поколение преобразился из форта в

торговый город. Тирошийцы, давая устрицам разный корм, вскоре научились получать также алую и густо-синюю краски, с веками же оттенков стало не счесть; одни получались естественным путем, другим помогла алхимия. Ткани, окрашенные в эти цвета, высоко ценились у аристократов и правителей всего мира. Город разбогател, и причина его богатства видна любому: и мужчины и женщины здесь красят волосы самым ярким и не присущим природе образом.

У Мира происхождение более темное. Некоторые мастера полагают, что мирийцы сродни роинарам; у них такая же оливковая кожа и темные волосы, но в остальном связи между ними не усматривается. По некоторым признакам, на месте этого города в Рассветные Века и Долгую Ночь стоял другой, основанный исчезнувшим ныне народом; затем здесь поселились андалы, но однажды валирийские купцы, нагрянув сюда, перебили одних жителей и

взяли в рабство других; так и возник известный нам Мир.

Если Лорат, Норвос и Квохор породила религия, то Лисс, Тирош и Мир обязаны всем коммерции. Все они имеют большие торговые флотилии, и корабли их странствуют по всем на свете морям. Работоторговля здесь также процветает; особо предприимчивые тирошийцы заплывают даже за Стену и ловят там одичалых, лиссенийцы повсюду выискивают красивых мальчиков и девочек для своих перинных домов и разводят особую породу рабов для утех, скрещивая красавцев с красавицами.

Валирийская кровь в Лиссе проявляет себя в полную силу; даже у простолюдинов нередко встречается белая кожа, серебристые с золотом волосы и пурпурные, лиловые, бледно-голубые глаза древней аристократии — повелителей драконов. Лиссенийская знать ценит чистоту крови превыше всего; много красавиц, вышедших из домов высокого рода,

Женой Визериса Второго Таргариена, матерью Эйгона Четвертого Недостойного и Эймона Рыцаря-Дракона, была лиссенийка по имени Ларра Рогаре. Она происходила из старого валирийского рода и была на семь лет старше своего жениха (ей было девятнадцать, когда они поженились). Отец ее Лисандро Рогаре управлял банком, дела коего пошли еще лучше после союза с Таргариенами. Кроме того, он был пожизненным Первым Магистром и носил прозвище Лисандро Великолепный. Но когда он и его брат Дразенко, принц-консорт Дорна, умерли в один день, дом Рогаре потерпел крах как в Лиссе, так и в Семи Королевствах.

Лисаро, наследник Лисандро, был уличен другими магистрами в растрате огромных сумм, а братья его — в заговорах с целью захвата Железного Трона. Разоренные Лисаро клиенты подвергли его бичеванию в Храме Торговли и засекли до смерти. Его братьев наказали не столь сурово; впоследствии один из них, Моредо, владеец валирийского меча Истина, пошел на Лисс во главе неприятельского войска.

заслужили как добрую, так и дурную славу. Даже принцы и короли из дома Таргариенов порой приезжали в Лисс в поисках жен или наложниц ради их благородной крови и сказочной красоты. Даже на лисских монетах отчеканена нагая богиня любви, которой поклоняются жители города.

Войны, мирные договоры, союзы и измены между Лиссом, Миром и Тирошем случались слишком часто и беспорядочно, чтобы подробно говорить о них здесь. Многие конфликты можно с полным на то основанием назвать торговыми войнами, потому как велись они только на море; каждой из сторон разрешалось захватывать вражеские суда, что великий мейстер Мерион метко нарек «пиратством под восковыми печатями». На торговых войнах лишь моряки ежечасно смотрели в лицо смерти, подвергаясь опасности от пиратов, сами же города жили как в мирное время, и на твердой земле битв не было.

Гораздо более кровавыми, хотя и менее частыми, были войны за Спорные Земли — богатый некогда край, обратившийся после Кровавого Века в пустыню, засеянную желтыми костями, серым пеплом и белой солью. Но даже и тогда Мир, Лисс и Тирош старались не рисковать лишний раз жизнью своих граждан и посылали на битвы отряды наемников.

Говоря о Спорных Землях можно с уверенностью отметить, что начиная с Кровавого Века там родилось больше так называемых вольных отрядов, чем где-либо еще. Даже и в наши дни их там не меньше сорока; когда эти наемники не состоят на службе

С тарейший из этих отрядов, Младшие Сыновья, был основан полусотней отпрысков благородных домов, не имевших надежды что-либо унаследовать. С тех пор туда стекаются безземельные лорды, изгнанные рыцари и всяческие искатели удачи. Многие знаменитости Семи Королевств служили там в свое время. В Младших Сыновьях числились и принц Оберин Мартелл, основавший затем свой отряд, и Родрик Старк Бродячий Волк, но самым известным был сир Эйегор Риверс, незаконный сын короля Эйегона Четвертого по прозвищу Жгучий Клинок. Поступив к Сыновьям в начале изгнания, он вскоре учредил Золотые Мечи, по сей день остающийся самым знаменитым, сильным и, по мнению многих, порядочным из вольных отрядов.

Другие крупные отряды называются Яркими Знаменами, Воронами-Буревестниками, Длинными Копьями, Дикими Котами. Выходцы из Семи Королевств основали, помимо Золотых Мечей, также Победителей Бурь после Пляски Драконов, а в Отряд Розы вошли, по слухам, северяне и северянки, не пожелавшие признать поражение вслед за Торрхеном Старком и ушедшие в изгнание за Узкое море.

у трех сварливых драчунов, они ведут свои войны. Некоторые из отрядов находили себе применение в Семи Королевствах как до, так и после Завоевания.

Бесконечные войны между Лиссом, Миром и Тирошем способствовали рождению новых вольных отрядов не только на суше, но и на море. Морские наемники, то есть те же пираты, готовые служить за деньги кому угодно, гнездятся в основном на Ступенях между Перебитой Рукой и Спорными Землями, что делает прохождение между островами весьма рискованным и опасным.

Говорят, что лебединые корабли с Летних островов стараются обходить Ступени, предпочитая риск плавания далеко в море риску встречи с корсарами, — однако у тех, чьи суда хуже приспособлены для открытого моря, особого выбора нет. Время от времени, когда пиратские конклавы становятся слишком многочисленными и нестабильными, флоты архона Тирошского, триархов Волантиса и даже Морских Начальников Браавоса вычищают эти разбойничьи логова, но ненадолго — пираты вскоре возвращаются.

В прежние времена на них иногда посылали королевский флот из Королевской Гавани или с Драконьего Камня. Сам лорд Дубовый Кулак успешно охотился на пиратов, а Юный Дракон до него собирался жениться на сестре Морского Начальника, чтобы скрепить союз с Браавосом и совместно уничтожить пиратов, мешающих торговле с только что покоренным Дорном. Великий мейстер Каэт в «Жизни четырех королей» называет это намерение короля Дейерона ошибочным. Разговоры о союзе с Браавосом, который в ту пору воевал с Лиссом и Пентосом, побудили другие Вольные Города оказать весомую помощь дорнийским мятежникам.

ПЕНТОС

Из всех Вольных Городов он ближе всего расположен к Королевской Гавани, и торговые корабли ходят туда-сюда чуть ли не ежедневно. Основанный валирийцами как торговая колония, Пентос вскоре покорил все окрестные земли от Бархатных холмов и Малого Ройна до моря, в том числе и весь почти Андалос. Среди первых поселенцев города — купцов, мореходов и земледельцев — аристократы встречались редко; по этой, возможно, причине пентошийцы меньше дорожили своей валирийской кровью и были более склонны к смешению с коренными жителями. Таким образом они приобрели немалую долю андальской крови и стали, пожалуй, самыми близкими нашими родичами.

Несмотря на это, обычаи их сильно отличаются от порядков Семи Королевств. Пентос считает себя

сыном Валирии, и старой крови там тоже хватает. В старину там правил принц, избираемый из числа взрослых мужчин сорока высокородных семей. Однажды избранный, он сохранял этот пост пожизненно и после его смерти выбирали нового, каждый раз из другой семьи.

С веками власть принца слабела, а власть городских магистров, выбиравших его, росла. Ныне Пентосом по сути своей правит совет магистров, роль же принца сводится к чисто церемониальным обязанностям. Он председательствует на пирах и балах, разъезжая по городу в богатом паланкине с красивым телохранителем. В первый день нового года он обязан лишить невинности двух девушек, деву моря и деву полей. Этот обряд, проистекающий, возможно, из довалирийских времен, должен-

Далеко не все пентошийские аристократы стремятся возложить на себя корону, памятуя о сопряженной с этим опасности. Порой они даже отказываются от столь сомнительной чести; последним из таких был известный капитан наемников Принц-Оборванец. В 262 г. ОЗ он, еще юношей избранный магистрами после долгой засухи и казни предыдущего принца, бежал из города и больше не возвращался туда. Став наемником, он воевал в Спорных Землях и со временем основал самый новый из вольных отрядов под названием Сыны Ветра.

ствует обеспечить городу процветание на суше и на море. Но если приходит голод или Пентос проигрывает войну, принц из правителя становится жертвой; ему режут горло, чтобы умиловить богов, и выбирают другого в надежде, что при новом принце город будет счастливее.

Пентос долго был рабовладельческим городом, и его корабли играли в работорговле небольшую роль. Несколько веков назад его северный сосед Браавос, построенный беглыми рабами «незаконный сын Валирии», начал по этой причине враждовать с ним. За последние двести лет между ними произошло не менее шести войн (столько же из-за рабства, сколько из-за сопредельных земель и вод).

Браавосцы одерживали победу четырежды. В последний раз, девяносто лет назад, Пентосу пришлось так худо, что за один лишь год там принесли в жертву четырех принцев. Затем внезапно победил Пентос, и пятый по счету принц Невио Нарратис (купивший, по слухам, эту победу на свои деньги) убедил магистров начать переговоры о мире. По условиям мирного договора Пентос обязывался отменить у себя рабство и отказаться от работорговли.

Это осталось в силе и по сей день, хотя многие пентосские суда занимаются тем же промыслом под мирийскими и лисскими флагами, а в городе живут десятки тысяч «слуг», рабов во всем, кроме названия: они носят те же ошейники и клейма, что их собратья в рабовладельческих городах, и подчиняются тем же суровым правилам. По закону они свободны и могут уйти со службы, когда хотят... если ничего не задолжали своим хозяевам. Такое, однако, бывает редко: труд их ценится дешевле, чем предоставляемые хозяином кров, пища и платье, отчего долг растет с каждым годом.

Еще одно условие договора ограничивает военный флот Пентоса до двадцати кораблей и воспрещает городу пользоваться услугами наемных отрядов или содержать всякое войско помимо городской стражи. Это объясняет причину, по коей пентошийцы стали теперь куда менее воинственны, чем мирийцы, тирошийцы и лиссенийцы. Пентос, несмотря на его массивные стены, считают самым уязвимым из Девяти Городов.

Вследствие всего этого магистры стараются решать дела миром не только с другими Вольными Городами, но и с дотракийцами. Кхалам, кочующим к востоку от Ройна, выплачивается богатая дань.

ВОЛАНТИС

Самыми большими, богатыми и могучими из Девяти Городов по праву считаются Браавос и Волантис, и они же во всем противоположны друг другу. Браавос стоит на северной оконечности Эссоса, Волантис на южной; Волантис старейший из Вольных Городов, Браавос же самый младший; Браавос основан рабами, Волантис построен на их костях; Браавос сильнее всех на море, Волантис на суше. Оба при

этом остаются могущественными державами, чья история неразрывно связана с Древней Валирией.

Волантис стоит на одном из четырех рукавов дельты Ройна при впадении сей великой реки в Летнее море. Старые кварталы города расположены на восточном берегу, новые на западном, но даже и новым уже много веков. Оба берега соединяются Длинным мостом.

Древнейший квартал — это город в городе, огромный лабиринт дворцов, башен, храмов, мостов и подвалов, заключенный в овал Черных Стен. Республика воздвигла их во времена своих ранних завоеваний; в высоту они достигают двухсот футов, а в ширину по ним могут проехать рядом шесть колесниц, запряженных четвериком (что и делается каждый раз в годовщину основания города). Сплавленные воедино драконьим огнем, прочнее алмаза и стали, они безмолвно свидетельствуют о том, что Волантис некогда был форпостом Республики.

Внутри Черных Стен разрешено жить лишь тем, кто может проследить свой род до Древней Валирии; ни один раб, вольноотпущенник, чужестранец не может войти туда без приглашения отпрыска Старой Крови.

Первый свой век Волантис был крепостью, призванной защищать границы Валирийской империи,

речных течений переправляться туда было трудно, и триарх Вхаласо Щедрый приказал построить мост через Ройн.

Из-за тех же приливов, течений и ширины русла строительство затянулось на сорок лет и потребовало огромных вложений. Триарх Вхаласо так и не увидел его завершения, но теперь с Длинным мостом может соперничать разве что Мост Мечты в разрушенном ройнарском Кройяне. Способный, как говорят, выдержать тысячу слонов, он и впрямь длинней всех мостов в известном нам мире. Ломас Странник причисляет его к девяти рукотворным чудесам света.

В начале своей истории Волантис стал богатеть благодаря торговле Валирии с ройнарами, в то время как Сархой, древний торговый город на Ройне, все больше хирел. Между двумя городами начался неизбежный раздор; мы уже говорили о войнах, по-

Многие знатные волантинцы до сих пор верят в старых богов Валирии, но по ту сторону Черных Стен, особенно среди рабов и вольноотпущенников, имеет большую силу красный Рглор. Храм Владыки Света в Волантисе считается самым большим во всем мире; архимейстер Грамион в «Драконовых памятниках» говорит, что храм этот втрое больше Великой Септы Бейелора. Служат в нем рабы, купленные в детстве и воспитанные как жрецы, храмовые наложницы и воины; на лицах у них татуировки в виде языков пламени. Воины называются Огненнорукими, и их всегда ровно тысяча.

и жили там одни лишь солдаты; драконьи владыки порой прилетали туда отдохнуть или встретиться с послами ройнарских городов. Но со временем вне Черных Стен завелись таверны, бордели, конюшни, а в гавани появились торговые корабли.

Расположение в устье Ройна обеспечило городу бурный рост. На холмах у Черных Стен на восточном берегу плодились дома, лавки, гостиницы, на западном же селились чужестранцы, вольноотпущенники, наемники и всяческое воровское отребье; здесь царили порок и пьянство, жизнь стоила дешево, а евнухи, пираты и некроманты чувствовали себя как дома.

Со временем беззаконие и разврат на западном берегу достигли таких угрожающих размеров, что триархи стали посылать солдат-рабов навести там порядок. Из-за морских приливов и предательских

следовавших за этим, о разрушении ройнских городов и о бегстве Нимерии на десяти тысячах кораблей. Одержали эту победу всадники на драконах, но плодами ее в первую очередь воспользовался Волантис. Сархой так и остался лежать в руинах, а Волантис со своим Длинным мостом, Черными Стенами и крупнейшей гаванью вошел в число величайших городов мира.

Аристократия Старой Крови до сих пор сидит в своих древних дворцах, окруженная полчищами рабов, а за Черными Стенами кишит простой люд ста разных народностей. Говорят, что в Волантисе на каждого свободного жителя приходится пять рабов; такой перевес можно видеть лишь в древнегискарских городах залива Работоторговцев.

Татуировки на лицах в Волантисе делают каждому рабу; эти клейма они носят всю жизнь, даже если

их отпускают на волю. Солдат метят зелеными тигровыми полосами, публичных женщин слезой под правым глазом, уборщиков лошадиного и слоновьего навоза мухой; шутов расписывают в пеструю клетку; погонщики хатаев (повозок, в которые запрягают мелких волантинских слонов) носят на щеке колесо и так далее.

Правление в Волантисе республиканское: все свободнорожденные землевладельцы имеют право голоса при выборе трех глав города. Избираемые ежегодно триархи вершат суд, командуют армией и флотом и занимаются повседневными городскими делами. Выборы продолжаются десять дней, знаменующихся празднествами и беспорядками. В последние века должности триархов занимают представители двух соперничающих партий, называемых «слонами» и «тиграми».

Поборники тех и других ратуют за своих кандидатов, всячески задабривая вышеозначенных избира-

телей, в число коих входят и женщины. Посторонним волантинские выборы представляются сущим безумием, но проходят они, как правило, мирно.

Когда Валирию и Край Долгого Лета поразила Рок, Волантис заявил, что отныне всеми валийскими колониями будет править он единолично. «Старший сын» в то время был так силен, что

Многие волантинцы, видя себя полноправными преемниками Древней Валирии, стремятся подчинить себе все другие Вольные Города, а со временем и весь мир. Тигры желают добиться этого путем войн и завоеваний, слоны — сторонники торговли и накоплений.

некоторое время удерживал свою гегемонию, но затем валирийская империя стала рушиться сама по себе: свободные города возвращали себе свободу, покоренные же восставали.

С того времени большинство на городских выборах всегда имеет мирная партия Волантиса, то есть слоны. При тиграх, однако, Волантис успел захватить власть над такими городами, как

Валан-Терис, Валисар и Селхорис, каждый из которых по величине и населению больше Королевской Гавани и Староместа. Волантису принадлежит также весь Ройн до устья Селхору и западный Оранжевый берег. Солдаты-рабы обороняют эти земли от дотракийских кочевников и от других Вольных Городов, временами покушающихся на чужие владения.

Исключения, впрочем, тоже случаются. Ниссеос Квохорис в своих «Дневниках» пишет о герое Кровавого Века Хоронно, которого выбирали сорок лет подряд. После сорокового раза он объявил себя пожизненным триархом, но волантинцы при всей любви к нему с таким беззаконием не смирились. Хоронно был схвачен, лишен всех титулов и регалий и разорван надвое боевыми слонами.

БРААВОС

На северо-западной оконечности Эссоса, где Студеное море сливается с Узким, в мелкой туманной лагуне на знаменитых ста островах стоит вольный город Браавос.

Самый младший из Девяти Городов, он также богаче и, может статься, могущественнее их всех. Основавшие его беглые рабы хотели лишь одного: быть свободными, и местоположение города на первых порах скрывалось, но затем он разросся и приобрел почти беспримерную силу.

Нет здесь ни принца, ни короля. Городом правит Морской Начальник, выбираемый городскими магистрами и ключарями из числа горожан скрытым от непосвященных образом. Сидя в своем приморском дворце, он командует военным флотом, не имеющим себе равных в мире, и торговым, чьи пурпурные суда с такими же парусами видят в самых дальних морях.

В давние времена рабы, которых целый караван невольничьих кораблей вез из Валирии в новую сотторосскую колонию, взбунтовались и увели захваченные ими суда вместо юга на север, «на край света», спасаясь от гнева Валирии. Рабыни из далекого Джогос Нхая будто бы напроорочили, что беглецы найдут убежище в лагуне за стеной морских скал и поросших сосновых лесом холмов, а тамошние туманы скроют их от пролетающих в небе драконов. Так и вышло. Женщины эти были жрицами луны, и храм Лунных Певцов по сей день остается самой большой из браавосских святынь.

Рабы происходили из разных стран и чтили разных богов, и на новом месте было решено чтить их по-прежнему, не отдавая предпочтения никому. Среди беглецов были андалы, летнийцы, гискарцы, наатийцы, ройнары, иббенийцы, сарнорцы и даже чистокровные валирийцы, должники и преступники. Были стражники и солдаты, обученные владеть оружием, были рабы для удовольствий, были домашние слуги всякого рода: воспитатели, няньки, управители, конюхи, повара. Были ремесленники: плотники, оружейники, каменщики, ткачи. Были рыбаки, полевые работники, гребцы на галях. Общим для них языком стал валирийский, наречие их хозяев.

Отцы и матери города первым делом провозгласили, что ни один житель их нового поселения, будь то мужчина, женщина или ребенок, никогда не станет ни рабом, ни крепостным, ни невольником. Сей Первый закон высечен на арке над Длинным каналом; с тех самых времен Морские Начальники противятся рабству во всех его видах и ведут войны с рабовладельцами.

Лагуна, приютившая беглецов, изобиловала мелями, солеными болотами и не казалась гостеприимной, но острова и рифы у входа хорошо защищали ее, а туманы укрывали от воздушной угрозы. Кроме того, в ее мелких водах водилась рыба и всяческие моллюски, на островах рос густой лес, на материке поблизости имелись залежи железа, олова, серебра и свинца. Здесь невольники, пуще всего боявшиеся вновь попасть в рабство, могли не опасаться незваных гостей.

Браавос, так никем и не обнаруженный, разрастался и процветал. На островах появились поля, дома и храмы, рыбаки промышляли в лагуне и в морях, примыкавших к ней. Там ловились устрицы сродни тирошским, выделявшие пурпурную краску, и капитаны, выходя из лагуны, красили в этот цвет паруса угнанных когда-то судов. Избегая насколько возможно валирийских городов и кораблей, браавосцы понемногу начали торговать с Ибом, а после с Семью Королевствами. При этом они еще долго прибегали к поддельным картам и скрывали свой родной порт. Поэтому Браавос поначалу назывался тайным городом или городом тайн.

Тайну раскрыл Морской Начальник Утеро Залин. Он разослал корабли во все концы света и всех пригласил отпраздновать 111-ю годовщину основания города. К тому времени никого из первых поселенцев не осталось в живых, их бывших хозяев тоже, но посланцы Железного банка готовили почву для будущего Разоблачения уже довольно давно. Драконьим владыкам не было дела до потомков давнишних беглых рабов, а внукам и правнукам владельцев захваченных кораблей банк выплатил приличные суммы (не вернув при том ни гроша за самих рабов).

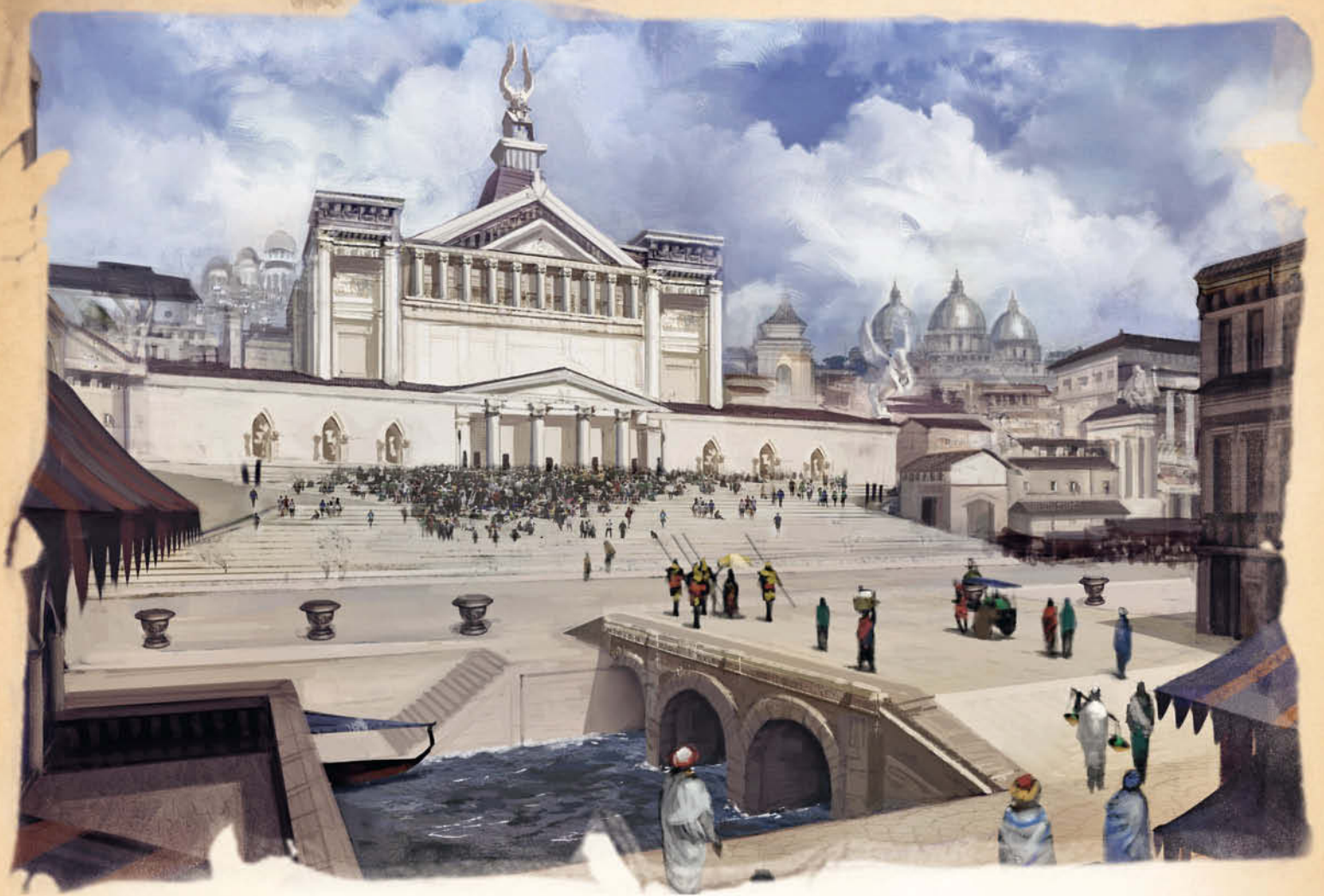
Годовщина самого Разоблачения празднуется в городе пышно. Маскарад, какого больше нигде не увидишь, продолжается десять дней; на десятую же ночь Титан издает рев, и все разом снимают маски.

Браавос, вопреки своему низкому происхождению, стал не только самым богатым, но и самым неприступным из Девяти Городов. В Волантисе есть Черные Стены, но корабельная стена Браавоса равных себе не знает. Ломас дивился также Браавосскому Титану — крепости из камня и бронзы в виде воина с широко расставленными ногами, стерегущего вход в лагуну, — но истинным чудом Браавоса следует назвать Арсенал, где за один день могут построить пурпурный браавосский корабль. Все они строятся по единому образцу, части их заготавливаются заранее, и умелые корабельщики работают од-

новременно по всей длине судна. Таким искусством не владеют больше нигде; чтобы убедиться в этом, довольно одного взгляда на суету и многолюдье на верфях Староместа.

Титану, однако, тоже следует воздать должное. Такой крепости-изваяния, чья голова высится в четырехстах футах над морем, нигде больше нет. Черные гранитные ноги и пояс Титана некогда были природной аркой, но три поколения каменотесов придали ей нужную форму и снабдили ее короткой бронзовой юбкой. Выше пояса колосс тоже бронзовый, а волосы у него из зеленой пеньки. Те, кто впервые видит Титана с моря, испытывают подлинный ужас. Маячные огни его глаз освещают путь судам, входящим в лагуну. В бронзовом туловище, помимо множества комнат, есть и бойницы,

отчего ни один корабль не может вторгнуться в город силой. Сидящим внутри караульным легко направить вражеский флот на скалы, а если кто-то все же дерзнет пройти между ног Титана без позволения, ему на палубу посыплются камни и польется кипящая смола. Такие случаи, впрочем, редки: после Кровавого Века никто уже не рискует навлечь на себя гнев Титана.

Ныне Браавос — один из величайших на свете портов, принимающий к себе все корабли помимо невольничьих. Корабли самого Браавоса стоят в великолепной Пурпурной гавани близ Морского Дворца, пришлые же швартуются в не столь великолепной Мусорной Заводи, где можно видеть суда из самого Кварта и с далеких Летних островов.

Здесь также обосновался богатейший на свете банк. Его корни уходят в ранние времена Браавоса, когда беглецы прятали в заброшенном руднике все, что у них было ценного. С ростом города ходы и забои рудника наполнялись все больше, и владельцы сокровищ, чтобы те не лежали втуне, начали ссужать деньги менее удачливым горожанам.

Так родился Железный банк, заслуживший славу (не сказать чтобы добрую) во всех концах света. Короли, принцы, архоны, триархи и купцы съезжаются отовсюду, чтобы взять ссуду из его недоступных хранилищ.

Железный банк всегда получит свое, гласит поговорка. Должники, отказавшиеся платить, неизбежно пожалеют о собственном неразумии. Банк уже не раз смещал лордов и принцев, а за невозможностью этого подсылал к ним наемных убийц (хотя убедительных доказательств тому не имеется).

В Браавосе, построенном на иле и песке, вода всегда где-то рядом. Говорят, что каналов в нем больше, чем улиц; доплыть из одного места в другое на змее-лодке, во всяком случае, гораздо быстрее, чем идти пешком по лабиринту улочек, переулков и горбатых мостов. Пруды и фонтаны, устроенные по всему Браавосу, говорят о тесных узах города с морем и защищающими его «водными стенами». Богатству города немало способствовали добываемые в лагуне устрицы, угри, крабы, раки, моллюски и всевозможная рыба.

НА ПРЕДЫДУЩИХ СТРАНИЦАХ | Титан Браавоса ВВЕРХУ | Железный банк Браавоса

Наиболее подробную историю Железного банка, насколько она известна (свои секреты банк хранит ревностно), можно найти в книге архимейстера Маттара «Происхождение Железного банка и Браавоса». Маттар полагает, что основали его двадцать три человека, шестнадцать мужчин и семь женщин, у каждого из коих был ключ к подземным сокровищницам. Их потомки, которых в наши дни больше тысячи, называются ключарями, хотя ключи эти теперь стали чисто церемониальными. Некоторые из банкирских семей с годами пришли в упадок и обеднели, но даже самые бедные из них хранят свои ключи и дорожат честью предков.

Железным банком управляют не одни ключари, но и богатые семьи с более недавними родословными. Их главы участвуют в тайных советах и выборах; в Браавосе, как замечали многие путешественники, золотые монеты ценятся больше железных ключей. Своих посланцев банк часто отправляет за море на собственных кораблях, а купцы, лорды и даже короли оказывают им достойный прием.

Однако воды, питающие и стерегущие Браавос, также и угрожают ему: за последние два века стало понятно, что некоторые из городских островов погружаются в море под тяжестью построенных на них зданий. Старейший квартал к северу от Мусорной Заводы наполовину уже затонул, отчего и называется Затопленным Городом, но бедняки по-прежнему живут на верхних его этажах.

Из достопримечательностей Браавоса знамениты Морской Дворец, где содержатся в клетках редкие звери и птицы; величественный Дворец Правосудия; огромный храм Лунных Певцов; акведук, проведенный с материка (вода в каналах грязна, перемешана со сливаемыми туда нечистотами и для питья непригодна); башни, где живут ключари и прочая знать; госпиталь под названием Дом Красных Рук. Между этими грандиозными зданиями тес-

нятся бесчисленные лавки, таверны, гостиницы, бордели, торговые биржи. Улицы и мосты украшены статуями бывших Морских Начальников, законодателей, мореплавателей, воинов, а также поэтов, певцов, куртизанок.

Знамениты и браавосские храмы; некоторые из них поистине чудеса из чудес. О храме особо почитаемого лунного божества мы уже говорили. Почти так же чтут Отца Вод, чей водяной храм каждый год подновляют к празднику. Большой храм Владыки Света Рглора здесь тоже есть, и число его прихожан сильно возросло за последний век.

Браавос, рожденный от ста народов, поклоняется ста разным богам. Храмы в их честь стоят повсюду, а в самом сердце города таится Остров Богов, где можно найти святыню и самого скромного божества. Моряки из Семи Королевств всегда могут помолиться в Заморской септе.

О куртизанках сложено много историй и песен, а некоторые из них даже увековечены в бронзе и мраморе. В Семи Королевствах наиболее знамениты Черные Жемчужины. Первая, пиратская королева по имени Беллегера Отерис, входила в число девяти любовниц короля Эйгона Четвертого и родила ему вторую Черную Жемчужину, Белленору. Эта знаменитая куртизанка, дочь Беллегеры, по сей день слывет первой на свете красавицей. Все женщины в ее роду также становились куртизанками, назывались Черными Жемчужинами, и в жилах их по сей день течет кровь дракона.

В Браавосе встречаются пришельцы из разных стран; все они сидят вместе, едят, пьют, рассказывают истории. В городе тайн всем рады.

Нельзя не упомянуть и о прославленных браавосских куртизанках. Все они, в отличие от знаменитых прелестниц Лисса и Волантиса, свободные женщины и блещут не только любовным искусством, но и умом. Их любви ищут богатейшие купцы, отважные капитаны, благороднейшие вельмо-

жи. Самым известным дают поэтические имена, певцы просят их покровительства, брави насмерть дерутся за них на шпагах.

Фехтовальное мастерство браавосских брави славится не менее красоты городских куртизанок. Почти не носящие доспехов, вооруженные тонкими шпагами намного легче длинных вестеросских мечей, эти уличные воины владеют искусством быстрого смертоносного боя. Самые искусные на-

Корабельный капитан Пильман из Ланниспорта представил в Цитадель отчет о такой дуэли. Может показаться, говорит он, будто брави и вправду скользят по воде, но это лишь иллюзия, ведь дуэли всегда происходят ночью. Столь грациозного поединка капитан, однако, никогда не видал.

зывают себя водяными плясунами, ибо дерутся обычно над Лунным прудом у Морского Дворца; говорят, будто настоящий водяной плясун может убить противника прямо на воде, не всколыхнув ее глади.

Наилучший из водяных плясунов называется первым мечом. Он командует личной гвардией Морского Начальника и охраняет правителя города во время публичных церемоний. Морские Начальники служат пожизненно, поэтому охотники сократить их жизнь и тем самым изменить городскую политику найдутся всегда. Первые мечи за века сражались на множестве знаменитых дуэлей, приняли участие в дюжине войн и спасли, к добру или к худу, десятки Морских Начальников.

Рассказ о Браавосе был бы неполон без упоминания о Безликих. Говорят, что это тайное общество наемных убийц старше самого Браавоса и корни его уходят в Валирию; вот, пожалуй, и все, что мы знаем о них.

ЗЕМЛИ ЗА Вольными Городами

Все ли земли и народы, которые есть на свете, известны нам? Разумеется, нет. Мир на наших картах очерчен от сих до сих, и даже наилучшие из них не дают верного представления о дальних восточ-

ных странах: слишком много там белых пятен. Постараемся, однако, рассказать кое-что об известных нам краях, хотя торговля их с Семью Королевствами невелика по сравнению с Вольными Городами.

ЛЕТНИЕ ОСТРОВА

К югу от Вестероса, в голубых водах Летнего моря, нежатся под жарким солнцем Летние острова, коих насчитывают более полусотни. Некоторые из них так малы, что обойти их можно за час, но Джала, самый большой, имеет в длину двести лиг. На нем есть высокие зеленые горы, тропические леса,

песчаные берега черного и зеленого цвета, плодородные долины и реки, где водятся чудовища-крокодилы. Острова Валано и Омбору вдвое меньше его, но на каждом из них могут поместиться все Ступени, взятые вместе. На трех этих островах обитает девять десятых всего населения архипелага.

Тысячи разных цветов наполняют воздух островов ароматами, деревья отягощены диковинными плодами, в небе порхают мириады птиц с радужным оперением, знакомые нам по знаменитым плащам летнийцев. Под пологом дождевого леса таятся пятнистые пантеры крупнее льва и стаи поджарых красных волков, а по деревьям над ними скачут полчища обезьян. Водятся там и обезьяны величиной с человека: рыжие люди на Омбору, сереброшкуры в джалийских горах, ночные скрытники на Валано.

Глаза и волосы у летнийцев черные, кожа как тиковое дерево или темный янтарь. Из письменной их истории видно, что они всегда жили отдельно от прочих народов. На древних картах, что вырезаны на знаменитых Говорящих Деревьях Высокодрева, показаны лишь одни острова, окруженные миро-

именуемый на их картах Демонским, а о Джале, Омбору и других островах не ведали вовсе.

Этот случай сильно поразил и самих летнийцев, понявших, что далеко за волнами живут другие, непохожие на них люди. Побуждаемые любопытством и алчностью, они стали строить корабли, способные вместить припасы для долгого перехода и выдержать самый свирепый шторм. Мальтар Ксак, принц маленького островка Кадж, оказался самым искусным из корабельщиков и вошел в историю как Мальтар Всех Ветров и Мальтар Картограф.

Корабли Мальтара и его сотоварищей открыли для островов новый век. Многие из них не вернулись, но вернувшиеся поведали землякам о Наате, островах Василиска, северном берегу Сотороса,

Томас Странник, неутомимый искатель чудес, посетил Летние острова и записал рассказы тамошних мудрецов. Предки летнийцев будто бы добрались до западных берегов Сотороса и основали там города, но были истреблены тем же племенем, что уничтожило гискарские и валирийские поселения на этом гибельном континенте. В древних хрониках Валирии, хранящихся в Цитадели, о городах тех не сказано ничего, и многие мастера сомневаются в правдивости летнийских преданий.

вым океаном. По морю летнийцы стали плавать еще на заре времен, сперва в утлых челнах, потом на баркасах с плетеными из пеньки парусами, но редко дерзали отрываться от родных берегов; те же, кто уплывал далеко, не всегда возвращались.

С внешним миром летнийцы впервые столкнулись во времена расцвета Гискарской империи. Гискарский торговый корабль, сбившийся с курса после шторма, причалил было к Валано и спасся бегством при виде темнокожих туземцев, коих моряки сочли демонами, почерневшими от адского пламени. С тех пор гискарцы избегали заходить на остров,

южных побережьях Вестероса и Эссоса. Через каких-нибудь полвека между Летними островами и Валирией завязалась торговля. Острова, нуждавшиеся в железе, олове и прочих металлах, были богаты дорогими камнями (жемчугом, изумрудами, рубинами и сапфирами), пряностями (мускатным орехом, перцем, корицей) и всяческим ценным деревом. Среди драконьих владык Республики завелась мода на больших и маленьких обезьян, пантерных детенышей, попугаев. С островов везли черное, кровавое, тигровое и красное дерево, пурпуросерд и златосерд, голубой магон, наплывы, розо-

Главный труд, трактующий об истории Летних островов — это «Дети лета» мастера Галларда. Сей усердный муж сумел разгадать великоречивые стихи ранних летнийских летописей, хотя и не до конца: его хронологию древних принцев Валано Моллос подвергает сомнению.

вую слоновую кость, а также пальмовое вино, фрукты и перья.

Валирийцы были не прочь купить и рабов. Высокие, сильные, красивые и сметливые летнийцы сразу же привлекли к себе взоры работорговцев Республики, старого Гиса и островов Василиска. Хищные торговцы людьми налетали на мирные островные деревни и увозили их обитателей, а принцы вскоре начали продавать пленных, взятых в междоусобных войнах.

роткие, не могли соперничать со стальными мечами и топорами работорговцев. Ксанда Ко вооружила своих воинов длинными луками из златосерда, что растет только на Джале и Омбору. Эти луки били гораздо дальше вражеских, сделанных из рога и жил, а посланные из них стрелы длиной в ярд пробивали кольчугу, вареную кожу и даже стальные панцири.

Лучникам нужны были крепкие помосты, а их возможно было устроить лишь на таких кораблях, коих на островах еще не видали. Строились они без

Летописи, вырезанные на Говорящих Деревьях, гласят, что «Годы Позора» длились почти два столетия; затем Ксанда Ко, воительница и принцесса долины Сладкого Лотоса, сама побывавшая в рабстве, подчинила все острова себе и покончила с работорговлей.

Железо на островах стоило дорого; летнийцы почти не знали доспехов, а их копыя, длинные и ко-

единого гвоздя из редких пород дерева, укрепленных к тому же чарами: вражеские тараны мгновенно ломались, едва коснувшись их борта. Быстрота таких кораблей не уступала их прочности, круто выгнутые носы были вырезаны в виде птиц и зверей. Из-за этих носов, похожих на лебединые шеи, корабли стали называть лебедиными.

ВВЕРХУ | Лебединый корабль с Летних островов

Окончательную победу в Невольничьих войнах одержала дочь и преемница Ксанды Чатана Ко, Стрела Джалы. Острова при ней перестали быть едиными (Чатана неудачно выбрала себе мужа и правила не столь хорошо, как сражалась), но работоторговцы бежали прочь, едва завидев лебединый корабль со страшными лучниками. Лучники и лучницы Летних островов до сих пор считаются лучшими в мире, и оружие их тоже не имеет себе равного, ибо принцы с тех самых пор запретили вывозить с островов златосерда; лишь такая редкость, как лук из драконовой кости, может превзойти летнийское дерево.

Летнийцы, желавшие повидать мир, порой нанимались на чужбине в гребцы или воины. Некоторые шли в пираты на островах Василиска, и были среди них капитаны, коих поминали со страхом и в Кварте, и в Староместе. Летнийцев высоко ценили и предводители вольных отрядов, и торговые магнаты Вольных Городов, у которых они служили телохранителями, и хозяева бойцовых ям Астапора, Юнкая и Миэрина. Но летнийцы, несмотря на свою бесспорную силу и мастерство, все же народ не воинственный.

Они никогда не вторгались в чужие земли, не пытались покорять чужие народы. Их лебединые корабли ходят быстрее и дальше всех известных су-

дов, но военного флота как такового на островах нет; завоеваниям там предпочитают торговлю и путешествования.

За всю свою долгую историю Летние острова объединялись не более полудюжины раз и всегда ненадолго. В наши дни у каждого острова свой правитель, называемый на общем языке принцем или принцессой; на больших островах их зачастую несколько, и соперничество между ними не утихает.

Тем не менее край этот в целом мирный. Войны здесь большей частью ритуальные, битвы напоминают турнирные схватки, поля сражений выбираются жрецами заранее. Бьются здесь на копьях и пращах, заслоняясь деревянными щитами, как их предки пять тысяч лет назад: боги запрещают применять луки из златосерда и длинные стрелы во внутренних войнах.

Войны эти редко продолжаются больше одного дня и вред приносят лишь самим воинам: урожай и дома не жгут, города не грабят, детей не обижают, женщин не насилюют (хотя воительницы бьются порой наравне с мужчинами). Победенных принцев не казнят, не увечат, а всего лишь отправляют до конца дней в изгнание.

Джала самый большой из островов, Валано же самый населенный. Здесь можно видеть поселок Последний Плач с большой гаванью, сонный мыс

ДРУГИЕ ЛЕТНИЕ ОСТРОВА

Кроме Джалы, Валано и Омбору заслуживают упоминания и более мелкие острова.

Поющие Камни расположены в западной части архипелага. Скалы здесь дырявые и при каждом порыве ветра издают звуки, подобные музыке. Жители Камней по этим звукам определяют, откуда дует ветер, но никто не знает, боги или люди заставили скалы петь.

Каменную Голову на крайнем северном островке уж точно создали люди. На северной стороне этого морского утеса высечено подобие некоего забытого бога, грозно глядящего вдаль. Это последнее, что видят летнийцы, плывущие в Вестерос.

Кодж, родина Мальтара Картографа, по-прежнему гордится лучшими на островах верфями. Три четверти

прославленных лебединых кораблей строится здесь, а в Жемчужном Дворце здешних принцев хранится знаменитое собрание морских карт.

На Абулу к северо-востоку от Валано больше двух лет жила Нимерия со своими подданными. На большие острова принцы ее не пустили, опасаясь гнева Валирии, а поскольку женщин у Нимерии было намного больше мужчин, остров стал называться Женским и сохранил это название до сих пор. Голод, болезни, набеги работоторговцев вынудили Нимерию увести десять тысяч своих кораблей в поисках нового убежища, но несколько тысяч ройнаров остались на острове; потомки их и теперь там живут.

Лотоса и город Высокодрев, где жрицы в одеяниях из перьев вырезают песни и летописи на стволах громадных деревьев. На Говорящих Деревьях записана вся история островов вместе с местными законами и заповедями богов.

Боги Летних островов многочисленны, но особое почтение оказывают богу и богине любви, красоты и плодородия. Летнийцы верят, что соитие мужчины и женщины угодно богам, которые создали их. Всем летнийцам и летнийкам, будь они богатыми или бедными, высокого или низкого рода, предписывается пожить какое-то время в храме, совокупаясь со всеми, кто того пожелает.

Большинство служит богам не более года, но самые красивые, искусные и страстные навсегда остаются в храме. В Браавосе их называли бы куртизанка-

ми и куртизанами, в Королевской Гавани продажными тварями, но на Летних островах такие жрецы и жрицы пользуются большим уважением; искусство дарить плотское наслаждение здесь ценится наряду с даром музыканта, ваятеля и танцора.

В Королевской Гавани и Староместе летнийцы никого больше не удивляют, а их лебединые корабли с горами парусов бороздят все на свете моря. Их капитаны не жмутся к берегам и бесстрашно выходят в открытый океан, где не видно земли. Можно предположить, что мореходы с Коджа уже нанесли на карту западный берег Сотороса, дальше коего нет ничего, что они открыли неведомые земли на юге и за бескрайними водами Закатного моря... но так ли это, известно лишь летнийским принцам и самим капитанам.

НААТ

К северо-западу от Сотороса в Летнем море лежит таинственный остров Наат, известный древним как Остров Бабочек. Его жителей отличают смуглые плоские лица и большие глаза цвета золотистого янтаря. Они славятся мирным народом, ибо не прибегают к насилию даже ради защиты себя и своих жилищ, не убивают даже диких зверей, питаются одними плодами и предпочитают музыку военным искусствам.

Наатийского бога, Владыку Гармонии, часто изображают как смеющегося великана, нагого и бородатого, окруженного сонмами дев с крыльями бабочек. Бабочкам, коих здесь больше ста видов, наатийцы поклоняются как своим защитникам и посланцам их бога, и те, как видно, вправду их защищают. Столь мирный остров должен быть лакомым кусочком для всякого рода завоевателей, но ни одни пришельцы здесь долго не заживались.

Гискарцы во времена Старой Империи трижды захватывали Наат, валирийцы построили здесь форт со стенами из оплавленного драконова камня, волантинцы — городок с бревенчатым палисадом и загонами для рабов, а корсары с островов Василиска бывали здесь несчетное количество раз. Однако никто из них, как уверяют наатийцы, не оставался здесь больше года. Дело в том, что воздух острова насыщен пагубными для чужаков миазмами. Сперва у заболевших начинается лихорадка, за ней следуют страшные судороги,

напоминающие дикую пляску. На последней стадии больные потеют кровью, и плоть сползает с них, обнажая кости.

Самих наатийцев болезнь, как видно, не трогает.

Архимейстер Эброз, изучивший все известные случаи этой хвори, полагает, что ее переносят почти таемые на острове бабочки, вернее один их вид (черно-белые величиной с ладонь человека), но подтвердить это покамест никому не удалось.

В самом ли деле наатийские бабочки служат Владыке Гармонии или это обыкновенные насекомые вроде тех, что порхают в Семи Королевствах, островитяне, похоже, не зря на них полагаются.

Корсары, как ни печально, вскоре смекнули, что болезнь эта не грозит тем, кто проводит на острове всего пару часов, особенно ночью, когда бабочек мало. Ночью они и совершают свои набеги, уводя порой в рабство целые деревни. За мирный народ всегда дают хорошую цену: они не только мягкосердечны, но и умны, красивы и быстро учатся послушанию. Один перинный дом в Лиссе славится наатийками, которых одевают в прозрачные шелка и приделывают им пестрые крылышки.

Со времен Кровавого Века такие набеги стали столь частыми, что наатийцы избегают селиться на берегу моря и уходят в леса и холмы, где работорговцам труднее найти их. По этой причине наатийские мерцающие шелка и пряные вина все реже встречаются на рынках Семи Королевств и Девяти Городов.

ОСТРОВА ВАСИЛИСКА

Острова, протянувшиеся длинной цепью к востоку от Наата, отличаются от него во всех отношениях.

Место это, названное в честь свирепых чудовищ, некогда водившихся тут, издавна было язвой Летнего моря, ибо живут здесь только пираты, работорговцы, наемники и прочее отребье рода людского. Они стекаются сюда со всех сторон света, чтобы найти подобных себе.

Жизнь на островах Василиска жестока и коротка. Зной, влажность, мухи, песчаные блохи и кровочерви делают их сущим адом и для человека, и для животных. Руины на Острове Слез, Топоре и Жабьем говорят, что некогда здесь жил неведомый древний народ. Коренных жителей, может статься, истребили первые пираты, что приплыли сюда, и лишь на Жабьем сохранились какие-то их следы, чего мы коснемся после.

Остров Слез самый большой в этом архипелаге. Меж его голыми кремневыми холмами прячутся ущелья и болота, на южном берегу видны развалины города. Основали его древние гискарцы; лет двести или четыреста он назывался Горгаем, но во время Третьей Гискарской войны драконьи владыки отбили его и переименовали в Горгосс.

Под любым именем это было дурное место. Сюда валирийцы ссылали на каторгу самых тяжких преступников, палачи в здешних темницах изобретали новые пытки, зверей случали в ямах с рабынями для получения чудовищного потомства.

Пережив самый Рок, сей злой город в Кровавый Век приобрел богатство и силу. Порой его называли десятым вольным городом, но могущество его зиждилось на рабстве и темной магии. Невольничий торг Горгосса славился не меньше рынков залива Работоторговцев. Но семьдесят семь лет спустя после Рока боги, как полагают, учуяли здешний смрад, и в невольничьи загоны пришла чума. Красная Смерть опустошила сперва Остров Слез, за ним прочие острова. Девять человек из десяти умерли в страшных муках: они источали кровавый пот, и кожа слезала с них, как мокрый пергамент.

После этого никто целый век не заходил на острова Василиска. Квартийский пират Ксандарро Ксор первым поднял там свое знамя и воздвиг на острове Топор крепость из древних камней. Вслед за ним на Мушином, крайнем западном острове, поселилось Братство Костей. Здесь пиратам было куда

как удобно подстергать купеческие суда, огибающие дымящиеся остатки валирийского полуострова. За следующие полвека корсары угнездились чуть ли не на каждом из островов.

Ныне Братство Костей давно позабыто, от Ксандаро остался лишь его форт, но острова Василиска остаются пиратским логовом. Раз в поколение сюда для их очистки посылают чей-нибудь флот; особо об этом заботятся волантинцы, часто в союзе с каким-нибудь другим городом. Бывает, что пираты, кем-то предупрежденные, заблаговременно бегут с островов; бывает также, что их вешают сотнями, а их корабли уводят, топят или сжигают. Однажды лиссенийский капитан Саатос Саан, посланный искоренить пиратов, сам стал пиратом и был королем островов в продолжение тридцати лет.

Каким бы ни был итог такого похода, пираты со временем всегда возвращаются на берега островов. Их города, растущие как поганки, через пару лет вновь пустеют и уходят обратно в ил, из которого поднялись. Порты Удачи, о коем столько поется в песнях, не найдешь ни на одной карте по той причине, что таких портов было с дюжину на стольких же островах. Стоит разрушить один, вместо него тут же является другой; то же можно сказать о Свинарнике, Шлюхиной Дыре, Черном Пироге и прочих гнусных пиратских лежбищах.

В заключение мы никому не советуем посещать острова Василиска: с теми, кто там бывал, никогда ничего доброго не случалось.

Расскажем вкратце еще о нескольких островах.

Коготь к северу от Острова Слез весь пронизан пещерами, большей частью жилыми и хорошо укрепленными. Здесь пираты содержат рабов, прежде чем продать их или (куда реже) отдать за выкуп. Кроме того, одни пираты здесь ведут мену с другими.

На Жабьем острове стоит древний идол, гигантская жаба из черного маслянистого камня футов сорока в высоту. Здешние жители, по мнению многих, происходят от создателей этой жабы, ибо лица у них похожи на рыбы морды, а между пальцами рук и ног встречаются перепонки. Если так, то это последние отпрыски исчезнувшего народа.

Многие пираты имеют мрачную привычку украшать мачты и борта своих кораблей отсеченными головами для устрашения врагов. Головы болтаются там, пока не сгниют, и их заменяют свежими. Черепа, однако, не выбрасывают в море, а свозят на остров Череп, как приношение некоему темному богу. Берега этого необитаемого голого островка уставлены пирамидами из желтых мертвых голов.

СОТОРОС

Люди узнали о существовании этого огромного дикого материка, как только начали ходить по морю на кораблях, ведь от Вестероса и Эссоса его отделяет одно лишь Летнее море. Гискарцы в дни Старой Империи поставили свои форпосты на его северных берегах, построили в устье реки Замойос огражденный стенами Заметтар и учредили каторжное поселение Горош на мысе Виверна. Квартийские мореходы искали золото, драгоценные камни и слоновую кость на восточных берегах Сотороса, летнийцы на западных. Валирийскую колонию на мысе Василиска строили трижды: первую истребили мохнатые люди, вторая вымерла от чумы, третью драконьи владыки бросили сами, захватив во время Четвертой Гискарской войны Заметтар.

Нельзя, однако, сказать, что мы хорошо знаем Соторос. Внутренние его области, покрытые непроходимыми тропическими лесами, где у медленных рек лежат в руинах полные призраков города, остаются неизведанными для нас. Даже берега в

нескольких днях пути от мыса Василиска на юг и те неизвестны; возможно, летнийцы уже побывали там, но они ревниво хранят свои карты и не делятся своим знанием.

Колонии не приживаются здесь. Даже Заметтар, единственный город, протянувший дольше одного поколения, ныне превратился в медленно зарастающие развалины. Работоторговцы, купцы, охотники за сокровищами посещали Соторос веками, но редкие из них отваживались заходить в глубину континента, а те, что отваживались, редко возвращались назад.

Даже подлинной величины Сотороса мы не знаем. На старинных квартийских картах он показан как остров вдвое больше Великого Морака, но их торговые корабли, заходившие весьма далеко вдоль его восточного берега, так и не нашли оконечности этого острова. Гискарцы, основавшие Заметтар и Горош, полагали, что это материк величиной с Вестерос. Джейенера Белейерис, пролетевшая на драконе Терраксе дальше всех к югу в поисках сказоч-

ТОРОС

ных кипящих морей и дымящихся рек, нашла лишь бесконечные джунгли, пустыни и горы. Вернувшись спустя три года в Республику, она объявила, что Соторос не меньше Эссоса «и конца ему нет».

Как бы там ни было, край это нездоровый: самый воздух его полон зловредных миазмов. Мы помним, что приключилось с Нимерией, решившей поселить свой народ на его берегах. Кровавые чирьи, зеленая горячка, сладкая гниль, бронзовое тепло, красная смерть, серая хворь, буруножие, червекость, пагуба моряка, гнойный глаз, желтые десны — вот лишь немногие из здешних болезней, опустошающих порой целые поселения. Архимейстер Эброс, изучивший рассказы множества путешественников, полагает, что девять из десяти вестеросцев, побывавших в Соторосе, все еще страдают не той, так другой тамошней хворью и что половина этих больных скоро умрет.

Но болезни — не единственная опасность, подстерегающая путников в этих зеленых чащобах. Огромные крокодилы Замойоса переворачивают

лодки и пожирают пловцов. В других реках водятся косяки хищной рыбы, способные вмиг обглодать человека. Всюду кишат кусачие мухи, ядовитые змеи и осы; зловредные черви откладывают яйца под кожу лошадей, свиней и людей. На мысе Василиска встречаются всякого вида ящеры, порой вдвое больше львов, а к югу от Йена будто бы есть гигантские обезьяны, способные одним ударом убить слона.

Еще южнее начинается область Зеленого Ада, где обитают еще более страшные звери. Если верить сказкам, там есть пещеры, полные бледных летучих мышей, в считанные мгновения высасывающих из человека всю кровь. Пятнистые ящеры потрошат добычу мощными когтистыми задними лапами, в подлеске ползают змеи пятидесяти футов длиной, громадные пауки развешивают сети на высоких деревьях.

Всех ужасней, однако, виверны, ненасытные тираны южных небес с кожистыми крыльями и острыми клювами. Они мельче драконов и в отличие от них не выдыхают огня, но свирепостью превосходят своих близких родичей.

Щетинистые виверны, приметные зеленовато-белой чешуей, достигают тридцати футов в длину. Болотные бывают и того больше, но по натуре медлительны и редко вылезают из своих нор. Буробрюхие, не больше обезьянок, еще опаснее своих крупных сородичей, ибо охотятся стаями до ста голов и более. Страшнее всего тенекрылы, ночные чудовища, почти невидимые из-за черных крыльев и чешуи.

Не диво, что Соторос населен куда меньше, чем Эссос и Вестерос. Десятка два торговых городков ютятся у северного его берега; говорят, что глина, из которой они слеплены, замешана на крови, а живут там бродяги, искатели приключений, изгнанники и продажные женщины из Вольных Городов и Семи Королевств.

В глубине Сотороса, в джунглях среди болот и великих рек таятся, несомненно, сказочные сокровища, но на одного человека, нашедшего там золото,

Септон Барт в «Драконах, змеях и вивернах» полагает, что как раз из вивернов-то и вывели драконов кровавые маги Валирии. Маги эти в самом деле проделали немало противоестественных опытов, но большинство мастеров сомневается в словах Барта. Мейстер Веньон в «Естественном пути» приводит доказательства того, что драконы в Эссосе жили задолго до того, как Валирия стала великой державой.

самоцветы или драгоценные пряности, сто нашли свою смерть. Пираты с островов Василиска постоянно совершают набеги на эти прибрежные городки; пленников, захваченных там, содержат в загонах на Когте и Острове Слез, а потом везут на рынки залива Работорговцев или продают в перинные дома и сады удовольствий Лисса.

Удаляясь от побережья, путешественники находят все более дикие и первобытные племена. Соториане ширококостны и мускулисты, у них длинные руки, покатые лбы, большие квадратные зубы, тяжелые челюсти, жесткие черные волосы. Лица их из-за широких плоских носов больше походят на звериные морды, а растущая на коже щетина, бурая с белыми пятнами, уподобляет их диким свиньям. Соторианки приносят потомство лишь от своих соплеменников:

от мужчин из Эссоса или Вестероса они рожают только мертвых детей, порой сущих уродцев.

Те, что живут ближе к морю, говорят на ломаном общем языке. Из-за тупости здешних туземцев гискарцы не слишком ценят их как рабов, но бойцы из них выходят хорошие. В глубине материка царит полнейшая дикость. Там поклоняются темным богам, справляя обряды ужасающей непристойности. Во многих племенах господствует людоедство, а за недостатком убитых врагов поедают собственных мертвецов.

Говорят, что раньше там жили и другие народы, но мохнатые истребили их, пожрали или прогнали прочь. Ходят сказки о людях-ящерах, затерянных городах, безглазых пещерных жителях, но доказать это все невозможно.

Мейстеры и другие ученые ломают себе головы над наибольшей загадкой Сотороса — древним городом Йеном. Дома там были построены из блоков маслянистого черного камня, столь тяжелых, что только дюжина слонов могла бы их сдвинуть. Город этот покинут много тысячелетий назад, но джунгли, окружающие Йен со всех сторон, почти его не затронули. «Здесь столько зла, что даже джунгли не смеют его коснуться», — сказала будто бы Нимерия, увидев эти развалины. Все попытки восстановить или вновь заселить Йен кончались ужасными катастрофами.

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

За Квохорским лесом начинаются бескрайние холмистые равнины с плодородными речными долинами и большими озерами. Травы там выше лошадиного роста, и тянутся эти степи более чем на семьсот лиг, от леса до Костяных гор.

Именно там в Рассветные Века, на берегах реки Сарны и бесчисленных ее притоков на пути к Студеному морю, зародились первые города. Произошло это десять тысяч лет назад или того больше, когда в Вестеросе обитали одни великаны и Дети Леса.

История тех времен нам неведома, ибо степные царства ушли в небытие задолго до того, как люди научились писать. Сохранились лишь легенды о

Бытуют также легенды о затерянном городе Лабере, где поклонники паучьей богини вели нескончаемую войну с последователями змеиного бога. К востоку от него будто бы жили кентавры, полулюди-полукони.

На юго-востоке стояли гордые города каатийцев, на берегах Студеного моря обитал карликовый лесной народец скорее всего сродни Детям Леса. Между ними жили другие племена: симмерийцы, длинноногие гиппы с плетеными щитами и выбеленными известью волосами, смуглые белокурые зокоры, воевавшие на колесницах.

Почти все эти племена вымерли, ушли в изгнание или были поглощены другими народами; города

Эти многочисленные предания убеждают мастеров в том, что Серебристое море и вправду существовало когда-то; впоследствии дождей стало выпадать меньше, и оно высохло, оставив после себя три озера.

Королевах-Рыбачках, которые правили землями близ внутреннего Серебристого моря и жили в плавучем дворце, беспрестанно обходившем его берега.

Королевы-Рыбачки были мудры, добросердечны и пользовались милостью богов; многие правители и мудрецы обращались к ним за советом. Между тем за пределами их владений рождались, гибли и боролись за место под солнцем другие народы. Часть мастеров полагает, что именно оттуда Первые Люди отправились в долгое кочевье на запад, чтобы наконец прийти в Вестерос. Там же скорее всего выросли и андалы. Рассказывают также о свирепых волосатых людях, воевавших верхом на единорогах; они вполне могли быть предками нынешних иббенийцев, хотя, по преданию, были крупнее их.

их исчезли с лица земли, боги и герои почти забылись. Из каатийских городов остался лишь Кварт, ревниво охраняющий Яшмовые Врата, что соединяют Летнее море с Яшмовым.

Завоевателей, пришедших им на смену, Вестерос помнит как сарнорцев, ибо расселились они на землях, орошаемых Сарной, ее притоками и тремя озерами, оставшимися от Серебристого моря. Сами они называли себя Высокими Людьми («тагаэз-фен» на их языке), были длинноноги, длинноручки и смуглы, как зокоры, но волосы имели иссиня-черные. Все они — воины, чародеи, ученые — происходили от царя по имени Гузор Амаи (Изумительный). Сын последней Королевы-Рыбачки, он женился на дочерях трех вождей, гиппийского,

Архимейстер Хагедорн высказал мысль, что это были всего лишь конные воины, а сказочных чудищ в них видели соседние племена, не научившиеся еще укрощать лошадей. В Цитадели этот взгляд многие разделяют, хотя в кунсткамерах порой можно видеть скелеты кентавров.

симмерийского и зокорского, объединив под своей рукой все три племени. Жена-зокорка будто бы правила его колесницей, жена-симмерийка сковала ему доспехи (ее народ первым научился обрабатывать железо), на плечах он носил плащ из кожи царя волосатых людей.

Мы не знаем, существовал вправду такой человек или нет, но нельзя отрицать, что Высокие Люди в пору своего расцвета были очень сильны. Народ гордый и воинственный, они редко бывали едины, но владели землями от Квохорского леса до восточных берегов высохшего Серебристого моря и еще на пятьдесят лиг за ним. Их города, сверкавшие под солнцем и звездами, были разбросаны по степи, как алмазы по зеленой бархатной мантии, и величайшим из всех считался Сарнат Высокобашенный, где в знаменитом Дворце Тысячи Покоев сидел царь Высоких Людей.

вов и далекой Моссови. Сарнорские цари воевали с Каатом, с Гискарской империей и отражали набеги кочевников из восточных степей.

Конные сарнорские воины, одетые в сталь и паучий шелк, ездили на вороных кобылах, а полководцы выезжали биться на колесницах с железными косами, куда запрягали красных как кровь лошадей. Этими колесницами часто правили их жены и дочери, ибо у сарнорцев воевали и мужчины и женщины.

Сарнат Высокобашенный прославился даже в Семи Королевствах, а Дворец Тысячи Покоев Ломас внес в список девяти рукотворных чудес.

Ныне, однако, Сарнорское царство забыто, и многие, даже школяры Цитадели, не знают ничего из его долгой истории. Башни его обрушились, города заброшены, поля заросли сорными травами. По его бывшим владениям проходят лишь дотракий-

Ему подчинялись по закону и обычаю все вожди сарнорцев, но подлинной властью цари обладали редко.

Восточнее Сарната располагались Казат, столица караванов; Сатар с его водопадами; Горнат Озерный с многочисленными каналами; Саллош Серебробережный, город науки, с огромной библиотекой и Расписными Стенами. Ниже по течению Сарны, где она поворачивает на север, стояли города Ратилар, Хорнот и Кет, где строились речные суда. Там же помещался Мардош Непобедимый, солдатский город. В дельте при впадении Сарны в Студеное море находились портовые города Сарис на востоке и Саат на западе.

Сарнорское царство (так оно называлось, хотя соперничавших царьков в нем было десятка два) больше двух тысяч лет числилось среди величайших держав древнего мира, но знаем мы о нем лишь из обрывков его собственных летописей (в основном это «Анналы зимы и лета») да из записей, сохранившихся в Кварте, Вольных Городах и на заливе Работоторговцев. Сарнорские купцы путешествовали в Валирию, Йи Ти, Ленг, Асшай. Сарнорские корабли ходили по Студеному морю до Иба, Тысячи Остро-

ские кхаласары и те караваны, которым кхалы позволяют совершать долгие путешествия от Вольных Городов до Вейес Дотрака и Матери Гор.

Путники называют эти земли Мертвыми или Пустынными из-за множества разрушенных городов, но больше они известны как дотракийское море. Название это прижилось не так уж давно, ибо дотракийцы народ молодой и их кхаласары появились в степях лишь после Рока. Придя с огнем и мечом, они покоряли и разрушали древние города на своем пути, а жителей уводили в рабство.

Не прошло и ста лет, как великое Сарнорское царство рухнуло. В то время как Вольные Города на западе дрались за право первенства, в степи шла своя война. Кочевники из восточных степей, ранее разобщенные и враждовавшие, объединились под водительством единого кхала Менго. По совету своей матери Доши, слывшей колдуньей, Менго убедил других кхалов принять его как вождя, а несогласных убил или сделал рабами.

В старости он обратил взор на запад.

Из истории нам известно о пяти войнах между Гискарской империей и молодой Валирийской республикой. На Второй и Третьей Гискарских войнах союзниками Валирии выступили Высокие Люди. Во время Четвертой мелкие царьки разделились, и одни сарнорцы воевали за гискарцев, а другие за валирийцев. Ломас Странник пишет о поваленном обелиске с фигурами союзников Гиса и замечает, что самые высокие из тех воинов — это сарнорцы, которых шлемы делают еще выше. Обелиск в свое время поставили гискарцы, но фигуры на нем высекли валирийцы, взявшие вражеских воинов в плен и сделавшие рабами.

Презируя кочевников, которые были для них лишь постоянной докукой, Высокие Люди слишком долго закрывали глаза на угрозу с востока. Даже когда вторжения участились, некоторые цари использовали дотракийцев в собственных войнах, предлагая взамен золото, рабов и другие дары. Кхал Менго брал дары, а завоеванные города и поля выжигал до тла, возвращая степь в дикое состояние (дотракийцы считают греховным вспарывать плоть матери-земли лопатами и плугами).

Лишь когда кхал Моро, сын Менго, привел свой кхаласар к самым воротам Сатара, сказочного города водопадов, Высокие Люди поняли, что им грозит. Сатарских мужчин, побежденных в сражении, перебили, женщин и детей взяли в рабство, и три четверти их погибли во время долгого перегона до гискарского города Газдан-Мо. Сатар, прекраснейший из степных городов, был сожжен дотла, и сам Моро будто бы дал руинам новое имя: Ялли Камайи, Плач Детей.

Но даже и тогда сарнорские цари не сумели объединиться. Пока Сатар горел, правители Казата на западе и Горната на севере послали туда войска — не затем, чтобы помочь соседям, а чтобы пользоваться своей долей добычи. В алчности своей оба города рассорились из-за новых земель и сразились три дня спустя близ Сатара, откуда подымались в небо клубы черного дыма.

Тем, кто желает узнать подробнее о том, как погибли один за другим великие города Сарнора, я рекомендую прочесть «Конец Высоких Людей» Белло, «Конные племена или кочевники восточного Эссоса» мастера Иллистера, главы из «Битв и осад Кровавого Века» мастера Джосета и «Разрушенные города, украденные боги» Вагорро.

В наше время из всех сарнорских городов уцелел лишь Саат, да и тот жив лишь благодаря под-

держке Иба и Лората (поблизости находится лоратская колония Морош). Лишь в Саате люди еще называют себя тагаэз-фен; их осталось менее двадцати тысяч, в то время как прежде Высокие Люди исчислялись миллионами. Лишь там еще поклоняются ста богам Сарнорского царства. Изваяния из мрамора и бронзы, некогда украшавшие улицы и храмы Высоких Людей, ныне лежат, зарастая травами, в Вейес Дотраке, священном городе табунщиков.

Сатар был первым сарнорским городом, павшим перед дотракийцами, но далеко не последним. Шесть лет спустя кхал Моро сравнял с землей и Казат. В этом ему, как ни трудно в это поверить, помог Горнат, царь которого женился на одной из дочерей Моро. Через двенадцать лет Горнат тоже пал, ибо кхал Хорро к тому времени убил кхала Моро и пресек род великого Менго, а царь Горната погиб от руки собственной жены-дотракийки, презиравшей его за слабость. Женщину Хорро взял себе, а труп ее покойного мужа пожрали крысы.

Хорро был последним из кхалов, командовавших всем дотракийским народом. Всего через три года после падения Горната его, в свою очередь, убил другой кхал, и великий кхаласар Хорро раскололся на дюжину мелких, тут же возобновивших свои междоусобные войны. Но передышка, выигранная Сарнором благодаря этому, была краткой, ибо Высокие Люди показали уже свою слабость, а преемники Хорро разделяли его охоту к завоеваниям. В последующие годы они старались перещеголять один другого в захвате новых земель, — и разрушали города, угоняли горожан в рабство и тасили их разбитых богов в Вейес Дотрак как трофеи.

Мало-помалу сарнорские города с их высокими башнями превращались в руины. Историки особенно оплакивают падение Саллоша Сребробережного,

ибо вместе с городом сгорела библиотека, и почти вся история Высоких Людей и их древних предшественников погибла для нас.

Кет и Хорнот разрушили два разных кхала, соперничавших друг с другом в зверстве. Город-крепость Мардош сопротивлялся дотракийцам дольше всех остальных: он держался почти шесть лет, осаждаемый разными кхаласарами. Страдая от голода, мардошийцы съели всех своих собак, лошадей, крыс и мышей и наконец начали поедать мертвых. Не в силах больше терпеть, оставшиеся воины убили своих жен и детей, чтобы те не достались кхалам,

открыли ворота и ринулись на врага. Перебив их всех, дотракийцы назвали руины Мардоша Вейес Горкойи, Городом Сечи.

После гибели Мардоша уцелевшие сарнорские цари наконец-то спохватились, забыли о собственных распрях и собрали под стенами Сарната большое войско, чтобы покончить с кхалами раз навсегда. Во главе с Мазором Алекси, последним верховным царем, они храбро двинулись на восток. Между Сарнатом и руинами Казата, на Вороньем Поле, как его стали называть после, их встретили четыре сплотившихся кхаласара.

У кхалов Харо, Квано, Лосо-Хромца и Дзак было восемьдесят тысяч всадников в общей сложности. У сарнорцев впереди шли шесть тысяч снабженных косами колесниц, за ними десять тысяч конных в броне, по флангам легкая кавалерия (где было много женщин). Следом двигалась пехота, около ста тысяч пращников и копейщиков; все летописцы сходятся в том, что Высокие Люди имели большое численное преимущество.

Битва началась, и сарнорские колесницы врезались в середину дотракийской орды, сотрясая землю и подсекая косами ноги коней. Когда косы

искромсали самого кхала Харо, его кхаласар дрогнул и обратился в бегство. Колесницы помчались в погоню; за ними скакала тяжелая кавалерия, следом, потрясая копьями, с победным криком бежала пехота.

Ликование сарнорцев продлилось недолго: бегство было всего лишь военной хитростью. Заманив врага в западню, дотракийцы повернулись и осыпали его стрелами из своих длинных луков. С севера и юга подоспели кхаласары Квано и Дзак, а Лосо замкнул круг сзади, отрезав сарнорцам путь к отступлению. Царское войско попало в кольцо и было из-

рублено на куски. Говорят, что в тот день погибли сто тысяч человек, в том числе Мазор Алекси, шесть меньших царей, около семидесяти военачальников и героев. Воронье спускалось на поле тучами, победители обирали убитых и дрались из-за добычи между собой.

Две недели спустя Лосо-Хромец взял лишенный защитников Сарнат и спалил его, не пощадив даже Дворца Тысячи Покоев.

Оставшиеся сарнорские города пали один за другим. Последним в печальном списке стал Сарис в устье Сарны, но кхалу Зегго мало чем удалось поживиться, ибо почти все жители покинули город. Кровавый Век тогда уже подходил к концу.

Три Квохорские Тысячи навсегда остановили этот великий поток, была бы равноценна высокомерию сарнорских царей при первых признаках дотракийского нашествия. Мудрые люди знают, что рано или поздно на востоке появится новый великий кхал, который снова объединит кочевников и поведет их на запад.

На востоке дотракийцы тоже искали побед, но Костяные горы встали неприступной стеной между ними и богатствами дальних сказочных стран. Войско там можно провести только по трем перевалам, которые стерегут грозные воительницы в могучих крепостях Байясабхад, Самириана и Каякаяная. Эти твердыни — все, что осталось от великого царства Хиркун, лежавшего некогда за Костями на ме-

Нам мало что известно из долгой истории каатийцев. Мы знаем лишь, что народ этот зародился в степи, построил там свои города и порой враждовал с сарнорцами. Те зачастую побеждали и оттесняли каатийцев на юг, где они строили новые города-государства. Один из них, Кварт, был основан на берегу Летнего моря, но другие каатийские земли уже и тогда превращались в пустыню. Потом грянул Рок, а следом пришли дотракийцы.

Их вторжение, как ни странно, способствовало возвышению Кварта. Видя, что дела на суше плохи, правители города, именуемые Чистокровными, построили флот и завладели Яшмовыми Вратами (этот пролив между Квартом и Великим Мораком соединяет Летнее море с Яшмовым). Валирийский флот к тому времени сгинул, Волантис был занят войной на западе, и ничто не мешало Кварту стать хозяином кратчайшего морского пути с запада на восток. После этого город быстро разбогател на торговле и пошлинах, взимаемых за проход.

Не следует думать, что жертвой дотракийцев стало одно лишь Сарнорское царство. Пала также Эссария, валирийская колония, называемая порой Погибшим Вольным Городом. Дотракийцам ее руины известны как Вейес Кхадок, Город Мертвецов. На севере кхал Дхако сжег Иббиш и лишил иббейцев владений на северном побережье Эссоса. (В лесах у Студеного моря сохранилась их маленькая колония с городком под названием Новый Иббиш.) На юге другие кхалы обрушились на Красную пустыню, и из каатийских городов уцелел только Кварт, обнесенный тройными стенами.

В Вольных Городах полагают, что наступление дотракийцев на запад остановил Квохор. Когда кхал Теммо собрался взять этот город, три тысячи Безупречных, квохорских солдат-рабов, выдержали восемнадцать атак его вопящей орды. Однако вера в то, что

сте Великого Песчаного моря, и немало кхалов полегло под их стенами.

Но к западу от Костей, от Студеного моря на севере до Пестрых гор и Скахазадхана на юге, простирается степь, где нет больше ни одного города и никто не смеет пахать, сеять и строиться из страха перед кочевниками. Кхаласары кочуют там и теперь, взимают дань со всех, кто им попадется, и воюют между собой.

Не столь уж часто какой-нибудь кхал перегоняет через «море» свои несметные табуны и козьи стада, чтобы пограбить, захватить пленных и получить «дары» от магистров и триархов Девяти Городов.

У дотракийцев есть лишь одно оседлое поселение, «город» Вейес Дотрак, стоящий под сенью одинокой Матери Гор у бездонного озера Чрево Мира. Отсюда, как они верят, когда-то произошел

То, что крепости обороняются женщинами, будто бы проистекает из веры, что жизнь вправе отнять лишь те, кто способен ее дарить. Однако «Путешествия Аддама из Синего Дола» (купца, якобы побывавшего на дальнем востоке Эссоса) почти не проливают света ни на этот предмет, ни на другие, любопытные для ученых. Аддам пишет лишь, что воительницы ходят с открытой грудью, украшая соски и щеки рубинами и железными кольцами.

их народ. В этом городе нет ни улиц, ни стен; вдоль травянистых дорог стоят боги побежденных стран, и дворцы там сплетены из травы.

Правит в нем кучка старух под названием дош кхалин; все они вдовы кхалов. Кочевники почитают Вейес Дотрак как святыню, где запрещено проливать кровь. Они верят, что когда-нибудь все кхаласары опять соберутся здесь и отправятся завоевывать новые земли во главе с новым великим кхалом, «жеребцом, который покроет весь мир».

Для нас Вейес Дотрак важен лишь из-за торговли, которая там ведется. Сами дотракийцы не поку-

пают и не продают, считая это занятие недостойным мужчин, но дош кхалин допускает в город купцов из Вольных Городов и с Дальнего Востока, что за Костями. Караваны, приходящие на Западный и Восточный рынки, приносят богатые дары кхалам, которых встречают в травяном море, а те взамен их не трогают.

Таким образом, этот кочевой город являет собой ворота между Западом и Востоком (для тех, кто путешествует сушей). Многие народы, которые иначе знать бы друг о друге не знали, встречаются у подножья Матери Гор и ведут мирный торг.

СТУДЕНОЕ МОРЕ

На западе оно граничит с Вестеросом, на юге с Эссосом, на севере с ледовой Белой Пустыней, на востоке с неведомыми морями и землями.

Подлинная величина сих холодных неприветливых вод никогда, возможно, не будет измерена, ибо никто из Семи Королевств не заплывал восточнее Тысячи Островов, а заплывших далеко на север встречают буйные ветры, поля сплошь из льда и ледовые горы, способные сокрушить какой угодно корабль. Еще дальше, как говорят моряки, вечно бушуют метели, а горы кричат как безумцы в бреду.

Мудрецы давно уже постигли, что мир наш есть сфера. Если так, то через макушку ее можно перейти на ту сторону и открыть неведомые прежде моря и земли. Многие отважные мореходы пытались сделать это, пройдя через льды. Одни из них, увы, сгинули, другие же вернулись назад обмороженными и присмиревшими. Известно, что Белая Пустыня летом сжимается, а зимой снова растет и что самые ее берега постоянно меняются, но сказочный северный проход найти не удалось никому. Не найдено и теплое море, укрытое, согласно предположению мастера Геристона из Белой Гавани, где-то между ледяными утесами Дальнего Севера.

Моряки, народ суеверный и влюбленный в сказку не меньше певцов, много чего рассказывают об этих северных водах. На небе там мерцают огни: это пляшет демоница, мать ледяных гигантов, заманивая людей на погибель. В заливе Людоедов гибнут все заходящие туда корабли, ибо море позади них тут же смерзается.

Рассказывают о бледно-голубом тумане, таком холодном, что попавший в него корабль тут же покрывается льдом; о духах утопленников, по ночам затаскивающих живых в морскую пучину; о блед-

ных русалках с черными чешуйчатыми хвостами, куда более злобных, чем их южные сестры.

Но главные из сказочных обитателей Студеного моря — это ледовые драконы. Эти колоссальные чудища, намного больше валирийских драконов, созданы будто бы из льда, вместо глаз у них голубые кристаллы, а крылья прозрачные, и сквозь них видны луна и звезды. Обыкновенные драконы (если дракона можно назвать обыкновенным) выдыхают пламя, а ледовые холод, замораживающий человека мгновенно.

Моряки из разных стран видели этих чудовищ не раз, так что в их байках, возможно, есть доля правды. Архимейстер Маргейт предполагает, что все северные сказки — леденящие туманы, залив Людоедов и прочее — как-то связаны с ледовыми драконами; умозаключение это не лишено изящества, однако ничем не подтверждено. Если убить ледового дракона, он якобы тает, поэтому ни одного из них пока не нашли.

Оставим же вымыслы и вернемся к действительности. Вопреки зловещим легендам о северных пределах Студеного моря воды его населены жизнью. Здесь водится всевозможная рыба: лосось, зубатка, песчанка, серый скат, угорь, белорыбица, форель, акула, сельдь, макрель и треска. На берегах кишат крабы и омары (порой чудовищной величины), на бесчисленных лежбищах режут тюлени, моржи и морские львы.

Если забыть о ледовых драконах, то подлинные владыки Студеного моря — это киты. Виды их разнообразны: серые, белые, горбатые, пятнистые волки моря и могучие левиафаны, старейшие и огромнейшие из всех созданий природы.

Нет в мире рыболовных угодий богаче западных областей Студеного моря от Скагоса и Серых Скал

По преданию, там вмерзла в лед тысяча кораблей, и на некоторых еще живут внуки и правнуки прежних моряков, не съеденных сотоварищами.

до устья Сарны; особенно изобильны здесь сельдь и треска. В этих водах промышляют рыбаки из столь отдаленных краев, как Три Сестры на западе и Морош на востоке; делается это при попустительстве вольного города Браавоса, чьи рыбаки под охраной военных кораблей Морского Начальника пользуются здесь правом первенства. Рыболовство, наряду с торговлей и банковским делом, есть один из трех столпов, на коих зиждется богатство и могущество Браавоса.

Следуя на восток, храбрый мореплаватель попадает из браавосских вод в лоратские и погибает Акс, где в древности жили и погибали бесследно многочисленные народы. К востоку от Акса лежит глубокий Горьководный залив, за который Лорат столь часто сражался с Ибом и где был потоплен браавосским Морским Начальником последний сарнорский флот. На Ибе его именуют заливом Битв, в Лорате — Кровавым. На дне его, как бы он ни назывался, лежит тысяча кораблей и пятьдесят

тысяч моряков. Среди их костей ползают крабы, которыми знаменит Горьководный.

В залив этот впадает Сарна, чьи многочисленные притоки орошают добрую половину Эссоса. Здесь же стоит белокаменный Саат, последний (и наименьший) из погибших городов Сарнора. На той стороне дельты видны руины его брата Сариса, разрушенного дотракийским кхалом много веков назад, а меж ними, на другом рукаве, расположен Морош, рудничная и рыболовная колония Лората.

Тот, кто отважится плыть далее на восток, придет к берегам небольшого королевства Омбер, чьи трусливые короли каждый год откупаются от кхалов зерном, дорогими камнями и юными девами. За Омбером наш мореход узрит Клыкастый залив, знаменитый моржовыми лежбищами, и очутится в самом сердце Студеного моря, во владениях волосатых жителей большого острова Иб.

ИБ

Многие народы с древних времен селились на берегах и островах Студеного моря, многие отправляли свои суда в его холодные воды. Самыми выносливыми из них по праву считаются иббенийцы, рыбачившие здесь еще на заре времен.

Люди это крепкие, широкие в груди и плечах, но рост их редко превышает пять с половиной футов. Ноги у них короткие, руки длинные. При своем малом росте они очень сильны, и никто из Семи Королевств не может потягаться с ними в борьбе.

У иббенийцев покатые лбы с тяжелыми надбровьями, маленькие глубоко сидящие глазки, большие квадратные зубы, тяжелые челюсти. Вестеросцу они могут показаться безобразными и

тупыми, что еще усугубляется их гортанной скрежещущей речью, однако это весьма хитрый народ. Иббенийцы хорошие ремесленники, охотники и следопыты, стойкие воины. Кожа у них бледная, и под ней видны синие жилы, волосатостью же они превосходят все известные нам народы. У мужчин, помимо густых бород, черные курчавые волосы покрывают руки, ноги, спину и грудь. У женщин растительность на теле и верхней губе также бывает густой, но то, что у них шесть грудей, совершенная неправда.

Мужчины с Иба могут иметь детей от женщин других земель, но такое потомство часто уродливо и неизменно бесплодно напоподобие мулов. Иббенийки

рождают от чужеземных мужчин только уродцев или мертвых детей.

Такие сношения, впрочем, большая редкость, хотя корабли из Порт-Иббена можно видеть не только во всех гаванях Узкого моря, но даже на Летних островах и в Волантисе. Иббенийские моряки держатся наособицу, даже сходя на берег, и ко всем чужеземцам относятся с большим подозрением. На самом Ибе чужестранцам предписано оставаться в портовых кварталах; дальше они могут пройти лишь с кем-то из иббенийцев, что опять-таки случается редко.

Иб — второй по величине остров известного мира; больше его только Великий Морак при слиянии Летнего и Яшмового морей. Здесь можно видеть высокие серые горы, древние леса, где водятся медведи и волки, быстрые реки. Когда-то на Ибе, говорят, жили великаны; теперь их не осталось совсем, но мамонты еще бродят по холмам, а высоко в горах встречаются даже единороги.

Лесные и горные иббенийцы не любят чужаков еще больше, чем их приморские родичи, и говорят, как правило, только на своем языке. Лесовики, горняки, пастухи коз, они живут в пещерах и в землянках, крытых камышом или сланцем. Города и деревни в глубине острова редки; здесь предпочитают жить по отдельности, собираясь лишь по случаю свадеб, похорон и молебствий. В горах добывают железо, золото, олово, в лесу древесину, янтарь и пушнину всякого рода.

Приморские жители более предприимчивы. Отважные рыбаки бороздят северные моря в поисках трески, сельди, угря, белорыбицы, но больше иббенийцы известны как китобои. Пузатые китобойные баркасы встречаются в портах всего света. Для глаз и обоняния они мало приятны, зато могут выдерживать любой шторм и натиск самых крупных левиафанов. Главные иббенийские товары, китовая кость и жир, сделали Порт-Иббен самым большим и богатым городом Студеного моря.

Серый, угрюмый, он высится над Ибом и меньшими островами с древнейших времен. Стоит он на крутых холмах, улицы в нем вымощены булыжником, освещают его сотни фонарей с китовым жиром, подвешенные на железных цепях. На самом верху видны руины колоссального зам-

ка, где когда-то жили Боги-Короли Иба. Последний из них был свергнут после Валирийского Рока, и ныне всеми островами правит Теневой Совет, избираемый Тысячью — собранием богатых купцов, знатных господ, жрецов и жриц; в этом он подобен магистерским советам Девяти Городов.

Дальний Иб, второй по величине остров архипелага, лежит более чем в ста лигах к юго-востоку от главного острова. Иб-Сар, его единственное селение, раньше служило местом ссылки: туда с Иба отправляли самых тяжких преступников, нанеся им прежде увечья, чтобы они не могли вернуться назад. После падения Богов-Королей этого больше не делают, но свою дурную репутацию Иб-Сар сохранил до сих пор.

Иббенийцы не всегда жили столь уединенно. Следы их поселений сохранились на Аксе, на Лоратских островах, по берегам Горьководного и Клыкастого заливов на западе, в Левиафановой бухте и на Тысяче Островов на востоке. История также свидетельствует, что иббенийцы пытались захватить устье Сарны, что привело их к войне с сарнорскими городами Саатом и Сарисом.

Богам-Королям Иба удалось-таки в свое время занять большую часть северного Эссоса южнее своих островов, где в густых лесах обитал маленький робкий народец. Одни говорят, что иббенийцы истребили маленьких лесных жителей, другие полагают, что те ушли в глубину леса или бежали в другие земли. У дотракийцев большой лес на северном побережье до сих пор зовется Ифекевроном, Царством Лесного Народа.

Лорд Высокого Прилива Корлис Веларион, прославленный Морской Змей, побывал в этом лесу первым из вестеросцев и после написал о знаках на древесных стволах, о населенных призраками горах и господствующей там тишине. Век спустя купец Брайен из Староместа, капитан когда «Копьеносец», описал собственное путешествие по Студеному морю. Дотракийское название, пишет он, означает «бродящие по лесу». Никто из иббенийцев не подтвердил, что прежние жители и вправду там бродят; говорят, однако, что маленький народ благосклонен к тем, кто оставляет им приношения из листьев, камней и воды.

В «Красной Книге», истории миэринских бойцовых ям, написанной неизвестным юнкайцем и переведенной мастером Элкином, упоминается о том, что многие иббенийки окончили свои дни на аренах Миэрина, Юнкая и Астапора; рабовладельцы на юге сочли их слишком безобразными для любовных утех и слишком буйными для работ в поле.

Иббенийские владения на материке были величиной с сам остров Иб, но намного богаче. Сотни и тысячи островитян перебирались сюда, чтобы рубить деревья под поля, распахивать очищенную таким образом землю, ставить плотины на больших и малых реках, добывать руды в холмах. Главенствовал же над материковыми городками и деревнями Иббиш, рыбацье поселение, который десятилетиями расстраивался и заселялся до тех пор, пока не сделался оживленным портовым городом, вторым после Порт-Иббена, что владел глубокой гаванью и был обнесен белыми стенами.

Однако мирная жизнь для Иба закончилась двести лет назад, когда с востока нагрянули дотракийцы. Прежде кочевники чурались северных лесов, свято почитая давным-давно исчезнувших маленьких людей, или же из страха перед их тайным могуществом, но к самим иббенийцам они не питали ни того, ни другого. Кхалы, один за другим, вторгались на земли островных поселенцев, огнем и сталью утверждая свое владычество, жгли дома и поля, без всякой жалости убивали мужчин, уводили в рабство их жен и детей.

Иббенийцы, коим молва небезосновательно приписывает великую скаредность и скупость, отказались платить кхалам дань и предпочли войну. Они одержали несколько славных побед, истребив в одном сражении весь кхаласар страшного кхала Онко, но дотракийцев становилось все больше, ибо каждый кхал старался затмить завоевания другого и

покрыть себя еще большей воинской славой. Оттесняя иббенийцев все дальше, кочевники в конце концов отняли у них город Иббиш. Кхал Сгоро был первым, кто взломал ворота Китовой Кости, подверг разграблению храмы и увез городских богов в Вейес Дотрак. Иббенийцы спустя некоторое время вновь отстроили Иббиш, но через поколение город подвергся такому же унижению — кхал Рого предал огню половину всех строений и угнал в рабство десять тысяч женщин.

Ныне от Иббиша остались лишь жалкие развалины, которые дотракийцы называют Вейес Аресак, или Город Трусов: когда к городу подошло войско кхала Дхако, внука Онко, все его жители погрузились на корабли и бежали со всем своим добром, с чадами и домочадцами обратно на Иб. Гнев Дхако был столь велик, что он повелел выжечь не только сам город, но и его окрестности, за что был прозван Драконом Севера.

Небольшую колонию на Эссосе Иб сохраняет и по сей день; это лесистый полуостров, окруженный морем и обнесенный деревянной стеной, почти столь же длинной, как ледяная Стена на Севере, но гораздо скромнее — втрое ниже ее. Палисад этот снабжен сторожевыми башнями и защищен глубоким рвом. Внутри стоит небольшой городок под названием Новый Иббиш, бедный, унылый и напоминающий скорее Иб-Сар, нежели разрушенный дотракийцами город. Моряки с презрением относятся к этому печальному и жалкому месту.

Перрио Эрастес, знаменитый браавосский путешественник, наблюдал падение Иббиша, будучи гостем Дхако. В своей книге «Горящие травы» он пишет, что Дхако сначала очень гордился своим новым прозвищем, но впоследствии пожалел о нем. Кхал Теммо, победив его в битве, отсек Дхако руки, ноги, мужские части и поджарил все это у него на глазах; затем он сжег на костре жен и сыновей пленного кхала, и наконец та же участь постигла самого Дхако.

К ВОСТОКУ ОТ ИБА

За Новым Иббишем и лесом Ифекеврон начинаются предгорья Костей, а там спускаются к морю и сами горы. Морьякам еще издали видны их снеговые вершины. У дотракийцев северные отроги Костей называются Кразаадж Заска, Белые Горы.

За горами лежит мир, в котором побывали очень немногие вестеросцы. Все они, в том числе Ломас Странник, либо пришли туда сушей через горные перевалы, либо приплыли морем через Яшмовые Врата.

Восточные воды Студеного моря не менее изобильны, чем западные, но рыбачат в них одни иббенийцы: свирепые конные воины Джогос Нхая за Костяными горами не имеют судов и не выходят в море. Китобои из Порт-Иббена постоянно бывают в Левиафановой бухте, где киты спариваются и приносят потомство; там, по их словам, ходит огромными косяками треска, водятся тюлени, моржи, императорские и паучие крабы.

Еще дальше находится так называемая Тысяча Островов (иббенийские же картографы уверяют, что их не больше трехсот): скопление голых морских утесов, представляющее собой, по мнению некоторых, остатки древнего царства, затопленного морем много тысячелетий назад. Лишь самые отважные или терпящие бедствие моряки дерзают сю-

да причаливать: народ Тысячи Островов, хотя и малочисленный, враждебно встречает чужих. Эти безволосые люди с зеленоватой кожей обрезают своих мужчин, а женщинам заостряют зубы. Говорят они только на своем языке и, по слухам, приносят моряков в жертву своим чешуйчатым богам с рыбьими головами, чьи высеченные на берегах изваяния видны лишь во время отлива. Окруженные водою со всех сторон, эти островитяне испытывают такой ужас перед морем, что даже под страхом смерти не ступят в него.

Дальше Тысячи Островов не дерзнул плыть сам Корлис Веларион; от них он и повернул домой, совершив свое великое путешествие на север. Говорят, что даже рыбы, выловленные так далеко на востоке, уродливы и неприятны на вкус.

Известно, что на побережье за Костяными горами есть только один большой порт, Нефер, он же столица Нгая. Он окружен меловыми утесами и постоянно окутан туманом. Из гавани Нефер кажется совсем маленьким, но говорят, что девять десятых его лежит под землей, отчего он зовется еще Потенным Городом. Нефер пользуется дурной славой как гнездо некромантов и палачей.

За Нгаем тянутся леса Моссови, пристанище оборотней и демонов, а что находится за ними, не знает в точности ни один житель Вестероса.

Септоны учат, что за Моссови кончается мир людей. Дальше лежит область тумана, за ней область мрака, еще дальше область хаоса, где море и небо сливаются воедино. Моряки, певцы и прочие любители сказок в свой черед верят, что Студеное море бесконечно и простирается далеко за восточные берега Эссоса; что чужие народы поклоняются там чужим богам под чужими звездами. Мудрецы же полагают, что если земля и вправду кругла, то где-то на востоке, вернее уже на западе, Студеное море должно соединяться с Закатным.

Возможно, это так, а возможно и нет. Никто не может знать этого наверное, пока некий новый Морской Змей не отправится в край заката.

ЗЕМЛИ ЗА КОСТЯНЫМИ ГОРАМИ

За Вейес Дотрак и Матерью Гор степи уступают холмистым равнинам, а дорога под ногами становится каменистой и ведет неизменно в гору. Холмы становятся все круче, и скоро на горизонте появляются горы с вершинами, словно парящими в небе. Даже бесстрашный Ломас Странник, по его же словам, устранился при виде их и подумал, что добрался до самого края света.

Предки дотракийцев и других кочевых народов, перебравшиеся некогда с той стороны гор на эту, могли бы сказать ему, что он заблуждается. Чего они искали на западе? Земель обетованных, новых завоеваний или просто убегали от не знающего пощады врага? Легенды говорят разное, но мы знаем наверное, откуда они пришли, ибо путь их отмечен костями. Среди этих диких вершин можно найти кости всякого рода: человеческие, лошадиные, великаны, верблюжьи, воловьи, звериные, птичьи, не говоря уж об останках разных чудовищ.

По этой причине горы и получили свое название. Кости, высочайший из всех горных хребтов меж Закатным морем и Асшаем, тянутся от Студеного моря до Яшмового. С севера на юг они насчитывают более пятисот лиг в длину, с востока на запад сто лиг.

Северные их отроги венчают снега, в южных бушуют песчаные бури, придавая горам самые странные формы. Между теми и другими режут потоки и пещеры ведут в глубину, к подземным морям. Но какими бы враждебными ни казались эти горы на первый взгляд, в древности здесь жили и люди, и другие создания. Даже северная снежная цепь, которую дотракийцы называют Кразаадж Заска, Белые Горы, где зимой и летом дуют холодные ветры со Студеного моря, была некогда домом джогвинов, горных великанов, вдвое будто бы выше вестеросских. Последние джогвины, увы, вымерли тысячу лет назад, и в горах остались лишь их исполинские кости.

От Кварта до Квохора бытует пословица: «В Кости ведут сто дорог, из Костей только три». При всей мнимой неприступности там и верно

найдется не меньше ста козьих троп, сухих русел и склонов, ведущих в самое сердце гор. Опытные путники знают, где найти вырубленные в скалах древние лестницы, тайные ходы, сквозные пещеры. Многие из этих дорог, однако, опасны, а иные вовсе никуда не приводят.

Небольшие отряды, хорошо вооруженные, запасшиеся провизией и взявшие надежных проводников, могут пройти через Кости каким угодно путем. Войскам, торговым караванам и одиноким путникам лучше придерживаться трех главных, проходящих через перевалы дорог: Стальной, Каменной и Песчаной.

Стальная (названная так из-за битв, которые повидала) и Каменная дороги начинаются в Вейес Дотрак. Первая бежит напрямик на восток под снежными пиками, вторая слегка отклоняется на юг, чтобы соединиться со старым Шелковым путем у руин Йинишара (Вейес Йини по-дотракийски). Песчаная дорога проходит через южные Кости (порой называемые Сухими, ибо воды здесь мало), огибает пустыню и приводит в Кварт через рыночный город Тики, двери Востока.

Но даже по этим торным дорогам переход через Кости опасен и обходится дорого, ибо по ту сторону гор их сторожат три крепости, остатки некогда могучей Хиркунской Вотчины. Байсабхад, Змеиный Город, стоит на Песчаной дороге и требует пошлины со всех проходящих. Каменная дорога с ее теснинами и бесконечными поворотами пролегает под стенами вырубленной прямо в скалах Самирианы. На севере одетые в меха воины провожают путников по висячим мостам и подземным ходам до Какаянаи, построенной из черного базальта, чугуна и желтых костей.

Все три крепости были когда-то поставлены Отцами Хиркуна для защиты их западных границ от разбойников и дикарей Костяных гор, но после разрослись в города; сам Хиркун тем временем рассыпался в прах, его озера и реки высохли, плодородные ранее поля обратились в пустыню. Ныне в сердце

Согласно многим источникам, все воины Каякаянаи, Самирианы и Байясабхада — это женщины, дочери Великих Отцов, правящих этими городами. Девочек с младенчества учат ездить верхом, лазить по скалам, владеть луком, копьем, ножом и пращей. Сам Ломас Странник подтверждает, что лучших воинов нет на свете. Что касается их братьев, сыновей Великих Отцов, то девяносто девять из ста мальчиков в годы возмужания подвергаются кастрации и становятся жрецами, учеными, писцами, слугами, поварами, крестьянами и ремесленниками. С того же, самого сильного и красивого, оставляют на племя, и со временем он сам входит в число Великих Отцов. Мейстер Найлин в «Рубинах и железе» (книга названа так потому, что воительницы украшают свои соски железными кольцами, а щеки рубинами) размышляет о причинах, которые могли привести к столь странным обычаям.

былого Хиркуна лежит Великое Песчаное море, кладбище разрушенных городов. В южной его части будто бы царит такой зной, что вода закипает сама по себе.

За пустыней начинается другой мир, Дальний Восток, обитель чуждых богов и чуждых народов, видевший возвышение и падение бесчисленных царств; самые их имена порой давно забыты у нас на западе. Цитадель знает историю Востока лишь в са-

мых общих чертах, и даже эти скудные сведения, дошедшие до нас через пустыни и горы, изобилуют пробелами и противоречиями. По этой причине крайне трудно судить, что в них правда и что порождено лихорадочным воображением певцов, сказителей и кормилиц.

Но величайшее и древнейшее из восточных государств, золотая империя Йи Ти, сохранилось до наших дней.

ЙИ ТИ

Эта страна, прославленная даже в Семи Королевствах, велика и разнообразна: есть в ней холмы и равнины, джунгли и дождевые леса, глубокие озера, бурные реки и высыхающие внутренние моря. Легендарное богатство ее таково, что принцы здесь живут в дворцах из чистого золота и посыпают сласти истолченным в порошок жемчугом. Ломас Странник, пораженный этими чудесами, сказал, что в Йи Ти тысяча богов и сто принцев, но правит ей один-единственный бог-император.

Те же, кто побывал в Йи Ти в наши дни, говорят, что тысяча богов и сто принцев по-прежнему остаются в силе, но богов-императоров целых три, и каждый полагает себя вправе носить парчовые одежды, зеленый жемчуг и нефрит, подобающие лишь императору. Подлинной властью не пользуется ни один; перед Лазурным императором в Йине простираются мириады подданных, но распоряжается он лишь в стенах своего города. Сто принцев Ломаса Странника правят своими землями как им вздумается, а разбойники, жрецы, чаро-

деи, имперские военачальники обирают народ по-чем зря.

Так было не всегда. В древности боги-императоры превышали могуществом даже Валирию и командовали несметными армиями.

Согласно жреческим хроникам Йина, в начале времен всеми землями между Костями и холодной Серой Пустыней, от Студеного моря до Яшмового (даже священным островом Ленг) правил бог на земле, единственный сын Льва Ночи и Луноликой Девы; он объезжал свои владения в паланкине, вырезанном из огромной жемчужины, а несли его сто цариц, его жен. Десять тысяч лет Великая Рассветная Империя процветала при нем в мире и благополучии, пока он не ушел к своим предкам на звезды.

Сын его, Жемчужный Император, правил тысячу лет. За ним последовали Нефритовый, Турмалиновый, Ониксовый, Топазовый и Опаловый императоры, каждый из коих также правил веками, но каждое царствование было короче и бес-

покойнее предыдущего: границы Великой Империи тревожили дикари и злобные чудища, принцы возгордились и преисполнились мятежного духа, простой люд предавался жадности, зависти, похоти, кровосмешению, смертоубийству, обжорству и лени.

Когда дочь Опалового Императора стала Аметистовой Императрицей, завистливый младший брат убил ее и провозгласил себя Гелиотроповым Императором (камень этот, как известно, кроваво-красного цвета). Он занимался темной магией, пытками, некромантией, поработил свой народ, взял в жены женщину-тигрицу, питался человеческим мясом и вместо истинных богов молился упавшему с неба черному камню. (Многие ученые считают его первым верховным жрецом зловещего храма Звездной Мудрости; такие храмы и поныне существуют во многих портовых городах мира.)

Древний летописец предполагает, что именно эта Кровавая Измена и вызвала Долгую Ночь. Видя, что на земле царит зло, Луноликая Дева отвернулась от этого мира, а Лев Ночи обрушился на людей во всей ярости своего гнева.

Никто не знает, сколько эта ночь длилась, но все согласны, что победил ее герой, известный под разными именами: Хиркун, Азор Ахаи, Йин Тар, Неферион, Элдрик Теневорец. Вооруженный мечом по имени Светозарный, он повел праведных на бой, и тьма отступила, и в мир вернулись свет и любовь.

Лишь Великая Рассветная Империя так и не возродилась более. Все люди разбились на мелкие племена, и каждое боялось другого, и всюду по-прежнему свирепствовали войны, вражда и разврат. Так рассказывают это предание на Востоке.

В Цитадели Староместа и других обителях науки все это считается не более чем легендой, но все

согласны, что Йи Ти существует, возможно, с тех времен, когда на Серебристом море еще жили Королевы-Рыбачки. Жрецы самого Йи Ти твердо уверены, что первые на свете города родились именно здесь, и отвергают такие же уверения Гиса и Сарнора как варварскую детскую похвальбу.

Какой бы ни была правда, Йи Ти бесспорно является собой одно из первых на свете мест, где люди впервые выбрались из дикого состояния и обрели грамотность; ученые мужи Востока владеют чтением и письмом уже многие тысячи лет и ревниво берегут свои древнейшие летописи. Знания об их дальних странах мы черпаем из рассказов путешественников и отрывочных текстов, неведомо как дошедших до Цитадели.

Мы не можем изложить здесь всю историю Йи Ти, охватывающую сотни императоров и мириады войн, завоеваний и мятежей. Скажем лишь, что Золотая Империя знала как золотые века, так и темные; что она росла, убывала и вновь росла; что ее посещали потопа, засухи, песчаные бури и земле-

трясения, разрушавшие порой целые города; что по страницам ее истории прошли тысячи героев, трусов, наложниц, чародеев, ученых.

После того, как Восток оправился от Долгой Ночи и наследовавшего ей хаоса, в Йи Ти сменилось одиннадцать династий. Некоторые из них продержались не более полувека, но была и такая, что правила семьсот лет. Сменялись они как мирным путем, так и после кровавых переворотов. В четырех случаях конец династии сопровождался смутой, беззаконием и междоусобными войнами; самое долгое из таких междоусобств тянулось больше ста лет.

Йи Ти огромна, и многие ее области покрыты лесами и джунглями, но путешествовать по ней можно быстро и безопасно: сеть мощеных дорог, построенных Евнухами, может сравниться лишь с драконьими дорогами Валирии.

Ни в одной другой стране нет такого числа городов, и ни один город Запада, по словам Ломаса Странника, не может с ними соперничать. «Даже

БОГИ-ИМПЕРАТОРЫ ЙИ ТИ

Перечисление даже самых важных событий столь долгой истории заняло бы слишком много места на этих страницах, но нельзя не упомянуть о наиболее знаменитых богах-императорах.

ХАР ЛОЙ, первый из серой династии.
Троном ему служило седло, ибо он воевал, почти не сходя с коня.

ЧОК ЧОК, горбун, пятнадцатый и последний из синих.
От ста жен и тысячи наложниц имел несметное число дочерей и ни единого сына.

МЕНГО КУЭН, Сияющий Бог, третий из нефритовых императоров. Дворец его был покрыт изнутри листовым золотом, а вся мебель, даже ночные горшки, была из чистого золота.

ЛО ТХО УЖАСНЫЙ, Длинная Ложка. Двадцать второй алый император, известный чародей. Его врагам заживо отпиливали макушки, и он вкушал их мозги ложкой с длинным жемчужным черенком.

ЛО ДОК ПОЛОУМНЫЙ, тридцать четвертый из алых. Хворый с детства, он едва мог ходить, дергался и пускал слюни, но правил мудро более тридцати лет.

(По мнению многих, правила вместо него жена, грозная императрица Бати Ма Ло.)

ДЕВЯТЬ ЕВНУХОВ, жемчужные императоры, подарившие Йи Ти 130 лет мира и благоденствия. В принцах они имели жен, наложниц и потомство от них, но при восшествии на престол добровольно подвергались кастрации, чтобы целиком посвятить себя государству.

ДЖАР ХАР и сыновья его Джар Джок и Джар Хан; шестой, седьмой и восьмой из бирюзовой династии, при которых империя достигла вершин своего могущества.

Джар Хар завоевал Ленг, Джар Джок — Великий Морак, Джар Хан обложил данью Кварт, Старый Гис, Асшай и другие дальние страны; он же положил начало торговле с Валирией.

ШАЙ ДУК, четвертый из желтых. Взял в жены знатную валирийку и держал при дворе дракона.

их руины во всем превосходят наши», — говорит он, а руин в Йи Ти много. Коллокий Лотар в своем «Яшмовом ларце», наилучшем повествовании о странах Яшмового моря, пишет, что на каждый ныне здравствующий йитийский город приходится три разрушенных.

Столица Золотой Империи из-за войн и смены династий веками перемещалась туда-сюда. Престол серых, синих и жемчужных императоров находился в Йине на берегу Яшмового моря, первейшем и самом славном из городов империи. Алые императоры построили в джунглях новый город и нарекли его Си Куо Блистательным (он давно покинут, зарос травой и ничем не блещет). Пурпурные предпочли многобашенный Тики в западных холмах. Малиновые учредили столицу в Джинки, чтобы отражать вторжения из Края Теней.

Ныне Йин вновь стал столицей Йи Ти, где во дворце больше всей Королевской Гавани правит семнадцатый лазурный император Бо Гай. При этом далеко на востоке, за рубежами империи и легендар-

Рассказ о Йи Ти был бы неполон без Пяти Крепостей, поставленных вдоль северо-восточной границы империи между Кровоточивым морем (названным так из-за цвета своих вод, порождаемого скорее всего особого вида водорослью) и Заревыми горами. Крепости эти очень древние, древнее самой империи; Жемчужный Император новорожденной Йи Ти будто бы возвел их для защиты Льва Ночи и его демонов. В этих громадах и вправду чувствуется то ли божественное, то ли демоническое начало: каждая может вместить десять тысяч человек, а высота их стен равна тысяче футов.

О землях за Пятью Крепостями мы знаем лишь из легенд и уст путешественников. Оттуда приходят слухи о людях, парящих подобно орлам, о городах, построенных из костей, о бескровном племени, живущем между глубокой Сухой Расселиной и горами. Рассказывают о плотоядных песках Серой Пустыни и о живущих там шриках, полулюдях с зеленой чешуей и ядовитыми зубами. Вправду ли они люди-ящеры или, что вероятнее, одеваются в шкуры яще-

Некоторые западные ученые предполагают, что построить Пять Крепостей помогли валирийцы, ибо оплавленный камень стен напоминает о валирийских сооружениях, но это вряд ли возможно: крепости гораздо старше Республики, и нет свидетельств о том, что драконьи владыки бывали так далеко на востоке.

Пять Крепостей и поныне остаются загадкой. Время не властно над ними, и они надежно хранят границы империи от всяких вторжений из Серой Пустыни.

ными Заревыми горами, в городе Каркоза на Потанном море живет чародей-изгнанник, объявляющий себя шестьдесят девятым императором желтой династии, павшей тысячу лет назад. Не столь давно военачальник Пол Куо, Молот Джогос Нхая, также провозгласил себя первым оранжевым императором, а невзрачный Торговый город сделал своей столицей. О том, кто из них победит, пусть расскажут историки грядущих времен.

Или это просто-напросто сказки, снарки и граммины восточных пустынь? Но даже шрики будто бы боятся Кдата, города старше самого времени, где совершаются немыслимые обряды для умиротворения безумных богов. Существует ли этот город на самом деле и если да, то что он такое?

Даже Ломас Странник молчит об этом, а йитийские жрецы если что и знают, то не делятся своим знанием с нами.

РАВНИНЫ ДЖОГОС НХАЯ

В местности, что простирается от северной границы Йи Ти до берегов Студеного моря, властвует племя конных воинов, именующих себя Джогос Нхай. Они, как и дотракийцы, кочевники; сей воинственный гордый народ проводит жизнь в юртах, шатрах и седлах, свободу ценит превыше всего и не остается подолгу на одном месте.

Однако восточные кочевники во многом и отличны от западных. Они ниже ростом, чем дотракийцы, и не столь красивы на взгляд жителя Запада: ноги у них кривые, головы большие, лица маленькие, кожа желтая. И у мужчин, и у женщин остроконечные черепа, ибо младенцам до двух лет их туго бинтуют. Дотракийские воины гордятся своими косами; нхай бреют головы, оставляя лишь одну длинную прядь посредине, а нхайки ходят совсем без волос и с нижних своих частей волосы тоже будто бы удаляют.

Кони Джогос Нхая тоже мельче дотракийских, поскольку равнины к востоку от Костей суше дотракийского моря и травы там далеко не такие обильные. Восточные всадники ездят также на зорсах, полученных путем скрещивания лошадей с дикими копытными животными из южных областей Йи Ти и с острова Ленг. Злобные, с черно-белыми полосатыми шкурами, зорсы известны своей выносливостью, могут много лун жить на одной дьявольской траве и преодолевать огромные расстояния без воды и корма.

Дотракийцы живут большими кхаласарами, нхай небольшими родовыми кочевьями. Каждое из них возглавляют военачальник-джат и Лунная Певунья — жрица, судья и целительница. Он решает военные дела рода, она же занимается всем остальным.

Дотракийские кхалы воюют между собой повсюду, кроме священного города Вейес Дотрак;

боги Джогос Нхая запрещают проливать кровь соплеменников где бы то ни было. Юноши порой угоняют коз, собак и зорс из чужих кочевий, а девушки воруют себе женихов, но к этому боги снисходительны, лишь бы дело обходилось без кровопролития.

При этом нхай живут в состоянии непрерывной войны со всеми соседними племенами. Из-за их набегов от Нгая, что к северо-востоку от них, остался один-единственный город Нефер. Легенда гласит, что нхай во главе с Гхаракон Узкоглазым (он был джаттар, то есть джат всего племени) перебили последних джогвинов, каменных великанов, в битве у Воющих холмов.

До Великой Суши и появления Великого Песчаного моря нхай воевали еще и с Хиркуном. Они отравляли реки и колодцы, жгли города и угоняли тысячи людей в рабство, а хиркуны в свой черед тысячами приносили их в жертву своим голодным богам. Вражда между кочевниками и воительницами Костяных гор продолжается по сей день. Джаттары не раз водили войска по Стальной дороге и уходили из-под Каякаяна ни с чем, но Лунные Певцы пророчат, что когда-нибудь Джогос Нхай прорвется через горы и займет богатые земли на той стороне.

Даже могучая империя Йи Ти часто страдает от Джогос Нхая. Взятые в набегах золотом и самоцветами нхай украшают Лунных Певцов и джаттов, пригнанные оттуда рабы служат им и пасут их стада. За два последних тысячелетия кочевники обратили в развалины десяток больших городов Йи Ти, сотню мелких, деревням же и пашням вовсе числа нет.

Многие имперские полководцы и три бога-императора предпринимали походы, чтобы покарать

Джаты обычно мужчины, а их сопровителы женщины, но бывает и наоборот. Чужестранцы не всегда это замечают, ибо девушка, становясь джатом, одевается по-мужски, а Лунный Певец носит женское платье.

нхаев, но такие попытки редко бывали успешными. Йитийцы резали стада, жгли юрты, брали со встречных кочевий дань золотом, товарами и рабами. Несколько джатов принудили даже присягнуть богу-императору и взяли с них клятву более набегов не совершать, но в большинстве своем нхаи бежали от врага, не вступая с ним в бой. Полководцу или императору это вскоре надоедало, и он поворачивал назад, а на равнинах продолжали жить, как и прежде.

При Ло Хане, сорок втором алом императоре, произошло три таких похода, но в конце его долгого царствования нхаи обнаглели вконец и участвовали в своих набегах. Сын его, молодой и отважный император Ло Бу, решил покончить с ними раз навсегда. С трехсоттысячным войском он пересек границы империи с тем, чтобы не брать ни дани, ни пленных, не вести переговоров о мире, а единственно убивать. Йитийцы шли по равнине, как грозный вал, оставляя за собой выжженную пустыню.

Видя, что нхаи, как это у них заведено, не желают сражаться, Ло Бу разбил свое огромное войско на тринадцать частей и разослал их выслеживать и убивать кочевников. Так йитийцы, согласно летописи, перебили в Джогос Нхае миллион человек.

Джогосийцы, поняв, что им грозит полное истребление, сделали нечто невиданное дотоле: со-

брались и выбрали себе джаттара, женщину в мужской кольчуге по имени Зея. Зею-Зорсу, Бесплодную, Жестокую, уже тогда знаменитую своей хитростью, помнят в Йи Ти по сей день, и матери пугают ею непослушных детей.

Доблестью и воинским мастерством Ло Бу не уступал никому, но хитростью с Зеей не мог соперничать. Война между молодым императором и умудренным годами джаттаром длилась меньше двух лет. Каждому из тринадцати йитийских отрядов Зея отказывала в воде и пище, посылала убивать их разведчиков, заманивала их в западни и истребляла поочередно. В конце концов нхаи напали ночью на отряд самого Ло Бу и учинили такую резню, что все ручьи на двадцать лиг покраснели от крови.

Среди убитых был сам Ло Бу, сорок третий и последний из алой династии. Когда Зее принесли его голову, она приказала очистить череп, покрыть его золотом и сделать из него чашу. С тех пор каждый джаттар Джогос Нхая пьет хмельной зорс из черепа Дерзкого Мальчишки, как здесь прозвали Ло Бу.

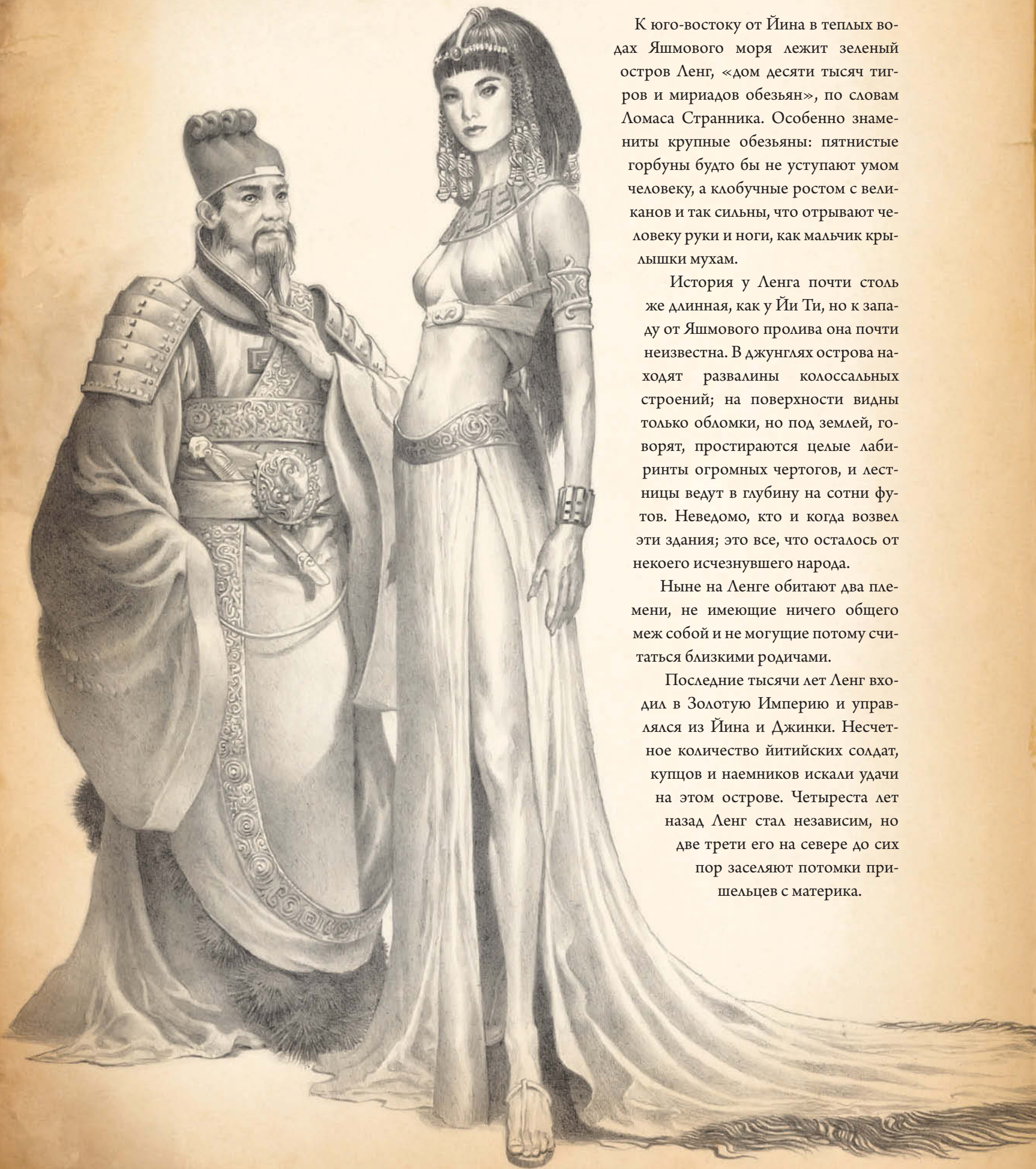
ЛЕНГ

К юго-востоку от Йина в теплых водах Яшмового моря лежит зеленый остров Ленг, «дом десяти тысяч тигров и мириад обезьян», по словам Ломаса Странника. Особенно знамениты крупные обезьяны: пятнистые горбуны будто бы не уступают умом человеку, а клобучные ростом с великанов и так сильны, что отрывают человеку руки и ноги, как мальчик крылышки мухам.

История у Ленга почти столь же длинная, как у Йи Ти, но к западу от Яшмового пролива она почти неизвестна. В джунглях острова находят развалины колоссальных строений; на поверхности видны только обломки, но под землей, говорят, простираются целые лабиринты огромных чертогов, и лестницы ведут в глубину на сотни футов. Неведомо, кто и когда возвел эти здания; это все, что осталось от некоего исчезнувшего народа.

Ныне на Ленге обитают два племени, не имеющие ничего общего меж собой и не могущие потому считаться близкими родичами.

Последние тысячи лет Ленг входил в Золотую Империю и управлялся из Йина и Джинки. Несчетное количество йитийских солдат, купцов и наемников искали удачи на этом острове. Четыреста лет назад Ленг стал независим, но две трети его на севере до сих пор заселяют потомки пришельцев с материка.

ДРУГИЕ ОСТРОВА ЯШМОВОГО МОРЯ, ОПИСАННЫЕ КОРЛИСОМ ВЕЛАРИОНОМ:

СЛОНОВИЙ, где правит хан во дворце
из слоновой кости.

МАРАХАИ, райский остров. Две
огнедышащие горы по бокам от него день
и ночь изрыгают расплавленный камень.

КНУТ, мрачный и бесплодный остров,
где работоторговцы из полудюжины различных
земель продают, покупают, держат взаперти
и укрощают рабов, перед тем как отправить
их новым хозяевам.

Для постороннего они неотличимы от прочих йитийцев: говорят на диалекте имперского языка, молятся тем же богам, едят те же блюда, придерживаются тех же обычаев и даже воздают должное лазурному императору в Йине... но повинуются лишь собственной богине-императрице. Их главные города, Ленг-Йи и Ленг-Ма, куда больше напоминают Йин и Джинки, чем Туррани, город на юге острова.

Южная треть Ленга населена его коренными жителями. Это самое высокое племя на свете: рост многих мужчин достигает семи футов, а порой и восьми. Ленгцы стройны, длинноноги, кожа у них цвета тикового дерева, глаза большие и золотистые. Видят они лучше и дальше других людей, особенно ночью. Женщины Ленга, несмотря на столь же высокий рост, славятся своей красотой и гибкостью.

В старину Ленг был окутан тайной, ибо жители его редко уплывали от родных берегов, а чужих, случайно приставших к острову, встречали весьма не приветливо. Ленг не признавал чужих богов, чужих товаров, чужой кухни, одежды, обычаев. Пришельцам не разрешалось добывать золото, собирать

плоды и рыбачить в море; нарушителей ожидала скорая смерть. Ленг слыл обителью колдунов и демонов, и моряки избегали его на протяжении многих веков.

Йитийцы в конце концов завязали торговлю с Ленгом, но и тогда он оставался опасным местом. Императрица Ленга держала совет с богами, жившими в древних городах под землей, и те время от времени повелевали ей предать смерти всех чужестранцев на острове. Такое, как пишет Коллоквиус Лотар в «Яшмовом ларце», бывало по меньшей мере четыре раза.

Джар Хар, шестой бирюзовый император, положил этому конец, покорив Ленг огнем и мечом и сделав частью своей империи.

Освободившись от ига Йи Ти, Ленг процветает под властью длинного рода богинь-императриц. Первая из династии, до сих пор почитаемая Киара Великая, была чистокровной ленгийкой, но ради умиротворения всех своих подданных взяла себе двух мужей, ленгца и йитийца. Дочери ее, внучки и правнучки продолжили эту традицию; первый консорт по обычаю командует армией, второй флотом.

Древние боги, по преданию, все еще живут в джунглях Ленга. Воины, посланные Джар Харом под землю, либо теряли разум либо не возвращались совсем; в конце концов император приказал запечатать подземные города наглухо и предать их забвению. Туда запрещено входить до сих пор под страхом мучительной смерти.

АСШАЙ У КРАЯ ТЕНЕЙ

Вот мы и добрались до самого края света или, по крайней мере, до конца наших познаний.

Крайний восточный и крайний южный город известного мира, сей древний порт стоит на косе у Шафранового пролива. Происхождение его скрыто туманами времени. Даже сами асшайцы не знают, кто построил их город, но говорят, что он стоял здесь от начала времен и будет стоять до конца их.

Рассказывают, что Асшай очень грозен на вид, ибо его дома, хижины, храмы, дворцы, базары и крепостные стены построены целиком из черного камня. Он маслянист, неприятен на ощупь и поглощает

и провизию, ибо близ Асшай растет только призрак-трава, стеклянистая и несъедобная. Без привозимых из-за моря съестных припасов Асшай вымер бы с голоду.

Корабли везут также бочки с пресной водой. Асшайская вода отливает черным при свете дня, а ночью светится зеленым огнем; вся рыба в реке слепая и до того уродлива, что только глупцы и заклинатели теней могут есть ее.

Зерно, овощи и плоды нужны всюду, и не все понимают, зачем моряки везут на край света то, что можно продать куда ближе к дому. Ответ прост: из-

Архимейстер Марвин подтверждает, что никто в Асшае, будь то воин, купец или принц, не ездит верхом. Здесь нет ни лошадей, ни слонов, ни мулов, ни ослов, ни зорс, ни собак. Если этих животных привозят сюда морем, они умирают. Асшайская вода, как верно замечает Хармон в «Миазмах», отравлена, и животные, даже и не пивши ее, гибнут от одних испарений. Септон Барт, говоря о том же, предполагает темную магию, но доказательств никаких не приводит.

свет дня, очагов, факелов и свечей. Ночи в Асшае черным-черны, и даже самые ясные летние дни кажутся серыми и ненастными.

Город раскинулся на многие лиги по обоим берегам реки Асш. За его громадными стенами могут уместиться разом Волантис, Кварт, Королевская Гавань, да еще и Старомест втиснется.

При всей громадности Асшай населения в нем не больше, чем в среднем рыночном городке. Ночью улицы пустеют, и лишь в одном доме из десяти горит свет. Даже среди бела дня здесь не увидишь толпы, не услышишь торговцев, выкликающих свой товар, или судачащих женщин. Прохожие носят маски, закутаны в покрывала, и вид у них боязливый. Ходят горожане поодиночке или ездят на спинах рабов в паланкинах из чугуна и черного дерева, задернув их темные занавеси. Детей в Асшае нет вовсе.

Вопреки всему этому он на протяжении веков был процветающим портом, куда сходились корабли со всех сторон света. Почти все они везут вино

за золота. Еды в Асшае нет, но золота и самоцветов хоть отбавляй... хотя многие скажут, что золото Края Теней столь же вредоносно, как и все, что здесь произрастает.

Корабли, однако, продолжают приходить сюда за золотом, дорогими камнями и другими сокровищами; о последних говорят только шепотом, и найти их можно лишь на черных базарах Асшай.

Сей темный город насквозь пропитан магией. В Асшае приветчают всех: чародеев, алхимиков, Лунных Певцов, красных жрецов, некромантов, аэромантов и пиромантов, кровавых магов, палачей, отравителей, оборотней, поклонников Черного Козла, Бледного Отрока и Льва Ночи. Здесь они могут без всяких препон творить свои чары, вершить непристойные обряды и совокупаться с демонами, будь на то их воля.

Самые зловещие из магов Асшай — это заклинатели теней, прячущие лица за лакированными масками от глаз богов и людей. Лишь они смеют подни-

маться вверх по реке за стены Асшая, в самое сердце тьмы.

На своем пути от Заревых гор к морю Асш с ревом несется по ущелью столь узкому, что в нем всегда царит мрак кроме тех нескольких мгновений, когда солнце стоит в зените. В пещерах по его сторонам обитают драконы, демоны и еще более страшные существа. Чем дальше от города, тем страшнее чудовища, а в самом конце пути стоят врата Стигая, города мертвых, куда даже заклинатели теней боятся ступить.

Кто знает, есть ли хоть доля истины в этих сказках, что привозят с края земли певцы, мореходы и всякого рода маги. Ломас Странник и Морской Змей не добрались до Асшая, а побывавшие там вестеросцы больше не вернулись назад.

Асшай, Край Теней и земли за ними остаются закрытой книгой как для мудрецов, так и для королей. Не все еще видано, не все узно. Мир огромен, и есть под звездами многое, что не снилось даже архимейстерам Цитадели.

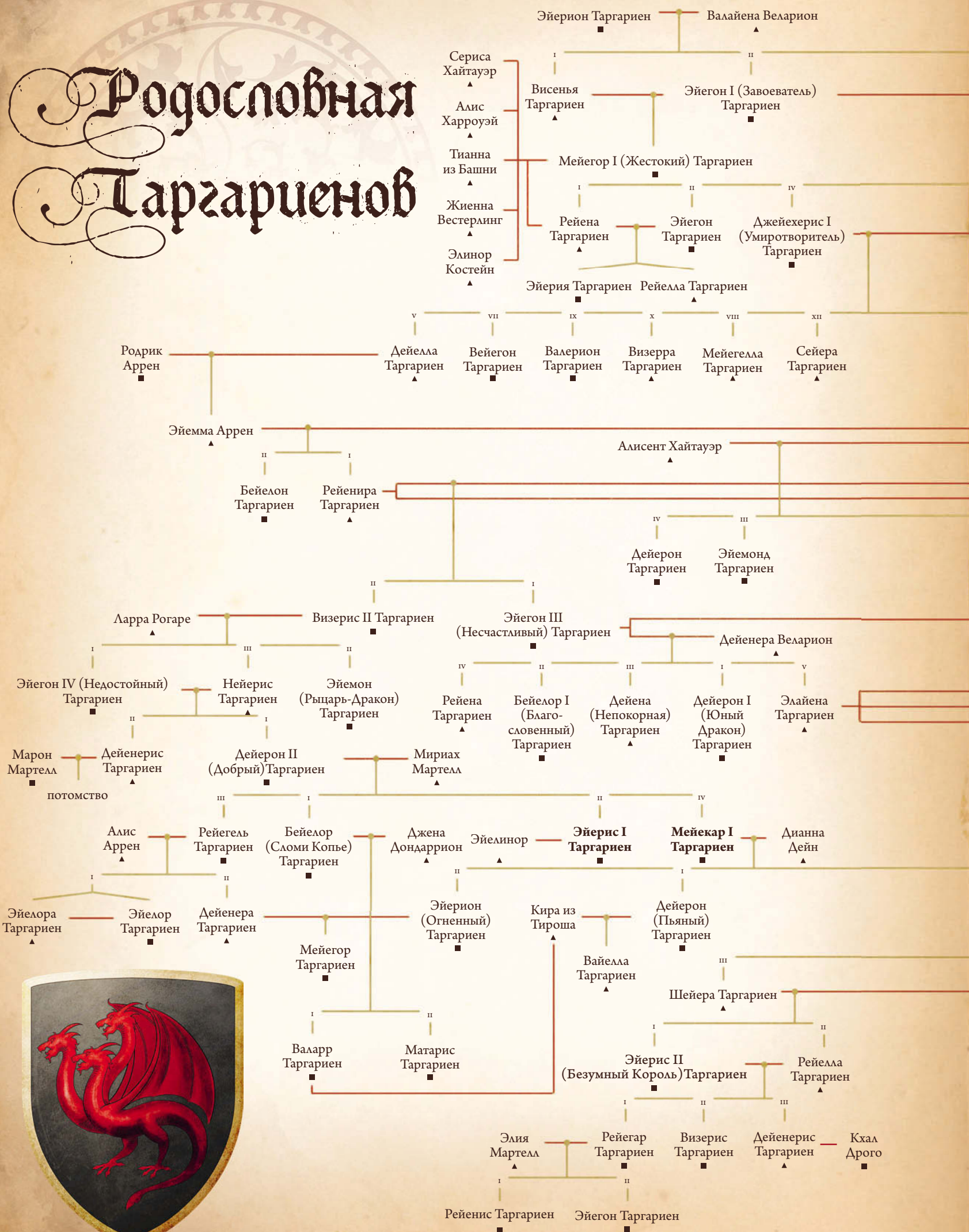

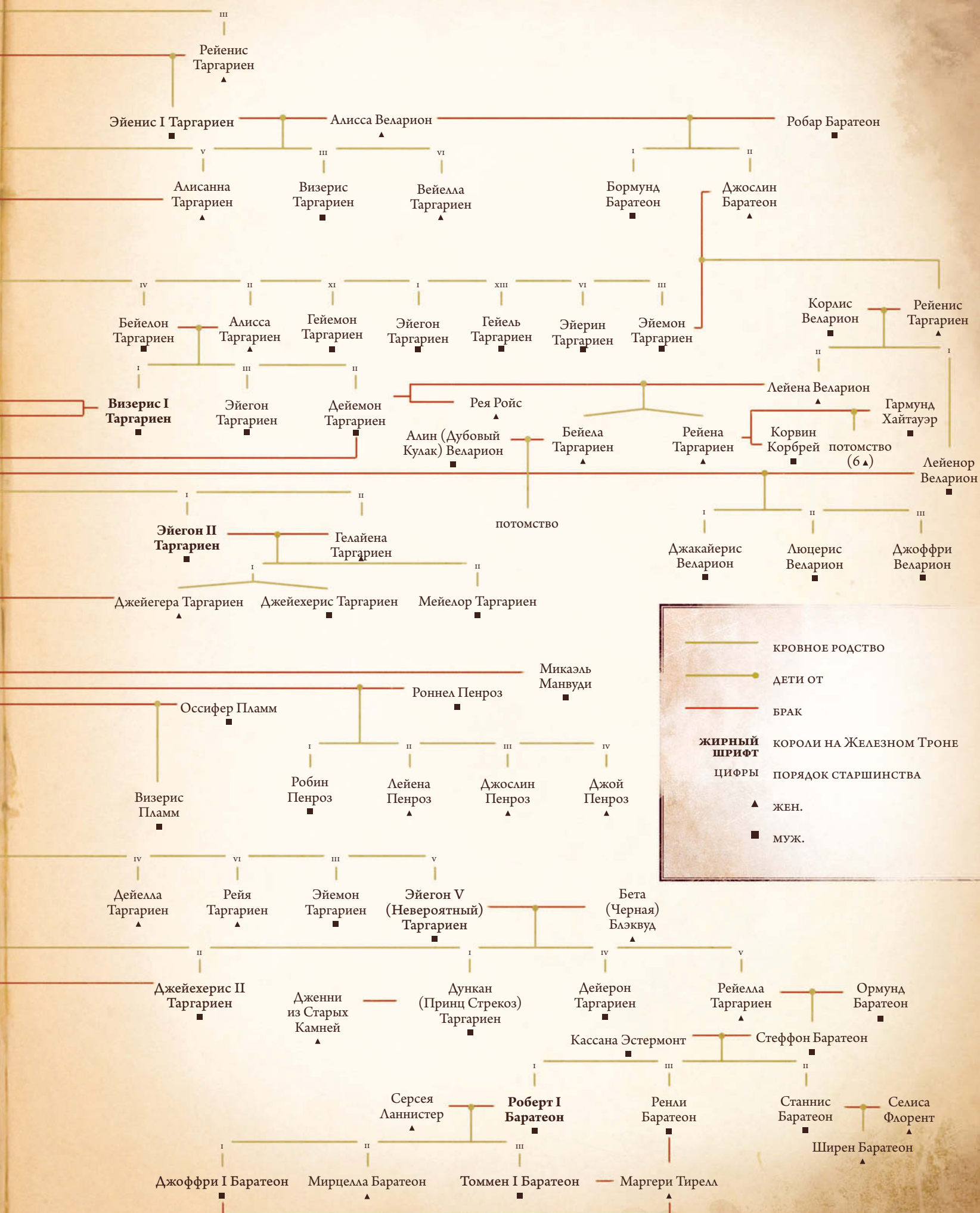
Послесловие

За те годы, что я писал эту книгу, многое изменилось и в Вестеросе, и за его пределами. Пойми, читатель: такой труд создается не за несколько недель и даже не за несколько лет. Историческую его часть я завершил мирными годами правления доброго короля Роберта, намереваясь посвятить ему и детям его сию повесть о землях, доставшихся им в наследство.

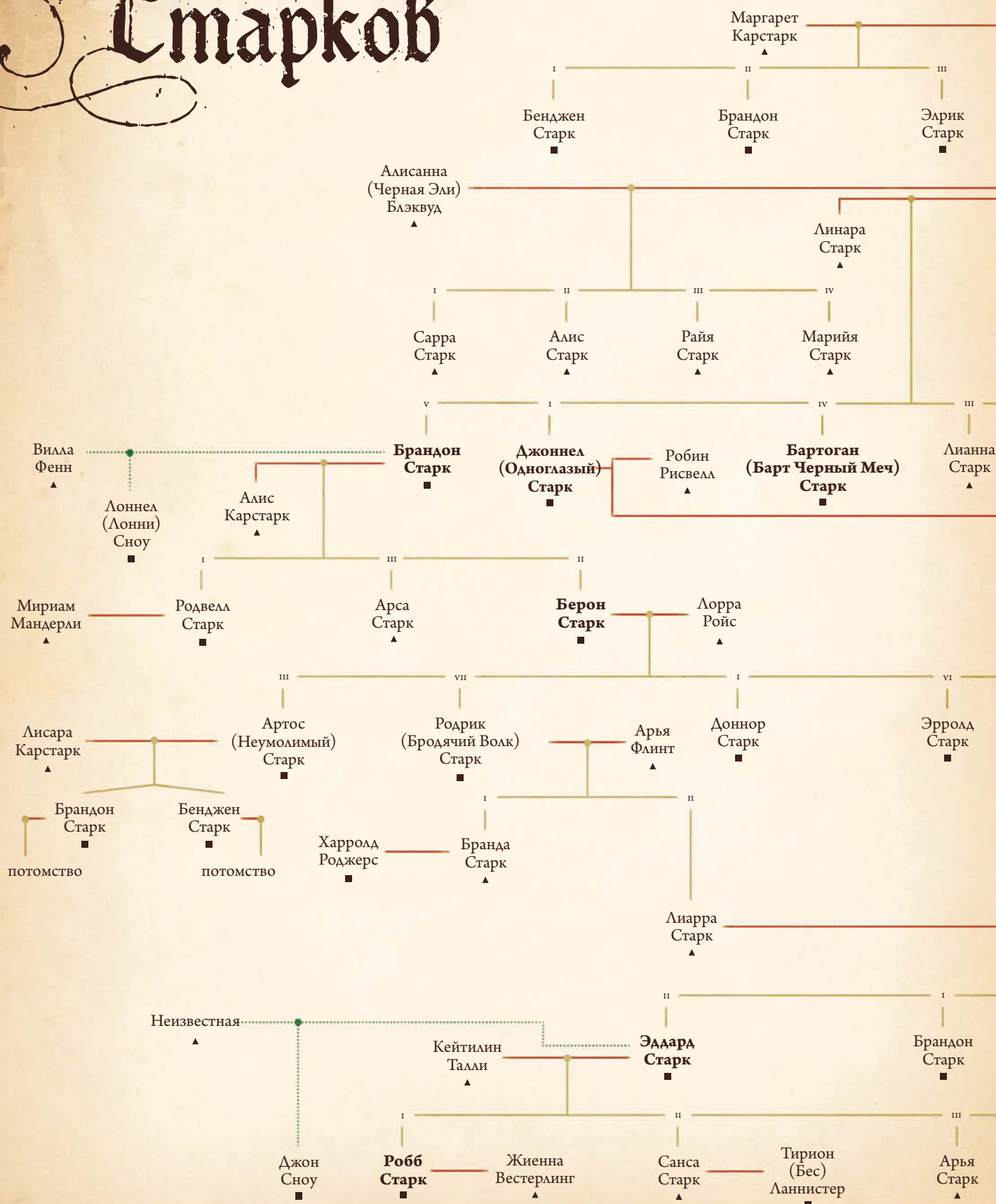
Но судьба распорядилась иначе. Смерть достойнейшего из десниц Джона Аррена повлекла за собой безумный клубок измен и насилия. Безумие это лишило нашу страну и Роберта, и Джоффри, сына его и наследника. Будем же молиться, чтобы добрый король Томмен, царствуя долго и справедливо, вновь вывел нас из тьмы к свету.

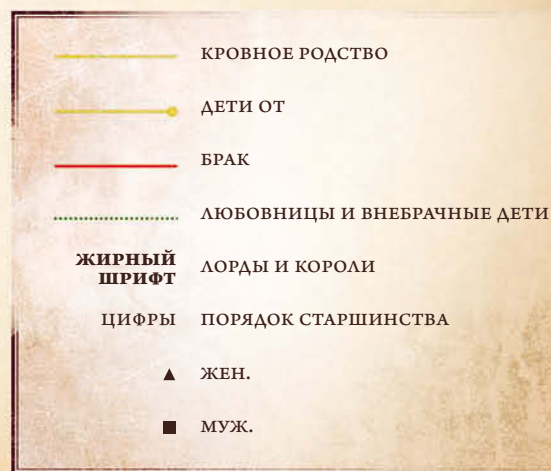
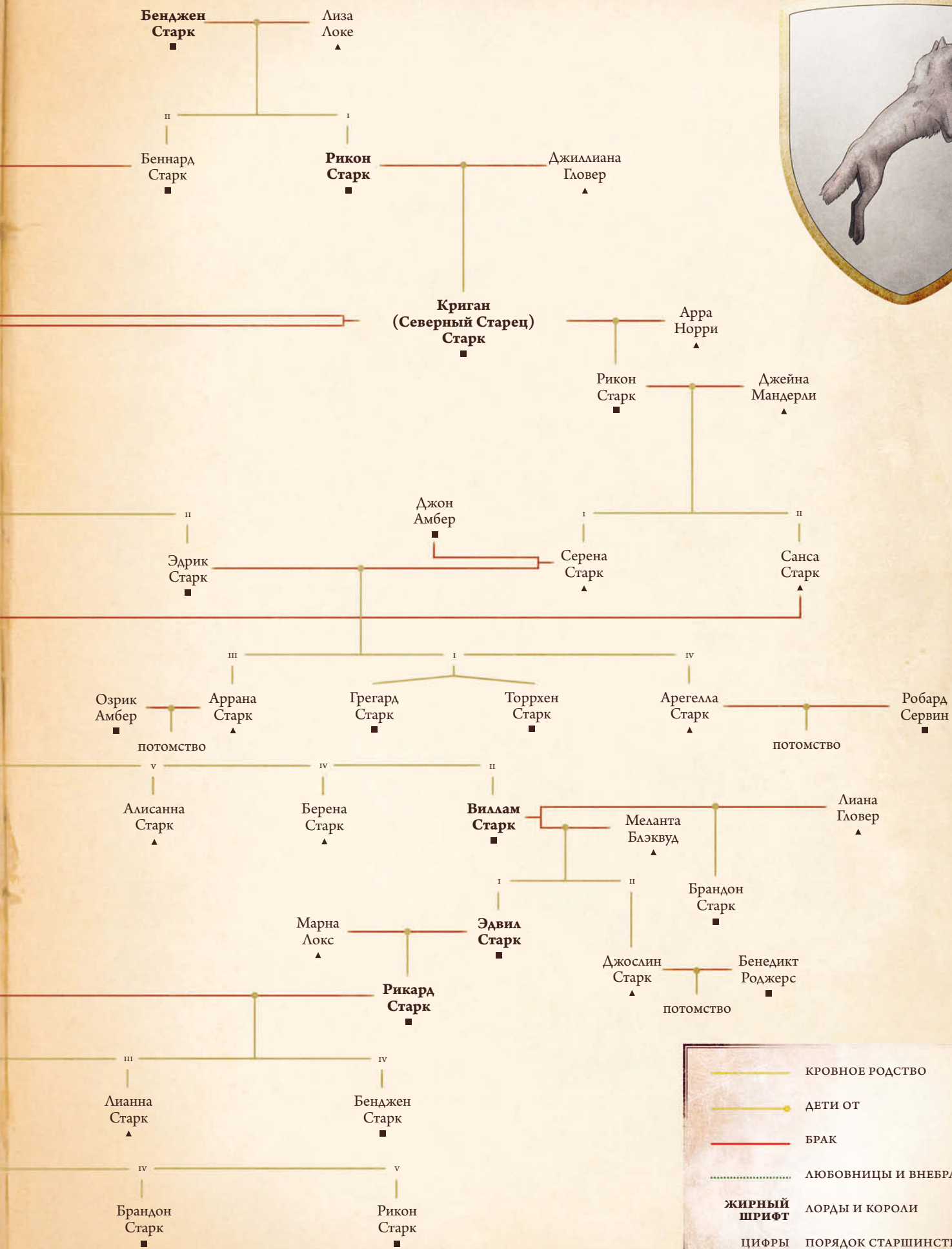
Родословная Таргариенов

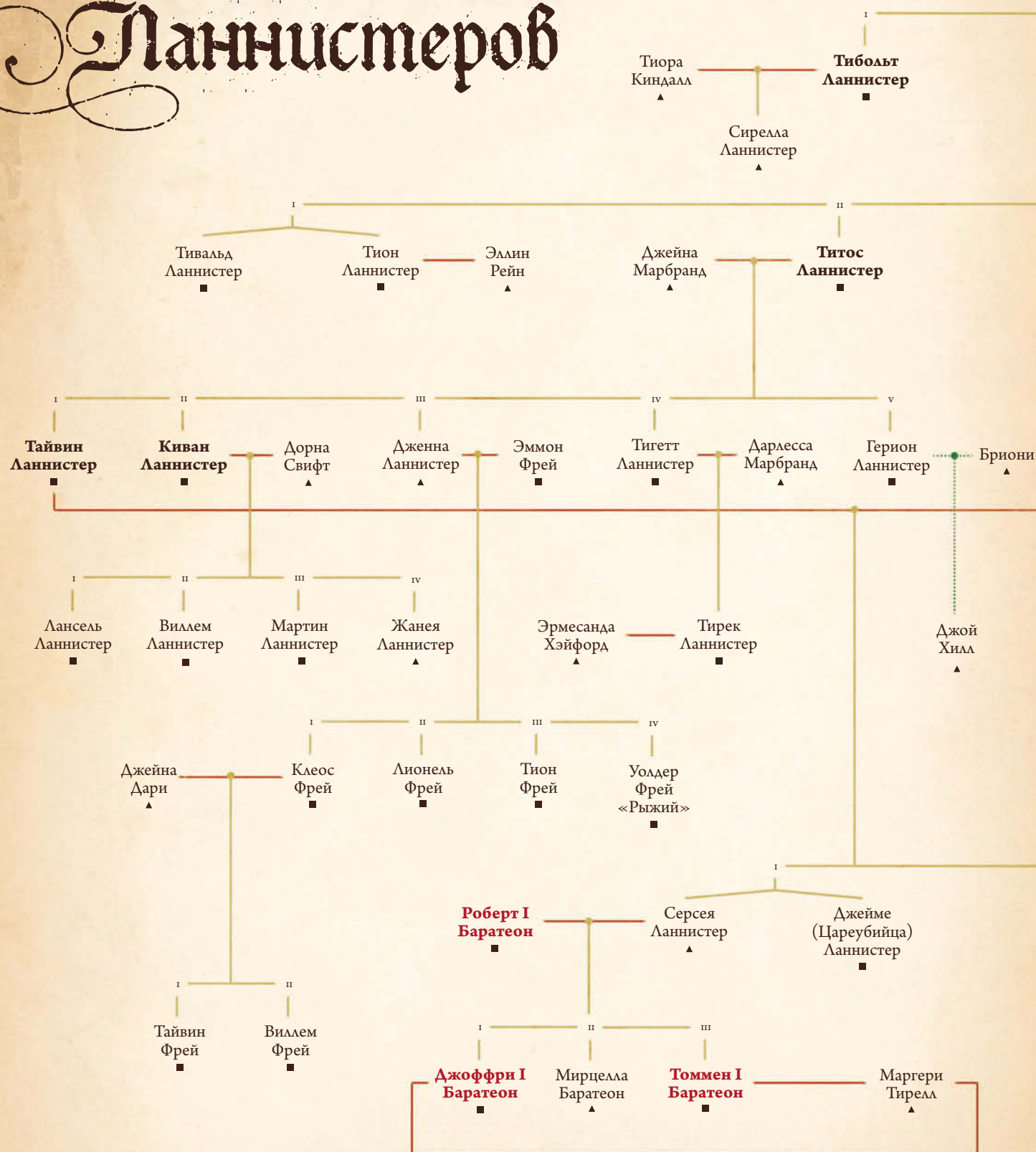

Родословная Старков

Родословная Ланнистеров

Дамон
(Седой Лев)
Ланнистер

Серисса
Бракс

Герольд
(Златоносный)
Ланнистер

Алисанна
Фармен

Роанна
Вебер

Ясон
Ланнистер

Марла
Престер

Алис
Стаксир

Служанка

Джоанна
Ланнистер

Стаффорд
Ланнистер

Миранда
Леффорд

потомство
(2 ■, 2 ▲)

Дамон
Ланнистер

Элла
Ланнистер

Линора
Хилл

Давен
Ланнистер

Серенна
Ланнистер

Мириэль
Ланнистер

Шира
Кракехолл

Дамион
Ланнистер

Люцион
Ланнистер

Ланна
Ланнистер

Антарио
Джаст

Тирион
(Бес)
Ланнистер

Санса
Старк

- КРОВНОЕ РОДСТВО
- ДЕТИ ОТ
- БРАК
- ЛЮБОВНИЦЫ И ВНЕБРАЧНЫЕ ДЕТИ
- ЖИРНЫЙ ШРИФТ** ЛОРДЫ И КОРОЛИ
- ЖИРНЫЙ ШРИФТ** КОРОЛИ НА ЖЕЛЕЗНОМ ТРОНЕ
- ЦИФРЫ ПОРЯДОК СТАРШИНСТВА
- ▲ ЖЕН.
- МУЖ.

РЕЧНЫЕ ЗЕМЛИ

ШТОРМОВЫЕ ЗЕМЛИ

Правление Таргариенов

283 ОЗ — РОБЕРТ I
298 ОЗ — ДЖОФФРИ I
299 ОЗ — ТОММЕН I
НАСТОЯЩЕЕ

Правление Баратеонов

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

РЕНЕ АЙГНЕР: стр. 193, 306, 317

РАЙАН БАРЖЕР (Fantasy Flight): стр. 46

АРТУР БОЗОННЕТ (Studio Hive): стр. 16, 26, 27, 31, 88, 97, 98, 114, 133, 147, 184, 234, 268, 282, 284, 290

ХОЗЕ ДАНИЭЛЬ КАБРЕРА ПЕНЬЯ: стр. 93, 111, 120, 156–157, 247

ДЖЕННИФЕР СОЛ КЭЙ (Velvet Engine): титул, стр. 8, 59, 86, 96, 104, 145, 164, 177, 195, 207, 225, 235, 248

ТОМАС ДЕНМАРК (Fantasy Flight): стр. 144

ДЖЕННИФЕР ДРАММОНД: стр. 32, 122

ХОРДИ ГОНСАЛЕС ЭСКАМИЛЬЯ: стр. 2, 3, 18, 36–37, 62, 84–85, 186, 233, 240, 262–263, 270–271, 278, 309

МАЙКЛ ГЕЛЛАТЛИ: стр. 12, 142, 158, 170, 182, 202, 214, 228, 242

ТОМАС ЙЕДРУЖЕК (Fantasy Flight): стр. 189, 196–197, 238–239, 256, 301

МАЙКЛ КОМАРК: стр. 56, 66, 124 (Fantasy Flight), 126, 165, 251, 255

ДЖОН МАККЕМБРИДЖ: стр. 45, 172–173, 221, 266, 292

МОГРИ (Velvet Engine): титул, стр. 8, 145, 177, 235, 248

ТЕД НЕСМИТ: стр. 5, 24, 38, 58, 138, 140–141, 150, 152, 166, 169, 180, 200, 213, 223, 227, 257

КАРЛА ОРТИЗ: стр. 74, 95, 115, 135, 249

РАХЕДИ ЮДХА ПРАДИТО (Velvet Engine): стр. 59, 86, 96, 104

ДХИАН ПРАСЕТИА: стр. 93, 111, 120, 156–157, 247

ПАОЛО ПУДЖИОНИ: стр. 87, 130–131, 181, 230–231, 280–281, 298–299

ДЖОНАТАН РОБЕРТС: стр. 154, 283, 285, 292, 302–303

ТОМАС СИАГИАН (Velvet Engine): титул, стр. 8, 164, 195, 207

МАРК СИМОНЕТТИ: стр. 19, 22, 35, 43, 54–55, 64–65, 69, 70–71, 75, 100 (Fantasy Flight), 105, 110, 112–113, 118, 129, 163, 191, 274, 287, 289, 312–313

ЧЕЙЗ СТОУН: стр. 10–11, 28–29, 50–51, 76–77, 82, 237, 253

ФИЛИП СТРАУБ: форзац, стр. 258–259

ДЖАСТИН СВИТ: стр. 94, 318, нахзац

НАТЧАПОЛ СИТИНАНСАКОРН (Studio Hive): стр. 205, 220, 244, 260, 294

МАГАЛИ ВИЛЬНЕВ: стр. 17, 20, 40, 52, 60, 67, 72, 78, 90, 97, 103, 106–107, 108, 136, 161, 167, 168, 208, 210, 218, 269, 272, 273

ДУГЛАС УИТЛИ: стр. 6, 7, 14, 15, 42, 48, 80, 89, 148, 155, 216, 277, 314

НАХЗАЦ | Рейегар Таргариен и лорд Роберт Баратеон встречаются у Красного Замка в Битве на Трезубце

НИКЕМ ПРЕЖДЕ НЕ ВИДАННАЯ ИСТОРИЯ ВЕСТЕРОСА И ОКРУЖАЮЩИХ ЕГО ЗЕМЕЛЬ

СОТНИ СТРАНИЦ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ
ОТ ДЖОРДЖА Р.Р. МАРТИНА

Если считать события прошлого прологом, то грандиозная работа Джорджа Мартина – самая занимательная и детально проработанная фэнтези-сага нашего времени – требует хоть какого-то подобия этого пролога. И наконец мы его получили.

МИР ЛЬДА И ПЛАМЕНИ. Этот щедро иллюстрированный том, украшенный более чем 170 оригинальными художественными изображениями, – всесторонняя история Семи Королевств, обеспечивающая ярко выстроенные сцены эпических битв, горького соперничества и дерзких восстаний, что привели к событиям *Песни Льда и Пламени* и «Игре Престолов» телеканала НВО. В течение многих лет сотрудничая с Элио Гарсией-младшим и Линдой Антонссон, основателями известного фанатского сайта Westeros.org, Джордж Мартин объединил усилия с людьми, которые знали этот мир так же хорошо, как его создатель.

Здесь собраны все накопленные знания, научные выкладки и унаследованные предания мастеров и септонов, певцов и сказителей. Это хроника, простирающаяся от Рассветных Веков до Века Героев, от пришествия Первых Людей до прибытия Эйгона Завоевателя, от его воцарения на Железном Троне до восстания Роберта и падения Безумного Короля, Эйериса II Таргариена, – события, находящиеся в тесной связи с нынешним противостоянием Старков, Ланнистеров, Баратеонов и Таргариенов. Окончательный недостающий кусок ослепительной вселенной Мартина, *Мир Льда и Пламени* служит убедительным доказательством того, что перо сильнее бури мечей.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-087559-7

9 785170 875597